Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРЕКЕ.

■ ■ ■ ■

СБОРНИК СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИЙ и МАТЕРИАЛОВ.

№ 1.

ПЯТИГОРСК.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРЕКЕ.

СБОРНИК СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИИ и МАТЕРИАЛОВ.

№ 1.

ИЗДАНИЕ ТЕРГУБКОМА РКП (б).

ПЯТИГОРСК.
1924 г.

ПЯТИГОРСК.
1-я ГОСТИПОГРАФИЯ.
1924 г.

Содержание:

Отдел первый.

Обзор истории революционного движения на Тереке.

Отдел второй.

Воспоминания, биографии, характеристики.

Отдел третий.

Материалы.

Портрет **Тов. Гикало** доблестного защитника Красного г. Грозного в 1918 года.

Командира славных красно-зеленных повстанческих отрядов в Чечне в 1919 г. и в начале 1920 г.

1

От редакционной коллегии.

Впервые за 6 лет существования Советской власти на Северном Кавказе и в частности на Тереке, агитпропом губкома Р. К. П. (б.) и бюро истпарта Терской губернии предпринимается попытка написать историю революционного движения на Тереке. До сих пор события военного характера, как это имело место в 20-м году или неотложные задачи на хозяйственно-производственном фронте в 21-м и 22-м году, совершенно не позволяли взяться за историю края. Поэтому сейчас приходится сталкиваться с таким печальным явлением, как отсутствие и исчезновение из архивов многих чрезвычайно ценных для истории революции документов и путаницу в воспоминаниях живых участников событий 18 и 19-го годов на Тереке.

Кроме того, расширяя задачи первого сборника по истории революции до об'ема, охватывающего зачатки революционного движения перед 1905-м годом и событиями 1905 года со всеми их последствиями, редакционная коллегия сборника естественно натолкнулась в материалах 1905 года на неполноту освещения, путаницу дат и фактов, чрезвычайно прерывистое и слабое освещение работы подпольных организаций и ячеек социал-демократической рабочей партии большевиков.

Поэтому редакционная коллегия, выпуская данный труд по истории революционного движения на Тереке, оговаривается в том, что этот сборник далеко не дает исчерпывающих материалов по революции на Тереке. Это скорее первая попытка записать историю, которая должна положить начало большой работе по тщательному собиранию архивных документов и выпуску ряда дополненных и расширенных сборников по этому-же вопросу.

Правда, изданию этого сборника предшествовала длительная предварительная работа по собиранию материалов. Но собирание материалов представляло большие трудности, особенно на первых порах. В водовороте революции и гражданской войны погибли или были заброшены в другие губернии почти все местные архивы, дела, комплекты газет. Те материалы, которые удалось извлечь из находившегося в хаотическом состоянии губархива были не систематизированы и в высшей степени неполны. Поэтому сюда включены только типичные, наиболее интересные из них и центр тяжести книги переносится на обзоры по годам—правда, несколько общего характера, но дающие в достаточной мере ясную картину всех основных событий и даже этапов революционного движения, которые имели место на Тереке в период с 1905 по 1920 годы.

Для составления обзора и систематизации материалов истпарта по годам, были мобилизованы и приглашены все литературные силы Пятигорска, которые собственно в момент работы собирали сами материалы и обрабатывали их должным образом. В этом их большая и главная заслуга по работе в сборнике.

Работа была распределена таким образом: статью «Наша партия за годы социалистической революции» дал секретарь Тергубкома тов. Котляр; обзор 1905 года с подбором к нему соответствующих документов и воспоминаний был поручен завтербюро истпарта т. Апухтину. Период затишья—с 1906 по 1917 г.г. и февральская революция, а также выпуск сборника—тов. Булгакову Вл.; 18 и 19 годы—

П. Кофанову; 20—23 г.г.—Н. Виноградову; военный обзор событий за весь период—т. Самсонову, обзор печати—П. Кофанову. Указанные товарищи, в течение 2-х недель, работая в тесном контакте с редакционной коллегией сделали все возможное, чтобы придать сборнику законченный выдержанный вид.

Не лишним будет отметить и то, при каких материальных затруднениях был издан этот первый труд по истории революции на Тереке. Не имея на его выпуск абсолютно ни гроша, агитпроп губкома вынужден был пустить предварительную подписку на него среди партийных товарищей, парт и профорганизаций и ячеек и только таким образом удалось в обстановке неимоверных материальных затруднений выпустить сборник.

Конечно, многим может показаться странным, для чего было так торопиться с изданием сборника, раз на это не было средств и главное отсутствовали многие очень важные документы и материалы. Но товарищи не должны забывать, что оттягивание работы нисколько-бы не прибавило ни средств ни материалов; тогда как выход в свет книги, хотя бы и схематично в некоторых своих отделах передающей революцию в Терской губернии,—заставит зашевелиться многих товарищей, пожелающих дополнить воспоминаниями пробелы издания; и вообще создаст прочное ядро истпарта, систематизированное и отшлифованное вокруг которого будут собираться и группироваться новые материалы. Кроме того нам кажется неподлежащим сомнению то обстоятельство, что если сейчас было так трудно начать, именно начать писать историю в виду утери многих архивов, то в будущем, если-бы эта работа была отложена, могли-бы растеряться и имеющиеся материалы, а участники событий не могли-бы их воскресить в своей памяти даже в таком виде, в каком они даны сейчас.

Жизнь слишком много дает пищи для ума ежедневно, являясь по существу громадным практическим социологическим народным университетом, слушатели которого, рабочие и крестьяне, с большими усилиями усваивают лекции жизни. Поэтому фиксировать в памяти детально все происходящее и вспоминать факты прошедшей борьбы—им чрезвычайно трудно.

История Терека записывается безотлагательно сейчас еще и потому, что Терек всегда в области развития революционного движения играл очень большое значение. Вспомним хотя-бы такие случаи, когда отсюда казачьи полчища, тогда еще состоящие из свободолюбивых буйных казаков—устремлялись лавиной под командой Степана Разина и Емельяна Пугачева на царские карательные отряды, воевод и помещиков.

И не отсюда-ли, с другой стороны, зачиналось в 18-м году развитие той контр-революционной силы, которая, окрепнув в горах Кавказа за счет национальной и земельной распри между горцами и казаками с одной стороны и верхами казачества и казаче-крестьянской беднотой—с другой, отправлялась затем отсюда в поход на Москву под командой Шкуро, Деникина, Врангеля и др. белых генералов. Ясно, что изучить условия зарождения и картину развития той черной силы, которая потом в течение 4-х слишком лет потрясала основы мирного строительства Советской республики—чрезвычайно важно. И это призван проделать только Терек, в лице своего истпарта. И он это делает, выпуская данный труд и таким образом восполняя досадный, громадного значения, пробел, который до сих пор существовал во Всероссийской истории революционного значения.

Редакционная коллегия при этом сама определенно сознается в том, что не все отделы сборника представлены с достаточной и равномерной полнотой. Но это, как уже было указано, зависело исключител. от об'ективных обстоятельств и в будущем будет выравнена в ряде последующих работ. Во всяком случае период 18-й—21-й годы насыщен материалом в достаточной мере; а это уже очень важный плюс для сборника, так-как только с этого периода Терек фактически можно посчитать вступившим в русло организованной работы. 1905-й-же год, в противовес центральным губерниям и промышленным районам Республики—на Кавказе не играл особенной роли и прошел бледно и бесследно для будущих событий. Слабым также в сборнике является и отдел затишья и февральской революции. При отсутствии большого числа промышленно-заводских предприятий в губернии и наличии в ней Всероссийской здравницы—Кавмин-

Портреты Секретарей Тер. Губкома, Р. К. П. (б), Секретарей Тер. Губкома Р. К. С. М., председателей Тер. Г. И. К'а и Тер. Губ. Совпрофа.

1. Тов. Новиков.	8. Кленицкий.
2. „ Малкин.	9. Подгорный.
3. „ Болдырев.	10. Петров.
4. „ Волин.	11. Адмиральский.
5. „ Щур.	12. Кулагин.
6. „ Котляр.	13. Семенов.
7. „ Шолохаев.	(См. стр. 179—183).

К сожалению, не помещен по вине цинкографа-художника, портрет тов. Блохина,

вод—Терек всегда был центром не пролетарским—а скорее обывательских в городах и крестьянским в селах и станицах. Поэтому, естественно, подготовительные к Октябрьской революции периоды здесь были нехарактерны и сбивчивы.

Но за то приходится отметить помимо 18-го и 19-го годов, полноту отображения хозяйственного строительства и советизации деревни на Тереке в период с 20-го по 23-й годы. Это, при наличии военного обзора, большого количества документов, фотографий и биографий участников Октября на Тереке—делает сборник интерес ным и достаточно солидным трудом.

Заканчивая, редакционная коллегия еще раз заявляет, что сборник не претендует на полноту и законченность; но во всяком случае надеется, что помещаемые обзоры и материалы дают возможность читающим товарищам более или менее подробно ознакомиться с прошлым революционного движения в губернии.

Изучая прошлое, успехи и поражения рабочего класса на протяжении истекающего десятилетия, мы в то же время ведь не забываем, что период борьбы еще не закончен.

Мы являемся свидетелями развертывающихся событий на Западе; когда рабочий класс недостаточно окрепший и с'организованный вокруг компартии, терпит частичные поражения. Предстоит еще упорная продолжительная и жестокая борьба.

Российский рабочий не останется простым свидетелем предстоящих битв. Он передаст братскому рабочему классу Германии свой опыт, свои знания классовой борьбы.

И с этой точки зрения так-же представляется крайне необходимым подвести итоги первому периоду революционной борьбы с капиталом в Советской Республике, путем издания сводок за прошедшее шестилетие в виде сборников по истории революционного движения.

Редакционная коллегия надеется, что все парттоварищи, рабочие и крестьяне, все живые свидетели отображенных в данной книге событий, прочитав о них, не замедлят прислать в бюро истпарта дополнения и освещения замеченных пробелов, а так-же поправки к возможным искажениям фактов и ошибок.

Крайне желательно, чтобы старые парттоварищи, подпольники, собравшись в товарищеских кругах, совместно, на основании материалов сборника, являющихся только канвой будущей истории революции—вспомнили-бы и установили полную картину всего движения по годам. Только такой совместной работой и можно будет в будущем восстановить до мелочей всю историю революционного движения на Тереке.

Заканчивая, коллегия выносит товарищескую благодарность всем, принимавшим участие в работе по этому сборнику и его выпуску; и особенно работникам бюро истпарта, затратившим много труда и энергии на собирание и обработку материалов.

Наша партия за годы социалистической революции.

Мы переживаем эпоху настолько насыщенную событиями, что зачастую нет возможности подробно останавливаться на переживаемых моментах или суммировать опыт и успех, накопившиеся за время революции. Одно важное событие вытесняет другое. Задачи, диктуемые моментом, зачастую, в силу стремительного появления новых заданий, не полностью разрешаем и переходим к решению новых. Все же необходимо время от времени (периодически), подводить итоги того, что было, и того, что есть. Ныне истекает шестилетие существования Рабоче-Крестьянской власти.

Для того, чтобы понять роль нашей партии в революции, необходимо хотя бы в беглых кратких чертах остановиться на ее истории. Коммунистическая партия не принадлежит к числу тех партий, кои занимаются преимуществено одной критикой. Наша партия, без преувеличения, является основным орудием-инструментом исторического процесса не только в нашей стране, но и в мировом масштабе. Она основоположница Коммунистического Интернационала, осуществляющего революционный марксизм. Она руководит пока единственной страной в мире, где власть целиком находится в руках рабочих и крестьян.

Первый лозунг, заложенный в 1903 году нашей партией, был—«осуществлять на деле то, что намечено теоретически нашими великими учителями», ибо приближаться к социализму надо не писанными программами, а главным образом непреклонным проведением в жизнь всех мероприятий. На второй год своего существования наша партия уже стала массовой. Хотя количественно она быал мала, но в 1905 году, когда был нами выброшен лозунг: «стачечная борьба с оружием в руках», сотни тысяч рабочих вступили в борьбу, чувствуя, что только идя за этим лозунгом, можно бороться с ненавистным им капиталом. С победой контр-революции в следующие годы, наша партия была загнана в подполье и, разумеется, сократилась, насчитывая тогда около десяти тысяч членов, но все же она была массовой, ибо она впитала и всосала всю мощь и силу пролетариата. Она дышала одной грудью и жила одной мыслью с массами. Об этом свидетельствуют отдельные моменты под'емов рабочего движения в периоде между 1905—1917 г.г., как-то: Ленские события—1912 г., борьба по вопросу об участии в военно-промышленных комитетах в 1914 году. Во все эти исторические моменты партия наша играла доминирующую роль. Наконец, в 1917 году партия начала разростаться не потому, что она очутилась у власти, ибо в 1917 году у нас наблюдалось также и выбывание, так как произошел вполне закономерный двуединый процесс: с одной стороны от нас отхлынула часть интеллигенции, которая убедилась на деле, что рабочее революционное движение начинает выходить из буржуазно-демократических берегов и приближается к настоящей действительной революции, истребляя по пути следования все сопротивляющееся, с другой стороны к нам вступает весь накопившийся за время нашего подполья революционный элемент, который фактически проводит наши директивы, будучи официально не связан с нашими подпольными организациями. Затем в нашу партию вливается большая часть крестьянства, профильтрированного главным обра-

зом в Красной армии, поскольку убеждаются в нашей неуклонной последовательности. У многих, особенно у слонтяев-меньшевиков, умеющих только критиковать, что все делаемое нами плохо и не отвечает никаким политико-экономическим законам, навертывается вопрос: почему же это случилось, что масса без спроса у них пошла за большевиками? Партия начала вырастать даже за счет пролетаризированного крестьянства? В Советы начали выбирать на первых порах не совсем мудрых рабочих, не знающих учения Карла Маркса и даже не владеющих хотя бы одним европейским языком? Но это случилось очень просто. Рабочие массы руководились партией, которая вооружена неподдельным марксизмом, которая учла исторический момент и взяла себе, во имя мировой революции, право быть мозгом и двигателем рабочих масс. Наша партия знала из опыта прошлого, что контр-революционный фронт мировой революции отличается только однородностью, но единства в нем нет и не может быть в силу непримиримой борьбы между национальными группами империалистов, вызываемой неустранимыми противоречиями капитализма. Мы знали, что именно является краеугольным камнем мировой политики и разрешили спор неимоверной, небывалой в истории борьбой, поэтому в конце 17 и начале 18 года партия выбросила вполне понятный лозунг для широких масс, а именно: превращение буржуазно-помещичьей бойни в гражданскую войну. Этот лозунг воспринялся и всосался, ибо не требовалось даже доказывать необходимости борьбы, факты сами напрашивались. Стоило только бегло взглянуть на работу, проделанную мелко-буржуазными демократами за восьми-месячную соглашательскую политику, чтобы поддержать ту борьбу, какая предлагалась авангардом рабочих. Самым основным лозунгом конца 1917 и части 1918 года для партии был «Защищать с оружием в руках революцию от наседающей буржуазии». Партия наша, разумеется опираясь на широкие рабочие массы, славно выполнила эту задачу. Остальная часть 1918 года прошла под кличем упорядочить и организовать Советы. Кто из членов партии не помнит, с какой стремительной быстротой насаждались Советы в таких берлогах, чуть-ли не каменоломнях нашей великой федеративной республики, в таких местах, куда с испокон веку не проникал культурный человеческий глаз. Разумеется, что и тут масса ходила за ними, ибо без искреннего доверия и любви к организаторам Советской власти нельзя было бы втягивать в работу трудящееся население. В том же году наряду с насаждением и организацией Советов, нашей партии пришлось создать Красную армию. Момент диктовал: или создайте регулярную дисциплинированную послушную могучую армию, или революционные завоевания погибнут. Роль партии в этом, поистине чудесном явлении, была изумительной. За короткий срок, будучи занятыми в кровавой борьбе на многих внутренних фронтах, окруженные международным империализмом, лишенные почти основных хлебных житниц (Украина, часть Поволжья), создали регулярную стойкую сознательную армию, совершившую впоследствии не бывалое в мире, бесчисленное множество подвигов; и поныне наши враги не могут понять, как свершилось такое «чудо».

Следующий 1919 год прошел уже под иным лозунгом для самой партии: «назад в партию», ибо год вытянул из партии в соваппараты все партийное наличие и чувствовался отрыв от партии. За короткий срок это исправилось и лозунг воспринялся не только в смысле насения партработы всеми членами партии помимо своих прямых обязанностей, но истолковывался в смысле вхождения дополнительных новых сил из рабочей среды. 1919 год для партии знаменовался всем памятной партийной неделей. Как раз это случилось тогда, когда со всех сторон наступали генералы, наймиты международной буржуазии. Для наших врагов этот метод казался чрезвычайно смешным и легкомысленным; как это впускать в партию «поперечных и встречных». Но в тяжелый для нас момент мы бросили клич: «все честное, искренн., здоровое—в наши ряды, нам на помощь». Разумеется, что не все вошедшее оказалось здоровым и мы же сами в 1920 году начали необычайную для партии чистку, в коей главным образом активно участвовали беспартийные рабочие массы. Мы самых ответственных руководителей, так называем. командный состав партии, пропускали через гущи рабочих масс. И поныне беспартийные товарищи рабочие, когда по тем или иным со-

ображениям хотят кольнуть товарища члена РКП, угрожают дополнительной чисткой. Этот метод само-собой разумеется еще больше связал нас с рабочей массой и привел партию к более однородному социальному составу и идейной спайке.

Следующие 1921 и 22 годы характеризовались подытоживанием и суммированием накопленного опыта; в то же время, подсчитывая свои силы, партия, будучи дальновидной, готовилась к новым схваткам, но по иной только линии с международной буржуазией. Действительно, 1922 год проходит целиком в процессе состязания с международным рынком и старой культурой, служащей еще орудием в руках уцелевшей и ныне несколько оживившей старой буржуазной интеллигенции. Именитый «НЭП» заставил сильно встряхнуться нашу партию. С одной стороны члену партии, боровшемуся в продолжении трех лет со всяким нарождением капитала, пришлось самому стать во главе колоссального треста, с многочисленным оборотом, будучи окруженным людьми другого класса, но это необходимо в интересах республики; с другой стороны член партии должен сохранить достоинство того класса, представителем которого он является. Ясное дело, что этот переплет создал современную пестроту и некоторые психологические затруднения, да вдобавок еще некоторую примесь неравенства в самой партии. Наша партия, почти безболезненно, несмотря на всякие предсказания наших вратов о распаде партии, поняла исторический момент перехода, диктуемый самой жизнью, стала усердно, внимательно, усидчиво, осторожным, расчетливым образом налаживать запущенное производство и промышленность. Лозунг к пятой годовщине «Стань хозяином производства»—почти выполнился. В этот же период, главным образом нашей партии, приходилось также бороться и с таким явлением, правда, не совсем опасным, но довольно замысловатым и пожалуй затяжным. В том же году был переполох, который можно назвать «борьбой с соглашательством». Всем известно, что революция выкатила главную часть буржуазной интеллигенции за рубежи. Разочаровавшись в своих чаяниях, искренне мечтавшая в продолжении пяти лет о своем возвращении к власти, решила в силу исторической неизбежности, признать Советскую власть.

Меньшая часть из них действительно думает помочь нам в восстановлении нашей промышленности, но основная часть мечтает только о возврате к власти, правда на первых порах через Советы. Этот хвастливо охорашивается, языкоблудликим учителем названием «соглашатель». Свойство этой категории людей простое. Когда революционая борьба разгорается, «соглашатель» трусливо прячется за спиной, когда революционный народ побеждает, он вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует и до иступления хвалит победителей. Нам эта масть довольно знакома и в противовес предлагаем им служить только делу пролетариата. Но если труд служит только ширмой, а основной целью является политиканство, мы без стеснения рекомендуем им убраться восвояси, ибо и без них у нас много дела. Разумеется, что борьба эта требует уменья отличать белое от черного. Поэтому к шестой годовщине был наш лозунг: «держи одной рукой книгу, а другой будь хозяином своего производства». Можно считать, что эта задача сравнительно выполнена. Ныне, к 7-й годовщине, стремительно развертываются события европейского масштаба, долженствующие в конечном итоге вовлечь весь пролетариат мира в борьбу за полное раскрепощение человечества от угнетения, но все же основными задачами нашей партии на 7-й годовщине должны быть «рачительность и экономия», чтобы быть готовыми к обороне. Если прошлый год сочетался главным образом учебой, хозрасчетом и деловой связью с крестьянином, то в предстоящем году надо все это с удвоенной энергией сочетать еще с возможной обороной. Каждому члену партии уже видно, как зарево пожара соц. революции охватывает целиком всю Европу; разумеется, надо быть более бдительным, чем когда бы то ни было и готовиться ко всем возможностям.

Можно с уверенностью сказать, что предстоящие, не менее тяжелые, чем в прошлом задачи, наша партия, являющаяся мозгом пролетариата, также с успехом выполнит. Предстоящий год, надо полагать, намного сократит дорогу, ведущую в царство социализма.

С. Котляр.

Введение.

Боевая революционная Минераловодская дружина.
Группа снята в декабре месяце 1905 г. на стан. Минеральные Воды.
(См. стр. 24 и 25).

Отдел первый.

Обзор истории революционного движения на Тереке.

1905-й год.

Краткий исторический очерк края.

Бурный Терек омывает тот район, на котором оседали, непрерывной волной дви- гавшиеся из Азии через Кавказ в Европу —народы. Поэтому Терская область в этнографическом отношении искони представляла из себя смесь племен и наречий.

С первого поселения в половине XVI века в низовьях Терека, по гребням-горам вольных Терских-гребенских казаков, Московское государство, под флагом покровительства горских народов, повело свою завоевательную политику. Задаривая щедрыми подарками владетельных князьков, пользуясь кровавыми междуусобиями между ними, «венценосцы» продолжали завоевывать Терский край, оттесняя туземное население с насиженных ими мест, с привольных степей и плоскостных, удобных для земледелия, площадей в горные трущобы. На освобожденные же огнем и мечом места поселились с Волги и Дона казаки, получившие наименования: Астраханских — семейных Кизлярских, Моздокских, Сунженских и Волжских; сюда-же селились «государевы» служилые люди, отставные солдаты, армяне и грузины из Бакинской и Дербентской провинций и из Закавказья; как «культуртрегеры»—колонисты немцы и шотландцы; как «зараза»—сектанты и проч.

В станицах, или как их называли в старину «городках», ставился гарнизон во главе с воеводами, комендантами и пр. военным начальством. Эти царские сатрапы, опираясь на военную силу, стесняли вольности казачьи, «старую веру» большинства низовых Гребенцев, их выборное начало, задерживали выдачу «государева» жалованья, брали поборы и взятки как с русского, так и с туземного населения. Нарушались ими и дипломатические договоры, заключенные с горцами. И не раз среди казачьих и горских масс происходили волнения, переходившие иногда в крупные народные восстания. Так напр., в 1604 г. вольные Терские казаки и атаманы бросили Терек и массой в 4.000 чел., пробрались по Каспию на Волгу, где и примкнули к народному крестьянскому движению в эпоху междуцарствия.

По истории известно, что в отряде беглого холопа Болотникова было много Терских казаков. По воцарении «дома Романовых» терцы были под Астраханью в стане воеводы Лжедмитрия—Гриш. Отрепьева, Заруцкого и Марины Мнишек. В 1668 г. сподвижники славного вождя казацко-крестьянского восстания Степана Разина —Алеша Протокин и Алеша Каторжный подымают массы казаков вольного Терека и ведут их с Разиным на Москву, царскую, на бояр, князей и государевых холопей-помещиков и служилых верхов, угнетателей трудового люда. Отклики «бунта» Астраханских пеших стрельцов в 1704 г. и Булавинского «бунта» на Дону в 1706 г. наблюдаются на берегах бурного Терека среди казачества. И в 70-х годах XVIII века часть Терских казаков примыкает к огромному казаче-крестьянскому восстанию—пугачевскому бунту.

Среди горцев также все время происходили волнения против вековых их угнетателей—князей и узденей. Красной нитью через всю историю Кабардинского народа проходят побеги крепостных холопов, не выдерживавших гнета своих «господ», и не раз царские войска идут на подавление этих восстаний. Загнанные в горы, в трущобы, горцы выражают свой протест

в форме нападений на казачьи поселения, на царские войска. «Замирение» их велось самыми репрессивными мерами и в самых ужасных формах: посылались карательные экспедиции, производились экзекуции, врывавшимися в бедные сакли горцев казаками и солдатами грабилось скудное имущество горцев, забирался скот—единственное их богатство, убивались старики и дети, насиловались женщины.

Благодаря такой руссификаторской политике, убивался свободолюбивый дух революционера-горца, уничтожалась туземная культура. Горские народы, под гнетом и насилием опеки царского «военно-народного» управления, задыхались и были обречены на постепенное вымирание. Естественно, что это народное движение в трудовых массах горцев часто сдерживалось задабриваемыми царским правительством верхами горцев—князьками, служилым офицерством и чиновничеством из горцев же, за которыми закреплялись и которым жаловались лучшие участки земли. Наиболее свободолюбивые из горцев не выдерживали этого гнета и массами переселялись в Турцию, меняя коршуна на ястреба, но предпочитая лучше жить в монархии мусульманской, чем в монархии «белого» русского царя. Казачье население в Тер. обл. было в лучших условиях сравнительно с горцами и в особенности иногородними, по землепользованию. Но наряду с этим существовало экономическое неравенство по отношению к верхам казачества—офицерству, которому нарезались и «жаловались» лучшие участки из войсковой земли. Иногородние являясь пасынками на Тереке—арендовали землю у казаков.

Первым аграрным беспорядком на Тереке является поднятое против властей в 1901 г. массовое выступление горцев затерявшегося в горах аула Гизели. Возмущение Гизельцев заставляет жандармерию обратить внимание администрации на брожение умов среди туземного населения. Начальником Терской области рассылаются циркуляры по отделам и округам о том, чтобы администрация на местах «имела самое строгое наблюдение за поведением жителей и в особенности за прибывающими подозрительными личностями и в случае если будет замечено какое-либо брожение или знаки к этому, то сейчас же принимать меры к подавлению возмущения». Циркуляром от 15-го сентября 1903 г. и 10 мая 1904 г. администрации предложено производить в аулах внезапные обыски для отобрания оружия. В 1903 г., конечно, под давлением администрации, некоторые аульные общества выносят постановления о том, чтобы никакого оружия у себя более не иметь.

Вот на такой-то благодарной почве учащаяся бунтарская молодежь горцев, возвращаясь во время каникул в аулы из столиц, начинает вести пропаганду, и особенно удачно в Осетии. В самом городе Владикавказе начинают образовываться подпольные социал-демократические и эсэровские кружки, связанные с рабочими единственного в городе крупного фабрично-заводского предприятия «Алагир» и железнодорожными рабочими. Благодаря тому, что Владикавказ был пунктом на пути в Закавказье, подпольники его держали связь с Грузией и первыми партработниками Р. С.-Д. Р. П. во Владикавказе были т.т. грузины: бессмертный Самуил Буачидзе («Ной»), Рамишвили, учительница грузинской школы «Эло» и др.

Накануне 1905 г. не мало труда потрачено было ими на агитацию среди солдат Владикавказского гарнизона.

Главная база подпольных политкружков в Минводском районе до 1905 г. была на стекольном заводе, где ежегодно праздновали 1-го мая, собираясь в окружных лесах. Там же устраивались массовки. Внутри самого завода устраивались митинги, на которых выступали рабочие Кирисов, Векшин, Соболевский, Панков, Григоренко и др. Сюда же на завод приезжали со ст. Мин. Воды парт. товарищи: Осеченко Гавр., Баклюков Никанор. В 1904 году состоялась забастовка в Мин. Водском депо; к администрации Владик. ж. д. были пред'явлены требования об удалении царского опричника инж. технолога Рыбакова. Последний до того обнаглел, что позволял себе даже избивать рабочих депо. Так, напр., один из рабочих т. Железняк после Рыбаковских побоев умер. Настойчивые требования рабочих были ж.-д. начальством удовлетворены—Рыбаков был убран. А между тем неудовольствие в рабочих массах разросталось и привело к дружным и организованным забастовкам и вооруженному восстанию в 1905 году.

События 1905 года.

Вскорости после январского расстрела рабочих в Питере, кружковая работа во Владикавказе оживилась и в парткружках задались целью образовать организацию, сильней связаться с центром и распространить работу по всей Терской области. К мало месяцу прокатившаяся по всей России мощная волна массовых забастовок докатилась и до Кавказа и захватила Терскую область.

Сперва стала наблюдаться определенная тяга к об'единению под флагом масс взаимопомощи рабочих и служащих, успевших уже образовать группы по профессиям; далее стали пред'являться этими группами ряд требований. Часть этих требований администрацией учреждений и хозяйчиками удовлетворялась, но большей частью следовали отказы или удовлетворение некоторых только пунктов петиций и тогда об'единенные группы по профессиям об'явили забастовку; порой не выдерживали борьбу и сдавались.

Из крупных забастовок мы отметим 18-дневную ж.-д. рабочих на ст. Мин. Воды. Вот тут то партработники и стали выступать на собраниях рабочих с смелой агитацией.

С половины лета 1905 г. рабочее движение во Владикавказе, в Грозном, на ст. Мин. Воды и на группах, носившее до сих пор экономический характер, начинает принимать политическую окраску. Рассвирепевшая жандармерия вызывает на подавление «крамолы» войска — пеших солдат и казаков и происходят зверские избиения забастовщиков, как это было 17 июля на ст. Мин. Воды. В Минводский район доходят прокламации Кубанского комитета Р. С.-Д. Р. П. с приветами забастовщикам от представителей группы этого комитета.

После обнародования пресловутого манифеста от 17 октября 1905 г., на КМВ, как и по всей области, стали происходить народные митинги. На этих митингах выступали ораторы от всех политических партий, раз'ясняя собравшимся сущность манифеста и его значение в государственной жизни. Так, напр., К.-Д. говорили, что с правительством пока необходимо бороться «умом и рублем», не прибегая к оружию. С.-Р. говорили о том, что правительство потеряло доверие к себе в народе, противодействует осуществлению народовластия; что царь, самый крупный помещик, и помещики приказывают стрелять в народ и рубить его. Вожди С.-Д. указывали верный путь рабочим и крестьянам—путь вооруженного восстания для взятия в свои руки власти, без всяких соглашательств с буржуазией.

В скорости в Пятигорске стали возникать оппозиционные правительству организации: «Союз прогрессивных граждан» во главе с докт. Горбуновым и «Комитет самообороны» во главе с доктором Кобылиным. Эс-эр Леонид Орлов, задумав издавать вместе со студентом Коршуновым, С.-Р-й печатный орган, под названием «Народ»; явился в типографию Лысенко с просьбой приступить к печатанию. Последний сперва отказался, но после вызыва к телефону, у которого он услышал угрозу быть убитым, согласился печатать, только девиз «В борьбе обретешь ты право свое» изменил на «В знании—сила, в борьбе—право». В качестве наборщика в типографию Лысенко был послан организацией эс-эров. т. Жирнов-Жиров (в последствии коммунист).

Известно, что после октябрьского манифеста, царской администрацией, при поддержке черной сотни, устраивались полные ужаса, дикие убийства и погромы. Волна этих черносотенных оргий докатилась в скорости до Ростова на Дону, перебросилась на Северный Кавказ—на станцию Кавказскую и Армавир; вести о них встревожили население Терской области. Известный палач народа пом. нач. обл. жанд. упр. в Пятигорске ротмистр Демин выступает на митинге в Пятигорске с гнусной речью, в которой призывает население к избиению евреев. Местные газеты «Народ» и «Народная Правда», разоблачая эту провокацию, призывают граждан не давать подонкам общества залить кровью народившуюся свободу и отстаивать ее с оружием в руках.

К атаману Пятигорсокто отдела явились члены самообороны лесничий Коченов, столяр Савельев и друг., во главе с Кобылиным, и потребовали разрешения на выдачу из Георгиевского арт. склада оружия, на приобретение которого было горо-

дом ассигновано 1.000 руб., упр. КМВ—500 руб. и т. д. Нач. арт. округа телеграммой разрешил выдать оружие. Но пока шли переговоры и переписка, на митинге 17 декабря решено было взять оружие в управлениях отдела и жандармском, и в тот же день, около 3 час. пополудни, толпа направилась к отделу, затем к канцеляриям Демина и начальника жанд. упр. ротмистра Щербакова и забрала все оружие.

Оружие было отобрано и в полиции. В тот же день в Пятигорске были обезоружены все полицейские, жандармы и реакционно настроенное офицерство.

В то же время Минераловодской боевой дружиной обезоруживались жандармы на ж. д. линии. 20 декабря Грамотин вызвал командира Ахульгинцев Климова и просил вооружить 215 человек казаков ст. Горячеводской. Последние, под командой ад'ютанта отдела Метелина. 22 декабря прибыли к казармам батальона. Но Ахульгинцы были достаточно распропагандированы местными революционерами, которые, во главе с Орловым и Коршуновым, стали кричать: «бей казаков». Горячеводцы кинулись в казармы, но оттуда были отброшены штыками и прикладами. В это время 4-я рота Ахульгинского батальона возвращалась из караула к себе в казармы. Рота остановилась и раздалась команда: «пли!». В результате было два казака убито и несколько ранено.

Казачество и революционное движение.

Но не все казачьи массы были настроены реакционно и пошли на провокацию Грамотиных и К-о. В стан. Марьинской, например, 22 декабря, когда был отдан приказ станичникам ехать в гор. Георгиевск для защиты арт. склада, то казак Вас. Даньшин крикнул: «Не пойдем бить своих братьев!», а к нему с криками: «Не поедем в Георгиевск и не дадим своих сынов!», присоединились и другие.

Участник событий в Марьинской Т. М. Совершенов пишет в своих воспоминаниях:

«Толчки революционного движения оставили след и на станице Марьинской. В то время Марьинские казаки не понимали сути освободительного рабочего движения, но они поддались агитации прибывших откуда-то революционеров, инстинктивно чувствуя, что-то хорошее. Помню, я в то время был еще мальчиком, рассказывает один товарищ, когда, в глухую зимнюю ночь, вдруг раздался набат. По станице пронесся слух о том, что ингуши грабят арсенал в Георгиевске и что прибыл участковый, требуя немедленно оказать помощь. Как в то время говорили, благодаря агитации своих же казаков—Петра Даньшина и его отца, казаки отказали оказать помощь и бурно провели эту ночь. Участковый доктор спасся бегством через окно станичного правления, иначе он был бы избит станичниками. Неорганизованное рев. движение было задавлено и вот тогда то и началась расправа со станичниками. Верхи казачества, в лице своего наказного атамана ген. Колюбакина, через своих агентов попов, послали «анафему» Марьинцам, а поп Гончарюк с амвона грозил прислать в станицу пушки. Началась расправа».

Особенно революционно была настроена в Терской области станица Незлобная. 4 декабря 1905 года жители этой станицы, казаки и иногородние, после нескольких общих бесед, собрались на народное собрание и постановили требовать: 1) немедленного созыва народных представителей на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования лиц, имеющих не менее 20-ти лет; 2) передачи всех земель—удельных, дворцовых, монастырских и частно-владельческих во владение обрабатывающего класса; 3) отмены всех косвенных налогов и замены их прямым прогрессивным подоходным налогом; 4) введения всеобщего народного образования за счет обще-государственных расходов; 5) выборного, равного для всех суда; 6) отмены смертной казни и полной амнистии политическим преступникам; 7) уничтожение сословия и 8) полного самоуправления.

И так мы видим, что не все казачьи части в 1905 году являлись душителями революции. Славные 2-й Хоперский конный полк и 14, 15 и 17 пластунские батальоны, наотрез отказались идти на подавление. Это отмечено в листовке Р. С.-Д. Р. П. под заглавием «И казаки—люди и они—граждане!». В воззвании 2-й Урупский

казачий полк категорически отказался от «несения полицейской службы, видя ее преступность». Урупцы заявили своему на чальству, что война окончена, что их держат для усмирения того народа, который хочет свободы, что их хозяйства расстроились, жены и дети голодают, и что они, казаки, хотят раз'ехаться по домам.

Не давая Урупцам окончательного ответа и видя, что восставшие держатся дружно, известный палач атаман Бабич вызвал две сотни Урупцев и две сотни пластунов, предложив последним расстрелять бунтовщиков. Пластуны наотрез отказались. Не увенчалась успехом и провокационная попытка Бабичева натравить на Урупцев пластунов солдат Анапского резервного полка.

Урупцы же в своем постановлении требовали: 1) созыва гос. думы на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; 2) немедленного освобождения всех людей, пострадавших за дело свободы; 3) узаконения их роспуска с прочетом о нем на станичных сборах; 4) удовлетворения всем положенным довольствием и 5) чтобы никто из пред'явивших эти требования не пострадал, так как за каждого пострадавшего казака станет на защиту весь 2-й Урупский каз. полк.

Р. С.-Д. Р. П., помещая в листовке это постановление Урупцев, воздает должное им, а также отказавшимся в подчинении правительству пластунам 14, 15 и 17 батальонов, подчеркивая, что казаки, наконец, начинают сознавать, что дело рабочего класса их собственное дело, что свобода пойдет им на пользу, а не во вред».

Замечательно то, что в конце декабря 1905 года «бунтовщиков» Урупцев поддержали в 15-ти станицах их одностаничники казаки и иногородние, единогласно заявив, что они и пластуны присяги ничуть не нарушали, а напротив выполнили ее, став на защиту своих законных прав и прав народа.

Поступок восставших был признан станичниками законным и честным и они, станичники, заявили, что если хотя один строевой казак и пластун из восставших пострадает, то они все поголовно также встанут на защиту пострадавших.

Листовка С.-Д. Р. П. с сарказмом добавляет, что если в других местах вешали, расстреливали и сажали в тюрьмы восставших матросов и солдат, то тут, когда на защиту казаков восстали их земляки, царь не смеет пожаловать им ту же милость, как матросам и казакам. В конце листовки клеймятся позором врати народа, натравливавшие русского на еврея, и армянина, крестьянина на рабочего, казака на солдата и, наконец, одного казака на другого.

Этот интереснейший печатный материал заканчивается призывом: «Да здравствует союз войска и народа! Да здравствуют солдаты и казаки, переходящие на сторону народа!».

Листовка напечатана на листе бумаги, с оборотом, четко набрана крупным шрифтом в два столбца. На заголовке во весь лист напечатано: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия». В правом углу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

22 декабря 1905 г., после столкновения жителей гор. Пятигорска и солдат Ахульгинского батальона с казаками станицы Горячеводской, явившимися по распоряжению атамана отдела Грамотина за получением оружия, по Пятигорску распространилась паника под влиянием слухов о намерении горячеводцев напасть на город с целью мести за убитых и раненых казаков. Напуганная этими слухами обывательская масса собралась у управления атамана отдела, требуя, чтобы Грамотин выдал оружие для вооружения горожан. Настроение горожан было крайне возбужденное и успокоилось только тогда, когда выяснилось, что вопрос о выдаче оружия будет разрешен вечером самими Ахульгинцами. Вечером того же дня солдаты Ахульгинского батальона отправили в комитет самообороны приглашение прислать к ним на митинг кого-нибудь, дабы узнать решение батальона по поводу оружия. По поручению комитета в казармы направились председатель Кобылин и секретарь Ситников. Они вошли в казарму, где солдаты им об'явили о решении выдать комитету оружие для вооружения им запасных с тем, чтобы последние, под руководством офицеров, несли общую гарнизонную службу. После этого Кабылин и Ситников с депутацией отправились в офицерское собрание для переговоров с офицерами о выдаче оружия. Солдаты очень интересовались событиями, в виду носившихся слухов о том, что будто-бы на Георгиевск напали осетины.

В одном из имеющихся в нашем распоряжении номеров газеты «Народная Правда» от 25 декабря есть интересная статья о примирении между Горячеводскими казаками и пятигорцами—жителями и солдатами. В знак примирения делегация от горожан и Ахульгинцев утром 23 декабря 1905 г. отправилась в станицу, где уже был собран станичный сход. Тут в самом некрасивом свете выявилась провокация атамана отдела Грамотина, который, послав казаков отнимать оружие у Пятигорских солдат, поставил казаков этим самым под расстрел. Как казакам, так и солдатам атаманский приказ не был известен, а потому и получилось кровопролитие.

Выяснилось, что казаки были введены Грамотиным в заблуждение: им сказано было, что Ахульгинцам уже приказано было выдать оружие. После братания, депутация от казаков, во главе с казаком Хуторским, отправилась на митинг в Пятигорск. На этом митинге, который состоялся в Лермонтовской галлерее, говорили ораторы: Лобчевский от солдат и жителей Пятигорска—Безлущенко, Жиров-Жирнов и др.

Безлущенко отметил провокацию по поводу того, что будто-бы осетины хотели разграбить Георгиевские артиллерийские склады, подошел к провокации Грамотина и закончил свою речь словами: «Само начальство своими приказами толкает народ на путь вооруженного восстания. И лучше умереть с оружием в руках за землю и волю, чем жить глодными рабами».

Рабочее движение.

Среди населения Пятигорска движение протекало таким образом: Примкнувшие к Всер. почтово-телеграфн. союзу служащие Пятигорской почтово-телегр. конторы присоединились 15 ноября 1905 г. к об'явленной забастовке и дружно ее проводили, не обращая внимания на просьбы нач. почт.-телегр. округа стать немедленно на работы.

Массы граждан Пятигорска поддерживали почтеле-забастовщиков. Так, после одного из митингов в декабре месяце явилась на почту делегация, которая заявила о том, что забастовка почт.-тел. служащих приносит не вред, а существенную пользу освободительному движению и просила продолжать забастовку, обещая материальную и моральную поддержку.

На 4 декабря 1905 г. в г. Пятигорске было назначено первое организационное собрание Минераловодской организации Р. С.-Д. Р. П. В этот день с'ехалось на собрание до 50 чел., но к сожалению не со всех групп К. М. В. Преобладали рабочие пролетарского пункта—станции Минеральных Вод, прибыло несколько человек рабочих Кисловодского курорта, пришли рабочие Пятигорского курорта. Поставлен был вопрос о том, имеется-ли достаточный кворум для обсуждения и утверждения проекта устава организации. Присутствовавшие на собрании С.-Д-ки ответили утвердительно и устав по обсуждении был единогласно утвержден. С этого дня начала легально действовать рабочая парт. организация. Но вскоре, к началу 1906 г., после поражения, ей пришлось уйти в подполье.

Про рабочее движение и партработу в 1905 г. в Мин.-Водском районе рассказывает т. Бородыня следующее: В начале 1905 г. на ст. Мин. Воды стали под'езжать подпольные работники-агитаторы; они в изобилии привозили с собою прокламации, устраивали кружковые беседы и подготавливали рабочие массы ко всероссийской забастовке железнодорожников. Так напр. из Ростова н/Д. приезжал т. Ставский, большевик и др. К 11-му июня все рабочие Мин. Вод и стекольщики вполне были подготовлены к забастовке, которая началась 11 и дружно протекала до 29-го июня. Тогда-то небольшие кружки подпольщиков, видя, что от соглашений с эксплоататорами толку все равно не будет, а надо для освобождения рабочих от векового гнета вооружаться «на бой кровавый», начали подготовляться к вооруженному восстанию.

После манифеста 17 октября инструментальная мастерская Мин.-Водского депо превратилась в арсенал, где снаряжались бомбы, а механическая мастерская того же депо—в мастерскую по выточке этих бомб. Все было готово для вооруженного восстания, которое и загорелось в де

кабре того-же 1905 года. В этих же мастерских исправлялось отобранное в Великокняжеском имении, у помещиков братьев Султана и Азамата Гиреев, у жандармов и полиции оружие. Активными работниками по изготовлению бомб и исправлению оружия были т.т. Манжал, родом француз, слесарь Мин.-Водского депо (после подавления восстания бежал в Ставроп. губ., где по слухам был пойман и повешен царскими палачами), Алексеев Яков Гавр. (ныне коммунист, член Минераловодского линпрофсожа), Ламака Алексей (до сих пор токарь Мин.-Водского депо, беспартийный) и др. Когда организованная Мин.-Водская боевая дружина была вооружена до зубов и стали носиться упорные слухи о том, что из Ростова идут черносотенные казаки, тогда на заседании орт.-рев.-бюро, под председательством т. Баклюкова, решено было произвести пробную тревогу. Тревожный гудок был дан ровно в 12 ч. ночи в декабре, по которому в момент собрались на площади у депо все рабочие. Тут были даже их жены и подростки, вооруженные кто чем попало: топорами, вилами, лопатами, ножами и пр. Тогда был устроен грандиозный митинг, который был перенесен затем в железнодорожный клуб. Этот митинг продолжался в течение почти двух суток беспрерывно. Выступавшие ораторы заканчивали свои речи возгласами: «Долой самодержавие». На эти митинги с'езжались крестьяне и казаки из соседних сел и станиц. Последние охотно слушали речи ораторов на темы «о земле и воле»—об отобрании земли от помещиков и об удовлетворении рабочего класса, но не соглашались с необходимостью свержения Николая Кровавого.

Подавление революции.

В феврале получено было известие из Ростова н/Д о том, что революция там подавлена, донские казаки жестоко расправляются с рабочими. Появились прокламации, в которых говорилось о том, что столовая Ростовских ж.-д. мастерских превращена в лобное место.

Через 3 дня станция Мин. Воды была окружена батареями и сотнями Терских казаков, под командой генерала Федюшкина; восставшие принуждены были сдаться. К этому времени восставшими все оружие было попрятано, бомбы закопаны в землю. Рабочие собрались все на площади у депо и потребовали к себе парламентеров от Федюшкина. Для переговоров на площадь явился жанд. ротм. Щербаков в сопровождении конвоя из жандармов. Рабочие, вооруженные только камнями на случай самообороны, сидели и слушали. Оратор т. Соколов, стоя по середине, вступил в переговоры с Щербаковым. Щербаков обратился к рабочим со словами: «Господа мастеровые, вы для правительства нужный народ; под руководством главарей вы устроили каверзу вредную и для вас. Зачем вы испортили паровозы?». В заключение он требовал выдачи вожаков и предлагал немедленно приступить к работе. В ответ на это раздался крик, поднялся шум, направленный против жандармерии. Щербаков бледный, как полотно, после угроз расправиться с мятежниками силой оружия, ретировался со своей свитой.

Вскоре, однако, минводцам доподлинно стало известно, что на всей жел. дороге приступлено к работам; тогда решено было, скрепя сердце, стать на работу, а руководителей рев. движения скрыть.

Затем начались аресты. Арестованных целыми группами отправляли под сильным конвоем в Пятигорскую тюрьму. Щербаков, обычно имевший свою канцелярию в г. Пятигорске, перевел ее на ст. Мин. Воды. Сюда приводили для допросов всех арестованных и вызывались свидетели. Здесь же производились и истязания причастных к революционному выступлению.

В маленькой комнатушке, отведенной для арестованных, «киче», как ее назвали рабочие, было скоплено до 20-ти чел. арестованных; многие из них были, по словам т. Бородыня, зверски избиты палачами-жандармами, на полу были лужи крови. Настроение у всех заключенных было крайне подавленное. Все с минуты на минуту ждали смертной казни. Когда вызывали кого-либо из товарищей для допроса или группами, как потом оказалось для отправки в Пятигорскую тюрьму, то узникам мерещилось, что их ведут на расстрел.

Революционное движение среди горцев.

Теперь посмотрим, как отразилось революционное движение 1905 г. на горцах. В делах б. прокурора Владикавказского окружного суда имеется сообщение н-ка области о том, что по секретным донесениям с мест, в связи с появившимися забастовками рабочих и пропагандой революционных идей, взаимоотношения между казаками и горцами обостряются; шайки ингушей нападают на русских и происходят вооруженные столкновения (пример—станица Карабулакская); что неблагонадежные ингуши и кабардинцы откармливают своих лошадей с целью совершения грабежей и разбоев над казачьими станицами; атаман Сунженского отдела Суровецкий говорит, что такое волнение среди горцев наводит на мысль, нет-ли какой пропаганды из Турции, Дагестана, Чечни и Осетии среди ингушей. С особой тревогой военное управление Терской области взирало на наиболее передовые и революционно настроенные из всех горцев—массы Осетии. Здесь отмечается в донесениях прокуратуры разбрасывание в изобилии прокламаций, в которых «в самых грубых формах изложения порицаются действия правительства и все население призывается примкнуть к Р. С.-Д. Р. П. для ниспровержения престола и государственного строя».

Во Владикавказе после октябрьского манифеста также происходили митинги, на которых выступали партийные ораторы. Рабочие завода «Алагирь» и железнодорожники снялись с мест и присоединились к забастовке. В декабре была организована боевая Владикавказская дружина. Организовалась для погромов во главе с председателем пресловутого «союза русских людей» Путилиным черная сотня.

Когда демонстрация революционеров, рабочих и дружинников с красными флагами и пением рев. песней, собравшись на Молоканской слободке, двинулась по б. Александровскому, ныне Пролетарскому проспекту, то на встречу ей с Курской слободки вышла процессия с хоругвями, царскими портретами, флагами и пением патриотщины, черная сотня. С гауптвахты выскочил караул и открыл пальбу по революционерам, а черносотенцы бросились на них с дубинками. В результате было много раненых и 2 убитых, среди них—юноша реалист Дзуцев. В течение трех дней шли по Владикавказу грабежи и погромы.

23 декабря 1905 г. в Терской области было введено военное положение, а к дню православного рождества все революционные пункты области были в руках карательных экспедиций.

События 1905 года на местах.

21 декабря 1905 года, в имение «Темпельгоф» прибыла со ст. Мин.-Воды боевая революционная дружина, в числе 57 чел., вооруженная берданками, револьверами, бомбами, а некоторые из дружинников шашками. Дружиной от управляющего имением Зафириди отобрано было следующее оружие: 8 шт. карабинов и 16 берданок с патронами. Затем дружинники вечером уехали на станцию Суворовскую, где их ожидал поезд. От'езжая, они пели революционные песни. В поселке Орбелиановском в декабре 1905 года собирались сходы, на которых жителями того же поселка Гавр. Павл. Соколовым и Никол. Тимощенко произносились револ. речи. Ораторы предлагали поселянам соединиться в одно с революционерами Пятигорска и Мин.-Вод. На одном из таких сходов было решено войти в сношение с упомянутыми выше революционерами. Выполнить это решение взялся Гавр. Соколов, который и собрал от поселян необходимую для поездки сумму. Через несколько дней Гавр. Соколовым были привезены из Пятигорска в Орбелиановку два оратора-революционера: кровельщик Петр Агеев и рыбник Григорьев. После приезда этих товарищей в Орбелиановке стали устраиваться митинги. После одного из таких митингов, а именно 20 дек. 1905 г., Орбелиановцы, в числе до 150 чел., во главе с т.т. Гавр. Соколовым, в сопровождении прибывших ораторов явились в имение «Темпель-

гоф» к управляющему Зафириди, предложив ему удовлетворить выработанные ими условия: 1) выдать народному управлению, т. е. выбранным на митинге народному старшине и старостам поселков все оружие, имеющееся в имении, 2) обезоружить всех арендаторов, не примкнувших к народному рев. движению, 3) всех поселян Сорохтиновского поселка освободить от арендной платы за дома и усадьбы, а полученную с некоторых из них плату—возвратить, 4) установить на мельницах, виноделиях и мастерских 8-ми час. рабочий день и прибавить рабочим плату в размере 20 проц., 5) уволить со службы приказчика Щербатого и зав. мастерскими Романенко и 6) принять обратно на службу уволенного приказчика Скрипнякова.

На следующий и в последующие дни Орбелиановцы начали являться в имение с требованиями о выдаче им муки и топлива. По показаниям служащих имения такой муки и топлива было выдано на сумму свыше 1000 руб. Продукты эти выдавались по списку.

Из архива охранки по Ставропольской губернии видно, что в селе Прасковее также распространялись противоправительственные листовки среди крестьян. Здесь работал учитель Малороссиянов, учительница Зиневич, акушерка, живущая у последней в училище, адвокат Шапкин, 2 лица служащих в казенном складе, кузнец Панкратов и многих других.

В ноябре 1905 г. крестьяне Прасковейского уезда уже составляли приговор о разделе земли по своему усмотрению по равномерной доле, и делили между собою усадебные земли помещиков.

Что касается Св. Креста (ныне Прикумск), то здесь 27 и 28 дек. происходили митинги, на которых произносились антиправительственные речи и выносились революционные резолюции. Вождями движения являлись т.т. Старлычанов, Кунтик, Григорец, Кутовой и др. В газетах Ставропольских печатались заметки о Святокрестовских митингах и о вынесенных на них постановлениях.

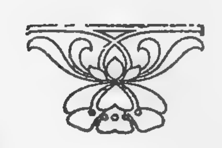
Митинги и народные сходки устраивались посеместно. Руководителем сходок был кр. Спиридон Григорец, а помощниками его Петр Кутовой и Трофим Насонов, а также принимали участие студенты Мих. Кунтик и Марк Аглас. 28 декабря во дворе общественного управления состоялась сходка. Григорец, при участии других лиц, самовольно заключил под арест двух ослушников его требований. На этой же сходке Григорец говорил: «теперь не обращайтесь ни к судьям, ни к должностным лицам, а обращайтесь к нам; мы будем сами разбирать».

2 января 1906 года пом. нач. Тер. обл. жанд. упр. по Ставрополю ротм. Фридрихов доносил по начальству о том, что в Прасковейском, Александровском, отошедшим в 1921 г. в Тер. губернию и в Медвеж. у.у. в 1905 г. происходили аграрные «беспорядки», которые выражались в самовольных порубках леса и сожжении частновладельческих имений. Несмотря на троекратные вызывы губернатором казаков, ходатайства эти оставались без удовлетворения. Только в начале января губернатор получил телеграмму от главнокомандующего о командировке в Александрийский уезд для подавления «крамолы» сотни казаков. Очень характерно, что квартировавший в те поры в Ставрополе Майкопский батальон не пользовался у администрации никаким доверием. Из донесений видно, что в батальоне происходило брожение и что после происходивших в батальоне «беспорядков», дисциплина была окончательно подорвана, нижние чины целыми группами посещали собрания и митинги с.-д. и с.-р. и «препятствовать этому не было никакой возможности за неимением сил и наличия всего 50 городовых».

В заключение жандармский держи-морда восклицает с отчаянием: «всякая репрессивная деятельность администрации фактически невозможна при подавлении какого-бы то ни было острого рев. движения»! Далее из тех же донесений видно, что все уезды Ставрополья были наводнены в то время прокламациями рев. организаций и №№ местных газет «Северный Кавказ» и «Земля и Воля». При чем последние были наполнены статьями «по тенденциозности и крайности взглядов», по мнению жанд. ротм. Фридрихова, «значительно превосходящими прокламации.

2 января Фридрихов доставил губернатору № 1 газеты «Земля и Воля», обратил внимание на «явно рев. направление этой газеты» и доложил о том, что редактор и издатель ее, Розанов и Воронович, принадлежат, по агент. свед., к пар-

тии эс-эров. В то время усиленно работали всяких сортов провокаторы. К губернатору и к жанд. ротм. поступали всякие донесения на «возмутителей», «смутьянов» и «бунтарей» — революционеров, о припрятанных будто-бы бомбах и т. п. Так, напр., некий провокатор Кроль заявил, что в доме терпимости Израйлевича будто-бы хранятся две бомбы—одна для архиерея, а другая—для губернатора. При вторичном же допросе он показал, что когда писал донос—«был сильно выпивши и сильно озлоблен против евреев, а о бомбах ничего не знает». Во всех почти церквах попы, в угоду царского строя, произносили проповеди, в которых, как напр. некий «отец» Сергиевский, названный в № 17 газеты «Сев. Кавк.» врагом всего народа и реакционером до мракобесия, взывали к прихожанам о неприсоединении к крестьянскому союзу, призывали быть «осторожными, дабы не примкнуть к партии крамольников, сеющим зло по всем городам и селам и вообще быть довольными тем, что бог послал», и в таком же духе. Были попы и либеральные и за проповеди в вольно-либеральном духе попадали под опалу архиерея и на заметку к жандармерии; переводились в беднейшие приходы и им даже запрещалось служение в церкви.



Затишье.

Годы, прошедшие со времени первой русской революции 1905 года и до февраля 1917 года, были периодом революционного затишья.

Были-ли какие-либо революционные вспышки на Тереке за это время и если были, то какой характер они носили—это мы постараемся выяснить в данном очерке.

Прежде всего кто населял Терскую область? Она имела, кроме грозненских нефтяников, очень небольшое количество рабочего населения. В состав области входило много округов с пестрым разноплеменным населением. Подавляющее же большинство населения составляли казаки и крестьяне.

Крестьянство в то время было политически незрелым. Оно только начинало сознавать необходимость революционной борьбы.

Еще более забитыми и отсталыми в политическом отношении были населявшие область горские народности. В то время для революционной борьбы они не были еще способны. Что же касается казачества, то царское правительство всеми мерами силилось задобрить его и тем самым обезвредить для революционной борьбы. Казачество жило сносно, пользовалось крупными льготами и, в силу ряда причин, держалось от революционного движения в стороне.

Таково было в общих чертах положение отдельных социальных групп, населявших Терскую область, положение бросающее свет на причины революционного затишья.

С другой стороны правительство после 1905 года стало хитрее и беспощаднее. Деятельность охранок оно усилило во много раз, с революционерами расправлялось ожесточеннее и беспощаднее. За малейшую попытку выступления карало виселицей и каторгой.

Это был период, когда партия рабочего класса накопляла внутреннюю силу, период, когда выступление могло кончиться поражением; когда нужно было укреплять свои ряды для грядущих боев, пополнять эти ряды новыми и новыми силами.

Такова была тактика рабочей партии—большевистской. Лозунгом ее было нераспыление сил, а их об'единение.

И все-таки, несмотря на свою отсталость, забитость и вследствие этого—пассивность, крестьянство поняло после 1905 года, что права на землю не даются, а завоевываются и что завоевать их можно только общими усилиями, об'единившись.

В 1906 году делается первая попытка такого об'единения. В Ставрополе созывается губернский с'езд Всероссийского Крестьянского союза, на который прибывают делегаты из всех уездов Ставрополья, в том числе из уездов, ныне входящих в состав Терской губернии. На с'езде фигурируют и социал-демократы (большевики). Делегаты решают, что земля должна отойти к тем, кто ее обрабатывает «без всякого выкупа», что она должна отойти «в общинное и уравнительное землепользование».

Таким образом уже в то время наиболее сознательные слои бедняцкого крестьянства пришли к выводу о необходимости захвата земли, захвата насильственным путем и «без выкупа».

С'езд проходил под общим руководством партии эсеров, но большевики имели на нем несомненное влияние.

Были-ли за этот период случаи насильственного захвата земель? На этот вопрос можно ответить утвердительно. В 13 году возникли аграрные беспорядки в Кабарде, тогда входящий в состав Терской

области, а ныне составляющей неразрывную часть Кабардино-Балкарской автономии. Выступление произошло из-за переданных князьками зольских пастбищ и вылилось в форму насильственного овладения ими. В результате 10 «бунтовщиков» были арестованы и брошены по тюрьмам.

Повторяем, крестьянство тогда было еще политически незрело, особенно горское крестьянство. Намеки на революционное движение с их стороны были, но они носили стихийный, не оформленный характер и не привели в то время ни к чему. Только в 18 году, об'единившись с рабочим классом, крестьянство пошло по правильному пути и добилось того, к чему стремилось.

Работа эсеров по борьбе с царским правительством потому и не выдерживала критики, что они действовали в одиночку и распыляли свои силы.

1906—16 годы были периодом махрового расцвета эсеровщины на Тереке. Эсеровские организации были разбросаны по всей Терской области.

Какова же была тактика борьбы эсеров? Какие методы они применяли?

Прежде всего террор. Но террор частичный, случайный, против отдельных лиц и, следовательно, не достигающий цели. За убийство одного жандарма или пристава они теряли десятки лиц. Можно-ли было такими мерами бороться и победить? Конечно нельзя. Ибо они напоминали ни больше, ни меньше, как подразнивание озверелого пса.

В мае 1907 года во Владикавказе был убит чиновник особых поручений при губернаторе Мамацев. Убийцей оказался член партии эсеров Тевель Карлицкий, который вскоре был расстрелян.

В том-же году в июле был убит в Пятигорске одесский генерал-губернатор Карангозов. Убийство совершил эс-эр Вертепов, тотчас бежавший заграницу.

17 декабря того-же года в Кисловодске был убит пристав Болдырев. Четыре участника этого террористического акта эс-эры были убиты на месте.

В 1912 году 21 августа в Пятигорске был убит жандармский подполковник Лупаков. Убийство совершил террорист Аракелов, сосланный на 20 лет в каторжные работы.

Из этого небольшого перечня террористических актов видно, как приходилось расплачиваться террористам за свои ошибки. После каждого террористического акта начинались массовые аресты революционеров по подозрению и доносам, избиения их в тюрьмах и ссылки. РСДРП (б) была всегда против такой тактики, совершенно правильно раз'ясняя массам пролетариата, что индивидуальные выступления делу рабочего класса пользы не приносят, а вызывают лишь усиленные репрессии царского правительства, а трудовые массы только отвлекают от классовой борьбы.

Появление на Тереке организаций РСДРП и в них большевистских фракций относится к 1905 году. Судя по воспоминаниям т. Бородыни, после революции 1905 года в Минеральных Водах, например, возобновился комитет организации РСДРП. Среди эс-деков тогда еще преобладали меньшевики. Большевики-же (их было всего 5 человек: Авгученко Петр, рабочий депо, Хилков Степан, слесарь, Непин, часовой мастер, Тараканов, слесарь, и Бородыня — ученик), составляли «коллектив РСДРП (б)». По словам тов. Бородыни, меньшевики старались недопускать развития большевистской организации, называя их программу утопией.

Намек на существование большевистских организаций на Тереке в то время есть в письме помощника наместника на Кавказе к начальнику Терской области ген. Михееву, датированном 18 ноября 1908 г. В письме говорится о том, что армянские общества на Кавказе покрыли его сетью культурных учреждений и «стремятся дать развитие и воспитание всей массе на Кавказе в духе национально-социалистическом, согласно программы партий «дашнакцутюн», «социал-демократов» фракции большевиков и сакартвело» и «стремятся к образованию независимой Закавказской республики на федеративных началах». Письмо заканчивается просьбой сообщить, есть-ли такие общества и в Терской области. Наместник все путает и над его «политической грамотностью» посмеется теперь каждый комсомолец, но характерно лишь то, что это письмо отмечает существование большевиков в Терской области.

Наконец, в нашем распоряжении агентурные сведения о партработниках Терской области. Судя по этим материалам, во Владикавказе происходили собрания

РСДРП у членов организации братьев Акуловых. В этом же списке упоминаются еще несколько фамилий взятых под надзор членов Владикавказской соц.-дем. организации и определенно указывается, что некий «Кудинов принадлежал к РСДРП (большевиков)».

В 1913 году Владикавказский эс-дек (большевик) Никгатуев прислал Изм. Баеву письмо, что по постановлению ЦК должно начать работу среди солдат «с целью вызова волнений».

В Пятигорске работал каменьщик Чимша, главным образом среди солдат местного гарнизона. Здесь же работал и другой рабочий эс-дек (большевик) Петр Шувалов, который говорил, что «в Пятигорске есть организация», что в организации участвуют солдаты 84 пехотного Ширванского полка.

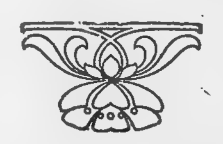
Эти крайне скудные сведения все-же показательны. Они доказывают не только то, что в это время большевистские организации уже были, но и что они проводили упорную работу именно там, где ее нужно было проводить среди солдатских и рабочих масс. Большевики не занимались, как эс-эры, террором. Они кропотливо внедряли в сознание солдат и рабочих идеи социальной революции, те самые идеи, которые впоследствии послужили фитилем для возжения октябрьского пожара. Массовая революционная агитация находила весьма благоприятную почву в тяжелом положении рабочего люда и солдата.

По всей вероятности поэтому распропагандированная масса встретила бурей недовольствия и возмущения известие об об'явлении войны. К войне уже больше не было такого рабски-покорного и смиренного отношения, какое было раньше. Правда, исподтишка, в закоулках, но все-же уже говорили о том, что войны затеиваются царями и капиталистами для их личных благ и что мобилизуемые рабочие и крестьяне им нужны как пушечное мясо.

Не так спокойно происходили мобилизации, как об этом писали черносотенные газеты. Нельзя не отметить случай, имевший место в день призыва запасных в Пятигорске. К сборному пункту, находившемуся в городской школе близ больницы Красного Креста, запасные явились с женами и детьми. Беседуя между собой, они открыто высказывали свое недовольство, необращая внимания на сновавших между ними охранников и городовых. Появился и агитатор, который выступил перед мобилизуемыми с речью о тяготах военной службы (по изысканиям истпарта фамилия его—Вас. Ник. Тихонов). Пытавшийся разогнать толпу помощник пристава Венеровский был убит. По этому делу были арестованы 7 человек, которые были приговорены к тюремному заключению на разные сроки до 18 лет.

Долголетняя война заставила прозреть народные массы, которые, наконец, поняли, что исход один. Он неминуем и необходим. Этот исход—революция...

Рабочие первые открыто выступили против войны. В 1914 и 16 годах на Грозненских старых нефтяных промыслах происходили забастовки. Сначала они проходили под углом только экономических требований, а затем послужили протестом против войны. Забастовками руководили большевики. Многие из участников забастовки 1916 г. попали в тюрьмы, но такой ответ жандармов и полиции протеста рабочих масс не ослабил. К февралю 17 года все грозненские нефтяники уже были настроены против империалистической войны. Накануне февраля забастовки происходили и в других местах, например, в Моздокском депо.



Февраль на Тереке.

Долголетняя война привела к кризису. Не было такой семьи, которая не оплакивала-бы смерть отца, сына, мужа, брата. Жизнь становилась невыносимой. Все знали, что так больше продолжаться не может, что должен быть какой-либо исход. И большинство населения этот исход видело в свержении существовавшего строя.

Этот строй был ненавистен всем и все ждали его конца: рабочие, крестьяне, казачество. И только «власть предержащие» надеялись на какой-то другой исход. Охранка становилась все зорче, полиция тоже насторожилась, беспощадно расправляясь со всеми, кто открыто высказывал свое недовольство.

Известие о перевороте было получено на Тереке 2-го марта. Для местных властей, казалось, оно было полнейшей неожиданностью. Недаром полиция медлила с обнародованием сообщения. Она на что-то надеялась, словно на то, что сведения эти не подтвердятся. Атаман Пятигорского отдела Попов задерживал телеграмму до 5-го марта. Такая же история повторилась и в других городах. Это продолжалось до тех пор, пока городские самоуправления не потребовали обнародования телеграмм.

Известия о низвержении самодержавия были встречены с необычайной радостью всеми слоями населения и особенно рабочими массами. В первые после переворота дни еще не задумывались о том, что свергнуть самодержавие—половина дела, что нужно еще завоевать власть у господствующих классов и передать ее рабочим и крестьянам. Весть о том, что наконец-то рухнул ненавистный режим, переходила из уст в уста. Многие граждане, встречаясь на улицах, лобызались друг с другом, поздравляя с праздником освобождения и выражая надежду, что наконец-то закончится кровавая империалистическая война.

Стали формироваться вышедшие из подполья партийные организации. Вынырнули на волю и социал-демократы большевики тогда еще небольшая группа товарищей.

Начали формироваться и гражданские исполнительные комитеты. Власть в них захватили представители соглашательских партий—эс-эры и меньшевики. В комитеты вошли и представители буржуазии.

Февраль на Тереке был маленькой копией февраля Питерского. После переворота здесь власть так же, как и в центре, перешла к буржуазии и партиям, допускавшим возможность совместной с нею работы. В Пятигорске городским головой избирается эс-эр Леонид Орлов, в Георгиевске оставляется Головин—тот-же, который был и до переворота, в Минеральных Водах почти до августа удерживается царский урядник и только в Моздоке председателем гражданского исполнительного комитета избирается рабочий депо—большевик Бородыня.

Чтобы получить представление о физиономии Пятигорского гражданского исполнительного комитета, достаточно вспомнить один штрих: 15 марта комитет постановил арестовать пом. нач. Терского областного жандармского управления Жавриду. Как видно из переписки, комитет сделал это больше в заботах о Жавриде, чем в каких-либо других целях. В переписке сказано, что он арестовал Жавриду «для избежания эксцессов со стороны населения, ибо нахождение на свободе членов жандармерии вызывает чрезвычайное раздражение». Вскоре Жавриду выпустили и дали ему в можность уехать. Но он вернулся снова «для рабо-

Главные руководители забастовок и вооруженного восстания 1905 г. на станции „Минеральные Воды".

1) Н. Н. Баклюков (в середине) 2) А. И. Шульте и 3) Ф. Г. Готгольд.

Снимок сделан в Пятигорской тюрьме в 1906 году.

На верху портрет б. присяжного поверенного Беме, выступавшего защитником по делу о 32-х (см. стр. 186 и 187) и ряду других политических процессов на Тереке.

Группа участников революционного движения в Минераловодском районе 1905 г., снята в Пятигорской тюрьме в 1906 году.

ты по контр-разведке». На основании резолюции митинга исполком вынужден был Жавриду снова арестовать. Он это сделал, но вскоре выпустил его «за отсутствием обвинений» и Жаврида удрал.

А вот физиономия Георгиевского гражданского исполнительного комитета: он состоял из попов, биржевиков, купцов, домовладельцев, врачей, юристов и учителей.

Апрель был периодом «обновления» думы—выборов новых гласных. Выборы происходили на началах «четыреххвостки». В Пятигорскую думу прошли главным образом эс-эры во главе с Л. Орловым, от соц.-демократов—Пащенко и Гурари. В Георгиевске выборы были несколько позже—6 августа. Здесь также победили эс-эры.

Но успех эс-эров был недолговременным. Как и меньшевики, они стали быстро терять под собой почву. Они не сумели овладеть городскими самоуправлениями и авторитет их начал быстро падать. Продовольственный кризис стал обостряться. Недовольство в массах возрастало и однажды стоявшие у продовольственного дела в Пятигорске генерал Каргер и меньшевик Майборода были избиты населением. Кроме того начались грабежи и самосуды, с которыми справляться власти были не в силах.

В существовавших порознь советах солдатских и рабочих депутатов также преобладали меньшевики и эс-эры. В Георгиевском, например, совете солдатских депутатов преобладали офицеры, которые проявляли тенденцию к переименованию его в «Совет военных депутатов». Этого добиться им не удалось.

Ко времени июльского восстания в Петрограде относится выступление большевиков на арену политической борьбы с соглашательскими партиями за передачу власти рабочим и крестьянам. В Пятигорске в это время был открыт об'единенный социал-демократический клуб «Жизнь», который занялся подрывом эс-эровской работы и первый поднял вопрос об организации Совета рабочих и солдатских депутатов. Совет был организован. В него вошли председателем меньшевик Бутырин (впоследствии член РКП), секретарем меньшевик Энгельгардт и членом президиума эс-эр Андреев. Солдатская секция первое время в работе не принимала участия и председатель ее Фролков ограничивался лишь ведением культработы. В меньшевистском Совете товарищем председателя, приблизительно с половины августа, стал т. Анджиевский.

Совет работал безалаберно, хотя и пытался внести в работу какую-то систему. Но население с Советом не считалось. Совет пытался создать из себя нечто вроде законодательного органа власти: оказывал населению юридическую помощь, организовал отдел записи актов гражданского состояния, больничную кассу, конфликтную комиссию, которая должна была улаживать конфликты между рабочими и работодателями. Но вся его работа в целом авторитетом не пользовалась.

Когда массы поняли, чего добиваются большевики, они пошли за большевиками. Выступавшие на митингах агитаторы встречались восторженными и сочувственными возгласами. Особенно солдатскими массами. Недаром 113 запасный полк, из рядов которого вышел т. Анджиевский, встал всецело на сторону большевиков. Недаром то же самое получилось с частями 113 полка, стоявшими в Георгиевске, куда для работы приехал с турецкого фронта большевик Маркарьян. Но кроме этого нужно было осаждать и цитадель буржуазную. И вот т. Анджиевский выступает в Пятигорской городской думе, где открыто называет гласных представителями буржуазии. В Георгиевск приезжает из Кисловодска старый большевик-подпольщик тов. Евсей, который выступает открыто на собраниях и громит буржуазию и соглашателей, а Маркарьян, по примеру тов. Анджиевского, выступает на собрании Георгиевской думы и, показывая на попа и буржуя, заседающих в качестве гласных, говорит: вы представители буржуазии, а в органах власти нужны представители трудового народа! Затем начинается период с одной стороны агитации за учредительное собрание и с другой—за передачу власти Советам.

Пятигорская городская управа за подписью гор. гол. Орлова и членов управы Жирова, Кибалова, Беркова, Горбатова и Когута выпускает воззавние о выборах в учредительное собрание.

А большевики выступают на собрании, бросают эс-эрам прямо в лицо обвинение в соглашательстве и буржуазности. К сожалению, отчета об этом собрании у нас

нет, но зато есть резолюция состоявшегося 26 сентября собрания минераловодской эс-эровской организации, которая высказывает опасения, что «брошенное обвинение в соглашательской политике партии соц.-цер., обвинение в буржуазности сможет внести дезорганизацию в ряды граждан, чутко прислушивающихся к лозунгам партии соц. рев.». Выходит, что эс-эры ни соглашательства своего, ни буржуазности и не отрицали. и только опасались за симпатии «граждан».

Но разложение было неминуемо, оно уже приближалось. Выделившаяся из РСДРП группа большевиков в 17 человек выросла к этому времени в двадцать раз и имела сочувствующих во всех слоях трудового населения и в воинских частях. После нескольких неудачных попыток разоружить 113 запасный полк, дума постановила об'явить его распущенным и солдаты разбрелись по домам.

Какова же была роль казачества в разыгрывавшихся событиях? Чью сторону оно держало? И против кого было настроено в классовой борьбе?

Тотчас же после революции войсковым правительством Терского казачьего войска, во главе которого стоял войсковой атаман Карáулов, а его заместителем был Медяник, было послано на утверждение министерства военных дел временное положение об общественном управлении Терского казачьего войска. Это положение ничем существенным не отличалось от прежнего, существовавшего до революции. Казачьи верхи хотели добиться прежней самостоятельности казачества, хотели недопустить до возможного слияния беднейшего казачества с крестьянством в единую семью. Они знали, что тогда им будет конец, как неминуем конец и помещикам, земли которых в случае победы рабочих и крестьян отойдут к последним.

Существовавший в то время войсковой круг состоял из офицеров, помещиков, дворян. Он и не мечтал ни о чем ином, кроме учредительного собрания. Словом кругу хотелось, чтобы трудовой люд, освободившись от царского ига, попал под новое иго—дворянства и буржуазии. В нашем распоряжении есть «воззвание к вольному Терскому казачеству и свободным народам области», подписанное войсковым руководителем по выборам в учредительное собрание Д. Писаренко, которое составлено именно в таком духе. Само казачество в массе своей не разбиралось хорошо в происходивших тогда событиях. Например, в резолюции, принятой на конференции представителей Донского, Терского и Кубанского казачьих войск (в сентябре 1917 года) с одной стороны заявляется недовольство Временным Правительством по поводу провозглашения России республикой, так как это «способствует разгулу большевиков», и потому конференция протестует «против захвата Временным Правительством власти учредительного собрания», а с другой стороны конференция «вынуждена заявить перед лицом Временного Правительства и всей страны, что казачество в своих идеалах о государственном строе по существу не удовлетворено актом временного правительства, и что совместно с другими народами России всемерно будет стремиться к провозглашению страны республикой демократической и федеративной».

Караулов и компания все это время ведут антибольшевист. агитацию. Офицерству удается распропагандировать против большевиков и находившиеся на группах Минеральных Вод Волгские полки.

12—22 ноября во Владикавказе происходили заседания Войскового круга под председательством Караулова, на который под маской представителей казачьего населения прибыло много казачьего офицерства. Недаром 12 ноября протоколируется предложение в протоколах заседаний круга, называть только фамилии депутатов, не называя чинов. Круг выносит постановление о непризнании большевиков и заключенного ими сепаратного мира с Германией, а по вопросу о национальной розни, разгорающейся на Кавказе, зачитывает приказ, которым обещает «карать смутьянов смертной казнью» и призывает граждан «забыть в тяжелую минуту гибели родины партийную и классовую рознь».

Караулов вместе с кругом занял такую позицию: он усиленно способствовал развитию национальной розни между горскими народностями и казаками, чтобы отвлечь казачье население области от классовой борьбы. Для этого он пользовался всеми средствами вплоть до поддержки горцев против большевистски настроенных солдат и беднейшего населения.

Вскоре роль казачьих верхов и Караулова выяснилась в достаточной степени. Тов. Бородыня, например, вспоминает, что на происходившую в первых числах декабря в Кисловодске 2-ую железнодорожную конференцию, по требованию делегатов был вызван Караулов, от которого конференция потребовала об'яснения политики войскового круга во главе с ним. Караулову было прямо пред'явлено обвинение в травле против большевиков и в разжигании национальной вражды. Некоторые делегаты бросились на Караулова с криками «золотопогонник», предлагая снять погоны. Караулов пустил крокодилову слезу о том, что ему будет тяжело расставаться с погонами, которые он носил столько лет». На вопрос, почему Караулов настраивает против большевиков Волгские полки, тот ответил, что они им уже лишены, за большевистское настроение, казачьего звания.

Между тем на Тереке разгоралась с одинаковой степенью национальная рознь и классовая борьба. Карауловцы вооружались и вооружали горцев, желая их использовать против большевиков. Они отбирали для этого оружие у проходивших с турецкого фронта полков. В Грозном, большевиками, по подозрению было задержано 8 гробов «с убитыми», в которых обнаружили винтовки и пулеметы. В первых числах декабря чеченцы напали на мирное население и на 111 запасный полк, требуя от него разоружения. После этих событий на ст. Прохладной столпились беженцы, солдаты с турецкого фронта, ждущие поездов и больные.

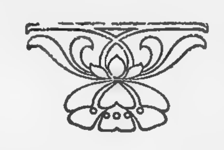
Караулов следовал из Минеральных Вод, вероятно, возвращаясь с железнодорожной конференции. Его поезд состоял из паровоза и одного вагона. Узнав, что в этом поезде едет Караулов, толпа бросилась к вагону с недоовльными криками. Машинист хотел было тронуть поезд дальше, но толпа отцепила вагон от паровоза и откатила его назад.

Наконец, по требованию толпы, к окну подошел Караулов. Караулов сделал попытку говорить, но ему говорить не дали. Тот пригрозил открыть огонь из пулемета. В ответ на это кто то из толпы выстрелил. В течение получаса шла беспорядочная стрельба. Когда солдаты (Уфимской дружины) вошли в вагон, они нашли убитыми Караулова, его брата и ад'ютанта.

13 декабря нач. штаба 1 Терской казачьей дивизии было отдано распоряжение привести казачьи полки в боевую готовность, в том числе и Волгские полки, стоявшие в Пятигорске. С другой стороны выяснилось, что в районе Гудермеса и казачьих станиц разгораются бои с чеченцами. Для борьбы с ними также были необходимы войска. Казачество неособенно охотно принимало все эти сообщения.

Имеются документы о дезертирстве казаков из 1-го Волгского полка. Тотчас же после получения казачьими частями в Пятигорске известия о мобилизации их против солдат и горцев, Пятигорский революционный штаб начал обезоруживать казаков и до 40 человек арестовал. На основании ходатайства делегатов от станиц, исполком пересмотрел этот вопрос и постановил: арестованных тотчас же освободить, оружие же возвратить только беднейшим, а состоятельным не возвращать.

Затем развернулись события, приведшие к установлению Советской власти на Тереке в 1918 году, но об этих событиях в следующем отделе.



Октябрь.

Почему запоздал на Тереке Октябрь.

Как известно, Октябрь на Тереке значительно запоздал по сравнению с центром и был совершен только 4-го марта 1918 года. В чем-же надо искать причины и об'яснения такого запоздания?

Терская область, из центральной части которой в 1922-м году образовалась Терская губерния, включала в свой состав Баталпашинский район, прилегающий к Кисловодску, Карачаевский район, Владикавказ с Прохладной и весь Кизлярский отдел, впоследствии переименованный, как и все впрочем отделы, в уезд и отошедший к Дагестанской республике.

Наличие в области самых различных национальностей, территории которых были вкраплены одна в другую: карачаевцев, кабардинцев, осетин, ингушей, армян, нагайцев, казаков и крестьян—все это с начала 17-го года выдвинуло и обострило вопрос национальный и не позволяло провести расслоение этих народностей по классовому признаку. До идей пролетарской революции всем этим мелким, озлобленным земельной неурядицей, народностям, было очень мало дела.

Им надо было так или иначе освободиться из-под вековечного ига казачества, посчитаться друг с другом и провести группирование сил по чисто национальному признаку. Отсюда полоса междоусобиц, долгие споры и схватки из-за земельных границ, нападения друг на друга, национальный антагонизм.

Второй причиной, задержавшей Октябрь на Тереке, следует посчитать отсутствие промышленных, фабрично-заводских районов, если не считать Грозного, в области; наличие казаче-крестьянского населения и отсутствие рабочих—давало также возможность держаться довольно продолжительное время партии социалистов-революционеров и в городах—социал-демократов.

И, наконец, оторванность от центра, разобщенность с ним благодаря калединскому и корниловскому движению на Дону, низкий культурный уровень всех горских племен и наличие на Минеральных группах контр-революции, сбежавшейся сюда после Октября со всей России—также давало неправильное освещение происходящим событиям, отдавало население в руки соглашательских партий и все время вызывало к жизни казачьи восстания, возглавляемые офицерскими бандами со Шкуро, Бичераховым, Агоевым и Серебряковым во главе.

Вместо того, чтобы об'единиться с рабоче-крестьянскими массами и создать стойкий аппарат в лице советов Р. К. и К. депутатов—казачество все время откалывалось, смутно шло за эсерами и мечтало об учредительном собрании, да собирало один за другим казачьи с'езды, на которых то и дело ставился вопрос о непризнании власти Совнаркома, и создании своей краевой народной власти.

В общем и целом следует признать, что на Тереке в 18-м году было три ориентации: казачья, признававшая соглашательские меньшевистские советы, но не желавшая работать с большевиками и признать власть совдепов; ориентация социалистического блока, куда вошли большевики, как Буачидзе, Фигатнер, Пашковский и др.; меньшевики и эс-эры, и третьей—была ориентация непримиримого Пятигорска:

— Да здравствует диктатура пролетариата и мировая социальная революция.

— Долой капиталистов, помещиков и их приспешников: меньшевиков и эсэров.—Такова была его линия.

Первые две ориентации еще иногда находили общий язык. Третья все время стояла особняком, формировала сознание рабочих и крестьян, организовывала в городах совдепы, вела по линиям железных дорог бои с поднимающимися станицами, создавала и создала впоследствии лучшие партизанские части Красной армии, отражала нападения банд Шкуро, Бичерахова и других; дни и ночи стреляла из броневиков, вооружалась, агитировала и завоевывала все больше и больше симпатии трудовых масс области.

Признание власти Совнаркома.

И нужно прямо сказать, что эта рабочая, уверенная и прямая ориентация на октябрь, начатая Пятигорьем и подхваченная рабочими, иногородними станиц и частью казаков—фронтовиков, сыграла решающую роль и на областном Терском с'езде трудовых народов. Этот с'езд чрезвычайно характерен для истории Терека; он рисует полную картину тех политических, национальных и главное земельных противоречий, которые все время приводили к столкновению отдельные народности. К сожалению и здесь приходится отметить неполноту материалов губархива, поэтому полную картину с'езда дать не удается.

Известно только, что 1-я сессия этого с'езда собралась в Моздоке 28 января. Вопросов основных было два: о признании власти Совнаркома и земельный. На с'езде присутствовало 257 делегатов. С'езд был разбит на казачью фракцию, фракцию гор-народностей и социалистический блок из большевиков, меньшевиков и эсэров. Во время работ с'езда было получено сообщение, что по всей Сунженской линии идут бои казаков с чеченцами. С'езд выпустил воззвание к народам Терека с призывом к миру. В Грозном в это время образовался после ряда многолюдных митингов Военно-Революционный комитет во главе с Длунем и Мамсуровым. Они заявляли, что вопрос о власти разрешит только с'езд Революционных комитетов. На с'езде-же в Моздоке было известно, что наряду с этими событиями в Грозном и боями по Сунже—во Владикавказе заседает Терский войсковой круг, часть которого мечтает об восстановлении власти Терско-Дагестанского войскового правительства типа Караулова.

Настроение казачьей секции с'езда было пестрое. Но почти все они в конечном итоге, во главе с Даниловым, примкнули к большевикам. И все таки, когда по настоянию большевиков прямо был поставлен вопрос земельный—казаки как один встали против. Они могли рассматривать какие угодно вопросы, но землей ни с кем делиться не хотели, предпочитая всякому миру, войну за нее. Это и сорвало первую сессию с'езда. Тогда на 15 февраля была назначена 2-я сессия с'езда в Пятигорске; при чем на этом с'езде должны были быть исчерпывающе представлены все народности Терека.

К сожалению и об этом с'езде в архиве не полные материалы. Так, например, нет сообщения о том, сколько человек присутствовало на с'езде, какие народности были и в каком количестве делегатов представлены, кто вошел в президиум с'езда.

Из имеющихся материалов видно, что с'езд открылся в Пятигорске 15 февраля. Председателем его был Такоев (осетин), товарищем председателя т. Анджиевский. С'ездом были образованы секции: 1) военная, 2) по национальному вопросу, 3) земельная, 4) рабочая, 5) по продовольствию, 6) транспортная, 7) развития производственных сил края, 8) народного образования, 9) медико-санитарная, 10) судебно-правовая, 11) финансовая.

Отношение с'езда к заседавшему во Владикавказе Терскому войсковому кругу выразилось в следующем постановлении: круг считается неправомочным, работа его незаконной и вредной; с'езд выносит самое отрицательное отношение к «кучке карауловцев»; и предлагает всем членам круга, имеющим полномочия, приехать на с'езд в Пятигорск; остальным немедленно раз'ехаться по домам.

Затем с'ездом была принята большая повестка дня из 13-ти вопросов, из которых самыми боевыми были: земельный, национальный и о признании власти Совнаркома.

Большевики все время предлагали разрешить вопрос земельный, правильно учитывая, что он разрешит и все остальные вопросы с'езда. Казаки-же наоборот заявляли, что земельный вопрос трогать нельзя, но что власть Совнаркома они признать согласны. Конечно клином в деловую работу с'езда врывались пустые, красивые рассуждения эс-эров: Андреева, Мамулова и меньшевика Маршака—об учредительном собрании и четырехвостке, хотя и иногородние: рабочие и крестьяне, и все казаки как один (за редким исключением) стояли за Советы и имели в этом роде наказы с мест.

С большой, интересной речью на с'езде выступил т. Киров, указавший, что «все наши стремления могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится республика трудовых масс. Революционный год прошел мимо Терека. Здесь засели реакционные элементы, сбежавшие из центра: Москвы, Петрограда и будируют казачьи массы. Тереку надо немедленно ликвидировать столкновения чеченцев и ингушей с казаками. Только в мирном братском содружестве всех народов, залог правильного разрешения всех вопросов».

По национальному вопросу с'ездом принята резолюция: Терская область является составной частью Российской федерации и является союзом народов и племен, политическое участие которых в управлении областью выражается пропорциональным представительством в составе единого органа областной власти.

По земельному вопросу принят подавляющим большинством закон о социализации земли, принятии 3-м Всероссийским с'ездом Советов. После этого часть казаков покинула с'езд с заявлением, что земельный вопрос правомочен разрешить только «хозяин земли русской»—учредительное собрание.

И, наконец, с'ездом, большинством 220 против 22-х, при 44-х воздержавшихся, 4 марта в 11 час. 35 мин. была признана власть Совета Народных Комиссаров; и затем послана приветственная телеграмма от с'езда предсовнаркома т. Ленину и в Ростов на Дону уполн. по борьбе с контр революцией Антонову.

В виду разыгрывающихся событий во Владикавказе—с'езд постановляет 5 марта переехать во Владикавказ. О работе с'езда во Владикавказе—никаких материалов нет. Известно только, что в конечном итоге там был избран Терский Народный Совет и его исполнительный орган—Терский Совнарком с председателем Буачидзе. Совнарком этот хотя и был большевистским (с участием в нем и др. партий), но сидел все время на кратере—нацсовете, где настроение было самое пестрое и переменчивое. И все разросталась гражданская война и увеличивались столкновения Терских народностей с казаками.

Казачьи с'езды.

Земельный вопрос всегда делал политику Терской области. Здесь было две группы: казачья—обильно, сверх всякой меры снабженная землей и сдававшая землю в аренду и иногородняя и горских племен; эта группа, и особенно горцы: ингуши, чеченцы—не имела земли и естественно тяготела к переделу земельных фондов. Но казачество упорно не хотело трогать земельного вопроса и недаром в воззвании казачьей секции Пятигорского отдела к казакам всей области так прямо и говорится: что все эти областные с'езды главным образом хотят поднять вопрос о переделе земли и что этот вопрос больше всего касается казачества. Но, мол, «300 лет существует Терское войско, оно потом и кровью отвоевало каждую пядь этой земли, когда здесь были глухие дебри, непроходимые леса и безбрежные степи—не было охотников на землю, а теперь, когда жизнь стала под защитой казаков безопасна, земля стала плодородна, так и охотников на нее находится много».

«Нам, истинным сынам Терека и потомкам славных дедов и отцов, необходимо призадуматься, чтобы не разбросать зря доставшееся наследство».

Естественно, что такие взгляды казачества на земельные фонды области, как на свои собственные—толкали их весь 18-й год на свое казачье об'единение. И вот наряду со с'ездом народов области протекает во Владикавказе заседание Войскового круга 6-го созыва с 11 по 24 февраля 1918.

года и 7-го созыва с 28 марта по 6-е апреля 1918 года.

Войсковой круг 6-го состава проходит под председательством хорунжего Фальчикова Г. Ф. Состав круга по отделам—неизвестный. Из речей отдельных делегатов можно усмотреть жалобу на малочисленность круга в связи с тем, что часть казаков поехала на с'езд в Моздок. Из речей целого ряда ораторов видно, что они уполномочены станицами только на принятие войскового имущества от войскового правительства (Белый, Яицков и др.).

Другие, как Цугулиев, Белый, Еланский подчеркивают, что многие станицы, особенно Моздокского отдела, послали бы на круг своих делегатов, но туда приезжали из Пятигорска и уговорили послать делегатов на областной с'езд народов.

Тогда войсковой круг принимает текст телеграммы, адресованной всем атаманам станиц, от которых нет делегатов.

«Атаманам станиц. Казаки, с'ехавшись в город Владикавказ на казачий с'езд Терского войска в законном количестве 120 депутатов, приступили к работам; но тем не менее считает необходимым иметь представительство на с'езде всех станиц; почему просит вас внести на обсуждение экстренного станичного круга избрание депутатов для командирования их в город Владикавказ на участие в братском обсуждении общих казачьих интересов».

После ряда мелочей, круг заслушивает отчет и. д. войскового атамана Медяника Л. Е. о деятельности войскового правительства с 17 марта 1917 года по настоящее время.

После февральского переворота, 14 марта 17 года во Владикавказе был созван казачий круг от всех станиц по 2 человека. К этому времени прибыл из Петрограда Караулов М. А. и был избран председателем войскового круга (все вставанием чтят память Караулова).

Кругом было выработано положение о самоуправлении Терского казачьего войска. 17 марта было избрано войсковое правительство и войсковой атаман Караулов М. А. Караулову пришлось очень много поработать над умиротворением страстей нашего бурного Терека. Им-же в конце концов летом исходатайствованы 2 полка с Кавфронта—для поддержания порядка в области. 23 августа прибыли с фронта Сунженский и Гребенской полки.

5—8 августа происходил об'единенный с'езд ингушей и казаков по вопросам примирения. Этот с'езд воскресил примирительные суды. Казалось бы, мир должен был воцариться. Но вот 2 делегата ингуша, возвращавшиеся с этого с'езда, были убиты в юрте станицы Нестеровской и опять началась вражда.

В это время началась уже отдельными личностями вестись агитация против войскового атамана и правительства. Тогда, 10 декабря, мы стали просить круг снять с нас полномочия. Он нам в этом отказал. А 13 декабря был убит Караулов и начались преследования всех членов правительства. Назначенный на 10 января круг не с'ехался, не с'ехался он и 25 января в Марьинской. В это время во Владикавказе начались грабежи. Части разбежались по домам. Охраняли войсковое добро только члены правительства, ген. Голощапов, да небольшой отряд из офицеров и казаков.

После доклада Медяника, с'езд заслушал внеочередное заявление об аресте Грозненским военно-революционным комитетом Грозненских нефтепромышленников за отказ в выдаче 1 миллиона рублей на ведение войны с бандитами. Вопрос передается в комиссию. 14 февраля депутатом ст. Тарской было доложено, что в ст. Тарской и Аки-Юртовской ингуши напали на жителей и убили несколько человек; среди них один 12-летний мальчик. Станицы просили переселить их в северную часть области, ибо на этих местах жить и работать им становилось невозможно. В это-же время председателем круга Фальчиковым оглашается сообщение Дагестанского областного исполнительного комитета о том, чтобы на территории Терской области защищались интересы ингушей и чеченцев, которые много терпят от казачества.

Затем были заслушаны доклады о работах Моздокского с'езда народов области. Круг отнесся скептически к его правомочиям и работе, и разработал свое положение об организации управления о Терском казачьем войске.

20-го февраля Фальчиков был вызван к прямому проводу из Пятигорска Даниловым—председателем казачьей секции областного с'езда, переехавшего в Пятигорск из Моздока. Данилов категорически заявил, что фракция рассматривает круг, как собрание делегатов от станиц, уполномо-

ченных на принятие войскового имущества. Остальные же вопросы круг разбирать не правомочен.

В заключение круг намечает по предложению председателя комиссии по реорганизации строевых частей н—ками отрядов: Пятигорского отряда полковника Агоева, н—ком Гребенского отряда полковн. Бочарова, Моздокского отряда—полк. Рымаря и к—ром 1-го Сунженско-Владикавказского полка войскового старшину Рощина.

В заключение, заслушав доклад об обстреле Грозного чеченцами из артиллерии, круг постановил выслать в Грозный для заслона части Волгских полков.

Заседание войскового с'езда 7-го созыва протекало во Владикавказе с 28 марта по 6 апреля 1918 года. На с'езде присутствовало 104 делегата. Председателем с'езда был избран Фальчиков. Этот 1-й казачий с'езд приветствуется даже представителем Терского Народного Совета Богдановым—комиссаром труда и промышленности. С'езд постановляет в свою очередь приветствовать единую в области власть —Терский Народный Совет и создать при нем из 8 человек казачий хозяйственный совет. Что же касается земельного вопроса, то тут с'езд предпочитает отступить дипломатически. Им выносится резолюция о том, что признавая принципиально приемлемым декрет о социализации земли, с'езд в то же время думает, что население области еще недостаточно подготовлено к этому; во всяком случае вопрос надо отложить до созыва отдельских казачьих с'ездов, на каковые Терскому Народному Совету и надлежит командировать своих представителей для раз'яснения на местах закона и порядка социализации земли.

Вся остальная работа с'езда чрезвычайно бледна и заполнена только удовлетворением суточными и прочими видами довольствия делегатов, отдельных ликвидируемых штабов и лиц.

Октябрь в Пятигорске.

В Пятигорске таким образом были сосредоточены все главные силы партии. Отсюда посылались делегаты по станицам и аулам; отсюда велась вся партийная и советская работа. Таким образом в первую половину 18-го года Пятигорск играл роль советского и партийного с'езда области; а с сентября месяца, как мы увидим ниже —центра и всего Северного Кавказа.

Сейчас же после от'езда делегатов областного с'езда из Пятигорска во Владикавказ для окончания работ—с 18 марта в Пятигорске (по ст. стилю—с 5 марта) ведутся перевыборы и 25 мар. власть берет в свои руки 1-й Пятигорский (большевистский) Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В начале в этот Совет входят меньшевики и левые эс-эры, потом ряд решительных мероприятий, в виде реквизиции мебели у буржуазии, социализация буржуазных домов и т. д., заставляет большевиков отказаться от сотрудничества с этими мягкотелыми интеллигентскими партиями и вести работу самим. Прежде всего председателем Совдепа и к—та партии т. Анджиевским были об'единены вокруг совета и партии все союзы. Кроме вооружения союзов, он уделял много внимания и сформированному в это время революционному штабу, возглавляемому Нижевясовым.

Партизанские красногвардейские части формировались еще до взятия власти Совдепом, вскоре после того, как раз'ехался 113 запасный полк и революционной работе все время грозила опасность от реакционного казачества. Дальновидный тов. Анджиевский правильно учел, что ему надо иметь свои части дисциплинированные и достаточно революционные. И вот вербовка в части ревштаба началась еще с января 1918 года; причем в вербовочную комиссию входили: Гиловерин, Романенко и Поддубный. От этого же штаба посылались делегаты в Волгские полки для соответствующей агитации.

В феврале месяце этот революционный штаб выпустил воззвание к казачеству, в котором призывал всех казаков—революционно настроенных, вступить в его ряды; остальным предлагалось сдать оружие. И даже вскоре после этого приказа, когда выяснилось, что ст. Горячеводская оружие имеет и не хочет его сдавать — она была обстреляна артиллерийским огнем, после чего сдача оружия пошла интенсивнее. Во главе ревштаба, к моменту захвата власти в Пятигорске Совдепом,

стоял Нижевясов; помощниками его были Салов, Семенов, Гиловерин по пулеметной части и Гольдман по артиллерии.

Когда части Нижевясова были сформированы—распоряжением Терсовнаркома —они были посланы под Ростов на Дону для борьбы с Калединцами, участвовали во многих боях, в одном из которых сам Нижевясов был ранен. Для того, чтобы не дать Нижевясову особенно усилиться и всем этим отрядам захватить всю власть на группах—Совет предложил Нижевясову пост товарища председателя Совета и слияние штаба с военным отделом Совдепа.

А к этому времени Пятигорский Совдеп уже был далеко за пределами групп известен, как Совет рабочих и крестьян, как Совет классовый, не идущий по пути соглашения с буржуазными партиями и не уступающий своих позиций. Ясно, что в окружении мало революционизированных станиц и национальных распрей — ему нужно было в первые месяцы опираться на реальную силу, которая всецело была бы в его руках. Такой силой могли оказаться только части ревштаба по проведении их реорганизации. И вот тут-то и вспыхнуло Нижевясовское восстание.

Восстания на территории Пятигорья.

Восстаний в Пятигорье в 18-м году было много. Все они положили начало, главным образом, от контр-революционной политики партии эс-эров и верхов казачества. И первым таким восстанием было восстание Нижевясова.

Нижевясов, по возвращении из под Ростова, увенчанный сомнительной славой и сопутствующими ее слухами об его грабежах и бандитизме в разоряемых станицах, начал мечтать о создании военной дирректории, которая под маской борьбы с казачьей контр-революцией взяла-бы всю власть в свои руки. Ему нужен был простор для самочинных действий; простой солдат и кустарь-сапожник по профессии —он, командуя частями ревштаба—опьянился властью и жадно к ней стремился. Поэтому роль помощника Анджиевского ему совсем не улыбалась. Помощники его в виде Семенова и Салова вполне разделяли его точку зрения и вот в ночь на 20 апреля (под пасху) Нижевясов вздумал захватить власть на группах в свои руки. Части его захватили совдеп; было отдано распоряжение об аресте исполкома совдепа и Анджиевского; на все группы частям штаба было дано соответствующее предписание.

Но—восстание сорвалось. Комитет партии и исполком совдепа ушел в подполье, об'явив Нижевясова изменником и вызвал по телеграфу из Владикавказа с броневиком председателя Терского Совнаркома Буачидзе. Разбитые на десятки, рабочие и члены партии 2 дня были в тревожном состоянии. Части Нижевясова перепились и захватив самого Буачидзе, хотели его расстрелять; но в конце концов наиболее благоразумные из нижевясовцев учли, что его дело проиграно и развязка наступила быстро.

Нижевясов с помощниками распоряжением Терского Совнаркома были расстреляны.

Второй—началась авантюра полковника Шкуро.

Шкуро прибыл на группы—в Кисловодск, с полномочиями от Автономова на формирование казачьих частей для отражения германского нашествия. Прибыл он в конце апреля и начал формировать части. Сформировав 1.000 человек казаков Суворовской, Бургустанской и Бекешевской станиц, он стал требовать у Кисловодского исполкома казармы для них и 2 миллиона на содержание. Военный комиссар Гульбе арестовал его и отправил в Пятигорск к Анджиевскому. Для ликвидации-же сформированного отряда выехал в Ореховую балку с отрядом коммунаров и рабочих Леонов. Казаки не хотели раз'езжаться по домам; открылся бой, их удалось рассеять; но все-таки со стороны отряда Леонова было несколько человек убитых и раненых.

Анджиевский, видя у Шкуро документы и от Буачидзе, отправил его во Владикавказ с своим заключением о том, что Шкуро ведет контр-революционную агитацию и является врагом молодой Советской власти. Сведений еще о боях отряда Леонова с его отрядом не поступало в Пятигорск. Буачидзе освободил Шкуро под честное слово. Этот вернулся на группы и вскоре скрылся из Кисловодска в станицы для

организации повстанческих казачьих отрядов.

В июне месяце Анджиевский поехал в Москву для выяснения вопросов тактики по отношению к казачеству и соглашательским тенденциям Терского областного совета. А в это время по инициативе эсеров военотдела Терского Нароного Совета и эсеров Пятигорска стали повсеместно организовываться офицеры для создания так называемой народной армии, которая «не должна будет вмешиваться во внутреннее строительство власти и призвана защищать границы страны от германского нашествия».

Такое собрание состоялось в середине июня и в Пятигорске в народном доме; на нем присутствовали: генерал Русский, Радко-Дмитриев и другие. (Полковники Бичерахов, Агоев и т. д.).

Когда вернулся из Москвы Анджиевский, он сообщил, что центр одобрил тактику Пятигорского комитета партии и совдепа, и что никаких народных эсеровских армий во главе с офицерством не должно быть, а вместо этого формируется по всей территории республики Красная армия.

И вот в конце июня месяца, узнав об такой обстановке через своих агентов в Пятигорске, Шкуро уже официально поднимает знамя восстания против Советской власти и занимает со своими отрядами Кисловодск. Здесь в боях падает до 27 человек красноармейцев и парттоварищей. Буржуазия, конечно, восторженно встретила молодого «избавителя» и благословила его начинания по «освобождению родины». Это окрылило молодого авантюриста.

Вскоре он из Кисловодска был выбит, но уже остался навсегда партизаном, скрываясь в горах и опираясь на контрреволюционные станицы Бургустан, Суворовску, Бекешевскую и начиная завязывать сношения с Корниловским Доном.

В июле он занял Ессентуки, продержавшись здесь одни сутки. Отряд Пятигорск. коммунистов и рабочих под руководством т.т. Анджиевского и Анисимова выбил его из станицы и прогнал далеко в горы. В этих боях был убит т. Анисимов.

3-й набег Шкуро предпринял опять на Кисловодск в августе месяце, заняв город 14 августа и продержавшись в нем до 27 августа. Здесь он держался долго. Наконец был выбит подошедшим на помощь красным полком. В этих боях был ранен и т. Ильин, впоследствии от ран скончавшийся в Пятигорске.

И, наконец, последнее его наступление на Ессентуки было в конце декабря 1918 года. Здесь по линии Ессентуки—Бургустан все время шли бои с переменным успехом. Это было время, когда Красная армия болела тифом и отступала. А Шкуро был подкреплен свежими кубанскими полками через Баталпашинск.

Затем в конце-же июля Терек пережил восстание в Моздоке; где, свергнув советы —эсеры и казачество образовали так называемое моздокское областное временное правительство, с полковником Бичераховым во главе и министром земледелия Пятигорским правым эсером Леонидом Орловым в составе правительства.

Это правительство об'явило все советы самочинными и низложенными, в том числе и Терский Народный Совет и Совнарком, а делегатов, с'ехавшихся на 4-ю сессию Терского областного с'езда трудовых народов—вне закона. Это и вызвало события у ст. Змейской, когда возвращавшиеся из Владикавказа со с'езда делегаты с'езда от Пятигорска—были захвачены бичераховцами и частью убиты—как Гюленев (председатель Кисловодского совдепа), Пашковский, Блюменталь и др., частью захвачены в плен и препровождены в Моздок (Бородыня, Блок, Эмма и еще около 20 человек).

К концу августа Моздокское правительство было ликвидировано, а главари его—Бичерахов и Орлов—скрылись в Закавказье. Но вот в сентябре в Пятигорск, в связи с отступлением по всему фронту армий Сорокина, переехали все северо-кавказские штабы, учреждения и организации. И вскоре назрела еще одна авантюра—Сорокинская.

Перед Сороковщиной.

Чтобы понять полностью картину измены главковерха Северо-Кавказских армий, Сорокина, надо хотя-бы частично представить себе положение вещей на Северном Кавказе в июле месяце. Прежде всего приходится отметить, что до 5 июля вообще на Северном Кавказе, несмотря на его оторванность от центра, так как Донская область была занята немцами—не было единой краевой власти. Отдельные области: Кубанская, Терская и губерния Ставропольская—действовали каждая по своему усмотрению. Заседали в совдепах, агитировали среди казачей и крестьянской бедноты, но общей картины себе не представляли и связи друг с другом не имели. Это конечно развязывало руки таким авантюристам, как Сорокин и ставило их действия вне всякого советского и партийного контроля.

Это-же не мало способствовало и тому, что верхи казачества и все бежавшее на Дон реакционное офицерство, просачивались свободно в станицы и города Кубани и Терека и села Ставрополья и вербовали в них сторонников корниловских, впоследствии деникинских отрядов. Получалось так, что каждая губерния и область, каждый уезд или отдел и даже каждый город самоопределился, представлял из себя самостоятельную республику и совершенно не был втянут в общие события Северного Кавказа.

И только 5 июля был созван по инициативе активных краснодарских партработников 1-й Северо-Кавказский с'езд Советов в Краснодаре. У нас нет сведений о предшествующей ему краевой партконференции. Но надо полагать, что она могла состояться перед с'ездом советов не задолго, за неделю, две.

Неизвестным остается и то, были-ли на с'езде представители Терека и в частности Пятигорья. Но представители частей Красной армии занимали на с'езде солидное место. В президиум с'еза вошли от фракции коммунистов т.т. Рубин—председателем, Меньшиков, Крайний, Тарасенко; от революционных войск Красников; от левых эсеров Балис, Донненко, Железняк и Лавренко.

В приветственной с'езду речи т. Рубин отметил, что с'езд собрался в тот момент, когда республику осаждают со всех сторон белогвардейские банды, когда империалисты всех стран втравливают трудящихся в новую бойню, когда Германия ставит на карту свое могущество, а Англия, Франция и Америка пытаются ее задушить. В заключение т. Рубин призывает об'единиться для борьбы с контр-революцией и раздуть революционный огонь российской революции в мировое пламя, для освобождения рабочего класса от буржуазии всех стран.

Затем почетными членами с'езда были избраны: т.т. Ленин, Троцкий, К. Либкнехт, Фр. Адлер, Спиридонова и Камков. Посланы были приветственные телеграммы Совнаркому, Всероссийскому с'езду советов и на фронт.

С докладом по текущему моменту выступил т. Орджоникидзе. Он выявил все разногласие между большевиками и эсерами, отметив, что Брестский договор дал Советской России «мир похабный, никуда негодный», но другого выхода не было. Несмотря на мир, немцы под разными предлогами продолжали все время продвигаться дальше и вот дошли до Батайска. Сейчас они диктуют линию поведения. Ясно, что этому могут положить конец только части рабоче-крестьянской красной армии, которую должен создать пролетариат немедленно и на основе строгой пролетарской дисциплины. На Советскую Россию со всех сторон наступает контр-революция. Отечественные контр-революционеры мечтают под лозунгами учредилки провести новое закабаление рабочих и крестьян. Международные хищники мечтают об оккупации России и в этом им помощниками являются правые эсеры, думающие, что без союзных войск нам не выйти из критического положения. В результате у нас назрел чехо-словацкий мятеж, который в первую голову является делом рук российских меньшевиков и правых эсеров. И вот получается так, что генерал Краснов заверяет, будто-бы немцы наши друзья; при этом впустил их хозяйничать в Донскую область; а кавказские меньшевики, кричавшие о позорности Брестского мира, предают туркам и Германии армянский и грузинский народы. Учредительное собрание не может удов.

летворить народные массы. Пример этому Украинская Рада, в которой возседали меньшевики и правые эсеры и которая привела к господству гетмана Скоропадского. Такие-же мечты об учредилке в Финляндии и на Дону—отдали эти края под власть германского штыка. Большевики против войны сейчас, так как у нас нет еще армии; на лицо продовольственная и транспортная разруха. Надо сперва дать фабрики рабочим, землю крестьянам, создать новую пролетарскую армию, а потом уже начать защищать завоевания революции.

Содокладчиком т. Орджаникидзе выступил от левых эсеров Балис, который стал нападать на большевиков за заключение Брестского мира, и призывал не санкционировать его, указывая, что никакой передышки создавать не надо, что надо немедленно организовать отпор немецким армиям, занявшим западную и южную часть России и продвигающимся вглубь страны.

Его разбивает т. Рубин, указавший, что в дни Октября, когда большевики были на баррикадах Питера—эсеры голосовали против Советской власти. Ложь, что левые эсеры шли с коммунистами с самого начала. Они пришли на готовое. Брестский мир не нравится и большевикам, но иного выхода не было. Необходимо в первую очередь сломить отечественную контр-революцию. Неправ Балис утверждающий, что центр не дает снарядов Кавказу. Их невозможно подвести. Черноморский флот не имел силы: не было угля, нефти, мастерских. Пришлось пожертвовать им, так как встал такой вопрос: или Совнарком, или флот. Сейчас надо все внимание сосредоточить на Красной армии, укрепить ее, поднять хозяйство и транспорт, а не мечтать о красивой смерти в бою с превосходными силами противника.

Далее т. Орджаникидзе делает доклад по вопросу об об'единении всех республик Северного Кавказа. Советы должны являться звеньями, которые спаяют в одну семью рабочих, крестьян, казаков и горцев. Народы и сословия Северного Кавказа должны сплотиться и протянуть руку пролетариату остальной России.

При четырех воздержавшихся, вопрос принимается. 7-го июля избирается ЦИК Северо-Кавказских республик в составе: т.т. Рубина, Полуяна Я., Красникова, Швеца, Монахова, Силачева, Волошина, Райчинского, Сорокина, Кудрявцева, Усачина, Акулова, Зорьки, Тимченки, Гришина, Тарасенко, Самарского, Кокунько, Крайнего, Шипулина, Еремяна, Мальцева, Турецкого, Рожанского, Фафонова, Гладкова, Мачулина, Дунаевского, Темукова, Шишко, Бережного, Старцева, Ачкасова, Михайлова. Сафрай, и др., всего 43 чел., от фронтовиков—Ивахненко; от левых эсеров—Балис, Лехно, Козлова, Жирова и др. в количестве 29 человек; а всего таким образом в ЦИК было избрано 73 человека.

7 июля с'езд раз'ехался. Но еще долго после этого места продолжали работать автономно, зачастую уйдя с головой в мелкие, вернее узкие интересы и не представляя всей опасности, которая надвигалась на них со стороны деникинских банд и от штаба главковерха Сорокина.

Как вообще представлялась в июле 18 года обстановка нашей борьбы с Деникиным? Прежде всего приходится отметить главное и основное: Дон был занят германскими частями. Их уполномоченным являлся наказный атаман Краснов. Немцы были заняты только одним—выкачиванием с Дона и Украины хлеба. Поэтому во внутренние дела губерний особенно не мешались, наступать на Кавказ не собирались и вместе с тем давали возможность контр-революции распускаться на Дону махровым цветком. Дон явился прибежищем всех офицеров, помещиков, капиталистов, реакционеров. Деникин, Алексеев, Марков здесь формировали свои полки и отряды. Отсюда, как от исходного пункта, велись в разных местах, в начале разрозненно, наступления на советские пункты: Кубань, Терек, Ставрополье. Смутные материалы о том времени разрозненно и частично говорят о том, что деникинские части в это время подбирались к Краснодару, а генерал Алексеев наступал на Ставрополье. Одного правильного фронта не было. Но было сотни мелких летучих фронтов, которые в каждый момент установить нельзя было и которые не давали возможности наметить определенные диспозиции. И вот к этому-то времени во главе всех северо-кавказских армий, вернее частей и стоял «верховный главнокомандующий», как он себя называл—Сорокин.

Отряды эти организовывались случайно и стихийно на местах, вербовались в них все желающие и затем части самотеком направлялись под Ростов, в распоряжение Сорокина. Что-же за личность был Сорокин и каким образом он стал во главе армии целого края? Фельдшер по профессии, кажется окончивший военно-фельдшерскую Владикавказскую школу, он был очень плохим командующим и попал на этот пост также случайно, как случайно с него и слетел. Ненадо забывать, что части того времени набирались без особенного контроля и оставались до ноября месяца 18 года без политического надзора и воспитания. И только в ноябре были организованы политотделы при армиях и повелась более или менее правильная воспитательная работа.

Ясно, что в первоначальных случайного состава частях всякий карьерист и интриган, играя на инстинктах массы и потворствуя ей—мог пробраться на командные высоты властвования всей армией. И конечно нам положение рисуется в таком виде, что по существу Сорокин не только ни чем не руководил по нежеланию, но и потому, что не мог.

Ясно, что такая армия не могла быть особенно боеспособной. Вливающиеся в нее части с мест самовольно-же оставляли фронты. Для того, чтобы предпринять наступление, созывались фронтовые совещания и вообще дисциплины не было еще и только на предоставлении командующим и частями друг другу свободы действий—и покоилась «популярность» Сорокина.

Что Сорокин видел это—было ясно; что он стремился к усилению своей власти, видно из его сентябрьской попытки захватить власть и об'явить себя военным диктатором Кавказа. Но что он был наряду с этими честолюбивыми стремлениями авантюриста еще и очень плохим командармом—об этом говорит непрерывное его отступление с 300 тысячной армией перед разрозненными частями деникинцев.

На местах господствовало убеждение, что Сорокин занимал позиции под Ростовом, защищая Северный Кавказ от вторжения немецких полчищ. На самом-же деле немцы очень легко могли-бы рассеять армии Сорокина, если-бы в их планы входило занятие Северного Кавказа.

Из воспоминаний Пятигорского печатника т. В. Громака видно, что положение в армии Сорокина именно соответствовало всему вышесказанному. Он пишет, что к июлю месяцу, после разгона банд Шкуро, Пятигорский отряд красногвардейцев, переформированный из отрядов Нижевясова—выступил на фронт под Ростов в распоряжение Сорокина, в составе батареи, роты пехоты, эскадрона кавалерии при 4 пулеметах. Позиция была у Ростова. Если не считать мелкой перестрелки—боев с немцами официальных не было. Просто держали фронт. И тут уже стали ходить между частями слухи, что в штабе Сорокина не все благополучно; и вот вскоре было созвано совещание командиров всех отрядов, на котором выяснилось, что армия отрезана от Кавказа, что Тихорецкая занята деникинцами и что надо или послать один из отрядов для занятия обратно Тихорецкой или немедленно начать отступление всеми фронтами на Тихорецкую, где и выровнять линию единого фронта.

Т. Громак добавляет, что за второе предложение высказалось большинство и Сорокин тоже добавил: «и я так думаю». В воспоминаниях т. Громака подчеркивается, что Сорокина в частях недолюбливали. Это был среднего роста, худощавый, смуглый, под кавказца—мужчина лет 35, который больше кутил, чем занимался делом, важничал, солдат называл не товарищами, а «братцами» и казалось в исходе дела мало был заинтересован. В это время восстания возрастали; станицы поднимались все под ряд; т. Громак подчеркивает, что «вообще фронта не было, а были десятки фронтов, какое-то кольцо восставших станиц».

А в общем—тактика деникинских партизан сводилась к набегам в тыл нашей армии, что ее заставляло все время отступать. Таким образом, без официальных боев, если не считать бои у Краснодара и Кавказской—весь июль месяц прошел под знаком отступления наших частей. Пока наконец эта неумелая, а вернее предательская политика Сорокина не отдала в руки Деникина и Армавира, после чего все штабы Сорокина и он сам переехали в первой половине сентября в Пятигорск.

Что же представляло Пятигорье к тому времени? Оторванное от Владикавказа прохладненским фронтом—оно только что

ликвидировало второй набег на Кисловодск Шкуро. В самом Пятигорье вместо соглашательского отдельского народного совета—был на с'езде советов округа избран Пятигорский окружный исполком советов, во главе с. Атабековым. На ряду с Пятигорским совдепом, возглавляемым т. Пащенко—он в достаточной мере революционизировал рабочие и крестьянские массы, сплотил вокруг себя профсоюзы, расслаивал станицу и деревню.

Было-бы большой ошибкой при этом не отметить, что не все казачество было контр-революционно. Определения его часть, беднячество станиц все время шло за советской властью и не мало выделило бойцов в ряды Красной армии, а в 19-м году понесло жертв от добровольческой армии. Достаточно указать, как на характерный случай советизац. казацкой бедноты на ст. Советскую, быв. Государственную. Когда Бичераховцы издали приказ о мобилизации казачества против большевиков—ст. Советская мобилизовала из своих рядов целый красный полк и под командой Кочуры выступила вместе с отрядами Пятигорья против Моздокского контр-революционного казачьего правительства Бичерахова. И не даром в 19-м году здесь свирепствовали контр-разведки, вешавшие и расстреливавшие красных казаков сотнями. И не даром сейчас в ст. Советской до 700 семей, оставшихся после гибели в боях и расстрелов деникинцами—красных казаков—партизан. Факты из других станиц говорят о том-же. Пятигорская тюрьма, переименованная в 19-м году белыми в «областную каторжную тюрьму», достаточно видела в своих стенах казаков всех станиц Терека, посаженных белыми за службу в Красной армии и активную поддержку Советской власти.

Итак—в Пятигорске проводилась большая партийная и советская работа. Все отделы, благодаря непрерывным фронтам и боям—работали с перебоями. Фактически буржуазия еще разгуливала по улицам свободно и ждала Деникина. Частная торговля процветала во всю. Спекуляция спешила наживаться на событиях. Чрезмерное развитие лавочек, магазинов, столовых, кафэ и ресторанов—говорило еще о курорте старого времени. Распущенная официально—городская дума собиралась подпольно и получала директивы от Леонида Орлова из Моздока. Городская управа саботировала и не сдавала дел отделу народного хозяйства. В городе и по дорогам к нему развился невиданный доселе уголовный бандитизм. Следственные комиссии при трибунале, переименованные из чрезвычайных следственных комиссий, и сам трибунал—работали слабо, директив из центра не имели и судили чрезвычайно слабо. Население не чувствовало твердой пролетарской власти. Провокация свила себе прочное гнездо, заползая даже в соворганы в виде технических сотрудников. Экономический кризис служил базисом для усиления контр-революции и меньшевистско-эссеровской агитации. Размененные денежные знаки, которые печатались с апреля весь 18-й год в Пятигорске, наводнили местные рынки и сильно обезценивали рубль. Выпущено их было за этот период на 15.171,907 руб. 50 коп. Все это требовало внимания, тормозило налаживание советского аппарата.

И несмотря на все это—власть была продуктивной и даже творческой. За июль в Пятигорске были организованы работы, которые дали кусок хлеба всем сотням безработных и возможность замостить 4 самых больших окраинных улицы. Была развернута школьная сеть и увеличением учащихся на 200 проц. Было создано 12 детских площадок, 8 детских садов и до 10 домов приютов. Были заготовлены достаточные запасы дров для всего населения, созданы патронаты для инвалидов, пропущено за лето до 10 тысяч солдат и рабочих через курорты. В общем работа была проделана колоссальная, сверх всяких сил и возможностей. Казалось, что настала полоса мирного строительства. Но вот все ближе и ближе стали подходить отступающие армии. И наконец в Пятигорск прибыли краевые организации и учреждения и штаб Сорокина, с ним во главе.

Авантюра Сорокина.

По прибытии в Пятигорск, ЦИК Северо-Кавказских республик, возглавляемый Рубиным и Краевой комитет—Крайним—организовали реввоенсовет армий Северного Кавказа с Мамсуровым во главе, о чем и довели до сведения фронта. Сорокин был назначен членом этого реввоенсовета. Это было официальным недоверием Сорокину и сразу подорвало его авторитет в армии. Поэтому он, получив это постановление, издал контр-приказ по армии, предлагающий не выполнять распоряжений реввоенсовета, а сам выехал со штабом в Пятигорск.

В начале, после его приезда, можно было подумать, что соглашение состоялось. В доме б. Мациевского на Советском проспекте расположился реввоенсовет; по Садовой улице—штаб Сорокина. Сорокин являлся на заседания реввоенсовета, принимал к исполнению его решения, руководил в этом роде работами своего штаба. Но уже в это время он готовил свой адский план восстания, наталкиваемый на это офицерством, засевшим в его штабах, впоследствии организовавшие в Пятигорске заговор, известный под названием «кружка спасения Терека».

Так или иначе Сорокин стал стягивать отборные свои полки в Пятигорск, располагая их по Советскому проспекту и вообще концентрируя в центре города.

В половине сентября он поднял восстание, захватив ЦИК и часть членов крайкома и расстреляв их под Машуком. В числе первых им были расстреляны председатель ЦИК'а Рубин, секретарь краевого комитета партии РКП—Крайний, Дунаевский и ряд др. товарищей. Сейчас-же после расстрела им начались в городе массовые аресты, а на фронт было послано уведомление, что им в Пятигорске расстреляны «жиды, предатели революции и наймиты и агенты немцев».

Ясно, что партия вся немедленно ушла в подполье, реввоенсовет тоже и в Пятигорске утвердилась временно диктатура Сорокина. Раз'езды его штабных опричников, целые дни раз'езжали по вдруг вымершим улицам, а ночами далеко за городом раздавал. глухие выстрелы, звуки всех сведенных в один оркестров и пьяные выкрики дикой орды. Это Сорокин кутил со своим штабом, празднуя так легко доставшуюся победу.

Но он был недалек, поэтому неучел одного. Того, что его давно уже не терпят в армии; и того, что партию не так легко уничтожить коль скоро за ней идет весь рабочий класс и крестьянство. Инициативная группа ответработников, разработала и разослала «всем, всем, всем» и особенно частям армии об'явление о расстреле ЦИК'а и 2-м чрезвычайном с'езде советов Северного Кавказа, который назначался 2 октября в Невинномысской для разбора «чрезвычайных вопросов» и на котором Сорокину предлагалось отчитаться, как командарму, члену ЦИК'а и реввоенсовета в своих действиях..

Для Сорокина настали тяжелые дни. Он растерялся окончательно. Его штабы еще продолжали автоматически отдавать приказы и распоряжения, но их никто не выполнял. У нас нет сведений о том, вел-ли Сорокин агитацию в своих частях за свое оправдание, и как он реагировал на созыв с'езда. Но в его летучках, расклеенных по городу, он кроме все тех-же обвинений ЦИК'а в связи с немцами—ничего больше выставить в свое оправдание не мог. Так или иначе, но дни его были сочтены. И все его поступки за этот период напоминают метания раненого зверя, переживающего минуты агонии. С начала он об'явил в речи Пятигорским полкам, что разгонит этот самочинный с'езд; потом решил ехать на с'езд и «не оправдываться, но раз'яснить славной Красной армии», почему нужно было «расстрелять изменников». Попутно с этим проводит чистку и реорганизацию своих штабов, сменяет Пятигорские полки и начальников гарнизонов и не замечает, что у него под боком рабочие и организация Пятигорска на собраниях уже осудили его и собираются на с'езд с резкими против него резолюциями.

И вот 2-го октября открылся в Невинномысской 2-й чрезвычайный с'езд советов. Большинство делегатов его были представителями частей армии; и все они, как один осудили Сорокина и к концу первого-же дня Сорокин был об'явлен с'ездом изменником Советской власти и отрешен

от командования, о чем с'езд и постановил немедленно оповестить фронт.

В это время Сорокин, запоздавший на с'езд потому, что между Пятигорском и Лермонтовским раз'ездом на него готовилось покушение—только ехал на с'езд. Узнав по дороге о решении с'езда, он с одной из своих сотен направился в Ставрополь, расчитывая там поднять верные себе полки и двинуть их на Пятигорье. С'ездом была организована за ним погоня и дано было знать в Ставрополь. И вот в Ставрополе он был пойман, заключен в тюрьму и убит в ней командиром своей штабной сотни.

Так погиб этот крупнейший авантюрист Северного Кавказа в 18-м году, сыгравший видную роль в ослаблении Советского фронта и приблизивший белых к их заветной цели—занятию Кавказа. Сороковщина, считая ее с отступления из под Ростова со свежими силами 3-х сот тысячной армии, по расстрел ЦИК'а в Пятигорске включительно—сильно сыграла в руку контр-революции; и не будь ее—можно смело утверждать, что Северный Кавказ не был-бы в 18-м году сдан белым.

Пятигорск—центр Северного Кавказа.

С момента ликвидации авантюры Сорокина, Пятигорск стал центром Северного Кавказа. Здесь сосредоточились: реввоенсовет XI-й армии, организованной из 5. частей Сорокинских армий, ЦИК Советов Сев. Кавказа, краевой комитет, штабы, склады, интендантские управления и прочее. Фронт уже не мог остановиться и все время отползал от Армавира к Невинномысской. Начали появляться с холодами первые признаки тифа; снарядов и патронов не было; продовольствия и снаряжения тоже. Пятигорск в это время кипел и переливался всеми цветами радуги. Советское строительство в основном значении этого слова, замерло совершенно. Все силы были брошены на воспитание массы и изыскание способов борьбы с голодом и тифом. Был организован в ударном порядке культотдел реввоенсовета армии, во главе которого стоял т. Анджиевский, в неделю из ничего создавший библиотеки, два агитпоезда, 4 образцовых красноармейских клуба, газету армии «Красный Воин», лекции и прочее. Ставший во главе реввоенсовета Я. Полуян стал все внимание уделять фронту. ЦИК, возглавляемый т. Акуловым, все силы бросил на советизацию деревни и перестройку губернских и уездных советских аппаратов. Но уже трудно было что-нибудь сделать. Паника постепенно охватывала население: недостаток во всем и полная оторванность от центра диктовала такие полумеры, как изготовление самими патронов и собирание с буржуазии одежды, обуви и белья для армии. Собираемые запасы одежды были каплей в море, а патроны спецами контр-революционерами начинялись вместо пороха песком и делались не по размеру ствола винтовок. Все это в целом озлобляло пролетариат. Буржуазия поднимала голову; то и дело чрезвычайной комиссией, возглавляемой Атарбековым, Кравец, Абовьяном и Стельмаховичем, вылавливались офицерские организации, одной из которых и была лига «спасения Терека»; целый ряд агитаторов и провокаторов арестовывалось прямо на улицах; то и дело попадались фальшивомонетчики и вообще время было тяжелое, нервное, озлобляющее рабочих.

В частности беспризорными были инвалиды и дети, которые влачили полуголодное существование и зачастую жили в неотопленных помещениях. Вот как рисуется к этому времени положение детдомов. С половины августа детдома стали переходить в собес Пятигорского Совдепа (7—10 августа). Когда во главе собеса стала т. Ершова, врач и жена федерального комиссара У. К. М. В. т. Ершова—она нашла детей в ужасном положении. В своих докладах Совдепу она настаивает на срочном принятии мер для упорядочения детского вопроса, причем пишет: «Благотворительность—пережиток старого времени, основанный на классовом различии между богатыми и бедными», против которого боролся пролетариат. Бросая крохи от своих богатств, богачи по дешевке покупали себе спокойствие совести. Эта видимая благотворительность часто приносила доход только «благотвори-

Похороны жертв борьбы с белыми бандами Шкуро.
Ессентуки 1918 год.

телям»; пролетариату не нужно покупать спокойствия совести—его совесть чиста перед всем миром... Все блага жизни созданы пролетариатом. Рабоче-крестьянская власть в корне изменяет вид помощи, ввиде подачек, частной и общественной благотворительности.

И вот ей в работе по реорганизации сразу-же пришлось натолкнуться на хаос и бесхозяйственность в деле. Все эти препятствия она преодолевала своей энергией и в конце концов поставила дело при помощи Исполкома на должную высоту. В декабре 18 г. отдел социального обеспечения слился с отделом труда под общим заведыванием т. П. Ковалева и работа пошла планомерно.

А вот картина того, как зарождались и жили контр-революционные организации Пятигорья. В Пятигорске, в сентябре месяце, в квартире полковника Случевского, живущего под фамилией Карташева, стали собираться тайно все те, кто мечтал о реставрации России. Организация, конечно, в первую очередь связалась с отрядами Шкуро, который планы кружка одобряет, благодарит его членов за «сочувствие» и дает задание, секретные шифры и прочее. В один из вечеров у Случевского кружок наименовал себя «кружком освобождения Терека» и наметил план работ. Так, все члены кружка вошли в качестве служащих в совучреждения, в штабы, ячейки Р. К. П., органы че-ка; задерживали донесения, путали приказы, фабриковали подложные телеграммы, взяли в свои руки изготовление патронов, лучшие запасы обмундирования и продовольствия отправляли в горы бандам Шкуро. Туда-же направляли сводки, донесения, секретные планы штабов и прочее. Есть основания предполагать, что Сорокинская авантюра проходила при ближайшем участии кружка. Они-же задумали уничтожить Сев.-Кав. че-ка, натравив его состав на банду фальшивомонетчиков, при чем в перестрелке председатель комиссии и член ее Кравец—были ранены. И только случайно было перехвачено одно зашифрованное донесение кружка на имя Шкуро и тогда удалось выловить всю банду изменников. 31-го октября кружок вместе с другими контр-революционерами и заложниками буржуазии в количестве 104-х человек—был расстрелян. Здесь-же были расстреляны и генералы: Русский и Радко-Дмитриев.

Очерки революционного движения по уездам.

К сожалению не по всем уездам Терской области удается восстановить картину событий за 18-й год полностью. Из имеющихся в бюро истпарта Тергубернии материалов можно нарисовать картину только по Прикумскому уезду и части Георгиевского уезда.

Прикумск, б. Святой Крест, расположен в 60 верстах от главной магистрали Владикавказской жел. дороги. Промышленность в уезде слабая. 50% в самом городе—хлеборобы. Поэтому рабочих в уезде почти нет совсем. Это и создавало несколько своеобразные условия революционного движения. С самого февральского переворота здесь у власти встала партия эсеров, возглавляемая Карцакаловым, Кузнецовым, Григорцом и Поздняковым. Из социал-демократов был один только тов. Прима Г. В начале эсеры пользовались авторитетом и особенно среди кулачества. И только возвращающиеся с фронта солдаты были чистыми большевиками. Так, с фронта прибыл Артамонов, Филатов, к ним примкнули рабочие—Кочетов, Кушнарев, Правдин В., Косенко, Бюрилев, Калабеков, П. Прима. И вот эта группа и повела большевистскую пропаганду среди населения, вступив на борьбу с эсерами. К сентябрю месяцу, при помощи Георгиевского воинского комитета, удалось создать в Прикумске организацию и провести в бюро союзов своих товарищей. В комитет организации вошли: Кочетов, Филатов, Правдин, Кушнарев, Прима.

К моменту октябрьского переворота Прикумск уже имел сплоченную организацию, которая взяла руководство рабочими. С этого момента началась подготовительная работа по выборам в Совет и в январе 1918 года в Прикумске был избран горсовет, председателем которого был большевик Прима. Вскоре после этого дума была упразднена постановлением Совета, в котором говорилось: «В виду того, что с существованием городской

думы и горсовета создается двоевластие и даже неподчинение думы Совету, как высшей в г. Прикумске власти, городскую думу упразднить, передав ее функции горсовету. Передачу произвести в 48 часов; сопротивляющихся арестовать». Вскоре партком и Совет приступили к организации Красной армии, создав отряд в 100 человек. С 20 по 28 января протекал уездный с'езд для выборов уездного исполкома, или, как его назвали тогда — «Уездного Совета Народных Комиссаров». Председателем усовета был избран эсер Барышенко, председателем усовнаркома коммунист Ковалев. На с'езде выяснилось, что по селам уезда есть коммунисты, которыми с'организованы отряды Красной армии. Так, в Степном т. Чугусвым был организован отряд в 100 чел., в Архангельском 50 и т. д. Эсеры конечно своей работы не оставили. И вот когда усовнарком начал отчуждение земли от многоземельного села малоземельному—кулачество восставало, имея в своем распоряжении нередко пулеметы и даже орудия. Поэтому в мае было принято решение обезоружить уезды, а 27 апреля начал обезоруживаться сам Прикумск. Вот тут-то и вспыхнуло первое восстание, руководимое поручиком Кузнецовым. К вечеру повстанцы разоружили отряды Красной армии и заняли город и подступы к нему. Но на рассвете следующего дня подоспевшая из уезда Красная конница лихим налетом взяла Прикумск и восстание было ликвидировано.

2-й уездный с'езд Советов был назначен на 30-е мая. К этому времени был избран уком Р. К. П., во главе которого стал Прима. 5 июня с'езд закончился. В совет было избрано 55 чел., из них 16 коммунистов. Председателем Совета опять прошел эсер Посельский.

Не успел исполком нового состава приступить к работе, как вспыхнуло в июне в Моздоке Бичераховское восстание. Восстание перекинулось с Терека в Ставрополье. Здесь реакционное крестьянство живо отозвалось на призыв Бичераховцев и пред'явило уисполкому ультиматум о разоружении Красной армии и удалении из совета коммунистов. Затем повстанцы предложили выслать к ним для переговоров представителей уисполкома; а когда т. Черников, Семенов, Кукушкин и Лахов отправились, они их зверски убили.

18 июня главари Воронцовского восстания еще раз категорически предложили разоружить Красную армию, дав на это 2 часа и пригрозив в противном случае направить на Прикумск 20-ти тысячную армию об'единенных сил: Воронцово-Александровского, Ново-Григорьевского, Нины, Отказного, Солд.-Александровского, Стародубского, Томузловского и Чернолесского.

Исполком ответил отказом. Эсеры разбежались. Части Прикумска разделились на 2 отряда, по 150 штыков при 25 саблях кавалерии, 6 орудиях и 8 пулеметах каждый. 28 июня начался бой. 30-го пришлось город сдать, отойдя к сел. Благодарному. Повстанцы, конечно, вступив в город, принялись за расстрелы и кутежи. В это время погибли товарищи: коммунист Пономарев и крестьянин эсер Григорец. Но части Красной армии укрепились и 28 июля вновь заняли Прикумск. К этому времени организация насчитывала 50 чел. закаленных в боях коммунистов. С этого времени, как говорится в воспоминаниях тов. Прима, Советская власть в Прикумске и уезде существовала без перебоев до общего отступления XI армии с Кавказа.

По нынешнему Георгиевскому уезду есть материалы только о ст. Марьинской. Здесь, как это видно из воспоминаний станичника М. Совершенкова, еще империалистическая война сроднила фронтовое казачество с крестьянством и солдатами. Февральский переворот был встречен радостно. Но вскоре казацкие верхи начали по станицам вести агитацию о том, что казакам-де надо об'единиться для борьбы против ингушей и большевиков, «идущих в качестве немецких агентов отбирать у казачества земли». Но фронтовые казачьи полки были большевистскими. Станица, как и другие—раскололась на фронтовую молодежь и стариков—реакционеров. В это время терское правительство сложило с себя полномочия. После октября всюду стали возникать Советы рабочих, солдатских и казачьих или крестьянских депутатов. И в ст. Марьинской произошла передача власти комиссару. Первым комиссаром был все-таки офицер Лаврентьев. Он вел двойственную игру, и все время вел связь с Агоевым и К-о. Активными сторонниками власти были Александр Дьячков, Ходин С., Лопошенко и Дара-

ганов. В июне вспыхнуло восстание Лаврентьева. Ему совместно с верхами казачества удалось спровоцировать станицу и повести ее против большевиков на поддержку восставшей ст. Александрийской. Но благодаря все усиливающемуся влиянию большевистской ячейки—отряды вернулись в станицу обратно. Деркачев, например, говорил станичникам так:—«Куда мы пойдем, кого бить будем, своих-же братьев». Станичный совет продолжал существовать. Вместо скрывшегося Лаврентьева комиссаром был избран В. Дараганов. Но 18 июля станица была занята Агоевым и до 1-го августа был период безвластия и расправы над большевиками. Особенно репрессии увеличились с 1-го августа. Комиссар Дараганов и его помощник Лепушенко были расстреляны. Расстреляна была мать А. Дроздова и ряд других деятелей. Почти на 3 месяца Агоев становится диктатором станицы, назначив комендантом палача Даниленко. Только 24 октября из Пятигорска подошли главные части Таманской Красной армии и прогнали Агоева. С этого времени работают в станице Цыганков, Растеряев, Дараганов Андрей, Даньшин. Работа протекала при чрезвычайно трудных условиях. Кулачество, чувствуя приближение деникинцев, подняло головы. А в январе 1919 года Соввласть эвакуируется и начинается полоса расправы и владычествования в станице пьяного офицерства.

В селе Новозаведенском Георгиевского уезда, как видно из воспоминаний Е. Стороженко, распубликованном в «Коммуни» Тергубкома № 2—3—4—повторилась вся история, характерная для села и станицы Терской губернии в 1918-м году. В начале у власти стали кулаки, офицерство и интеллигенция с эсеровским уклоном. Затем возвратились фронтовики, все как один настроенные большевистски и начали создавать Советы и строить ячейки Красной армии. Начало большевистской работе положил крестьянин фронтовик, член партии социал-демократов большевиков Балахтин. В первых числах января 1918 г. он был избран первым председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов. Товарищем председателя был Подрезов Василий. К Совдепу сразу настроилось враждебно духовенство, учительство, торговцы и кулачье. В апреле месяце началась организация отряда красноармейцев. Был организован культурно-просветительный кружок. 16-го мая было первое восстание кулачества и торгашей, после наложения на них контрибуции. Беднячество-же стояло всецело на стороне Соввласти. В уезде была создана чрезвычайная комиссия. 15 июня 22 села восстали против власти. Отряд села выступил на защиту Георгиевска, окруженного восставшим казачеством. В одном из боев был ранен и предсовдепа т. Балахтин. Со второй половины в Совете начались склоки и борьба с засевшим в нем кулачеством. Работников не хватало. Часть из них ушла в Красную армию. А в январе вошли в село белые и держались 13 месяцев, поперевешав свыше 40 чел. советских работников.

Жизнь и работа Всероссийской здравницы.

Интересно, подводя итоги работы совласти в 18 году в красном Пятигорье, обрисовать и реформы в Управлении Кавказских Минеральных Вод. Вскоре после октября здесь был образован из врачебно-технического комитета законодательный орган по У. К. М. В.—Большой совет. По настоянию рабочих, членов этого совета, был отстранен от поста директора вод—Н. Филиппов, как «лицо, назначенное старой властью и несоответствующее своему назначению». Врем. директорами последовательно назначались: инженер И. Байков, врач Н. Орлов и с 8 марта 1918 г. химик Э. Карстенс. Для повседневной работы избирается большим советом рабочая коллегия или малый совет. Но работа обоих советов была непродуктивна, ввиду громоздкости и беспартийности большинства членов.

В апреле 18 г. на группы прибыл назначенный из центра федеральным комиссаром здравницы горный инженер С. Ершов—анархист-коммунист. На межгрупных с'ездах, состоявшихся 10—12 апреля, была принята выработанная им конституция управления, согласно которой во главе У. К. М. В. стояла коллегия груп

иных комиссаров, избранных всем составом работников групп и утвержденных местными совдепами; во главе всего становился правительственный комиссар. Каждая группа в административно-хозяйственном отношении была самостоятельна. Для разрешения всех сложных вопросов, были созданы групповые советы, в которые входило 18 чел. от работников групп и 12 представителей демократических и общественных организаций. При группах же создавались коллегии из завотделами, а 1—2 раза в год должны были созываться межгрупповые с'езды.

Итак—во главе У. К. М. В. встал т. Ершов. Групповыми комиссарами 15 апреля были избраны: Пятигорской группы Ровнов, Ессентукской Неумывакин, Кисловодской—Мирошниченко и Железноводской Галузинский. Началась чистка учреждений, борьба с саботажем, сокращение штатов. Была образована при комиссариате вод—научно-техническая коллегия, в составе секции: гидро-геологической, электро-гидро-технической, почвенно-ботанической, врачебной, архитектурно-строительной, химико-бактериологической. В коллегию вошло 28 человек, начала она работать продуктивно. Но затем сложность аппарата У. К. М. В. и саботаж спецов—свели работу на нет. Во всяком случае надо отметить 1-е лето 18 г. большую работу хим. Карстенса по анализу вод и инженера геолога Огильви открывшего буровой источник в районе теплосерных ванн в 280 ед. радиоактивности.

7-го июля последовало постановление комиссариата У. К. М. В. об уничтожении по группам выборного начала, о роспуске групповых советов и рабочего контроля и проведении в жизнь системы назначений из комиссариата. Вызвано было это неработоспособностью избираемых органов, в которые попадало много спецов и буржуазного элемента. Но постановление это вызвало бурю среди работников групп и на межгрупповых совещаниях стали выноситься резолюции протестов и недоверие федеральному комиссару Ершову. 12 июля межгрупповый с'езд отстранил Ершова от работы, а на его место был назначен временно хим. Карстенс. 17 июля в Ессентуках состоялось совещание межгруппового совета, с представителем наркомздрава Рыхлинским, т. Аксельродом, А. Ге и представителем окрисполкома нарсовета Озолиным. Совещание высказалось за оставление Ершова впредь до разбора конфликта—у власти. Но эсеровский окрнарсовет перерешил это и Ершов был отстранен. На заседании групповых комиссаров 28 июля был избран вместо Карстенса Мирошниченко. 11 августа был избран ответственный президиум У. К. М. В. с председателем Озолиным и членами—Мирошниченко и Макогоном. 24 августа происходило заседание, посвященное отправлению делегации в Москву, с подробным докладом о положении дел и для исходатайствования сумм, необходимых для дальнейшего ведения дела. Избранными оказались Карчевский, Куриленко, Гулуа и Мартыненко, с которыми ехал и Рыхлинский.

В начале октября Озолин уходит в окрсовнархоз и федеральным комиссаром вновь назначается Ершов. Все бальнеологические учреждения функционируют, на группах скопилось много больных и раненых, средства отсутствуют. В дальнейшем работа, в связи с военными событиями, замирает и носит хаотический характер. Группы наводняются больными тифом и ранеными бойцами. Работа фактически становится.

Отступление.

Нужно-ли говорить, что ноябрь и декабрь проходят под знаком борьбы с беспощадной эпидемией тифа и попыткой задержать бегущие с фронта части. Пятигорье становится воистину центром потрясенного в конец советского аппарата Северного Кавказа. Мобилизуются на фронта последние силы, бросается ¾ пятигорских коммунистов и все рабочие; но уже остановить и задержать событий нельзя. Отдельные полки и отряды проявляют чудеса храбрости, а вся армия бежит; пятигорские коммунистические полки отбивают противника от Ессентуков к Бургустану и дальше, и даже делают попытку продвиж. на Баталпашинск. А командарм XI ар. Левандовский отдает приказ об эвакуации групп. Мобилизуются все врачи, медикаменты, лазареты и прочее на подавление тифа; но все врачи валят

ся от тифа-же, медикаментов нет, помещений тоже нет, нечем отапливать, нет персонала. Все подряд, партийные, беспартийные, армейцы и совслужащие, врачи и учителя и учащиеся—равно валятся от сыпного тифа.

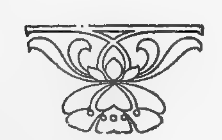
Весь Пятигорск превращается в лазарет. Командармом Левандовским в тылу формируется 2 дивизии из последних резервов и бросается на фронт; но с фронта бежит лавиной деморализованная тифозная масса красноармейцев и превращает 2 дивизии—в безформенную массу паникеров.

Проводится агитация; делаются попытки ввести железную дисциплину, и все это рушится от измены, саботажа, агитации контр-революции и того-же тифа.

И вот, в связи с общим оставлением групп остатками армий—19 января 1919 г. эвакуируется и Пятигорье. Выплачивается исправно всем совслужащим жалованье, забираются ценные документы, жгутся архивы и непрерывным потоком тянутся подводы и люди, отступая через Вольскую и дальше на Прохладную.

Отступают все советские учреждения; совдеп, комитет партии, профсоюзы. Конечно северо-кавказские организации и учреждения отступили на Георгиевск и дальше еще месяц тому назад. Пятигорск 19-го января напоминает поднявшийся табор переселенцев. Ехали нагруженные подводы, жгли на улицах бумаги, эвакуировали возможное количество раненых и инвалидов, бросались на произвол судьбы все детдома, раненые и тифозные. По улицам неубранными валялись трупы умерших. Начались грабежи. Охрана бездействовала и обыватель злорадствовал. И весь день до поздней ночи, и всю ночь до утра 20-го—все тянулись от Пятигорска с вещами и без них; в одежде военного и просто в лохмотьях—здоровые и больные фигуры; и все они равно падали и засыпали на век, сраженные кошмарными холодами, засыпались сугробами, намечали жизнями, как вехами—путь отступления коммунаров перед черносотенным офицерством и буржуазными партиями.

20 в полдень Пятигорье было занято добровольцами. Началась Деникинская эпопея 19-го года на Северном Кавказе.



Белогвардейская Эпопея.

Кошмары отступления.

19 января 1919 года по новому стилю советские войска, партия, союзы и учреждения покинули красное Пятигорье, направляясь сквозь невероятные метели на Зольскую, Марьинскую, Прохладную. Сюда двинулась главная лавина отступающих. Меньшая часть еще заранее просочилась на Астрахань, но и она испытывала, как мы увидим ниже, невероятные лишения и наполовину осталась в песках, занесенная метелями.

Что-же предполагали делать в дальнейшем все отступающие на Владикавказ через Прохладную? Мысль была одна: отступить, собрать распыленные силы, задержаться хотя-бы у Прохладной и оттуда повести наступление снова на Мин.-водский узел. Во всяком случае у большинства была твердая уверенность, что отступают они на 2—3 недели, чтобы затем снова выбить кадетов, как они это проделывали неоднократно с зарывающимся в районе Кисловодска Шкуро.

Из воспоминаний об отступлении т.т. Тарасенко П. и Щербакова, помещенных в журнале печатников «20 лет работы» и воспоминаний т. Пащенко о 19-м годе, печатаемых в данном сборнике—рисуется в следующем виде картина отступления на Прохладную. Шли кто как мог и в чем мог. Весь Пятигорск и вообще группы собраться как следует и планомерно отступить не имели времени. Кто сумел—достал подводу и ехал; остальные больные и здоровые шли пешком, увязая по пояс в снегу и проклиная все на свете. Мороз и метель стояли невообразимые. По дороге валялись трупы лошадей и людей и неслись вопли раненых и умирающих тифозных. Трупов было так много, что они устилали весь путь и чернея намечали ночами правильную дорогу от станицы до станицы. Никого во главе увидеть было нельзя. Но был единый поток из живых тел с винтовками и костылями, направляющийся на Прохладную. По дороге раненые кричали:—добейте нас товарищи,—кадеты нас будут пытать.

Останавливаясь в станицах на ночевку и для привала—отступающие встречали враждебное и презрительное к себе отношение казачества. И только казачья беднота сердечно принимала рабочих и армейцев и зачастую присоединялась к ним.

Вот характерные строки из воспоминаний печатника т. Щербакова. «Мы дошли до ст. Марьинской. Был праздник Ивана крестителя. Все станичн. сидели на заваленках, грызли семячки и на чем свет стоит ругали и высмеивали всех отступающих. Продуктов нам не продавали... Я пошел смотреть своих товарищей и вскоре к своему ужасу увидел важно раз'езжающего среди толпы казачьего героя полковника Серебрякова. Я поторопился сообщить об этом своей группе; но эта новость была меньше той, которую мы услышали от тов. Пащенко. Он сказал:—товарищи! мы дорогу потеряли; нас отрезали: спасайтесь, кто как может. Вот тогда-то и началась паника. Бежали все в сторону станицы Солдатской и Прохладной; кто на подводах, кто пешком. Большая часть по дороге падала».

Так весь этот распыленный об'ятый паникой поток больных, замерзших, голодных людей докатился до Прохладной. Здесь было на совещании решено сначала задержаться и дать бой. В совещании приняли участие Булле, Анджиевский, Элердов, Пащенко и др. Были назначены командиры полков, розданы диспозиции,

но армии самой-то не было; поэтому задержаться здесь не удалось; и кто на поездах, кто пешком—потянулись на Владикавказ и на Грозный.

Об отступающих в одиночном порядке на Грозный мало имеется сведений. Известно только, что вскоре путь на Грозный был белыми отрезан, а затем занят и сам Грозный. Так что всем, попавшим в Грозный, или пришлось потом удирать из него по подложным документам, либо-же попадать в тюрьмы и на виселицы. Во всяком случае все они попали к белым. Основное-же ядро, отступавшее в поездах к Владикавказу—добралось до него благополучно.

Характерно, что Владикавказ плохо был информирован об общем положении дел и с недоверием отнесся к беженцам, назвав их «трусами и паникерами», как указывает т. Щербаков. Но кавалерия кубанцев, преследовавшая тифозную красную армию, вскоре докатилась и сюда и дала первый за этот период бой советским войскам, так как Владикавказ решил защищаться и биться до последнего.

Как указывает в своих воспоминаниях тов. Пащенко, Владикавказ в это время представлял необычайное зрелище. «По городу, вдруг переполненному, сновали отступавшие военные части разных дивизий, отряды, коммунисты едва-ли не со всего Северного Кавказа, члены профсоюзов, советские служащие... эвакуированные учреждения в свернутом виде размещались по гостиницам и частным квартирам. Полуголодные, полураздетые люди представляли тяжелое впечатление».

А противник все наседал. Через 5 дней после вступления беженцев во Владикавказ, он уже был на подступах к нему. 2 февраля он подошел к городу и тут разгорелся бой, который длился 11 дней. Владикавказ из-за недостатка патронов пал; но он дорого обошелся белому противнику. Затем остатки армий и парторганизаций стали отступать дальше по Военно-Грузинской дороге на Тифлис; их не хотели впускать на границу Грузии меньшевики—Церетели, Гегечкори и К-о, боясь мести добровольцев и радуясь разгрому советской власти. Наконец, за большой выкуп и после имитации боя—остатки Красной армии вступили в Грузию, причем большинство парттоварищей сейчас-же были арестованы и посажены в Метехский замок.

Так меньшевики отнеслись к подлинным революционерам большевикам, заигрывая в тоже время с английским империалистом и деникинскими штабами.

Не приходится говорить о том, что белые в занятых городах и в частности во Владикавказе и Грозном сейчас-же принялись за расстрелы и вешания на деревьях и воротах домов всех, причастных к партии и совработе. В этих диких разгулах сразу сказалась их программа и выявилась полностью их физиономия либералов, трактующих все время об учредительном собрании.

Белые вошли.

Пятигорье было занято первыми раз'ездами белых 20 января. В обход Пятигорска кольцом прошли утром две колонны по направлению к Зольской. И к обеду первый раз'езд проехал от вокзала к зданию б. городской управы по Советскому проспекту. Как-же встретил Пятигорск вошедших добровольцев? И кто собственно встречал? Прежде всего буржуазия и офицерство, конечно и правые соглашательские партии в виде кадетов, меньшевиков и эсеров. Все они высыпали на улицы города разодетые, целовались друг с другом, кричали «христос воскресе» и раскасывали целые легенды о тех свободах, которые несет Добровольческая армия. В здании городской думы собрался весь синклит почетных граждан города и думы времен Керенского. Поговаривали об устройстве банкета в честь входящих частей и кажется заранее распределяли посты в том правительстве, которое нужно и можно был осоздавать в городе на основе долгожданной четырехвостки. Правда, некоторых смущало то обстоятельство, что офицеры входящих частей были в золотых погонах; но большинство все принимало с радостью, что несло избавление от большевиков. Попы служили благодарственные молебны, помещики заранее распоряжались землями; владельцы предприятий подсчитывали, как они поприжмут рабо

чих; и только меньшевички и эсеры, ни к селу ни к городу шептались об учредительном собрании.

О рабочих и бедноте говорить не приходится. Они знали, кто пришел и предвидели; сколько ужаса и смертей принесли трудящимся деникинцы. Во всяком случае, по примеру Версаля, возвратившегося в Париж и издевавшегося над побежденными коммунарами 71-го года—буржуазия издевалась над корчащимися на улицах ранеными и тифозными красноармейцами, называла их «большевистской заразой», «сволочами», «бандитами» и желала им от души жесточайших репрессий от офицерства.

И вот вечером 20-го же в здании думы было устроено торжественное заседание буржуазии, лакействующей интеллигенции и правых партий, так как было известно, что в город уже вступил штаб 3-го армейского корпуса. Предлагались речи, лобызания, ужин и установление норм правления. И чтоже: в 8 час. вечера пришел от коменданта штаба есаула Чайдоянца дежурный офицер и приказал всем разойтись, заявив, что они не в «Совдепии» и что никаких собраний и митингов командование не допустит. При этом указал, что должна работать старая дореволюционная управа и что на город налагается Чайдоянцем контрибуция, которую город должен внести не позже 21, т. е. на другой день к 12 часам дня в размере 200 тысяч рублей. При чем было подчеркнуто, что за неисполнение этого дума и управа будут арестованы. Это было неожиданно даже для кадетов и буржуазии и нанесло первый сильный удар по «демократическим» надеждам правых соглашательских партий. А начавшиеся с 21 января обыски, аресты, расстрелы и повешения, сразу отрезвили наиболее левую часть населения и показали подлинную физиономию белогвардейщины.

Но за то как возликовали монархисты, завзятые офицеры, буржуазия. Это развязывало им руки и давало возможность вновь открыто грабить рабочих и крестьянскую бедноту.

Вскоре Пятигорск и вообще группы зажили нарядной, пьяной, веселящейся жизнью. Дамы света извлекли из сундуков, с чердаков и из подвалов свои наряды, еще пахнущие нафталином; открылись рестораны, кабаки, притоны; начались кутежи самого дикого офицерского пошиба; гульбища и выстрелы оглашали ночи. И на ряду с этим развернули свою деятельность полностью все контр-разведки.

Дикая расправа.

Впоследствии уличенного в преступлениях и судимого самими-же добровольцами Чайдоянца пытались оправдать тем, что он как партизан и нервный боец не мог иначе действовать; и что во всяком случае он не отражал настроения всего офицерства. Но первые дни показали, что все офицерство было на один лад и прикладывало все старания, чтобы с одной стороны больше переарестовать и уничтожить большевиков, а с другой самим не быть заподозренными в большевистских убеждениях.

Началась дикая вакханалия. Несмотря на то, что в Пятигорске развернулись три контр-разведки—им всем хватало работы. Первой из них наскочила на Кисловодск, а затем и Пятигорск—контр-разведка полковника Рязанова. Эта была самая дикая контр-разведка, которая когда-либо существовала. Без суда и следствия рубила и вешала она десятки и сотни рабочих, коммунистов, красноармейцев. Картина подавления Российской коммуны была поистине ужасной.

Начав свои подвиги еще в Баталпашинске с конца 18-го года, где он казнил всех пленных, которых брал Шкуро—полковник Рязанов со своей сворой вступил в 19-м году первым и на группы. Потрясающие сведения по этому вопросу дает Кисловодский кладбищенский сторож Д. Толченков (Компуть № 5—6). По его словам казнь производилась на кургане за Пятницким базаром. Здесь были поставлены виселицы. Казнь обычно производилась по ночам. При чем трупы висели до утра, а иногда и в течении 3—4 дней «в назидание потомкам». По показанию этого сторожа, повешено было в первые дни 30 человек. Казненных: зарубленных и расстрелянных было значительно больше. В этом числе были Ксения Ге—Карташевская, повешенная 24 января и Александр

Ге, порубленный в куски в тифозном состоянии—21-го января. При чем Ксению Ге оставили висеть несколько дней, повесив на ней плакат: «Ксения Ге—коммунистка».

Вскоре затем Рязановщина перекочевала в Пятигорск, а затем пошла дальше за наступающими частями. Это была так сказать прифронтовая судная часть. Кроме нее была еще при штабе 3-го армейского корпуса, а затем при штабе главноначальствующего Терско-Дагестанским краем—контр-разведка Полякова. И затем по г. Пятигорску 12-й контр-разведывательный пункт капитана Кампиони.

Поляков не уступал Рязанову, несмотря на то, что был только поручиком. Его пытки превосходили всякие ожидания.

Из рассказов товарищей, сидевших потом в тюрьме—Лынова, Переяславского и др.—Поляков со своей кампанией был форменным садистом.

Он, например, любил ночами, после кутежей, врываться в контр-разведку со своей кампанией и вызывать арестованных женщин и девушек, которых, несмотря на свою болезнь сифилисом—тут-же, в своем кабинете, насиловал. Он ввел так называемые шомпола. Арестованный раздевался, два вахмистра-казака били его стальными шомполами от винтовок. Некоторые получали «шомполов» по 25, 50 и 100 ударов. После 100 шомполов многие умирали; спина и ягодицы были только изодранными кусками мяса. Били шомполами по пяткам. Это чрезвычайно мучительная пытка. Так, жене Переяславского было отпущено 50 шомполов по пяткам, чтобы только она выдала мужа. Затем применялись и утонченные пытки. Неоднократно были случаи, когда заключенным Поляков велел поджигать свечкой бока и загонять под ногти щепки и булавки (Хвостов и др.). Все это факты, имевшие место не где либудь на окраине, а в Пятигорске, где были все штабы, гордума из меньшевиков и эсеров, сам главноначальствующий и вся либеральная интеллигенция, не желающая знать об этих пытках средневековья и кричавшая о зверствах большевиков. Расстрелянная с Бурской (большевичкой) дочь ее квартирной хозяйки 15-летняя Маня была зверски изнасилована. Практиковался и такой прием: брали арестованных из контр-разведки ночью и вели «на допрос» или «в тюрьму». По дороге пьяные юнкера, вольноперы и вахмистры, получив заранее на этот счет задание, расстреливали ведомых, а затем официально писалось в газетенке Петросяна «Кавказский Край» или войсковом «Терско-Дагестанском Вестнике», что арестованные убиты при попытке к бегству. Всех зверств контр-разведок не описать. Без сомнения, во главе их стояли звери, а не люди.

Еще одна характерная деталь: все население, торговцы, служащие, интеллигенция, юристы, врачи, офицеры, буржуазия—словом «так называемая передовая часть русского общества», сразу поступила на службу в охранку и очень гордилась этим. Выдавать большевиков стало всеобщей священной обязанностью. С утра до вечера в контр-разведках толпились лакейские лица, с заискивающей улыбочкой, выдававшие своих рабочих, дворников, жильцов, жен ушедших коммунаров, лежащих в тифу «комиссаров». За ложный донос ничего не было, Но по нему сейчас-же производился арест и пытки; поэтому весь 19-й год проходит под знаком всеобщего стона бедноты, рабочих, рядовых казаков, тысячами заполнивших тюрьмы по обвинению в службе в Красной армии и т. д. Стоило рабочему заикнуться о повышении зарплаты, его обвиняли в большевизме и сажали в контр-разведке. (Бирюков — журнал печатников «20 лет работы»).

Еще факты. А факты—сильное доказательство. По настоянию некоторых Пятигорских врачей, работавших в 18-м году в больнице Красного Креста—был расстрелян в 19-м году полный инвалид, прикованный к постели Агроник, и второй полный инвалид—Павел Холин. По настоянию юриста А. Торбеева (в 18 году выступал с куплетами —«дядя Саша») был расстрелян коммунист Кононов. Характерная подробность: Кононов сидел смертником, т. е. приговоренным к расстрелу—10 дней. Были надежды на то, что ему заменят расстрел каторгой. Тогда юрист Торбеев поместил в «Кавказском Крае» две статьи, в которых так прямо буквально и вопил:—почему до сих пор не расстрелян большевик Кононов? Мы требуем этого во имя справедливости; от чьего имени он требовал—не трудно было догадаться. Кононова немедленно расстреляли. Еще бы: раз печать

этого требует, поборники прав, юристы на этом настаивают—значит действительно выходит, что контр-разведки и военно-полевые суды стали мягкими, полевели...

Да только-ли эти факты встают перед нами? Их миллионы. Они кричат и их крика ничем не заглушить.

Совещание городских деятелей Терского края.

В занятых губерниях добровольцы ставили губернаторов. Эти немедленно организовывали полиции—городскую стражу—и дальше при помощи контр-разведок дело шло как по маслу. Строительство выражалось только в том, чтобы с корнем вырвать большевистскую крамолу. С этой точки зрения и подходилось к каждому начинанию.

Во главе Терско-Дагестанского края стоял ген.-майор Ляхов, все время проводивший в кутежах с местными артистками и автоматически санкционировавший смертные приговоры. Правой рукой его был казачий есаул Чайдоянц, который собственно и делал всю политику губернии. Не приходится удивляться тому, что в рядах казаков очутился вдруг Чайдоянц. Весь 19-й год проходит под знаком оказачивания немецких, польских, греческих и др. наций—добровольческих офицеров. Политика была такая: атаманам станиц приказывалось зачислить такого-то Рукендорфа, Врангеля или Чайдоянца почетным казаком станицы. Эти выполняли. Казачество, в массе напуганное арестами и поркой красной молодежи—не возражало. И вот эти «новоиспеченные казаки» потом ни разу и не быв в станице, представительствовали от нее на всех «казачьих» с'ездах и совещаниях. Такая грубая подтасовка не раз разоблачалась левой группой бр. Макаренко в Кубанской раде.

Чайдоянц чувствовал себя полновластным хозяином в Пятигорске. К его услугам были все погреба и кабаки. Жил он на квартире винторговца И. Самехберуева (ныне держит склад вин «Алазань»), который поставлял ему коньяки, водки и вина. Вместе-же с Чайдоянцем они спекулировали в начале 19-го года и вместе же судились за все эти темные делишки. Ясно, что Чайдоянц в свою очередь был поставщиком всех этих припасов Ляхову, который тоже потом был отстранен за эти безобразия.

В общем Чайдоянц доходил до наглости. По его распоряжению в первые дни прихода в Пятигорск—был его офицерами Николаенко, Помилуйко и др. зарублен в своей квартире (уг. Карла Маркса и Советского) доктор Гурари. С его санкции первые ночи вешали многих арестованных прямо на воротах цветника. Это он приказал убрать «всю эту тифозную сволочь»—красноармейцев, в 24 часа. На его совести—если у бандита есть совесть—сотни и тысячи славных жизней. Разгуливая по городу, он всех офицеров заставлял становиться во фронт; многих из них даже бил; придирался ко всем гражданам и арестовывал безо всяких оснований. И это его потом защищали перед военно-окружным судом в сентябре лучшие адвокаты России: Бобрищев-Пушкин и Пятигорска Ф. Попов.

Бобрищев-Пушкин (ныне сменовеховец) прямо заявил, что «Чайдоянц был прав, зарубив Гурари. Ведь не расстреливать-же его было днем? Это вызвало-бы панику в городе? Очевидно это «лучший юрист и адвокат России» и предположить тогда не мог, что доктора и социалиста Гурари вовсе не надо было умерщвлять. Впрочем говорят—что у многих адвокатов направление речи зависит от того, сколько им заплатят.

На ряду с такими вопиющими безобразиями культурных дикарей—добровольцы пытались создавать иллюзию и общественности. Так, ими после тщательного контроля допускались совещания общественных деятелей, с'езды иногородних и прочий «либерализм».

Совещание городских и общественных деятелей Терского края открылось в Пятигорске 11 апреля и продолжалось до 15 апреля. Всего прибыло 67 делегатов; совещание было открыто Ю. А. Черкесовым, тов. председателя «Севкавгора», (северо-кавказского союза городов), указавший, что «союз городов вновь ожил после завершения освобождения Кубани от большевиков и установления законной власти и порядка» (о «порядках» читай выше). Председателем с'езда был избран В. И. Дзюбинский, член Пятигорской уп-

равы и б. член 4-й гос. думы. С приветствием от главноначальствующего краем выступил его помощник «граф» Уваров, пожелавший «плодотворной работы в деле восстановления хозяйства от полной разрухи, явившейся последствием длительного господства большевиков. Затем выступали от У. К. М. В. д-р Писнячевский, от Терского войскового казачьего круга В. Яньшевский и мн. др., жестоко нападавшие на Советскую власть.

Представитель Железноводского медицинского о-ва д-р Владимирский сделал доклад об организации Железноводского общественного самоуправления; А. П. Дар—о товарообмене между городом и деревней. Из второго доклада и прений по нем выяснилось, что фактически торговли нет; во всем засилье спекулянтов; взятка делает все и «частный капитал не только спекулирует, но и мародерствует». Кооператор П. Когут указал на безлюдье деревни, отсутствие в ней семян, и на то, что боясь реквизиций, крестьяне будут сеять только для себя. Из доклада уполномоченного по продовольствию Владикавказа А. С. Карасева и Грозненской городской управы Т. Вартазарова, нарисовалась бедственная картина продовольственного кризиса.

Доклады прерываются приветствиями представителя войскового правительства, малого круга и войскового атамана—Г. Ф. Фальчикова, в которых он призывал городских деятелей к общей работе с казачеством по восстановлению хозяйства края.

Характерен доклад д-ра Писнячевского, обвинявшего во всех несчастьях только большевиков. Из его доклада о санитарном состоянии групп видно, что в Пятигорске при вступлении добровольцев было 7 тысяч тифозных. Их пришлось «вычистить» из города и все они расползлись по губернии, разнося заразу.

Докладчик д-р Зернов М. С. в своем докладе о «великой единой и неделимой России» (лозунг добровольцев) указывает на то, что сейчас вся страна заражена и микробы в виде тяги к федерации, самостийности, сепаратизма — привиты стране большевиками; Кавказские минеральные воды должны явиться средством для излечения страны и от этого.

Интересным является обсуждение совещанием вопроса об организации городских самоуправлений. Из имеющихся в архиве истпарта отрывочных материалов, далеко не полных, видно, что часть ораторов находила, что закон о городских самоуправлениях выработан «бюрократическим способом, без всякой связи с городами», при чем предложил обсудить вопрос о возможности об'единения казачьих самоуправлений с городскими и крестьянскими. При чем оговаривалась, что вопросы эти «должны быть утверждены временно, до созыва учредительного собрания». Фальчиков раз'яснил, что заседавший в марте большой Терский войсковой круг постановил: «полное невмешательство в жизнь городов и широкое единение с ними». При этом отмечает, что «задача Р. К. П. в 1918 г. была расслоить деревню и опереться на бедноту казачью и иногородних—что они с успехом и проделали». Выступивший от Железноводска генерал Мадридов нападал на казачество за его самоопределение, заявив, что не должно быть казаков и не казаков и что все должны быть об'единены вокруг «доблестной добровольческой армии», которая своей кровью очищает Россию.

Собрание принимает резолюцию: 1) февральская революция открыла народу возможность безостановочного планомерного развития и преобразования его политической и экономической жизни; 2) завоевание это было растоптано и извращено октябрьской революцией и последовавшей за ней волной анархо-большевизма; 3) идеям народоправства и самоуправления ныне должны служить городские самоуправления, как органы народной воли; 4) до созыва учредительного собрания должен быть создан Терский учредительный с'езд (сейм), в котором выразится народная воля казаков, крестьян и всех граждан Терского края; 5) городские управы по назначению, как учреждения, чуждые городскому населению, должны быть ликвидированы. Взамен их должны быть избраны, при условиях свободы предвыборной кампании, на основе 4-х членной формулы (без урезок) городские думы.

Ясно, что Мадридов нашел много единомышленников, как и он, стоящих против этой резолюции и указывающих, что по примеру Сибири, где правит диктатор —Колчак—и на Кавказе, вся власть должна принадлежать военному командова-

нию. Только военная власть выведет страну из тупика, а не учредительное собрание.

Вскоре после разбора мелких вопросов, и порядка выборов в думы—с'езд закрывается, не вынеся определенных решений. Но уже и на нем выявилось частично разногласие между казачеством и иногородними с одной стороны и военным командованием добровольческой армии—с другой. Впоследствии оно превратилось в форменный разрыв и это докончило развал Деникинской авантюры.

Белые администраторы.

Итак, вся территория добрармии управлялась весьма упрощенным способом. Как только занималась область или губерния, сейчас-же в управление его вступал заранее назначенный генерал-губернатор и дело было в шляпе. Этот набирал штат помощников, создавал полицию, контр-разведки и следственные органы и дело налажено. Знай себе арестовывай большевиков и давай разгул всем черносотенным и буржуазным страстям. Бывало и так, что заранее назначенный губернатор месяцами ждал завоевания своей области. Тогда он, губернатор без губернии, жил просто без всякого дела, но числился и получал всякие прогонные, суточные и прочее. Так например случилось с убранным из Терской области ген. Ляховым, который был назначен Астраханским генерал-губернатором, но сознательная Астрахань не хотела весь 19-й год сдаваться.

Управление таким образом было чисто военное. Во главе всего «главнокомандующий вооруженными силами на юге России» Деникин с советом управляющих министерствами при нем, составлявшим юго-восточное правительство по назначению; дальше шли губернаторы; затем в городах начальники гарнизонов и коменданты, а в станицах атаманы и коменданты станиц. Если сюда прибавить контр-разведки, осваги, военно-полевые суды и тюрьмы—то картина белого администрирования станет ясной.

И пусть попытаются сторонники Деникина утверждать, что на ряду со всем этим существовало вольное казачье управление в виде кругов и рад, или демократические городские самоуправления. Мы на это ответим им, что думы ничем не руководили и играли жалкую роль, находясь на побегушках у военного командования и никаких идей общественности и самоуправления не осуществляли. А казачьи круги состояли в большинстве или из верхов казачества и приписанного в казачество офицерства, или же, как Кубанская рада с бр. Макаренко во главе—разгонялась и подвергалась арестам за критику реакционных тенденций военного доброкомандования. Достаточно хотя-бы вспомнить убийство председателя Донского круга Рябовола, казнь члена Кубанской, самой вольной рады—Калабухова—все это достаточно говорит за казачьи свободы в 19-м году. Их не было—этих свобод, да и быть не могло.

Поляков в главной Пятигорской контр-разведке, пытая заключенных, любил говорить:—я вам покажу, так вашу мать, учредительное собрание. А вот другой характерный случай в контр-разведке. Бьет офицер плетью матроса, стоящего перед ним со связанными руками и требует:

— Кто стоит сейчас во главе России, единой, неделимой?

— Не знаю.

— Надо отвечать—не могу знать, так твою мать. (Раз-раз—по лицу нагайкой). Повторяй мерзавец за мной: его высокопревосходительство верховный правитель адмирал Колчак. А кого убили в Сибири?

— Николая...

— Николая? Дать ему 20 шомполов... Ну, теперь отвечай. Неужели не знаешь? Отпустить еще десять... Да не церемоньтесь, с оттяжечкой по мясу бейте. Чтоб разобрало. Ну, теперь повторяй за мной:

— В Сибири убили его императорское величество государя императора Николая II-го, Александровича..

Так смотрело офицерство на организацию власти и одно оно только и было властью. Остальные—и круги и думы, от нечего делать, играли в бирюльки. Да и сам Деникин к середине лета, когда положение на фронте стало прочным и им был выброшен лозунг:—на Москву—изменил название «учредительное собрание» на «народное собрание», раз'ясняя при этом.

что выборы будут цензовые и с некоторыми ограничениями для инородцев. И уж конечно, если-бы военщине удалось овладеть страной, они-бы не только об учредилке, но и об конституции не вспомнили-бы.

Торговля и промышленность в 19-м году.

Еще с конца января 19 г. был утвержден при главноначальствующем терско-дагестанского края отдел торговли и промышленности. С 5 февраля он приступил к собиранию сведений о промышленных заведениях и мерам к их восстановлению. Затем в Краснодаре состоялось совещание по вопросу о введении кожевенной монополии. В конце-же февраля председателем особого совещания при Деникине ген. Драгомировым, впоследствии губернатор Киевской губернии, был поднят вопрос о снабжении топливом из части занятого армией Донецкого бассейна, а также нефтью из Грозного и Баку. При чем на местах был создан кадр уполномоченных по топливу. Несмотря на это, из-за отсутствия цистерн и неисправности железной дороги—поставка топлива была слабая и часть предприятий вынуждена была стать. Из телеграммы заведующего минералтопом Филиппова ген. Ляхову от 8 марта видно, что «благодаря разрухе транспорта, бездеятельности и распущенности низших железнодорожных агентов, грузы топлива и продовольствия пропадали и расхищались в пути». К этому-же времени нужно отнести начало пуска полуразрушенного химического завода «Алагир» во Владикавказе и предпринимались меры к пуску минводского стекольного завода. 9-го марта начал функционировать в городе Пятигорске колбасный завод и подп. Случевский приступил к разработке каменного угля в районе Кисловодска. В это-же время в Краснодаре начала функционировать особая согласительная комиссия по шерсти. В марте-же месяце владельцы маслобойных заводов в Пятигорске Гончаренко, Козельский, Аскеров и Василинин подали прошение атаману отдела, в котором просили реквизировать и передать им для переработки на масло 400 тыс. пудов грызовой семячки, находящейся у ссыпщиков Пятигорска, Георгиевска и Прохладной. Поднимался в это время вопрос и об эксплоатации лесов. Характерно, что Терское войсковое правительство считало недра земли своими, (равно как и все предприятия), поэтому издало приказ № 5, воспрещающий вывоз нефти из Грозного. Этим оно пыталось установить товарообменные операции с другими губерниями. Еще сложнее обстояло дело с ввозом хлеба с Кубани и Ставрополья, все это страшно взвинчивало цены и озлобляло рабочую и крестьянскую массу. 29 мая Терское отделение русского технического общества прямо поставило вопрос о разрешении частной торговли. Однако вопросу не был дан ход.

18 июня уполномоченным по продовольствию Харьковцевым был представлен начальнику торговли и промышленности края доклад о необходимости вывезти из Дагестана 40 тыс. пуд. шерсти, 15 тыс. пуд. гвоздей и $2\frac{1}{2}$ тыс. пуд. проволоки с гвоздильного завода «Арарат», консервы и т. д. Кроме того из Персии можно было получить за муку, железо, гвозди и мыло — кожу, овчины, мануфактуру, рис. Просьба француз. консула во Владикавказе о вывозе с Терской области для Эриванского правительства 10 тыс. пуд. муки—была отклонена, ввиду невозможности ее провести через Азербейджан и Грузию, которые будто-бы состояли в войне с добрармией.

С 13 по 23 мая в Краснодаре заседал шерстяной комитет, который под председательством Терского овцевода князя В. Трубецкого пытался нормировать вопросы шерстяной промышленности.

13 июля приказом главнокомандующего на Юге России была наконец таки отменена хлебная монополия и введена частная торговля. Это сразу обострило спекуляцию, началась вакханалия с укрывательством товаров и ростом цен; а наряду с этим закрывающиеся и закрытые предприятия, фабрики, заводы—выбрасывали на улицу ежедневно тысячи рабочих. Так поднималась торговля и промышленность добровольческой армией.

Казачьи с'езды.

Казачьи с'езды начали собираться с момента очищения территори Севкавказа от советской власти и до отступления, а вернее бегства добрармии. Весь 19-й год для казачества прошел под знаком выборов депутатов на круг и заседаний эти кругов. При чем многовластие в казачьем управлении в виде: большого войскового круга, малого круга, войскового правительства и войскового атамана—все это заслоняло от казачьей массы происходящие события.

Кроме того весь 19 год казачество Дона, Кубани и Терека не могло столковаться друг с другом. Все об'единенные совещания 3-х кругов показывали, что казачество фактически раскололось на 3 группы, каждая из которых живет и управляется автономно; поэтому добровольческое командование так легко проводит во всем свою политику.

Правда, находились неугомонные депутаты и члены рады и кругов, которые ставили прямо вопрос об ответственности военного командования перед казачеством; но их быстро убирали, а если это неудавалось—распускали и самый круг. Вообще деникинцы фактически с казаками нецеремонились, заигрывая с ними только на словах.

А в это время добрармия уже, получая снаряжение, патроны и обмундирование из Англии и Франции—заключало с их миссиями и послами соглашение и концессионные договоры, вернее занималось распродажей России по частям большой Антанте. В этом им конечно много помогали и меньшевики, Закавказские братья, которых даже провели прямой нефтепровод из Баку в Батум, по которому англичане и выкачивали из Баку нефть совершенно бесплатно, в виде компенсации за подавление рабочей революции в Баку и Тифлисе.

Благодаря такой распыленности и близорукости казачества и предательства его верхов—Деникин делался форменным военным диктатором на Юге России и признав себя заместителем «Верховного правителя» Колчака, таким образом ставил себя вне ответственности перед кем-бы то нибыло.

Но, как говорит пословица—на всякого мудреца довольно простоты—это оправдалось и на Деникине. Он сильно натянул возжи и они оборвались. Он издал по занятию Харькова приказ о возврате помещикам земель—и сразу встало крестьянство и бросили фронт казачьи корпуса. Этим приказом добрармия пропела свою лебединую песню.

Жизнь и работа на группах.

Непосредственно работа в УКМВ и жизнь на группах протекала в 19 году следующим образом. Прежде всего все группы и учреждения, по занятии добровольцами района, перешли на старый стиль. Затем начальником минераловодского района был назначен генерал от инфантерии Ерофеев. В конце января он принял район, поселившись в Кисловодске. Первое, с чего начал этот правитель, это реставрировал, т. е. возобновил станичные, сельские и слободские управления, придав им дореволюционный вид. Затем приказом образовал казачество, указав, «что все привилегии, и в особенности по управлению казачества, населяющего район, сохраняются». Деникиным к этому времени был утвержден проект перехода Всероссийской здравницы, согласно законам до октября 1917 г., в ведение отдела торговли и промышленности. Директором вод был назначен инженер Филиппов, который 11 января (24-го) об'явил «все учреждения периода большевизма—комиссии, комиссариаты, коллегии и др.—распущенными». Все желающие служить, должны были подать вновь заявления в 3-х дневный срок. Началась жестокая чистка учреждений УКМВ. Это наложило печать на всех. В архивах УКМВ имеются дела, говорящие о том, что все вдруг бросились ругать большевиков и выслуживаться перед новой властью (исключая рабочих). Всюду были повешены национальные 3-х цветные флаги и составлялись реестры имущества «расхищенного большевиками». И только у и. д. зав. Железноводской гр. Фавр хватило мужества в рапорте отметить, что

больше расхищено его «чинами добрармии». К этому времени была назначена и городская управа с городским головой П. Буровым и членами—Бобровым, Бородиевым, Свешниковым, д-ром Успенским, Белько и Николаенко.

С февраля месяца Пятигорск и др. курорты начинают освобождаться от сыпно тифозных и готовиться к сезону. 26 апреля вместо убранного из-за Чайдояновской истории Ляхова—во главе Терско-Дагестанского края стал Эрдели. С июня курорты открылись и наплыв всякого рода буржуазии и верхов офицерства был настолько велик, что нехватало помещений и частных комнат. Это конечно не улучшало положения нисших служащих и рабочих КМВ, которые продолжали влачить полуголодное существование.

Рядом с этим приходится отметить жесточайшие репрессии против всех тех, кто так или иначе был причастен к большевизму 18 года. В работах УКМВ была видна разбросанность, метания, отсутствие организации и материальных ресурсов. Продолжительное закрытие Кубанской и Ставропольской границ окончательно дела до катастрофическим вопрос продовольственный.

На Москву.

К половине лета 19-го года дела добровольцев стали на фронте настолько хороши, что Деникин отдал свой знаменитый приказ:—на Москву!—Белая пресса сейчас же подхватила этот лозунг и расцветила его с присущей ей слюнявостью. Патетически указывалось на то, что наконец-то добрармия—эта идейная интеллигенция, студенчество и офицерство—войдет под звон московских колоколов в древнюю столицу России—Москву и отслужит в ней благодарственный молебен по поводу очищения России от большевиков. Пафос этот был, конечно, дутый, равно как и трехцветный национализм. На самом деле населению и особенно интеллигенции и большей части офицерства было мало интересно, чем все это закончится.»

Каждый занялся своими делами и делишками; забрался в свою скорлупу и ничего не хотел знать. Юристы «нагоняли монету» сногсшибательными процессами, врачи вместо лечения, спекулировали спиртом и окороками, офицерство бежало с фронта и устраиваясь в распухших штатах и тыловых учреждениях—грабило, кутило и снова грабило. И уже бои Врангеля под Царициным и Астраханью и Драгомирова под Киевом показали, что армия собственно деморализована, офицерство не дисциплинировано и не боеспособно и весь фронт держится только на кубанцах. А какие восторги самых передовых людей вызывали телеграммы Шкуро, который взяв Харьков и продвигаясь дальше с кубанцами, телеграфировал в тыл только одно слов:—крошу!—Эта рубка его конницей полуголодных и тифозных красноармейцев вызывала всеобщее умиление, благодарственные молебны и заставляло еще рьянее Пятигорское духовенство предавать большевиков анафеме.

Но, как мы отметили выше, «земельная реформа Деникина с одной стороны, и маневр Красной армии, сперва разбившей Колчака и потом обрушившейся на Деникина—с другой, решили ход всей кампании. То, что строилось на гнилых дореволюционных старых началах—не могло привиться достаточно революционизированному и озлоенному за 18-й год населению. Армия снялась с фронта и поехала домой. Несколько корпусов кубанцев, после земельной реформы, перешло на сторону красных, в тылу стали вспыхивать восстания за восстаниями. Всюду оживились подпольные организации: в Ростове, Краснодаре, Армавире, Владикавказе. И отряды т. Гикало, делавшего налеты на Грозный, стали мощной и реальной силой именно со 2-й половины 19 года. Кроме того леса и горы Черноморья и Терека наводнялись зелеными отрядами, составленными из красноармейцев. И уж не помогали ни амнистии, ни воззвания к населению.

С'езды иногородних.

Желая спасти положение, Деникин начал заигрывать с казачеством и иногородними. Так, им было в сентябре, приблизительно, об'явлено, что казачьи круги всех 3-х областей могут с'ехаться для организации южно-русской власти, при которой он будет главнокомандующим вооруженными силами. С'ехались делегаты 3-х кругов и образовали так называемую чрезвычайную раду. Но как только рада выбросила лозунг учредительного собрания и вздумала коснуться земельного вопроса, как сейчас-же была опять распущена. Весь 19-й год проходит под знаком подавления казачьей инициативы. Власть строго централизована и сосредоточена в железных руках командования.

На ряду с казачьими, разрешались и с'езды иногородних. Но до чего убогими по постановке вопросов и их решению— являлись они, эти с'езды. Робкими голосами, с боязнью обидеть командование и равняясь исключительно на него—говорили все эти эсеры Леониды Орловы и меньшевики о городских делах. И если в речах позволяли упомянуть об учредительном собрании—усатые полковники тот-час-же цикали на них. У нас имеется материал только о 3-м с'езде иногородних Терского края. Но он достаточно показателен. С'езд протекал в Ессентуках с 29 октября по 1-е ноября. Делегатов было 58 чел. от 46 местностей. Председательствовал на с'езде Д. Павлов. В отчете говорится, что с'езд открыл представитель Терского войскового правительства полковник Блазнов. Началось с приветственных телеграмм добрармии. По предложению Леонида Орлова постановлено послать телеграмму и генералу Эрдели. Для этой-же цели избрана делегация в составе Леонида Орлова (12-летн. политич. каторжанин!), генерала Петренко (Кисловодский палач, убивший обоих Ге и сотни рабочих и коммунистов!), Дурова и Заиськина. Из вопросов с'езда интересным является только земельный. Здесь в докладах с мест интересно отметить доклад делегата ст. Лысогорской М. Е. Диденко, указавшего, что «при Советской власти у крестьян была земля. А пришла добрармия—все забрали, иногородних как-бы отбросили». В результате, после замазывания и откладывания, вынесена следующая резолюция по земельному вопросу: С'езд (не текстуально) признает, что земельный вопрос обострился. Но до учредительного собрания его разрешить нельзя. Поэтому надо одобрить политику казачьего малого круга и выразить пожелание и т. д. Словом—ничего конкретного, размазывание и замалчивание. Стоило-ли из-за этого огород городить, созывать с'езд?

Отступление добрармии.

Стихийно, почти без боев, докатившись до Орла, добрармия после первого толчка —натиска [redacted] и измены кубанцев— также стихийно стала откатываться назад. И уж никакие попытки Деникина, Врангеля, Шкуро, Улагая, Топоркова и др. новоиспеченных генералов добрармии— не могли задержать этого бегства. Армия фактически развалилась; перестала существовать. Язва, до поры, до времени скрытая в организме тыла—вдруг вскрылась и обнаружила даже для добрармии неожиданные запахи. Оказывается, тыл никакими идеями освобождения родины не болел, а преспокойно спекулировал, воровал, наживался на казенных поставках, перепродавал приходящее из Франции и Англии обмундирование и медикаменты—целыми эшелонами на частные рынки. Оказалось, что все как-то сразу уверовали в тылу, что Россия реставрируется и без них и занялись шкурничеством. И когда отступая, добрармия вздумала опереться на этот самый тыл—она споткнулась и упала.

Организованного тыла, крепкого резерва, живой силы и материальных средств, не было. В городах капиталисты и помещики, князья и графини—только и занимались аферами. В станицах, несмотря на сеть осватов—казачество уже было за большевиков и ждало их. О крестьянах и рабочих и говорить не приходится. У всех на устах были только большевики и даже интеллигенция стала находить, что они были более творческими организаторами.

Похорсны жертв расправы белых казачьих банд над членами IV сессии делегатов трудового народа Тергубер., в станице Змейской за дело Коммуны павших товарищей: **Пашковского, Тюленева,** (Председателя Кисловодск. Совдепа) **Анны Блюменталь** и других. Владикавказ 24/XI 1918 года.

А тут началась полоса восстаний. Появились эпидемии. С посольствами и миссиями антанты начались трения. Казаки ничего не давали, самоопределились и настойчиво требовали созыва учредительного собрания. И опять добровольцы были одиноки и докатывались уже до Ростова.

Утопающий хватается за соломинку. Деникин об'явил, что согласен на созыв учредительного собрания; что после победы всем, даже большевикам, будет дарована амнистия. Но уже ничто не помогало. Зеленые открыто нападали на города и поезда и грабили их. Т. Гикало взял руководство всем Дагестанским красным фронтом. Целые станицы были большевистскими. В ряде городов вспыхивали восстания. 18 сел Ставропольской губернии восстали и об'явили власть крестьянских советов.

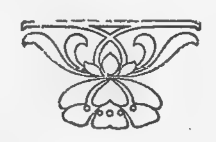
Началась паника. Бегство. Отступление. Все отряды бросились частью на Новороссийск, частью в Грузию. И к началу марта 1920 года Северный Кавказ так или иначе был эвакуирован, как и юг России. И только небольшая группа добровольцев с Врангелем задержалась в Крыму. Но и она была выбита оттуда осенью 1920 года. Так закончилось добровольческое «освободительное» движение.

Первый Ревком в Пятигорске.

На группах 13 января 20-го года тоже было организовано восстание т. называемых розовых. Но благодаря его неорганизованности, оно было добровольцами подавлено. Приблизительно к этому-же времени относятся восстания на М.-Водах и в Прикумском уезде. Нужно отметить, что на ряду с этим горная и плоскостная Чечня все время бродила и была против добрармии.

С Пятигорья добровольцы отступили внезапно и без всяких боев. 2 марта, а по нов. стилю 19-го с утра, потянулись штабы и части по направлению к Ессентукам и дальше. А 18-го марта утром Пятигорск был чист и без всякой власти. Конечно, обыватель боялся грабежей, насилий, расстрелов. Но этого не случилось. С утра-же революционный правопорядок вступил в силу и взял руководство всем в свои руки. Был немедленно организован ревком из 5 человек: П. Кофанова, Пащенко, Мигслова, Иванченко и Возненко, а из политических освобожденных сформирована охранная рота, в которую влились профсоюзы. Порядок поддерживался образцовый. Политика ревкома была компромисной и выжидательной. 6 дней держался этот первый ревком, ожидая известий с М.-Вод о подходе Красных частей. А в это время в Ессентуках было сосредоточено 6 тысяч добровольцев с батареями и пулеметами.

Через 6 дней пришли регулярные части и первый батальон под командой т. Кочуры. Вскоре был избран военно-революционный комитет северо-кавказским бюро—в составе председателя Духовского, заместителя П. Кофанова и членов—Степанова и Пащенко. Работа стала входить в свою революционную колею.



1920-й год.

Первые месяцы.

Победоносная Красная армия, занимавшая без боя территорию Северного Кавказа,—была не только хорошо организована в военном смысле,—но и политически воспитана.

Центральная Россия уже два с половиной года варилась в котле социальной революции и гражданской войны. Партия бросила громадный % своих членов на укомплектование армии. И можно с уверенностью сказать, что любой красноармеец в достаточной степени разбирался в вопросах классовой борьбы и основных задач коммунизма.

Красная армия, по мере продвижения вперед, организовала революционные комитеты, частью из местных работников, частью выделяла из своего состава.

Политотделы дивизий открывали митинги и раздавали литературу местному населению.

Так было и на Тереке. Реввоенсовет XI армии создал Ревкомы во всех крупных пунктах нынешней Терской губернии, и вел большую агитационную работу среди населения.

Как видно из предыдущих статей, в Пятигорске возник Ревком еще до прихода Красной армии.

Возник и временный комитет Р. К. П. (б.), избранный на первом организационном собрании в составе: Минцлова, Пащенко, Кофанова, Савгирова, Живолупа, Юдина, Бенедиктова, Гайворонского и Тарасенко. Вр. комитет об'единял около 80 парттоварищей. Партийный комитет приступил к перерегистрации членов организации.

Далее в спешном порядке было приступлено к созданию боевой партийной дружины *).

Но временный комитет быстро почувствовал и слабость парттоварищей, входящих в организацию,—и недостаток сведений о той громадной работе, которую проделал центральный комитет РКП (б.) и вся партия целиком в период от 1918—1920 года.

Но в скором времени связь с центром была налажена.

В конце марта, в Пятигорск прибыло бюро по восстановлению Советской власти на Кавказе (см. Известия Ревкома от 1 апреля 1920 г. № 12).

Наконец, приказом по фронту от 31 марта: «Для восстановления Советской власти на Северном Кавказе, на основании постановления ВЦИК'а, Реввоенсоветом Кавказского фронта учреждается Северо-Кавказский революционный комитет (Кубань, Черноморье, Ставропольская губ., Терская область и Дагестан), в следующем составе: председатель Ревкома тов. Орджоникидзе, заместители председателя т.т. Киров и Я. Полуян; члены Ревкома:—т.т. Мдивани, Стопани, Нариманов и Сеид-Габиев» (см. Известия Пятигорского Ревкома от 4 апреля 1920 г.).

Первый-же приказ Сев.-Кавказского Ревкома гласит: «В целях воссоздания партийных коммунистических организаций на Северном Кавказе, учреждается

*) Сведения см. в статье Вс. Апухтина «Пятигорская организация РКП (б.) с марта по июль 1920 года (по документам Терского Губкома)», помещенной в журнале «Коммунистический Путь», № 5—6, 1922 г.

партийное бюро в составе: председатель—член ЦК РКП (б.) тов. Смилга. Члены: т.т. Мдивани и Киров. Учреждение местных партийных организаций (губернских, областных) может быть только с санкции упомянутого бюро». (Там-же): Приказом № 4 от 1 апреля, Сев.-Кавказский Ревком утвердил Ревком Пятигорского отдела уже в другом составе:

Председатель—тов. Духовский, зам. председателя—т. Кофанов, члены: Степанов и Пащенко (там-же). Но этот Пятигорский Ревком был утвержден исключительно из коммунистов.

5 апреля был утвержден президиум организационного бюро Пятигорского округа в составе: председатель т. Минцлов, тов. председателя Пащенко, секретарь Живолуп. Впредь до партийной конференции оргбюро—является высшей партийной организацией в округе (см. Изв. Пят. Ревкома от 8 апр. 1920 г. за № 18).

Вслед за тем число старых и опытных работников партийных и советских инструкторов—увеличивается на Тереке с каждым днем. Красная армия выделила из своих рядов многих товарищей, работавших на Тереке до прихода белых (в числе их назовем Шелохаева, Бородыню, Дунаева и др.). Стали возвращаться подпольники Грузии, Баку, Дагестана. Центр направил сюда мобилизованных парттоварищей. Летом прибыло много больных товарищей из центра. Командировались из центра инструктора советских и профессиональных органов. Словом партийная и советская прослойка утолщалась.

Что-же нашли опытные партийные работники здесь, на Тереке, к концу марта 1920 года? Можно-ли было немедленно приступить к выборам в советы, и затем после с'езда советов, к выбору Исполкомов, взамен существующих ревкомов? (А такие попытки уже были, как увидим из дальнейшего изложения).

Прежде всего центральные работники столкнулись с компромиссным характером работы Пятигорского Ревкома первого состава.

Этому Ревкому пришлось считаться с особенностями Терской жизни. Недостаточность коммунистических сил, слабо развитый (и качественно и количественно) пролетарский слой, незнание ни опыта, ни курса партии, взятого в 1918—1920 годах,—с одной стороны. С другой: —воинственность казачьего населения, враждебность его к Советской власти, громадное количество остатков из распыленной Деникинской армии, застрявшей в городах, селах, лесах и балках нынешней Терской губернии. Остатки белой армии еще лелеяли надежду на Врангеля, который в эти месяцы зашевелился в Крыму—и весною двинулся в поход на север.

В такой обстановке Ревком, не чувствуя за собой силы, вел политику компромиссов.

Вошедшие в город красные части увидели не суровую картину тех железных героических годов, картину высшего расцвета военного коммунизма, столь ярко отраженного в жизни Москвы, Питера и других рабочих центров,—а картину, близко напоминающую современный НЭП. Описание этой внешней картины мы читаем в «Изв. Пятигорского Ревкома» от 18 апреля за № 24: «Если судить по внешнему виду,—Пятигорск является в Советской Республике чем-то вроде счастливого райского места. Пройдитесь по улицам: за большими зеркальными окнами столовых дразнят аппетит румяные булочки, нежные сливочные пирожные, печенье всех форм и видов. В гастрономических магазинах навалены горы всяческой колбасы на всех языках мира: испанская, французская, польская... Все страны света как будто-бы шлют в Пятигорск свои продукты.

В магазинах обуви блестят и сверкают ботинки и ботиночки, туфли и туфельки, на всякую ногу, всех размеров и фасонов.

В магазинах готового платья такое-же изобилие товаров...

. . . .

Вся эта показная, нагло лезущая в окна роскошь,—злая насмешка, издевательство над рабочими. Разве может он платить за пирожное по 40—50 руб. за штуку, когда и на хлеб детям не хватает?.. Разве в силах он из своего трудового заработка покупать костюмы по 20—25 т. руб.. платить за ботинки по 6—7 тысяч?

Все это доступно только спекулянтам, только той буржуазии, которая, видимо, совершенно оправилась от первоначального своего испуга перед Советской властью и разводит опять в Пятигорске свою желудочную роскошь...

А буржуазия, действительно, перестала бояться Советской власти. На митингах местные ораторы старались оправдать Советскую власть перед лицом Пятигорской буржуазии, Ревком—об'явил полную отмену смертной казни, театры ставили: «Муж из деликатности», «Сюрприз брака», «Восходящие звезды парусного неба», (все это украшенное пением, танцами, куплетами,—как написано в об'явлении),—наложенная двадцатимиллионная контрибуция была отменена,—словом буржуазия чувствовала себя весьма недурно в обстановке Советской жизни. Буржуазия даже **«пожалела»** политических амнистированных, т. е. партийных товарищей, посаженных белыми в тюрьму и наполнила Лермонтовскую галлерею 24 марта, когда был устроен вечер в пользу освобожденных заключенных.

Как должен был себя чувствовать в этой обстановке партийный работник, прошедший суровую школу классовой борьбы и военного коммунизма,—нам показывает «Письмо в редакцию», напечатанное в «Известиях революционного комитета Пятигорского района» от 2 апреля 1920 года за № 13.

Письмо настолько характерное, что мы приводим его целиком.

«Уважаемый тов. редактор, не откажите поместить на страницах вашей газеты следующее письмо.

Местные политические лидеры решили помочь освобожденным заключенным и, пользуясь способом, вошедшим в обычай чуть-ли не с самого сотворения мира, решили взять пример с... дам патронесс.

29 марта «для политических освобожденных» был устроен вечер.

100 рублей вход, буфет по «свободным» ценам и т. п. придали этому вечеру довольно яркую физиономию «благотворительного» для «бедных». И особенно этому содействовала программа.

Дело началось «докладом» тов. Кофанова *), призывавшего местную буржуазию помочь «бедным политическим». Затем после нескольких номеров довольно жидкого оркестра, был представлен акт из пьесы того же самого тов. Кофанова и наконец в дивертисменте были прочитаны стихи, тоже сочинения тов. Кофанова. Одним словом это был вечер тов. Кофанова.

Мы воздержимся от разбора всей программы этого вечера, ибо в ней от революции, и притом от социальной, было только несколько раз произнесенное слово «свобода», а остальное представляло собою старую буржуазную мишуру, блиставшую ранее в кабаре и даже шантанах.

Для нас интересна лишь оценка творчества коммуниста и председателя пятигорского ревкома.

Благодарные пятигорцы устроили ему нечто вроде овации, причем слабонервные девицы

...« И в воздух чепчики бросали». Вот это-то нас и заставляет оценивать творчество местного лидера.

Наш вождь, тов. Ленин, любит говорит:

«Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья».

Если это трехстишье нельзя применять ко всякому нашему действию, то его несомненно можно применить в оценке творчества тов. Кофанова пятигорцами.

Если тебя хвалит буржуазия, значит ты не прав—вот компас рабочего. Не мешало бы его взять за руководство и тов. Кофанову. Начнем с «доклада».

Разве в ней было что-либо от коммунизшегося к буржуазии (помните—100 руб. за вход) было что либо от коммунизма?

Конечно ничего, ибо обращаться к милости кошельков может только нищий, или дама патронесса, приглашающая выпить бокал шампанского «в пользу бедных голодающих».

Затем пьеса.

Разве в ней было что либо от коммунизма? Конечно нет, ибо самый поверхностный марксистский разбор представленного акта приведет всякого в недоумение. Истерические выкрики интеллигентов и не менее истерические выкрики рабочих на фоне нытья всех,—вот «содержание» представленного акта. А где же здесь классовая борьба? А где же здесь революция?

Лучше всего резюмировал свои впечатления от этой пьесы один (и, вероятно, единственный) красноармеец (и то попавший «зайцем» в театр), который сказал:

«Длинно, как поросячья кишка»!

О стихах уже говорить не придется.

Тут и просто вой, тут нечто от Игоря Северянина, тут и скверный митинг, но

---

*) В тот момент председателя ревкома.

ни революции, ни художественности нет и помина.

Вся эта макулатура дала, вероятно, большой сбор (100 руб. вход!), но плох будет тот «бедный политический», который рискнет воспользоваться «трудами» тов. Кофанова и местной буржуазии для улучшения своего материального положения.

Революционер не нищий и к благотворительности не прибегает. Об этом следует помнить пятигорцам, «борцам за свободу».

Начальник политотдела N дивизии С. Васильев-Псковский».

Письмо дышит злобою и негодованием. Оно во многом—неправильное и преувеличенное. Но основной тон его, способ смотреть на мир и разбираться в обстановке —ярко рисует различие во взглядах ревкома того периода и партийных работников, пришедших с Севера, из центра Советской республики.

Прежде всего автор письма,—начальник политотдела дивизии—не признает своими товарищами—пятигорских деятелей. Он их называет «местными политическими лидерами», упрекает в непонимании пролетарской революции, классовой борьбы, заигрывании с буржуазией,—словом во всех революционных грехах. И характерно отметить, что среди статей «Известий Пятревкома», только в этом письме в первый раз громко произнесены лозунги: классовая борьба, и ненависть к буржуазии.

Та же мысль о непримиримости с буржуазией, пока недурно себя чувствующей на Тереке, еще резче проявилась в речи на митинге представителя политотдела армии Тартаковской:... «почтим павших делом. Вы—свидетели массовых расстрелов и вы слышали, что большевики жестоки! Мы не говорим, что мы не жестоки! Мы жестоки... в борьбе! Вы многое слышали о зверствах чрезвычаек и военных трибуналов. Но чрезвычайки и военные трибуналы не органы правосудия, а органы расправы с нашими врагами. Если вы видите гуляющих офицеров, генералов и других представителей контр-революции, то знайте, что им осталось гулять недолго. Скоро явятся чрезвычайки и ревтрибуналы—они расправятся с неменьшей жестокостью, как и во всей стране».

(«Изв. Пят. Ревкома» от 30 марта 1920 г. за № 10).

Но гуляющие офицеры и другие представители контр-революции, послушав такие обещания центральных работников,—не зевали. Часть из них перебиралась в горы, организовывала банды, ожидая Врангелевский десант на Кубани, другая работала среди казаков, разжигая ненависть к Советской власти. Наконец, нашлись и такие, которые задумали бороться с коммунистической партией через советы. Во многих станицах появилось стремление заменить ревкомы советами. Кто этого требовал и зачем,—нам ясно говорит обращение Ревкома Пятигорского отдела всем станичным и городским ревкомам (Изв. Пят. Ревкома от 11 апреля 1920 г. за № 20). Приводим выдержки из этого обращения: «...Капиталистам, помещикам, кулакам и прочим тунеядцам не должно быть места в советах. Больше того, не только участие их в советах, но даже попытка их проникнуть в советы будет рассматриваться, как подрыв советской власти, и повлечет за собою высшую меру наказания по законам военно-революционного времени...

По этому доводится до сведения всех ревкомов пятигорского отдела, что без ведома ревкома пятигорского отдела выборы в советы не должны производиться».

Задачи Оргбюро.

Таким образом перед оргбюро партии встала неотложная задача «завоевать Терек», т. е. 1) наладить партработу внутри самого бюро; 2) распустить всю организацию, отобрать партбилеты, выданные на спех, назначить прием членов организации вновь по инструкции ЦК РКП (б), применяя ячеечную систему, по анкетам с письменной парт. рекомендацией и тщательно фильтровать общим собранием всех членов и сочувствующих им, и 3) наладить партработу в районах округа и станицах, а также во всех производственных союзах и отделах ревкома.

Несмотря на недостаток опытных работников, оргбюро все же быстро удалось достигнуть некоторых успехов в налаживании партийной и советской работы.

На первых порах при оргбюро было образовано два отдела: организационно-ин

структорский и учетно-информационно-статистический. Далее—отдел по работе среди женщин.

Пятигорский округ был разбит на шесть районов: Пятигорский, Минераловодский, Кисловодский, Георгиевский, Ессентукский и Железноводский. Работа закипела. По производственным союзам г. Пятигорска было образовано 27 ком'ячеек и 4 ячейки по станицам пятигорского района. Несмотря на тройной фильтр при перерегистрации, Пятигорская организация насчитывала до 300 человек, из них до 175 членов, остальные—кандидаты. В первое время Пятигорск был разбит на 4 района. Каждое воскресенье во всех городских районах устраивались митинги, велись собеседования, читались лекции. Агитотдел бюро для инструктирования созывал на общие собрания президиумы комячеек. Ячейки были распределены по районам. Открыта была партийная библиотека, доступная для всего населения. Производилась фильтрация советских работников, которая, к сожалению, не была достаточно тщательной. В газетах писались статьи, раз'ясняющие программу коммунистов.

18 апреля на общем собрании Пятигорской организации сделал доклад о 9 с'езде РКП—прибывший со с'езда т. Шелохаев. После продолжительных и оживленных прений по докладу, собрание приняло следующую резолюцию:

«Общее собрание РКП в гор. Пятигорске, выслушав доклад т. Шелохаева о трудах и постановлениях IX с'езда РКП, постановило принять доклад к сведению и приложить все усилия к борьбе с хозяйственной разрухой и к повышению производительности труда, согласно директивам IX с'езда и ЦК».

Эта резолюция ко многому обязывала. К той же борьбе с хозяйственной разрухой обязывала и жизнь. Экономическое состояние тех уездов и округов, которые входят в состав нынешней Терской губернии, внушало серьезные опасения. Промышленные предприятия замирали. Безработица неудержимо возрастала. Союзы насчитывали в своих рядах от 25 до 50 проц. безработных. Цены,—в начале упавшие,—быстро повышались.

Состояние Округа.

Но перспективы на осень и зиму были еще мрачнее. 17 апреля в Пятигорске открылся с'езд представителей волостных земотделов Пятигорского отдела (в состав отдела входил и нынешний Георгиевский уезд). На с'езде члены Северо-Кавказского и Пятигорского ревкомов об'яснили преимущество советской земельной политики пред деникинской. Доклады с мест выяснили следующее:

1) земли хватает, земля распределена вся, но земля разорвана на клочки: десяти на—две засеяны, пять—десять пустуют. Норма надела от 1—3—9 десятин на душу.

2) Посевная площадь уменьшилась на 30 проц. из за недостатка рабочих рук. «3000 человек от тифа умерло». «Все на войну ушли». «Народ на службе»—заявляли представители мест.

3) Остро чувствуется недостаток семян.

4) Живой инвентарь уменьшился на 50 проц. Мертвый инвентарь разграблен белогвардейцами.

5) Острый земельный голод чувствуется в Минераловодском районе, где бездействовал стеклянный завод и 10.000 рабочих нуждались в земле.

Таким образом на большой сбор хлебов даже при хорошем урожае разсчитывать было нельзя.

На этом-же с'езде выяснились и другие картины жизни на местах. Арендные сделки, запрещенные Советской властью, негласно продолжают заключаться. Аппарат Советской власти не налажен. Представитель ст. Водопадской, заявил:

— «Приехал инструктор, побыл один день, организовал ревком и уехал. А мы остались, как и были, в темноте, и все у нас делается, как и делалось по старому».

В ст. Свободной тоже обстояло «все по старому, по своему».

(Изв. Пят. Ревкома, от 20 и 21 апреля за №№ 25 и 26).

Этой темнотой пользовались контр-революционеры, которые густо насыщали Терскую атмосферу.

Для того, чтобы восстановить Терское казачество против советской власти, бело

гвардейские офицеры, спрятавшиеся в станицах, нашептывали казакам о победах Махно и Шкуро. Грозили тем, что Советская власть якобы «расказачит» терцев, отнимет у казаков землю. Раздували национальную распрю с горским населением. Словом, играли на всех слабых струнках несознательного трудового казачества. Казаки слушали шептунов и провокаторов, скрывали их в своих станицах и недоверчиво относились к Советской власти. Северо-Кавказский ревком прибегнул к испытанному средству. 27 апреля в Пятигорске состоялось Терское областное казачье совещание. На совещании присутствовало 60 делегатов,—из них 3 коммуниста, 5 сочувствующих и 52 беспартийных. Выступали члены С.-Кавказского ревкома и председатель т. Ордженикидзе, которые в своих речах рассеяли провокационные слухи и призывали к тесной работе с Советской властью.

Т. Ордженикидзе напомнил казакам, что 80.000 пленных казаков были распущены по домам. Но если поднимется против Советской власти хотя бы один казак в одной станице,—вся станица будет в ответе. Та станица, которая впустит к себе разных Шкуро с их потерявшими честь и совесть разбойничьими бандами, будет сурово наказана, вплоть до расстрела, до уничтожения. После речей членов С.-Кав. ревкома, выступали казаки и заверяли, что никаких намерений восстания в станицах нет и они сами выдадут Советской власти каждого, кто будет мутить их и возбуждать к восстанию.

Совещание единогласно приняло следующую резолюцию:

1) приветствовать от имени трудового казачества Советскую власть и победоносную Красную армию.

2) Об'явить беспощадную борьбу всем контр-революционным элементам и провокаторам среди казачества и всеми своими силами поддерживать Советскую власть.

3) Помогать проведению в жизнь всех мероприятий Советской власти по разрешению земельного вопроса и согласно указаний рабоче-крестьянской власти бороться с хозяйственной и прочей разрухой Советской России.

4) В случае какого-либо восстания, где бы это ни было, всем, как одному, встать и выступить на защиту Советской власти: смерть врагам рабоче-крестьянской революции и провокаторам!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует красное казачество!

Да здравствует социализм!

(См. «Изв. Пят. Ревкома» от 29 апреля 1920 г. за № 23).

Партийная работа.

Но одними резолюциями делу не поможешь. Надо было перебросить партийную работу в станицы. Сколотив советский аппарат при окружном ревкоме, оргбюро — обратило свое внимание на станицы. Но недостаток партийных сил, отсутствие литературы и сознательного пролетариата и нарождавшийся бандитизм—не позволяли наладить в станицах правильной и регулярной партийной работы. В станицы инструктора посылались только по возможности. Из районных бюро довольно интенсивно работало Георгиевское. После строгой фильтрации принято членов партии до 100 чел., кандидатов до 50 чел. Главное внимание уделялось на образовании ком'ячеек. Их организовано 21 и в каждую назначены были ответственные руководители. Работа ячеек велась успешно. Для борьбы с бандитами был образован коммунистический отряд (также как и по всему округу) и члены организации обучались военному искусству.

Организованы были ячейки и по станицам района. Население всего района подготавливалось к выборам в советы. Партийными товарищами читались лекции, устраивались митинги. Велась успешная работа среди молодежи и женщин. Такие же успехи наблюдались в Минераловодском районе. Там также наладилась работа в ячейках. Количество членов было 35 человек и кандидатов 18. Комсомол организовался и принимал в члены после тщательной фильтрации. Население было уже подготовлено к выборам в советы.

Но Георгиевск—с артиллерийским складом и Минеральные Воды со стекольным заводом и железнодорожным депо—представляли немногие пролетарские центры Терской губернии. Потому то и работа проходила здесь налажено. К тому же через

Минеральные Воды—узловую станцию, проходили красноармейские части и сильно способствовали организации, а в особенности политическому просвещению масс, устраивая митинги, разбрасывая литературу. Минераловодский район провел особенно многолюдный и серьезный митинг 30 августа, когда на станцию прибыл поезд с представителями на с'езд восточных народов во главе с председателем III Коммунистического Интернационала т. Зиновьевым (с'езд происходил в Баку). После приветствий по адресу т. Зиновьева, был открыт митинг на тему: «Цель созыва с'езда народов Востока». Выступали: т.т. Зиновьев, Бела-Кун, Квелч представитель английской коммунистической партии и Росмер, представитель французской коммунистической партии.

Митинг закрылся прощальным словом Зиновьева, после которого поезд тронулся в путь при несмолкаемых криках ура!

Зато в Кисловодском и Ессентукском районах дело не клеилось. Эти города были наполнены буржуазией и казаками. Лакействующее население холодно, а иногда и враждебно относилось к партии. Окружное бюро организовало в Кисловодске — 8 ячеек и 10 ячеек в Ессентуках, но состав этих ячеек, как потом показала чистка 1921 года, был далеко не удовлетворителен.

В самом Пятигорске и в Пятигорском районе работа шла более налажено. Еще в конце апреля, по докладу предревкома т. Духовского,—вызванному, вероятно, вышеописанным с'ездом представителей волземотделов, оргбюро постановило немедленно приступить к партийной работе на местах. Был организован отдел по работе в деревне с тремя инструкторами. (См. «Изв. Пят. Ревк.» от 25 апр. 1920 г. за № 30). Каждое воскресенье во все станицы, селения и хутора района посылались агитаторы, устраивались митинги, велись собеседования, организовывались ком'ячейки.

К этому времени в Пятигорском районе было организовано 46 ячеек с общим числом членов партии—115 и кандидатов—445. Об'явлено было постановление о том, чтобы каждый член и кандидат партии обязательно был членом производственного союза, об обязательной регистрации всех членов и кандидатов 2 раза в месяц. Военное обучение велось довольно успешно.

Работа женотдела выражалась в собраниях работниц по предприятиям, митингах и собеседованиях. Союз коммунистической молодежи начал работу еще в марте того же года.

Была организована комиссия по очистке советских учреждений. Функционировала комиссия по подготовке выборов в советы.

Число городских районов было сокращено до двух и были произведены выборы в райкомы.

Также протекала работа в Прикумском и Моздокском уездах.

Партия постепенно наступала на станицы, почти еженедельно устраивала в них митинги. Но завоевание крестьянских и казачьих масс шло туго. Отчеты того времени отмечают, напр. по Пятигорскому району: настроение в станицах Бургустанской и Новоблагодаренской не благожелательное к Советской власти, вследствие преобладания кулачества. Причем самый ревком в Новоблагодаренской состоит из кулацких элементов.

С началом курортного сезона с'ехалось немалое количество партработников центра, главным образом, больных. *) Этим воспользовалось оргбюро, организовало парткурсы или партшколу, в которой читала лекции т. А. М. Коллонтай (в Кисловодске). Борьба с экономической разрухой велась в двух направлениях: 1) организация субботников и воскресников, (первый коммунистический субботник в Пятигорске 24 апреля 1920 г.), второй—1 мая; 2) проведение разных недель и 3) налаживание профсоюзов. Профессиональные союзы стали возобновлять свою деятельность сразу же после ухода белых— и к концу марта —с'организовали временный комитет совета профсоюзов. Но организация союзов произошла по профессиональному признаку, а не по производственному, как практиковалось в центральной России. После долгих прений, союзы перестроились по производственному признаку, пользуясь указаниями членов Северо-Кавказского Ревкома и инструкторов, командированных центром. (Первый инструктор прибыл в Пя-

*) В 1920 г. на курортах прошло 24.680 больных, из них рабочих 940, красноармейцев—10.723 чел. Остальные — 13.017, т. е. более 50 проц. так называемые советские служащие.

тигорск—1 апреля), что и было утверждено краевым совещанием профсоюзов (в Пятигорске—19 мая 1920 г.).

Пустив в ход советские и профессиональные органы, партия начала усиленно готовиться к выборам в советы. После большой агитационной кампании происходили выборы,—в результате которых был избран окружной исполком во главе с председателем т. Булле, (председатель ревкома, сменивший на этом посту т. Духовского).

После избрания советов, партия поставила неотложной задачей укрепление партийных организаций.

Не надо забывать, что в то время Советская республика переживала весьма сложное положение. На Западе шла война с Польшей, на Юге с Врангелем, а в Москве —летом 1920 года, состоялся с'езд 3 коммунистического Интернационала. Все эти события нужно было обсудить на партийных собраниях, раз'яснить членам молодой Терской организации—и провести мобилизацию коммунистов на фронты.

Еще более важной задачей является пересмотр партийного строительства на Тереке. В то время на Северном Кавказе не было нормальных партийных организаций. Они создавались сверху. Необходимо было создать строительство снизу. Для выяснения всех затронутых вопросов, решено было созвать ряд партийных конференций.

О работе конференций, к сожалению, пока не удалось найти материалов.

Бандитизм.

Но в средине лета 1920 года на Тереке появился развитый, организованный бандитизм, который в течение трех лет срывал и затруднял советскую и партийную работу.

Разгромленная и распыленная армия Деникина, отступившая после своего поражения по линии Петровск—Сочи—Ялта — Одесса, прижатая к Каспийскому и Черному морям, даже при поддержке Грузии и флота Антанты, не могла быть эвакуирована полностью, не только из за недостатка средств эвакуации, но, главным образом, в силу полной деморализации, полного упадка веры в свое дело.

Естественно, что при стремительном натиске Красной армии, с одной стороны, и своей неспособности к бою с другой,—она стремилась механически укрыться естественными рубежами, и роль этого укрытия сыграл Кавказский хребет. В его ущелья, балки, леса, аулы и ринулись те растерянные группы вооруженных белогвардейцев, которые, не понимая обстановки, ставили себе одну цель— скрыть свои следы и спрятаться от преследования.

Многие из них были пойманы Красной конницей, но известная часть осталась, и в глухих мало доступных пунктах хребта начали свое об'единение, под руководством вожаков, в большинстве случаев командного состава деникинской армии—белых офицеров.

Осмотревшись, вожаки заметили, что Кубань и Терек не только благоприятны по местным, природным условиям, но дают благодарную почву для развития бандитизма среди населения и по другим условиям. Казачье население края, привыкшее к подаркам и поощрениям за охранно-полицейскую службу, в подавляющем большинстве было по психологии консервативно, экономически—мелко-буржуазным и потому не могло усвоить себе принципов социалистически государственной дисциплины. А пролетарского элемента, как уже говорилось, на Тереке был малый процент.

Банды продолжали пополняться выходцами из казаков и лицами, бежавшими из терских городов. Было уже указано, что власть первого ревкома носила компромиссный характер. Оставшиеся контрреволюционеры не преследовались и не арестовывались. Окружная следственная комиссия первого состава не отвечала своему назначению; председателя комиссии пришлось сменить, предать суду и потом расстрелять. При новом составе комиссии дело направилось. Тогда многие офицеры и контр-революционеры бежали в леса и горы. Они сообщили главарям банд промахи и ошибки новой власти. Главари сообразили какими лозунгами можно теперь волновать казачество и повели свою работу.

Связующим звеном бандитизма явилась работа эсеров и меньшевиков. Они соединили цепью организаций города со станицами, станицы с аулами, аулы с городами. Это был своего рода безпроволочный

телеграф, по которому передавались прика зы и сводки, спрятавшихся в подполье штабов *).

Подготовительная работа шла до осени 1920 г. Намечалась следующая схема. Центр будущего бандитизма находился на Кубани, в истоках реки Кубани, в глухих дебрях Кавказского хребта, в непосредственной близости к грузинским портам Черного моря, через которые шло снабжение всем необходимым формирующихся отрядов. Там и образовалось ядро повстанческого движения. Это ядро выделило из себя кубанское повстанческое правительство, кубанские повстанческие армии и прочие мелкие организации.

В итоге образовалась «армия возрождения России», возглавляемая генералом Хвостиковым, до 16 тыс. бойцов. Основной силой являлись кубанские организации, а терские служили резервом для этих отрядов.

С августа 1920 г. бандитизм переходит к открытым активным действиям. В сентябре территории Терека и Кубани покрываются вооруженными отрядами. В Терской губернии в течении осени 1920 г. бандитизм проводил задачу об'единения вокруг себя крестьянского и казачьего населения, прикрывая это об'единение рядом мелких нападений на города, станицы и села, не стремясь овладеть городами и путями сообщения. Красных войск на Тереке было ничтожное количество, и потому бандитизм успешно развивался. В статье о борьбе с бандитизмом подробно описаны все военные операции. Здесь же мы ограничимся несколькими дополнительными фактами.

Советская власть несколько раз предупреждала население и призывала все трудовое население Кубани и Терека к борьбе с разбойничьими отрядами. Так особоуполномоченный ВЧК по Северному Кавказу т. Ландер опубликовал (см. «Красная Заря» от 21 августа 1920 г. за № 3) обращение к населению, в котором предлагал:

1) Немедленно арестовать и выдать советским властям всех белогвардейских вожаков и агитаторов.

2) Разоружить бело-зеленые банды и сдать все оружие.

3) Выдать скрывающихся офицеров и подозрительных лиц в семидневный срок со дня получения настоящего об'явления.

4) Зеленым, выдавшим своих вожаков и руководителей, обещается полное прощение.

В случае неисполнения, грозилось:

1) Станицы и аулы, которые укрывают белых, будут уничтожены, взрослое население расстреляно, имущество конфисковано.

2) Все лица, оказывающие то или иное содействие белым бандам, будут подвергнуты расстрелу.

3) У большинства находящихся в отрядах белых остались в городах и станицах родственники, все они взяты нами на учет, и в случае продолжения безчинств и наступления белых, все взрослые родственники, сражавшихся против нас, будут арестованы и расстреляны, имущество конфисковано, малолетние высланы в центральную Россию.

4) В случае массовых выступлений отдельных станиц и городов, мы будем вынуждены применить к этим местам красный классовый террор; за каждого убитого красноармейца или советского работника, поплатятся жизнью сотни лиц, принадлежащих к буржуазным слоям.

Через 2 дня после этого обращения,— Московский Совет обратился ко всем партийным и профессиональным организациям с призывом: «Республика в опасности! Товарищи, не забудьте о Польше и бандах генерала Врангеля. Пошлите против них свои лучшие силы» (текст обращения приводится в выдержках). Спешно партком и профсоюзы произвели мобилизацию (партия—10 проц., профсоюзы от беспартийных—3 проц.) на фронты.

И в этот напряженный и нервный момент терские бандиты ответили на обращение Советской власти—убийством из за угла.

26 августа, рано утром из Кисловодска возвращались в Пятигорск на автомобиле окружный военный комиссар тов. Лонин и председатель окружной чрезвычайной комиссии т. Зенцов. Не доезжая до Ессентуков, у станции «Белый Уголь» на них напала засевшая и поджидавшая их банда в количестве 8 человек.

Еще за версту до места жестокой расправы, шофер заметил «перебежку» и сообщил об этом т.т. Лонину и Зенцову. Ав-

*) См. статью: «Бандитизм на Тереке», в журнале Коммунистический путь за № 2—3—4, 1922 года.

томобиль дал сильный ход, в надежде проскочить место скрытой засады. Но в это время раздался из за бугров залп, другой, —и сразу же был ранен шофер. Тов. Зенцов начал отстреливаться из карабина. Тов. Лонин потянулся за пулеметной лентой, но тут же в миг был сражен пулями. Вслед за ним пал и тов. Зенцов.

Бежавший в Ессентуки израненный шофер сообщил о происшедшем убийстве. Но немедленно высланному летучему отряду удалось отбить только автомобиль. Банда успела скрыться.

Тела сраженных товарищей были зверски изуродованы и выброшены к полотну железной дороги.

Возмущенный Терский пролетариат требовал мести. В ответ на гнусное дело бандитов, Особая Коллегия при Пятигорской Окружной Чрезвычайной Комиссии—расстреляла 244 человека контр-революционеров, список которых был опубликован в газете «Красная Заря».

В тот же день—26 августа, день убийства т.т. Лонина и Зенцова— белогвардейская банда численностью до 300 человек, попыталась сделать наскок на Бекешевку и Бургустан, но была рассеяна частями Кисловодского гарнизона. Во время боя было убито пять товарищей. Так похоронами погибших товарищей и победой над белой бандой—встречал Терский пролетариат первую годовщину смерти тов. Анджиевского (1919—1920 г. 31 августа).

Но кроме красного террора, партия для борьбы с бандитизмом принимала и другие методы. Наблюдались факты—не только благожелательного или в лучшем случае—нейтрального отношения казаков к бандитам, но и ухода в горы к бандитским повстанческим армиям и отрядам. Партия усилила свою работу в станицах,—а 12 сентября созвала окружную беспартийную конференцию.

1-я Беспартийная конференция.

Председатель окрисполкома т. Вартанян (сменивший т. Булле), в ярких красках нарисовал положение республики и, в частности, Терской области. Беспартийные приняли по его докладу сочувствующую резолюцию и избрали делегацию в составе шести человек, которую постановили послать к восставшим станицам с предложением прекратить бесполезные попытки противодействия власти и посылать своих представителей на беспартийную конференцию.

Но председатель с'езда доводит до сведения делегатов радостное известие, что отряд генерала Хвостикова, оперировавший в районе Бургустана и Бекешевки, разбит красными войсками. Станицы Бекешевка и Суворовская заняты нашими частями и отдан приказ о занятии Бургустана, в виду чего посылка делегации явилась бы несвоевременной, а потому ее необходимо отложить до более благоприятного момента. Слова докладчика были прерваны аплодисментами и возгласами: «да здравствует Красная армия».

Доклады с мест выяснили многие отрицательные стороны: недостаток в хлебе, отсутствие скота,, неисправное состояние сельско-хозяйственных орудий, отсутствие посевных семян, недовольство населения хлебной разверсткой, отсутствие товарообмена со Ставропольской губернией, запуганность населения из за многочисленных арестов, бесполезность и неправильность многих арестов, несознательность и политическая безграмотность некоторых представителей власти на местах, неправильность проведения выборов в советы. На эти и многие другие вопросы отвечали председатель окрисполкома т. Вартанян. Выяснил необходимость разверстки, а в ответ на жалобы на неправильные аресты, реквизиции и расстрелы, напомнил, насколько само население виновато в этих крайних мерах. Например, Бургустанская станица отказывала сдать оружие Советской власти, а когда пришли белые, то нашла достаточно пулеметов и выделила целые отряды пехоты и кавалерии.

В заключение конференция единогласно приняла текст «обращения беспартийной конференции к населению округа».

Работа конференции дала огромный материал для дальнейших мероприятий власти и сделала многое к сближению трудового населения с властью и укрепления взаимного доверия. Резолюции с'езда чрезвычайно любопытны. Они были напечатаны в газете «Красная Заря» от 23 сентября, № 30.

Зверства бандитов.

Но зверства бандитов не прекращались. В бою с белогвардейскими бандами в Пятигорском районе 1 сентября—предательски перешедшие на сторону противника казаки, захватили в плен несколько красноармейцев и партийных работников. При первом же опросе в стане бандитов партийные товарищи были выданы теми же изменниками казаками. Во время пыток политком тов. Грицук гордо заявил: «Я—коммунист, а коммуна—святое дело. Можете меня расстреливать». После допроса,—его, 4-х красноармейцев и 3 партработников отправили к генералу Хвостикову.

Через несколько дней, части 12 Кавдивизии обнаружили 8 трупов товарищей, расстрелянных под лесом за станицей Бекешевской. На рассвете 13 октября бандиты напали на хутора Водопадский и Друлева, в 8 верстах от Пятигорска. Целью их было, повидимому, избиение милиции и исполкома. Бандиты ворвались в помещение исполкома, разорвали все бумаги и разгромили мебель. После этого бандиты напали на сельско-хозяйственную коммуну «Водопад», разгромили ее и зверски убили трех женщин и трех мужчин. После этих жертв, бандиты убили 4 милиционеров и 4 жителей хутора.

Не удовольствовавшись этими подлыми убийствами, бандиты совершили еще одну гнусность: увели с собой двух девушек. Шайка угнала лошадей и быков и безнаказанно скрылась.

Через некоторое время банда Петушина, захватившая в хуторе Ново-Благодарное—5 коммунистов, жарила их на угольях костра, называя это зверство «приготовлением шашлыка».

В ночь под 10 сентября, между станцией Наурской и Ищерской, произошло крушение товарного поезда. Во время крушения ст. Ищерская была обстреляна, был обстрелян и ограблен самый потерпевший поезд. Очевидно бандиты разобрали путь в надежде захватить т. Зиновьева и с ним ехавших со с'езда народов Востока т.т. Бела-Кун, Радека, Бухарина и других. Но со ст. Наурской должен был быть пущен его поезд, но по каким то соображениям он пущен не был, а пошел товарный, который и потерпел крушение (см. газету «Казак и рабочий», орган Моздокской окр. исполкома и окр. организации РКП от 12 сент. 1920 г. за № 15). Но грозному развитию бандитизма, образовавшему целую армию ген. Хвостикова, был нанесен мощный удар. Генерал Хвостиков поджидал Врангелевский дессант, который и высадился в конце августа. Но в сентябрьских боях, 9 армия разгромила дессант и армию Хвостикова.

Приказ генерала Хвостикова, приводимый ниже в выдержках, проливает свет на те операции бандитов, которые велись на территории Терской губернии.

Приказ издан в конце июля.

«Полковнику Крым-Шамхалову.

Медленность формирования и инертность в действиях карачаевских частей свидетельствует о выжидательности позиции, которую горцы избрали.

Карачаевцы находят полезным сейчас заниматься ограблением кабардинцев и казаков; открыто днем нападают в тылу у меня и грабят мирных жителей и угоняют скот. Каменномостцы устроили засаду казакам Бургустанской станицы. Ежедневно происходят грабежи; скот продают в осетинском поселке или делят на кошах. Все это указывает на грабительский нрав очень многих карачаевцев.

О причиненных бедах населению карачаевцами, мною донесено кубанскому правительству и генералу Врангелю. Жители Н. Даута задерживают без причины моих людей, направляемых в Сухум и на все мои мирные предложения, ничего не отвечают.

Просил вас о высылке ко мне делегатов большого Карачая и это не выполнено.

Комбинируя все происходящее, я прихожу к заключению, что карачаевцы не только не помогают мне, но вредят и мешают работе.

На днях я перехожу в наступление и именем правительства приказываю вам произвести демонстрацию на Кисловодск. Я изнемогаю в боях, а горцы сидят за моей спиной и только наблюдают. Им нравятся коммунисты.

Прошу внушить карачаевцам не чинить препятствий командам донцов и терцев, направляющихся ко мне. Недавно партия донцов заведена карачаевцами в горы и ограблена; пущена в одном белье.

В военных действиях предписываю вам

немедленно приступить к помощи мне, операциями на Кисловодск и станицу Бекешевскую; в настоящее время достаточно будет одной демонстрации и охраны моего правого фланга».

Генерал-майор Хвостиков.

Начальник штаба полковник Тупалов.

(См. «Казак и Рабочий» от 3 октября 1920 г. за № 24).

Разбитые банды опять ушли в горы и продолжали производить налеты.

В начале декбаря бандиты зверски убили 17 товарищей, посланных в станицу Свободную для выполнения продразверстки (в числе их т.т. Малярский и Помазанов).

Тогда-же зарублена в борьбе с бандитами т. Анатолия Коваленко.

Зима 1920 года.

Тяжелы минуты переживал терский пролетариат. Наступила зима, такая суровая и ранняя, какой не запомнят старожилы. Снег выпал в октябре и держался до апреля. Мороз доходил до 30—35 гр. Полное отсутствие топлива и неприспособленность полуюжных жилищ городов Терской губернии—заставляли сильно страдать рабочих и крестьян. Резкое уменьшение продуктов на рынках и их высокая цена, расхлябанность окрпродкома и всего советского аппарата, ничтожный % выполненной разверстки и дерзость бандитов, которые, чувствуя полную безнаказанность, подготовлялись к весенней кампании, работая над внутренней организацией и спайкой отрядов.

Тревожное военное положение не позволяло ни парткому, ни окрисполкому хорошенько заняться строительством.

Но вот наступает боевая передышка для терских партработников. На территорию Терской губернии в начале декабря—прибыла 33 стрелковая дивизия (кажется из Казани). Полуголодные, оборванные, в морозный день и пургу, невиданную в Пятигорске, высаживались полки этой дивизии и шли в холодные, нетопленные казармы. Но герои—красноармейцы, мужественно переносили все невзгоды. Окрисполком и партком приняли все меры для улучшения жизни Красной армии. Дивизия была хорошо сколочена, с хорошо организованным политотделом, который сразу повел правильное политическое воспитание войск гарнизона и населения, между прочим, дивизия организовала театр, лучший из всех зимних театров Пятигорска за 1920—1923 годы).

33 дивизия, 38 Пятигорские и 37 Тихорецкие командные курсы (прибывшие в Пятигорск в августе 1920 года)—представляли внушительную силу, которой окрисполком и партком и поручили вести борьбу с бандитами.

Во время этой «передышки», партком перестраивал свои ряды. Внутреннее положение партии было неустойчивым. Организация пополнилась многими новыми членами, не всегда пригодными для партии. Появилась склока, бюрократизм, оторванность от масс, падение дисциплины. Партия постановила очистить свои ряды от лиц, втесавшихся ради личных своих целей и интересов. Назначила новую перерегистрацию всех членов.

Для усиления влияния партии на работу производственных союзов и поднятия союзной дисциплины—была организована коммунистическая фракция совпрофа. В бюро фракции вошли: т.т. Семенов, Крайников и Григорян (13 ноября 1920 года).

Оздоровив партийные организации, партком усилил агитацию перед новыми выборами в советы (ноябрь 1920 года).

5 декабря 1920 г. открылся окружный с'езд советов. На с'езде выяснились многие промахи, которые были допущены в работе окрисполкома. Особенно ярко было подчеркнуто оппонентами отсутствие определенного плана в работе исполкома и его отделов, что не создавало абсолютно никакой преемственности работы в случае смены отдельных работников исполкома. Из отделов в наиболее критическом положении находился окрпродком: продразверстка была выполнена только на 2%. Но работа окрисполкома и его отделов иначе и не могли протекать: молодость советских аппаратов на Тереке, малый процент сильных партийных работников, отсутствие сознательного пролетариата и разгулявшийся бандитизм срывали советскую работу.

Перед новым окрисполкомом, избранным 6 декабря 1920 года, во главе с пред-

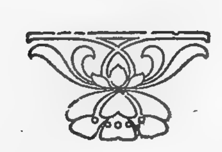
седателем т. Певцовым, встала первая ударная задача: собрать продразверстку. На продкампанию были мобилизованы—треть членов окрисполкома и часть сотрудников окрчека.

Так оздоровив состав партийных организаций, избрав новый окрисполком,—встречал Терский пролетариат новый 1921 год. Но последние дни 1920 года были ознаменованы «чудесами». В ноябре в Пятигорске появился некто Адаров, проходимец, повидимому из актеров, выдававший себя за доктора философии, окончившего пневматический факультет (интересно узнать-бы, где такой мудреный факультет существует), члена партии и т. д. и т. д. Он играл некоторую роль несколько месяцев, пока его не раскусили и не выгнали вон с Терека. Он прочел не без искусства ряд антирелигиозных лекций, далеких от взглядов, ныне проводимых антирелигиозной пропагандой Р. К. П.

Как бы то ни было, но эти первые антирелигиозные выступления взволновали обывательское болото. В ответ на это появились чудеса, так называемое обновление икон. Обновление икон началось в Курсавке, Натухской и перекинулось в Минеральные Воды.

Председатель Минераловодского исполкома т. Бородыня не испугался чудес. Приказал перенести две иконы в исполком и в присутствии комиссии, священника и публики—осмотрел иконы. Иконы оказались изготовленными в Силезской литографии (в Германии) и сверху покрыты лаком. Пыль и грязь образовали поверх лака густой слой и иконы приняли темный вид. Какие-то ловкие чудотворцы сняли слой пыли и грязи, иконы приняли свежий вид,—т. е. «обновились». Иконы были поставлены на место, установлено дежурство для того, чтобы поймат ловких чудотворцев, а среди населения была поведена антирелигиозная пропаганда.

Так закончился на Тереке 1920-й год. А в Советской Республике—к тому времени был заключен мир с Польшей, разгромлен Врангель, частично демобилизована Красная армия и флот, и заканчивался 8-й с'езд Советов.



1921-й год.

Отчет Окрисполкома.

1921 год начался и прошел под знаком возрождения хозяйства. Только Кронштадтский мятеж прервал мирную работу Советской Республики, а начавшийся осенью поволжский голод затруднил восстановление экономической мощи.

Терская губерния переживала вместе со всей Советской Россией и Кронштадтский мятеж и голод Поволжья, но экономическое возрождение нашей губернии было сорвано сильнейшим развитием бандитизма и голодом, начавшимся в некоторых уездах.

Перейдем к изложению отдельных событий и переломных моментов в партийной и Советской жизни.

Новый окрисполком впервые отчитался перед массами—29 января 1921 г. на пленуме Пятигорского горсовета в присутствии 72 членов Совета и 200 представителей от крестьян и профсоюзов.

В докладе тов. Певцов отметил с какими трудностями пришлось бороться новому окрисполкому. Отсутствие дров и топлива, как твердого, так и жидкого, буквально остановило мастерские, мельницы, заводы, а в больницах и детских домах замерзали дети и больные. Положение рабочих и советских служащих было чрезвычайно тяжелое. Уполномоченные Юго-Востока и Кавжелезкома ничего не предприняли для заготовки дров и топлива. Окрисполком создал чрезвычайную комиссию по заготовке дров, достигнул соглашения с УКМВ о порубке дров в Бештаугорском парке, хотя такая порубка грозила гибелью курортам. Кой как удалось ослабить топливный голод, пустить в ход мастерские и мельницы, отопить больницы и детдома, и даже снабдить дровами членов профсоюзов (их насчитывалось до 10.000 чел., с семьями до 25.000). Но заготовка местными силами при отсутствии лесов не могли удовлетворить губернии, а краевые органы не могли дать топливо. Положение осталось попрежнему угрожающим.

Главным тормазом в работе окрисполкома являлось отсутствие денежных средств и кредитов (острый денежный голод с 1920 г. не покидал губернию до 1922 г.).

Полное отсутствие одежды, обуви, белья срывало работу больниц, детдомов и собеза. Отсутствие канцелярских принадлежностей заставило уничтожить местные архивы, чтобы писать на оставшихся незамаранных клочках. Положение с продовольствием—отчаянное. Рабочие не получали хлеба два месяца, в приютах дети иногда по 3 дня подряд не получали никаких продуктов питания. Все заготовленное продовольствие шло на снабжение воинских частей.

Докладчик земотдела еще раз констатировал сокращение посевов на 42% и катастрофическое положение с мертвым и живым инвентарем. Окрпродкомиссар указал, что разверстка на мясо выполнена на 100%, а на зерно—всего лишь 7%. После докладов состоялись прения. Критика больше скользила по поверхности, деловых предложений не было, и в общем собрание согласилось с окрисполкомом: выход один—помощь из центра. В то время товарищи неискусно работали на местах, а все надежды возлагали на центр, забывая, что и центр находился далеко не в лучшем положении. Такое положение округа, особенно неудача с продразверсткой, указывало на недостаточную партийную работу в селах. Окружная конференция Р. К. П., заседавшая 10 и 11 февраля в Пятигорске, резко критиковала дея-

тельность окрпарткома и переизбрала его. Конференция посвятила целое заседание острому тогда вопросу о роли и задачах профсоюзов. Конференция почти единогласно высказалась за тезисы тов. Ленина. Перед новым окрпарткомом были поставлены две задачи, одинаково сложные и важные: 1) организация промышленности и 2) организация сел. хозяйства, т. е. весенней посевной кампании.

Конференция профсоюзов, Р. К. С. М. и конференция женщин, созывавшиеся в то же время, в общем приняли линию окрпарткома. Профсоюзы вновь мобилизовали 47 своих членов на продразверстку *).

Но и этим товарищам ничего не удалось сделать. Нескольких из них казнили бандиты шайки полковника Лаврова. Продразверстка, не выполненная в размере 3.900.000 пудов, центром была заменена нарядом в 100 тысяч пудов, из которых на Пятигорский округ приходилось 5.000 пудов вместо предположенных 700.000 пудов. В таком малом проценте (6%) выполненной продразверстки виноваты крестьяне, упорно не дававшие сведений о посеве. Окрпродком разверстку выполнил по урожаю 1916 года. Крестьяне указывали на всех конференциях на ненормальность такого расчета, и в апреле центр уменьшил разверстку.

Белогвардейский заговор.

Но ближайшие события по своему перекроили план партийной работы. Контрреволюционеры, пользуясь недовольством казаков и крестьян, благодаря многим ошибкам партийных и советских органов, а, главным образом, создавшимся тяжелым экономическим положением, удвоили свою работу, вероятно, по всей Советской Республике,—в частности и у нас, на Тереке. В то же время, когда подготовлялся Кронштадтский мятеж,—часть офицеров, при содействии правых эс-эров, организовала «Реввоенсовет зеленой армии», находившейся в самом Пятигорске. Этот «Реввоенсовет» готовил восстание в 11 станицах, которые были разбиты на взводы и сотни, благодаря сочувствию тех крестьян и казаков, которые по своей темноте соскучились по деникинской власти и трехцветному знамени. *) Отдельные члены этой организации, рассыпавшись по станицам, возбуждали население против отправки хлеба на север, наклеивали на хаты прокламации, срывали продразверстку и, пользуясь подложными советскими документами, пристроились на службу в кой-какие советские органы.

Весть о кронштадтском мятеже распространилась по Тереку 8 марта. «Реввоенсовет зеленой армии» отдал приказ об активном вооруженном выступлении против Советской власти—18 марта, т. е. в день Парижской коммуны и годовщины свержения власти белых в Пятигорске. Выступление в эти дни было удобно еще потому, что как раз созывалась беспартийная конференция, на которую, вероятно, заговорщики с'умели провести своих делегатов. Совершив переворот,—заговорщики надеялись, под флагом беспартийных, захватить власть по всему Тереку.

Но губчека не дремала, и к 18 марта арестовала около 200 членов организации, в большинстве впоследствии расстрелянных,—и тем отсекла голову «Реввоенсовету зеленой армии». При обысках были забраны: типографии, шифры, несколько сот печатей, подделанных под советские, и секретные документы.

Одновременно были арестованы и члены лево-эсеровской организации, легально возродившейся в Пятигорске в феврале того же года.

Конференция беспартийных, слыша о громадном количестве обысков, затревожилась и просила председателя конференции выяснить, в чем дело.

Председатель губчека т. Долгирев выступил на заседании конференции и доложил делегатам о раскрытом заговоре.

Конференция удовлетворилась сообщением и выпустила воззвание ко всем рабочим, крестьянам и трудовым казакам о раскрытом заговоре.

После этого сообщения, конференция работала 7 дней и спокойно разошлась по станицам, вынеся резолюции о доверии Советской власти.

*) Из речи предгубчека т. Долгирева на конференции (см. дальше).

Группа членов Президиума Минераловодского Ревкома и Исполкома.

1) Председатель тов. **Бородыня**.

2) Зам. Председателя тов. **Дунаев**.

3) Член Президиума тов. **Желтухин**.

4) Секр. Рервк. и Испол. тов. **Панагриев**.

10

Партийная работа.

С января по апрель партия провела несколько партийных и беспартийных конференций. Кроме того, стали устраиваться открытые заседания исполкомов. На всех конференциях, которые сблизили власть с массами, красной нитью проходило доверие Советской власти. На конференции женщин, каждый оратор из беспартийных делегаток, заявлял: «Советская власть наша! Мы никому не отдадим Советскую власть!»—Но вместе с тем ни одна конференция не проходила без резкой критики как отдельных членов партии, так и целых мероприятий местных советских органов. Всюду отмечалась волокита, бесхозяйственность, неправильный учет хозяйств при продразверстке, злоупотребление властью, отрыв от трудовых масс некоторых партийных работников.

Партия не только сознавала правильность многих указаний делегатов с мест, но и сама учитывала болезненные явления в своих рядах.

На партийных конференциях многие товарищи заявляли, что партия разбухла, в партийные организации пролезло много негодных, шкурнических элементов, которые открыто проводят склоку и публично обливают грязью достойных товарищей. Комплектование партии шло неправильным путем. В станицах, например, многие крестьяне записывались в ячейку, надеясь получить мануфактуру или другие фабрикаты. В городах мелкая буржуазия шла в партию, желая пристроиться к хлебному местечку. Были и курьезные случаи. Так, во время партийной недели, один товарищ, переборщивший оратор, несознательно выпускавший огромное количество раз подряд фразу: «Кто не с нами, тот против нас», настолько запугал своих слушателей, что те со страху почти все записались в ячейку.

Такие явления случались зачастую. И партком, пересматривая работу, иногда распускал целые организации, назначив снова перерегистрацию *).

Такая деятельность отрывала партком от планомерной работы, заставляя вмешиваться в мелочи и интересоваться случайностями. Всякий раз партийные конференции отмечали этот недостаток в работе парткома, но недостатка выправить долго не удавалось потому, что и в парткоме дело обстояло неблагополучно: не было литературы, технических сил и хороших работников. В Пятигорском окружком парткоме до апреля 1921 г.—не велось никакого учета. Тысячи бумаг, даже не подшитых, часто секретных, валялись в шкафах и ими пользовался кто угодно. Связь с местами была незначительна, а с областным центром, находившимся в Владикавказе, связь являлась случайной. Партийные товарищи, классово настроенные, не порвавшие связи с трудовыми массами, часто страдали другим недостатком: политической безграмотностью. Они не могли оживить работы в ячейках, не могли политически развивать своих новых товарищей.

А момент был серьезный: в губернии с началом весны ожидался расцвет бандитизма, у крестьян—начало посевной кампании. В центре же только что закончился X с'езд Р. К. П., взявший новый курс на сближение с крестьянином, замены продразверстки—продналогом.

Наконец по постановлению Ц. К. Р. К. П. на Тереке с 10 апреля прошел двухнедельник по укреплению партии.

По положению—двухнедельник по укреплению партии являлся крупной внутрипартийной кампанией, дающей один из общих толчков и нажимов в сторону укрепления партийной работы и вообще коммунистического строительства. В дальнейшем толчек этот должен непрерывно развиваться в последовательную организационную работу.. Пятигорский окрпартком целью двухнедельника считает:

1) Добиться, чтобы каждый член партии сознавал себя, как действительного члена Р. К. П., ответственного вместе с партией за успешность коммунистического строительства и за все, что исходит от Р. К. П.

2) Поднять уровень политической сознательности, коммунистического воспитания и самодеятельности широких партийных масс и тем самым оживить, усилить и углубить партийную работу.

3) Внести оздоровление в атмосферу всех партийных организаций.

---

*) См. отчеты конференций и газету «Красное Пятигорье» за январь—март 1921 года.

4) Укрепить партийный аппарат всех организаций.

5) Оформить, наладить первичные организации партии—ячейки и фракции.

Для достижения поставленных целей—был проведен ряд собраний, открыты партийные школы (вернее краткосрочные курсы) 1 и 2 ступени в Пятигорске и 1-й ступени во всех районах. Организованы групповые занятия, двухнедельные курсы для более слабых членов комячеек, причем все ячейки разбиты на 4 группы.

По работе в деревне намечалось следующее: к каждой ячейке деревни прикреплялся на 2 недели городской работник, тройки об'езжали деревни и проверяли работу в ячейках. Для руководства и распланирования двухнедельника, Пятигорский окрпартком выпустил первый номер своих «Известий» (9 апреля 1921 г.).

Результаты, однако, не были блестящими. Слишком много было поставлено целей и задач, сразу за многое ухватились, а провести в жизнь удалось далеко не много. К тому же хорошие, руководящие силы парткома, были выкачены в Грузию, где в феврале того года произошел коммунистический переворот (В Грузию-же ушла и 33 дивизия).

Особенно слабо прошла работа на главном фронте—в деревне. Подсчитала промахи двухнедельника и последующей партийной работы уже не окружная, а губернская конференция.

Организация Губернии.

В апреле 1921 года был, наконец, разрешен вопрос, долго тормозивший правильное строительство советских, партийных и профессиональных органов. Нынешняя Терская губерния, за исключением Прикумского уезда (тогда Свято-Крестовского уезда Ставропольской губернии), входила в состав Терской области с областным центром в г. Владикавказе. Сообщение с Владикавказом было настолько затруднительно, что смело можно сказать, —связи с областным центром не было. (К тому-же Владикавказ занимался больше работой среди горских народностей). Этим об'ясняется разнобой в работе отдельных округов, парткомов, исполкомов и совпрофов. Часто предпочитали обращаться за директивами в Москву или Ростов на-Дону, нежели во Владикавказ. 13 апреля, по постановлению ВЦИК'а из состава Георгиевского, Пятигорского, Кизлярского и Моздокского отделов бывшей Терской губернии и Свято-Крестовского уезда Ставропольской губернии образована Терская губерния с губернским центром в г. Георгиевске.

Спор о губернском центре поднимался еще в 20-м году. Голоса разделялись. Часть высказывалась за Пятигорск, другая за Георгиевск. Совершена была крупная ошибка—вновь организованный губревком начал свою работу в Георгиевске. Но скоро выяснилось, что треть губотделов из-за недостатка помещений и технических работников принуждена была переехать в Пятигорск, а к сентябрю Пятигорск официально стал губернским городом на Тереке.

Губревком во главе с тов. Коробкиным сравнительно быстро наладил губернские отделы. 7 мая состоялся 1-й губернский с'езд совпрофов, на котором присутствовали 100 делегатов от 45.000 членов (из делегатов—91 коммунист).

1-я Губконференция и чистка партии.

В июне прошла 1-я губернская конференция Р. К. П. (б.). На конференции выступал с отчетом секретарь губкома тов. М. Иванов, который отметив огромную работу, проделанную губкомом для организации местных отрядов партии, отдельных профессиональных союзов и кооперативного движения, для чего в правление губсоюза были введены члены губкома и ревкома. Нагрузка работы была так велика. что в некоторые дни губкому пришлось провести до 16 конференций. В общем все кампании, включая сюда и кампанию среди женщин и молодежи, прошли удовлетворительно.

На конференции выяснилось состояние и уровень развития отдельных отрядов Терской организации. Выводы получились не особенно утешительные: слабость большинства организаций как по качеству, так и по количеству, неравномерное распределение сил, трудные условия работы,

вот на что указывали представители с мест. Самый большой отряд—Пятигорская организация, требует особого внимания и лечения. Наличие массы больных (начался курортный сезон), вмешивающихся в работу, внесли хаос, бессистемность и элемент склоки, срывает работу местных, постоянно работающих товарищей. Бросилось в глаза отсутствие спайки между отдельными организациями, даже между отдельными районами, одной и той же организации.

Терская организация больна, таков был вывод конференции. Но тут-же конференция наметила твердый путь к выздоровлению. Постановила перераспределить коммунистические силы, немедленно мобилизовать 5% делегатов конференции из числа пятигорцев и послать в самые слабые округа. (См. «Известия Терского губкома» от 1 июля 1921 г. за № 2).

Но болезнь организации начала излечиваться только после Всероссийской партийной чистки. Результаты чистки были чрезвычайно показательны. Они об'яснили ошибки и промахи партийных и советских органов на Тереке. Так, например: на 138 исключенных из Кисловодской организации приходится—112 пришельцев из мелкой буржуазии, торговцев, офицеров и чиновников старого времени. Из них 60 человек занимало руководящие советские посты.

В Ессентукской организации исключенных оказалось—48%, т. е. 94 человека, из них ответственных работников—37 человек, по партийному стажу 1920 г.—36 чел. и 1921 г.—31 человек. Всего по губернской организации было исключено —до 40%, из них половина—занимающих ответственные посты. Проверком кроме того обнаружил до 20% чуждых по социальному положению и многих товарищей, политически безграмотных, но занимающих крупные должности. По заключению проверкома в губернии всего лишь—10—15% выдержанных и испытанных в пролетарском духе, но и эта группа разбросана, друг друга не знает, а посему не является стержнем Терской организации. (См. Изв. Терского губисполкома и губкома от 15 сентября 1921 г. за № 96).

2-я Губконференция.

2-я Терская губернская конференция Р. К. П. открылась 26 ноября приветственными речами члена Ц. К. Р. К. П. (б.) тов. Ворошилова, Буденного и Бубнова.

На этот раз работа губкома признана удовлетворительной. Конференция признала, что деятельности губкома по выполнению директив 1-й губконференции мешали те же общие тяжелые условия, т. е. бандитизм и небольшое количество пролетарских масс.

Вновь избранному губкому конференция предложила усилить работу в области хозяйственно-кооперативного, профессионального и советского строительства. Для усиления работы на местах губкому рекомендовалось посылать членов на места и регулярно созывать совещания секретарей укомов.

Конференция нашла удовлетворительной работу губернской проверочной комиссии,—и приняла ряд ценных резолюций по вопросу о практических шагах в области новой экономической политики в сельском хозяйстве, в области промышленности, продналога, кооперации, регулирования торговли, коммунальной и жилищной политики, в области курортного строительства и революционной законности. (См. Известия Тергубисполкома от 6 декабря 1921 г. за № 163).

Эти резолюции—впервые на территории Терской губернии—решили основные вопросы новой экономической политики.

Новая экономическая политика больно ударила по многим Терским органам, в частности и по партийным. НЭП стал разлагающе влиять на некоторых членов партии и Р. К. С. М., но проверком, еще не закончивший чистки, вычистил свихнувшихся, а губком усилил внутрипартийную работу. Но наступивший денежный кризис (о нем будет сказано ниже) в начале парализовал деятельность некоторых организаций. В особенности тяжело пришлось Союзу Молодежи. Терская организация Р. К. С. М. создалась еще в 1920 году, в начале апреля, и неуклонно расширялась по всей губернии. Но внутренняя работа не стояла на должной высоте,

хотя союз все время работал рука об руку с партийными и советскими органами, участвуя во всех кампаниях.

Губком Р. К. С. М. перед «неделей сближения» членов Р. К. П. и Р. К. С. М. выработал доклад «о задачах союза и работе ячейки Р. К. С. М.», напечатанный в «Известиях» от 16 декабря 1921 г. за № 172. Но материальные условия работы настолько были тяжелыми, что работа срывалась. Клубная работа не финансировалась. Следовательно, клубы не только не приобретали новых пособий, книг и т. д., но не могли даже отапливать помещения, а зачастую и освещать. Но молодежь не падала духом и бодро продолжала работать, по первому зову являясь на все кампании и недели, и заполняя все вакансии на командные курсы и совпартшколы *).

Всего к 1 января 1922 г. в Пятигорском районе насчитывалось 392 члена Р. К. С. М., из них в городе в 9 ячейках состоит 260 членов, а в 7 станичных ячейках—132 члена.

Из обзора партийной жизни Терека видно, что организации укреплялись и оздоровлялись. Чувствовалась потребность перейти к планомерной работе и правильному политическому воспитанию и образованию. Но внешние условия не позволили развернуться новой работе.

В июне 1921 года закончился 1-й с'езд Советов Терской губернии. Работы с'езда проходили под знаком восстановления экономической мощи нашей губернии, укрепления сельского хозяйства, улучшения виноградарства, скотоводства и мелкой промышленности. Намечен ряд мелиоративных работ. Но для того, чтобы быстрее и успешнее провести в жизнь намеченную работу, с'езд решил повести энергичную борьбу с разбойничьими набегами бандитов и было выпущено новое воззвание, в котором с'езд призывает все население к отпору бандитам.

Бандитизм.

Но борьба с бандитизмом в 1921 году, к сожалению, поглотила все силы Терека и не позволила молодой губернии быстрыми шагами пойти к экономическому возрождению.

Укрепив свою внутреннюю организацию, бандитизм весной 1921 года развивается по всей Терской губернии и Кубанской области гибким и подвижным фронтом. Терский бандитизм развивает наибольшую деятельность на берегах Каспийского моря, желая отвлечь и распылить красные силы, направленные на Кубань,—и даже временно занимает Кизляр. Но Буденный со своей славной армией нанес решительный удар белобандитским отрядам и отрезал терских бандитов от кубанских.

В соответствующей статье описаны боевые действия красных войск против бандитов. Здесь же мы приведем ряд возмутительных зверских нападений на отдельных коммунаров и на пассажиров железнодорожных поездов. Из них самое кошмарное—нападение на товаро-пассажирский поезд на девятой версте Прикумской железнодорожной ветви. Вот как рассказывает член комиссии, командированной на осмотр тел и места, где были зверски замучены 26 коммунистов, снятых с поезда.

«В один летний день 1921 г. банда неизвестного командования количеством до 50 сабель, вооруженных с ног до головы, при одном пулемете, на 9 версте Прикумской железнодорожной ветки, остановила шедший в Прикумск товаро-пассажирский поезд. Заняв полустанок и захватив в свои руки телефонные и телеграфные аппараты, бандиты оцепили поезд и моментально, под угрозой смерти, приказали машинисту отцепить паровоз от состава поезда.

Банда, имея в своих руках полустанок, телефонные и телеграфные аппараты и состав поезда, приступила к своей работе. Началось со следующего: бандиты под маркой советского отряда и под предлогом борьбы с бандитизмом, начали производить в вагонах обыски, якобы ища беглых бандитов, скрывающихся в данном поезде. Обыск шел чинно благородно, никаких замешательств, а главное подозрений у пассажиров не было. Бандиты видя, что их операция больше чем удачна, выбирают удобный момент и производят действительно хитрый маневр: командир банды, именуя себя командиром советского отря-

*) О совпартшколах будет сказано дальше.

да, обращается ко всем пассажирам с такими приблизительно словами: «Товарищи коммунары и чекисты! помогите нам найти среди пассажиров скрывающихся бандитов! думаю, что вы не откажетесь от моего товарищеского предложения и придете отряду на помощь, тем более, у вас есть оружие!» «Желающих прошу пожаловать к отряду, для получения операционных заданий!» Удочка была заброшена довольно ловко. После произнесенных слов командира банды из числа пассажиров выходит 26 партийных и советских товарищей, пожелавших своим участием оказать содействие «отряду». Приняв под свое командование 26 человек, бандиты ловким приемом незаметно их взяли в кольцо.

Для пущей важности бандиты проверили у каждого мандаты, партийные билеты, удостоверения и прочие документы, дабы «удостовериться», что действительно они не бандиты, а надежные лица, которым можно было бы доверить производить по вагонам обыск.

Из группы в 26 человек, несколько человек, главным образом коммунисты, были взяты в вагоны производить проверку документов, они ничего не подозревая, охотно выполняли порученные им задания.

Произведя обыск по вагонам, повторяюсь, якобы за розыском бандитов, с необычайной ловкостью и хитростью, было собрано со всего поезда оружие, и когда эта последняя операция мнимому отряду удалась на славу,—командир банды об'явил 26 партийным и советским работникам, что они арестованы; пленникам сейчас-же повязали назад руки; только тогда по своей необдуманной доверчивости они поняли, что дело плохо и что они находятся в руках настоящих бандитов, но было уже поздно.

Командир банды приказал всем пассажирам покинуть вагоны и выйти на площадку полустанка. Собрав большую перепуганную толпу народа, командир открыл короткий митинг, где призывал присутствующих встряхнуться и вступать в банды на борьбу против Советской власти. Было по окончании речи проведено даже голосование!

Закончив митинг, командир разогнал пассажиров по вагонам, приказал машинисту трогаться в путь по направлению к г. Прикумску.

Поезд на «9 версте» простоял 2—3 часа.

Оставшиеся 26 человек со связанными руками были конвоированы бандой в свою штаб-квартиру—в зеленую густую чащу Обиленского леса.

Вечером этого же дня все 26 партийных и советских товарищей были зверски казнены.

Так печально окончилась история с «9 верстой». Теперь, но наверное и на долгие годы, 9 верста будет памятна терскому населению!

По происшествии этого довольно громкого события, сейчас же было приступлено к розыскам места казни и только недели через две-три удалось нащупать место мученической смерти товарищей.

На место казни, для установления факта расстрелов, была уездным исполнительным комитетом командирована специальная комиссия, в числе которых был и я. С комиссией были взяты представители от духовенства—4 священника, от медицинского мира—2 врача и от общественного мнения —два человека, а также один фотограф. Комиссию сопровождал отряд красноармейцев в 15 человек при одном пулемете, а также несколько сотрудников Чека.

Выехали к месту казни на грузовом автомобиле.

На 9 версте мы остановились у одного хутора, кажется, если не ошибаюсь, гр-на Колтунова, где произвели небольшой отдых и распределение своих боевых обязанностей. Рассыпавшись цепью, наш отряд подошел к опушке леса, где нащупали старую заросшую бурьяном дорогу, которая, как выяснилось потом, служила одной из главных дорог к месту штаба банды.

Вошли в гущу леса. Шли долго молча. У всех нервные лица. В лесу тихо. Пройдя по лесу приблизительно около получаса, наш отряд почувствовал трупный запах, что говорило, что мы уже не далеко от места казни. Сделав еще сотню—две шагов, отряд вошел на поляну, где представилась картина: поляна небольшая, по краям ее вырыты ямки-спальни, усыпанные свежей соломой, служащей для отдыха бандитам; на средине следы коновязи, здесь-же неподалеку неглубокий колодезь, а шагов пятьдесят от него в земле вырыта походная кухня.

На поляне масса разорванных бумаг, попроколотых портретов наших вождей и

т. д. Впечатление от осмотра таково, что здесь бандиты были довольно продолжительное время; саму по себе поляну, хотя она и близка к полустанку и хуторку, найти очень трудно в виду того, что она в большом и густом лесу, куда проникнуть стоит много усилий. Вообще описанная поляна являлась как бы хорошим стратегическим природным укреплением, вполне изолированным от постороннего глаза.

Проходим дальше, наталкиваемся на вторую поляну по размеру гораздо меньше первой, где нашим глазам представилась потрясающая картина: по всей поляне разбросано до 20 трупов, кои в большинстве своем сильно повреждены волками. У всех трупов кисти рук перевязаны кожаными шнурками. На поляне есть и несколько свежих трупов, валявшихся в самом безобразном виде: глаза выколоты, уши, нос и половые органы отрезаны, на теле вырезаны длинные ленты, животы проколоты острыми орудиями. Один из трупов, высохший как тарань, находился в сидячем положении, воткнутым на острый кол. Остатки другого трупа были на костре, нужно предполагать, что живым мученика положили на костер и сожгли. Проходим дальше—картина еще хуже, на одном дереве висит скелет, обтянутый высохшей кожей, на нем одета рубаха, а на рубахе приколота бумажка с надписью: «Вот тебе свобода и Советская власть». У этого висячего трупа нос, уши и кисти рук были отрезаны.

У другого костра лежит труп зажаренный, его руки совсем отрублены. У самого дальнего трупа, но довольно свежего, внутренности наружу, наверно потрошили его птицы, либо звери. Этот труп одной ногой был привязан веревкой к дереву, нужно полагать, что несчастный мученик был умышленно серьезно ранен, дабы доставить ему больше страданий; будучи привязанным к дереву, его бросили на произвол судьбы, в таких мучениях страдалец встретил смерть.

В общем поляна «ужаса и кошмара» произвела на каждого присутствующего самое, что ни на есть жуткое, удручающее и тяжкое впечатление. Все виды зверской расправи нами были запечатлены фотографическими снимками. Врачи произвели обследование трупов, а присутствующее духовенство было свидетелями факта, как на деле расправляются бандиты с советскими и партийными работниками.

В заключение комиссией был составлен акт, подписанный всеми присутствующими, в том числе и духовенством.

На следующий день трупы доставили в г. Георгиевск, где при торжественной обстановке были с почестями преданы земле.

В настоящее время над могилой зверски замученных на «9 версте» партийных и советских работников горделиво красуется на Проспекте Свободы большой чугунный памятник: «Борцам за свободу».

Георгиевский пролетариат, созданием своими силами памятника, увековечил на долгие годы память мучеников, погибших за октябрьскую революцию на 9 версте!

Ночью с 24 на 25 сентября последний поезд, ехавший с Кисловодска на ст. Мин. Воды, около 1½ часов ночи был остановлен бандитами под руководством Амосова и был окружен со всех сторон. Паровоз отцепили и загнали в тупик.

Бандиты выгнали из поезда всех пассажиров на перрон, разделили на две группы мужчин и женщин и приступили к проверке документов. После этого начался грабеж. Все мужчины были раздеты с ног до головы. Отбиралось все, вплоть до обручальных колец. У женщин отбирали только деньги, ценности и багаж.

При проверке документов, бандиты выбирали наиболее красивых женщин, отводили их в кусты и насиловали.

По окончании операции, «командир» разрешил отправить поезд, а все награбленное было положено на подводы и увезено в лес около горы «Змейки».

В декабре на раз'езд «Подкумок», близ Кисловодска, был сделан бандитами налет. Повидимому, предполагалось нападение на поезд. Но поезд уже ушел со станции. Бандиты убили и изуродовали всех служащих раз'езда с семьями, не исключая трехлетних детей. Увезены все вещи служащих. Бандиты скрылись.

Нельзя перечислить всех зверств, учиненных бандитами. Но вот повествование об одной из таких банд—полковника Лаврова.

В сентябре 1921 г. полк. Лавров вел на Тереке оживленную подготовку к восстанию местных казаков. Обладая твердым решительным характером, Лавров влиял на главарей более мелких бандитских шаек, постепенно об'единив их под

своим командованием. Окруженный прибывшими нелегально из-заграницы врангелевскими офицерами, полк. Лавров вскоре выделил из своего отряда 25 офицеров, командировав их для правильной организации банды Серебрякова. По данным агентуры, полк. Лавров прием бандитов в свою организацию производил крайне осторожно, устраивая всегда им политический экзамен, граничащий иногда с пыткой. Одно время в сентябре в банде Лаврова наметился раскол, причиною которого послужило следующее: присваивание Лавровым львиной части награбленных ценностей (золото и серебро) и несогласие некоторых более реакционно настроенных бандитов с лозунгом Учредительного Собрания.

Первоначально местом операционных действий банды полк. Лаврова были на Тереке Георгиевский район (хутора Морозов, Строганов, Богданович и село Обильное), Святой Крест, ст. Лысогорская и Пятигорский район.

Численность его банды, укомплектованной из кабардинцев, осетин и просто дезертиров, зажиточных крестьян и казаков, достигала тогда 200 сабель при 2 пулеметах, с наличием винтовок, револьверов и патронов.

Зажиточное казачество снабжало его банду людским материалом и продуктами, информируя, по мере возможности, о расположении советских войск и действиях последних.

Вот перечень подвигов банды полк. Лаврова в сентябре месяце.

6 сентября шайка его бандитов в 10 сабель, изнасиловав 2-х женщин, увела одну из них с собой. Через неделю после этого она заняла ст. Курскую, где, убив 2 коммунистов и ограбив в кооперативе пшеницу, увела с собою еще 2-х членов партии. Спустя 2 дня эта же банда сделала налет на село Обильное, забрав здесь в складе ЕПО 8 тыс. аршин мануфактуры. 20 сентября, об'единившись с другой бандой, шайка Лаврова, в количестве 300 сабель, делает налет на ст. Лысогорскую, убивает 2 коммунистов и забирает с собою много продуктов. Далее она совершает вооруженные нападения на мирных жителей близ Круглого леса, на хут. Морозов, Строганов, село Обильное, где грабит население насилует женщин и уводит овец.

Помимо этого банда производит удачный налет на обоз с обмундированием N-ского полка.

Активная борьба с бандитами была возложена на красноармейские части. 21-го сентября в бою под ст. Лысогорской нами было убито 7 бандитов, взято 12 винтовок и 2 лошади.

В ответ на амнистию, об'явленную в сентябре военным совещанием бандитам полк. Лаврова, явилось с повинной 7 человек.

В октябре же месяце картина операционных действий отряда полк. Лаврова меняется. Последний перебрасывается в Железноводский район, появляясь в ст. Свободной, Горе-Развалке и с. Малиновке. В начале октября его банда, состоящая в большинстве из казаков ст. Бекешевской, об'единившись с другими мелкими вооруженными группами, имея сперва 70—90 сабель, достигает впоследствии 300 сабель при 1 пулемете системы Люис, 90 винтовок и большом количестве патронов.

В средине октября происходит дробление банды полк. Лаврова на мелкие об'единения, занимающиеся грабежами.

2 октября банда делает налет на ст. Свободную, разбивает склады ЕПО и уничтожив бумаги в исполкоме, грабит исполком. 18 октября в количестве 30 сабель она совершает налет на Малиновку, где, забрав фураж, уходит в направлении Ессентуков.

В это время полк. Лавров выделяет у себя руководителей банд в лице Маркова Ив. (казак ст. Новопокровской) и поручика Крупинина Лавр.

Банда Лаврова уклонялась все время от соприкосновения и боя с преследующими ее частями Красной армии, и совсем рассыпается на мелкие группы.

В течение 3-х дней ведутся переговоры банды полк. Лаврова с раз'ездом нашего N-ского полка, не приведшие, однако, к положительным результатам: банда скрывается. Параллельно с этим усиливается вокруг банды агентурная работа органов особого отдела, отмеченная успешным характером.

В ноябре месяце банда полк. Лаврова, когда вполне ярко определилось ее основное ядро, состоящее из казаков, нагайцев, осетин, чеченцев и дезертиров, центр тяжести своей работы переносит в Святокрестовский район, с. Обильное, Чернолесскую и в Георгиевский район.

4 ноября эта банда в количестве 100 сабель, при 1 пулемете, делает налет на с. Обильное, где, захватив 3 красноармейцев, расстреливает публично последних. Через 4 дня банда снова делает набег на это село. Взяв в плен опять 3-х красноармейцев, она, зарубив их шашками, подвергает ограблению мельницу ЕПО, 7 домов местных коммунистов и захватывает 12 винтовок. В средине ноября эта банда, в 70 сабель, напав на наш раз'езд в 5 человек, забирает его в плен и убивает 12 пойманных ею продработников, заявив устами полк. Лаврова крестьянам села, что она есть шайка бандитов. На следующий день, 16 ноября, эта же банда, напав на хут. Рыков, берет в плен 4 красноармейцев, а 23 ноября она принимает бой с нашей частью, во время которого красноармейцами было убито 2 бандита, 10 бандитов было взято в плен, захвачено 5 бурок, 8 лошадей, 8 седел и 1 пулемет.

Декабрь месяц характеризуется работой банды полк. Лаврова в прежнем Святокрестовском районе. В количественном отношении она не превышает 150 чел., обладая 3 пулеметами системы Максим.

2 декабря эта банда делает налет на с. Обильное и мобилизует казаков, перебравшись на следующий день на хут. Батулин. 6 декбря банда вновь совершает набег на с. Обильное и сжигает здесь здание исполкома. Через неделю банда Лаврова снова появляется в с. Обильном, в 10 верстах сев.-в. т. Георгиевска.

Между прочим, 10 декабря получается агентурным путем сообщение о намерении банды ограбить поезд с мукой, который должен был выехать со ст. Плаксейки. Огнем посланного из г. Святого Креста бронепоезда банда была обстреляна, принужденная скрыться в Сафоновском лесу. Так удалось предупредить ограбление продмаршрутного поезда.

11 декабря банда полк. Лаврова, ограбив ЕПО в ст. Новопавловской, двинулась в направлении 25 верст южнее гор. Георгиевска.

В результате целого ряда ударов, нанесенных нами отряду полк. Лаврова, последний перекочевал в район ст. ст. Обильная-Урухская-Подгорная, где временно командование бандой Лавров передал некоему Боброву, жителю ст. Урухской.

Преследуемая нами банда достигла к концу 21 года 250 сабель, причем, свыше 80 человек состояло из насильно мобилизованных и невооруженных жителей ст. Обильной. Пулеметов же в банде не было, оружия также, а патронов не хватало. Банда, терроризуя мирное население, занималась набегами на местные советы, которые она сжигала.

Настроение бандитов, под влиянием ее неутомимого преследования, сделалось подавленным.

Банда, тем не менее, сумела завязать связь с другими бандами в Ставропольских лесах, распространяя провокационные слухи о занятии, якобы, гор. Ставрополя зелеными. Конечно, никаких активных действий против Красной армии банда полк. Лаврова не была в состоянии принимать, и скоро была ликвидирована.

Условия Советской работы.

Уже из приведенных единичных фактов читатель поймет,—в какой обстановке проходила работа терских коммунистов в 1921 году. Конечно, результаты работы не могли оказаться значительными. Коммунисты—в сельско-хозяйственных коммунах не столько работали на земле, сколько с оружием в руках отбивали нападения бандитов или дежурили, или обучались военному искусству. Коммунисты—работники ячеек и волисполком—также большую часть времени проводили в борьбе или военной организации. Связь с местами поддерживалась, конечно, не регулярно. Бывали месяца, когда из некоторых уголков Кизлярского и Моздокского уезда не получали никаких сведений. Особенно остро стоял вопрос с продналогом. Открывшиеся рынки и базары—манили крестьянина и он спешил продать свое зерно. В то же время для сбора продналога нужно было собирать целые военные экспедиции. Следовательно, ни правильного учета посевов, ни других мер, облегчающих крестьянина, провести было нельзя, ибо тогда пришлось бы с ранней весны до зимних снегов посылать военные экспедиции. А с продналогом медлить было нельзя: голод в поволжье обязывал собрать продналог немедленно

С 25 октября по губернии был проведен красный продмесячник. Была поставлена цель: собрать к 25 ноября—100 проц. зер

нового, семенного и овощного и 75 проц. мясного налога. Было мобилизовано 50 проц. коммунистов всей Терской организации. К ним были приданы—милиция, часть войск и ЧОН, т. е. части особого назначения (части особого назначения сформировались еще в 1920 году. В состав их входил постоянный кадр и милиционные бойцы, т. е. все коммунисты, в обычное время несущие партийную или советскую работу и иногда являющиеся на обучение. Конечно, правильного воинского обучения при таких условиях достичь было нельзя. С переводом на казарменное положение в конце 1922 года всех бойцов на время обучения—создали наконец правильную и мощную организацию этих частей).

Но засушливое лето 1921 года не дало урожая и в Терской губернии. Продналог, исчисленный и утвержденный центром в июне, оказался непосильным для губернии после ряда болезней злаков, открывшихся в конце лета, перед сбором хлебов. Кроме того, наблюдалось и громадное сокрытие пашни. В результате, несмотря на энергичную работу терских партийных, советских и профессиональных органов, продналог был собран только на 30 проц., а в Прикумском уезде обозначился голод, надолго подорвавший крестьянское хозяйство.

С такими результатами губисполком встречал осень и зиму.

Новая экономическая политика.

С 1 августа в республике введена была наличная оплата по целому ряду государственных предприятий и учреждений: железная дорога, почта, телеграф и т. д.

Такой порядок в начале ошеломил было терское население. Привыкшее к «бесплатности», население в начале никак не могло согласиться на введение наличной оплаты. Особенно волновались советские служащие и рабочие, ибо на Тереке во всех предприятиях и учреждениях была колоссальная задолженность. Некоторые работники, (например губоно) не получали жалованья с мая по январь 1922 года.

Но терские советские органы не могли, при всем желании, оплатить служащим и рабочим и те небольшие тарифные ставки, которые тогда полагались, потому, что центр дензнаков не присылал, а налоги на Тереке только что намечались. Бывали дни, когда в кассе губфинотдела находилось несколько тысяч рублей, в то время как проезд на пятигорском трамвае стоил тысячу рублей и любая мелкая торговка считала уже на десятки и сотни тысяч (пуд муки сеянки, оценивался в августе того года—в сто тысяч рублей дензнаками 1921 года). Положение ухудшалось с каждым днем.

Наступила зима, тоже довольно суровая в том году. Все органы рассчитывались между собою на наличные. Но такой принцип не мог проводиться до конца. Например, губоно не имело ни копейки для оплаты топлива для детских домов. По приказанию губисполкома, губтоп отпускал топливо для детдомов в кредит, т. е. попросту задаром, потому, что надежд у губоно никаких не было. Но в январе—в период сильных холодов, губтоп прекратил выдачу всем, ибо не имел наличными ни рубля для оплаты рабочих на заготовках. Рабочие прекратили заготовки, и губтоп остался без топлива, раздав в неоплатный кредит все ранее заготовленные дрова. Конечно ни о какой планомерной работе и речи быть не могло. Результатом такого положения явились два характерные явления. Первое из них—отлив служащих и лиц, примазавшихся к профсоюзам—к торговле, спекуляции и к занятиям хлебопашеством. В одну—две недели—все улицы Пятигорска и других городов Терской губернии покрылись безчисленными «кооперативными столовыми и кафе», которые очень быстро лопались. За «кооперативами» пошли лавочки и магазины, также существовавшие без году неделю.

Отливом этих лиц, воспользовались профсоюзы. Они пользовались такой естественной чисткой своих рядов для того, чтобы крепче организовать пролетариат и помочь советским органам выйти из затруднительного положения. В скором времени (весна 1922 г.) было об'явлено добровольное членство,—и проведенная кампания дала положительные результаты, но очиститься полностью от ненужного элемента не удалось.

Второе характерное явление—стремление советских органов сократить штаты. Губисполком пытался сократить штаты на

30 проц. еще летом 1921 г. Но сокращение оказалось дутым. Сокращенные в одном месте, тут же пристраивались в другом. Но зимой 1921—1922 г., руководители органов начинали ценить каждый рубль и приучались строить свои планы на точном расчете. Сокращение штатов происходило почти ежемесячно, но без достаточной решительности, от чего не получалось ощутительной пользы. Работа останавливалась, потому, что несокращенные все таки ничего не получали и со страхом ждали сокращения первого числа следующего месяца.

Но советские органы занимались не только сокращениями. Видя полный развал или остановку работы и все возрастающий голод сотрудников (да и сами руководители учреждений и ответственные партийные работники пухли с голоду), заведующие отделами пытались увеличить получаемые из центра ассигнования хозяйственной эксплоатацией. Зачастую можно было встретить кооператив или кафе какого нибудь отдела губисполкома. Но товарищи тогда не умели хозяйствовать. Все такие предприятия быстро лопались, еще более увеличивая дефицит учреждения.

Между тем, голод в Поволжье разогнал жителей и они бежали в стихийном страхе на хлебный Кавказ. Многие из них, обессиленные голодом и болезнями оставались на узловой станции «Минеральные Воды». На Тереке был организован помгол, но работа его протекала не удовлетворительно. На Мин. Водах был создан эвакоприемник, питали детей беженцев, часть из них отправляли по детдомам Терека, остальную пытались протолкнуть дальше на Юг. К голодающим беженцам скоро присоединились голодающие в своей губернии. На улицах городов стоял стон нищих, умирающих от голода. Трупы людей и лошадей по несколько дней неубранные, валились на мостовых. Под окнами исполкома и других учреждений лежали по три—четыре дня люди и медленно умирали. Советские, партийные и профессиональные органы выбивались из сил, но практических результатов не добились.

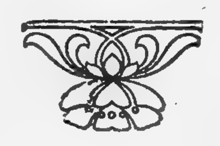
Не хватало средств прокормить детей в детдомах, кресноармейцев и курсантов совпартшколы. В истори ЧОН Терской губернии можно встретить такие строки: «красноармейцы из-за голода—не преследовали бандитов».

Курсанты губерний и окружной совпартшколы получали небольшой хлебный паек и жили в нетопленном помещении при разбитых окнах. Курсанты ночью ходили на кладбище вырывать кресты себе на топливо. Но возмущение некоторой части населения заставило прекратить и эту добычу топлива.

1 фунт хлеба в апреле 1922 года стоил на рынке—300.000 руб. ден. 1921 года т. е. более трех золотых рублей.

Губисполком, видя полный развал в советских органах и неудержимо растущий голод в губернии, чувствовал себя подавленным. Надо было переходить на какой-то новый план работы (т. е. на хозяйствование), но никто не знал и не умел поставить новой работы. Чувствовалась потребность в новых, более сильных работниках.

В период—декабрь 1921 г. и апрель 1922 г., центр перебросил на Терек ряд значительных работников, и были назначены новый предгубисполкома М. Ф. Болдырев (вместо т. Шевцова) и секретарь Губкома т. Блохин.



1922-й год.

Общие условия работы.

В такой тревожной обстановке состоялся 2-й губернский с'езд советов (конец января 1921 года), на котором присутствовали т.т. Ворошилов и Буденный, призывавшие с'езд немедленно добрать все 100 проц. продналога. С'езд подробно разобрал вопрос о помощи голодающим, предложил наладить налоговую работу, как единственный исход из создавшегося финансового кризиса, и разработал ряд резолюций, в которых намечал план деятельности губисполкома и его отделов.

10 марта состоялась 3-я губернская конференция РКП. Конференция констатировала, что задания Губкомом не выполнены, по создавшимся условиям,—и наметила новый план работы.

Работу свою новый состав Тергубкома РКП (б) начал в условиях очень неблагоприятных. Экономическое положение губернии, после неурожайного года, было обостренным. Так, весь Прикумский, часть Пятигорского и часть Георгиевского уездов стояли на положении голодающих и часть крестьянства направилась в более урожайные места. Продналог, в силу неналаженности продаппаратов и промедления в самом начале сбора, тяжелым бременем лежал на населении и чувствительно ударил по беднейшему крестьянству. Рабочие и служащие почти вовсе неудовлетворялись и это рождало хищения, уход с работы, а то и временные перерывы (государственный стекольный завод).

Бандитизм, имея под собой столь благоприятную почву—с одной стороны и поддержку некоторых казачьих кругов и туземного населения—с другой, разростался. Были банды, насчитывающие до 400 сабель при 15 пулеметах, (банды Сыча—Моздокский уезд). Росший на экономической почве бандитизм принимал политическую окраску и парализовал советскую и партийную работу. Крестьянство и казачество относились недружелюбно к коммунистам и индеферентно к Советской власти. Городское население и рабочие, вследствие возрастающей дороговизны, были подавлены и временами прорывались ультимативные требования. Характерным фактом индиферентности населения к Соввласти является первомайский праздник, на котором даже профсоюзы принимали не во всей губернии организованное участие, не говоря уже об обывательской массе. Связь с местами и руководство губернии отсутствовали. В организации дисциплина падала, наблюдалось склочничество. Влияние НЭП отражалось на рядовых членах РКП (б), а иногда и на ответственных товарищах, недостаточно сильных в своих партийных убеждениях. Мелко-буржуазная стихия захлестывала членов РКП (б.) и у них являлось стремление к частной собственности, пьянству и т. д. Отсутствие спайки и солидарности между членами РКП ознаменовалось временно проявившейся тенденцией совершенной замены ответственных работников кандидатами из рабочих; тенденция эта впрочем затем сама по себе ликвидировалась. Материальное положение членов РКП было далеко неудовлетворительное и голод заставлял иногда коммунистов из крестьян выходить из партии и итти на заработки в другие места.

Все эти условия заставили Губком принять особые методы в работе. О линии работы и о достижениях за время с 3-й до 4 губернской конференции, состоявшейся 25 октября, приводим выдержки из отчета секретаря Губкома т. Блохина, зачитанного на 4-й конференции.

Основная линия, которую взял Губком

была создать хороший советский и партийный аппараты, создать органы, через которые губернские организации могли бы проводить свои задачи, установить живую связь между местными и губернскими аппаратами. Что в этой области делалось и как проводилась эта линия? В апреле месяце была выслана на места инспекция, имевшая целью исключительно партийное инструктирование и непосредственное налаживание партийных организаций. При составлении их было обращено внимание на их авторитетность. В мае месяце едет инспекция во главе с председателем губисполкома, которая ставит себе задачу инструктирование и налаживание советского аппарата. В июне едет 3 инспекция для налаживания аппарата управления, в июле во главе с членом губкома едет инспекция, которая ставит задачей налаживание партийных организаций; в августе месяце, когда вопрос о продналоге стоял главной задачей, отправляется инспекция во главе с председателем губисполкома и продкома для устранения недочетов по подготовке продналоговой кампании. Эти инспекции подняли авторитет губернских организаций, так как, имея во главе ответственных товарищей, они могли разрешать на местах вопросы. В Кизлярском уезде инспекция выезжала в станицы и села. Этот метод работы оживил значительно всю работу. Замечается движение волостей в уезды, из уездов в губернию и обратно; таким образом установилась живая связь между местами и высшими партийными организациями. Благодаря такой систематической работе, благодаря постоянной связи, подбору работников, в течение 8-ми месяцев удалось наладить партийный и советский аппараты.

Перед губкомом стоял также вопрос о борьбе с бандитизмом. Здесь не было единого командования и единого аппарата; у нас были военные части, но связь со штабом была очень слаба. Мы указывали краю, что сюда надо бросить не только части, но и штабы, на которые и возложить борьбу с бандитизмом. Это одна сторона работы—техническая, другая—политическая, состояла в том, что когда начали появляться виды на урожай, появилась тяга к мирному труду и среди бандитов; эту тягу нужно было углубить, чтобы окончательно банды разложить. Была назначена «Неделя борьбы с бандитизмом»; была об'явлена амнистия, была развернута агитация. В это время также прибыли и воинские части. Все меры, вместе взятые, дали положительные результаты. Большую роль сыграли также отряды самообороны, группировавшиеся вокруг крупных и здоровых станичных ячеек. Раньше мы имели крупные банды, теперь их нет совершенно. Вопросом, имеющим огромное значение, теперь является поднятие сельского хозяйства, оказание помощи сельскому населению инвентарем. Об этом мы не говорили весной, т. к. к этому не было тогда благоприятных условий.

Тем не менее, все средства, имевшиеся в распоряжении местных организаций, были направлены для оказания материальной помощи крестьянскому хозяйству и установления влияния на деревню. Эта помощь выразилась не только в мероприятиях общероссийских, но также и в мероприятиях, которые были проделаны исключительно губкомом. Нам дали незначительное количество семенного материала. Мы не только добились увеличения его из местных источников, а также и денежного кредита в размере около 800.000.000 руб. *), которые роздали крестьянскому населению через с.-х. кооперации. Вопрос о восстановлении сельского хозяйства мы поставили перед центром давно и сейчас мы имеем уже результаты. Нашей губернии отпускаются кредиты на закупку лошадей (около 90.000.000.000 руб. *). В Кизляре разрешено 50% продналога обратить на мелиоративные работы, на которые из центра также ассигновано 200.000 золотых рублей. Мы уже овладели аппаратом сельского хозяйства и достаточно крепко держим его в руках. За три недели до издания декрета об аннулировании кабальных сделок, губисполком таковой издал самостоятельно. Такая помощь крестьянству дала сдвиг, в смысле изменения настроения его в пользу партии и Соввласти. Линия губкома в области торговли и промышленности была направлена на уничтожение бюрократического аппарата и создание отдела торговли и промышленности. Торговля здесь еще полностью не захвачена советскими организациями. Наши торговые отделы еще не совсем развернули свою рабо.

*) Дензн. 1923 г.

ту и большинство торговых операций производится еще через посредников. Это большой недостаток, но все же наша торговля стала на ноги. Затем я немного остановлюсь на нашей связи с Красной армией. У нас не было постоянных войск и только с прибытием 37 дивизии установилась товарищеская и деловая связь между нами и Красной армией.

Теперь о руководстве профдвижением. Это руководство осуществлялось через фракцию совпрофа, которая за последнее время начала работать регулярно. Все вопросы разрешались либо в губкоме, либо на фракции совместно с представителями губкома. Целый ряд профессиональных вопросов получили толчек, благодаря губкому. Одним из таких вопросов является вопрос о заключении тарифных или коллективных договоров. Также вопрос о страховании. Теперь я перейду к работе внутри партийной. Организационная работа губкома была направлена на упорядочение и укрепление партийного аппарата. В этой области прошлая конференция отметила многие недостатки как в губкоме, так и в укомах. Сейчас губком достаточно укреплен, также укреплено большинство уездных комитетов, закончен учет членов нашей организации, произведено прикрепление работников в губернском и уездном масштабе и переброска работников на руководящие должности, из губернии в уезды, в количестве более 40 тов. Теперь несколько слов относительно взаимопомощи. Нам удалось создать фонд муки около 2.000 пуд., который был распределен по уездам и каждая ячейка получила подкрепление на несколько месяцев. Сейчас эта работа поставлена на должную высоту и нет ни одного члена партии, который бы уходил из комиссии без поддержки. К участию в этом пришлось привлечь и наши хозяйственные органы. Затем в смысле агитационной работы была произведена большая систематизация. Прошлая конференция отметила, что в работе агитпропа отсутствует система и теперь эта работа систематизирована посредством создания регулярных заседаний всей коллегией, руководства всеми кампаниями и всеми организациями, которые ведут работу агитпропа. Хочу отметить работу нашей партийной школы, которая работала все лето, в результате чего сделан выпуск школы 1-й ступени и лекторской группы. За это время наладилась также работа в партийных клубах. На прошлой конференции мы не имели партийных клубов не только в уездах, но и в губернии. Теперь партийные клубы имеются почти всюду. Кроме того было обращено внимание на создание марксистских кружков, которые организованы как здесь, так и в уездах. Правда, не во всех уездах есть руководители, но мы надеемся, что к зимнему периоду мы сумеем подтянуть эту работу. Было обращено большое внимание на нашу газету и на совещания активных работников. Теперь о руководстве кампаниями. Все кампании проводились под руководством агитпропа. Кампаний проведено более 16-ти. Я остановлюсь только на самых основных. В начале мы провели двухнедельник помощи голодающим. Затем начали борьбу с бандитизмом и поэтому поводу провели двухнедельник и бросили в станицы целый ряд работников.

Особенно большая кампания—это была весенняя посевная кампания, которая дала возможность проникнуть в самую толщу деревни. Для этой кампании было мобилизовано до 125 товарищей и 60 специалистов-агрономов, и был созван ряд беспартийных конференций. Эта работа дала огромнейшие результаты в смысле того, что деревня смогла увидеть истинное лицо партии и Советской власти. Кроме того была проведена большая кампания по из'ятию церковных ценностей. Эта кампания прошла без всяких конфликтов и дала определенные политические результаты в смысле разложения духовенства. Затем кампания по продналогу, которую мы проделали в начали весны. Еще в апреле месяце на повестке дня на президиуме губкома можно было встретить указания, как создавать аппарат. В мае месяце эта работа развернулась в смысле мобилизации работников, которые были брошены в качестве агитаторов по раз'яснению продналога. На эту работу было мобилизовано свыше 200 человек и вся эта кампания прошла почти в течение двух с половиной месяцев без всяких конфликтов и без необходимости применения вооруженной силы. Правда, в этой области были свои отдельные недостатки, но результаты таковы, что продналог собран полностью. Затем самая большая кампания—это допризыв 1901 года. По этой кампании можно ясно видеть, насколько укрепился со-

ветский и партийный аппарат. На мобилизацию явилось на 300 человек больше задания. Все мобилизованные пришли хорошо одетые и бодро настроенные.

Седьмая крупная кампания—это осенняя посевная кампания.

Теперь поставлен вопрос о внутрипартийной работе. Перед конференцией началась неделя по укреплению партии; она должна продолжаться в течение всей зимы. Состояние нашей организации к отчетному времени значительно улучшилось в сторону большей спайки и дисциплины среди членов партии; склоки в нашей организации почти не наблюдалось, за исключением двух случаев, которые имели место в пятигорской и георгиевской организации; однако им было противопоставлено настроение остальных членов партии. Сейчас становится особенно заметным численный рост нашей организация: вступает много новых членов из числа крестьян и красноармейцев; несмотря на малое количество рабочих организаций, в последнее время наблюдаются случаи вступления в партию и рабочих. Результатом нашей работы является поднятие нашего авторитета не только среди партийных, но и среди беспартийных масс. Были случаи, что беспартийные крестьяне являлись в губком для разрешения тех или других вопросов; для крестьян коммунист уже не является палкой, а наоборот, становится его защитником. Остановлюсь на выводах: мы справились с теми задачами, которые стояли перед нами, провели выезды инспекции, 16 агиткампаний. Нашей задачей теперь является укрепление тех достижений, которые мы сделали. В сторону укрепления партийных организаций и влияния партии мы сделали очень мало, так как до сих пор все силы обращали на выполнение советских задач; мы должны весь зимний период обратить на работу внутри партии, на воспитательную работу и укрепление наших рядов. Выполнив эту задачу, мы выполним задачу партии.

После выступлений докладчиков о работе Р. К. С. М.—и женотдела—конференция вынесла резолюцию, точно зафиксировавшую весь характер проделанной работы:

«Заслушав доклад Губкома, конференция отмечает правильность политической линии, проводимой губкомом и удовлетворительное разрешение поставленных перед губкомом задач в области укрепления партаппаратов, установления связи с местами, восстановления соваппаратов, борьбы с бандитизмом, проведения очередных продналоговых кампаний.

В то же время конференция констатирует слабость внутрипартийной воспитательной работы и предлагает вновь избранному губкому в центре внимания ближайших месяцев поставить эту отрасль партийной работы, сочетая ее проведение с работой по усилению организации Р. К. С. М. и работой среди женщин.

Конференция также отмечает необходимость дальнейшей работы по усилению влияния парторганизации на работу хозяйственных, профессиональных и кооперативных органов».

Итоги 4-й Терской Губпартконференции.

Время до 4 губпартконференции было временем собирания сил, подводкой фундамента под планомерную работу, временем изучения обстановки и устранения препятствий в работе.

4 губпартконференция завершает подготовительный период в деятельности Терской организации.

4 губпартконференция показала сплоченность, спаянность организации, ее дисциплинированность; конференция проходила дружно, члены деятельно обсуждали вопросы; конференция показывает в общем качественное улучшение организации. В этом ее отличительная черта от конференций, бывших до нее.

Партийная организация пред конференцией провела—«неделю» своего укрепления. Уже это служит достаточным показателем того, насколько организация справилась с стоящими перед ней задачами, что в конечном итоге обратила внимание на самое себя. Конференция показала больше: она оформила организационное строительство, она приступила к плановой работе. Повестка ее занятий охватывала все отрасли жизни Терской губернии; в том, что на место отдельных боевых задач момента, конференция поставила период во

всем его об'еме—громадное значение 4 губпартконференции. Последняя знаменует собой начало глубокой, проникновенной, органической, плановой работы Терской организации.

Это подтверждается и резолюцией конференции по докладу Губкома: конференция ставит очередной задачей партийно-воспитательную работу, отмечает тем самым переход на нормальное положение.

Об'ективные условия на самом деле благоприятны более, чем когда-либо. Урожай, излишек с.-х. продуктов у земледельца, дает возможность полностью поставить вопрос о завершении смычки рабочего с крестьянином.

Конференция и на этот вопрос дает ответ: она наметила практические мероприятия в этой области и в ясных и отчетливых формах.

Пятая годовщина октябрьской революции застает Терскую организацию выросшей качественно: дисциплинированной, спаянной, дружной; организация завоевала авторитет трудящихся масс; на деле показала им выгоду советского строя. Терская организация—руководительница трудовых масс в восстановлении хозяйственной жизни и вплотную приступила к плановой созидательной работе.

3-й С'езд Советов.

Действительно, положение Терской губернии изменилось чрезвычайно резко. Летний период является переломным моментом в жизни губернии. Виды на урожай были благоприятны, а во многих местах урожай превзошел все ожидания. Появилась даже болезнь, с'умеет-ли население собрать весь засев при своем изношенном и малочисленном живом и мертвом инвентаре. Земорганы спешно организовали уборочные отряды, которые принесли крестьянству громадную пользу.

В августе—терские рынки были завалены хлебом. Цена на зерно по сравнению с весной упала в 5—10 раз. Острый хлебный голод, так изнуривший население с 1920 по 1922 год—был изжит и, вероятно, навсегда. Урожай благотворно подействовал на настроение крестьян (главным образом, бедняков и средняков) и рабочих. Бандитизм, пытавшийся сорвать и весеннюю и осеннюю посевкампании и сбор продналога—потерпел крупное поражение, стал разлагаться и быстро пошел на убыль.

Урожай обогатил губернию,—и положил начало экономическому возрождению губернии.

Уже весной были организованы ряд госпредприятий, биржа, контора государственного банка. С момента реализации урожая все эти учреждения и предприятия энергично заработали.

Заработная плата рабочих и служащих стала быстро (с весны) возрастать. Улучшение материального положения—в свою очередь подняло производительность.

Улучшившиеся условия материального существования создали предпосылку для успеха ряда кампаний, проводимых в течении последующих месяцев до V конференции (20 марта 1923 г.).

С небывалым под'емом прошло празднование 5-й годовщины октябрьской революции. Успешно прошли перевыборы Советов. Политического бандитизма не было.

Появившиеся было в декабре—январе мелкие уголовные банды лишились поддержки советизировавшегося крестьянства и казачества и постепенно сдались.

Только питаемый старой национальной враждой и традициями, чеченский бандитизм терроризовал население пограничных с Чечней уездов, главным образом Моздокского и чрезвычайно губительно отражался на сельских хозяйствах этих местностей.

Наступил момент борьбы с целым рядом злоупотреблений, которые вызывались до тех пор—тяжелым материальным положением совслужащих.

Наиболее вопиющим злоупотреблением,—которое вело свое происхождение еще из средневековой Руси,—было взяточничество. Взяточничество к осени 1922 г. достигло грандиозных размеров, особенно на железных дорогах. НЭП, при котором совершались передачи госорганами в аренду ряда предприятий,—еще более расширил поле деятельности для господ взяточников.

Как только партия освободилась от экономического гнета 1920 и 1921 годов,—так сейчас же об'явила беспощадную борь-

бу со взяточничеством. На Тереке эта борьба проводилась с неменьшим упорством, нежели в других местах Советской Республики.

Результатом явилось полное очищение советских органов от взяточников и общее оздоровление служебного персонала. При таких-то условиях — партия начинала предвыборную агитацию в Советы. Перевыборы Советов нашей губернии—закончились в ноябре и декабре.

Общее хозяйственное улучшение республики после пережитого года голода несомненно оказало значительное влияние на ход перевыборов.

Трудовая масса как бы встряхнулась после тяжелого сна, вышла из состояния оцепенения и стала опять как в годы гражданской войны проявлять интерес, принимать живое участие в строительстве Советской власти.

Если хозяйственное улучшение явилось могучим двигателем активности трудовых масс деревни, то прошедший год борьбы с голодом также не прошел даром для сознания трудящихся.

Борьба с голодом проходила на глазах и при участии трудящихся. В этой борьбе передовыми бойцами, руководителями была коммунистическая партия.

Добытый лишний пуд хлеба, жмыха, спасал несколько человек от смерти. И вот эту труднейшую работу исполняла, подчас незаметно, без учета, наша партия в сельсоветах, волисполкомах.

Прошедший год голода был живой картиной действительной защиты коммунистической партией интересов трудящихся, умением нашей партии строить новую жизнь в невероятно тяжелых условиях.

Крестьянство учло эту работу и трудовая часть шла на выборы с полным сознанием поддержки нашей партии, кулаки шли с явным желанием указывать одни недостатки и промахи в советской работе.

Выборы проходили под двумя лозунгами: все силы, все средства на борьбу с разрухой и—в советах нет места деревенским угнетателям — кулакам.

Волисполкомы и сельсоветы перестали уже быть в глазах трудящихся просто учреждениями, пишущими бумажки.

Трудящиеся увидели, что волисполкомы и сельсоветы есть органы власти и что от состава руководителей подчас зависит послабление или полное выполнение государственных и местных обязанностей укрывающимися кулацкими элементами.

Ряд налогов, требования волостного и сельского хозяйства диктовали необходимость перенесения тяжести на кулацкие слои деревни.

Такую защиту трудовых интересов могли осуществить только коммунисты и честные беспартийные. Эту истину сознали трудовые массы и отлично понимали кулацкие происки.

В деревне разгорелась подлинная борьба трудовых масс с кулаками, стремящимися под флагом «беспартийности» и «преданности» советской власти пролезть в органы пролетарской диктатуры.

Состав волостных с'ездов по данным, поступившим в губстатбюро, таков:

Из общего количества участников с'езда по 65 волостям (полностью сведения даны по Прикумскому и Кизлярскому уездам)— 1.437 делегатов, на членов коммунистической партии падает 307 человек, или примерно 21—22 проц.

307 комунистов, участвовавших в волостных с'ездах, охватывают собой почти 35—40 проц. всей коммунистической массы в деревне.

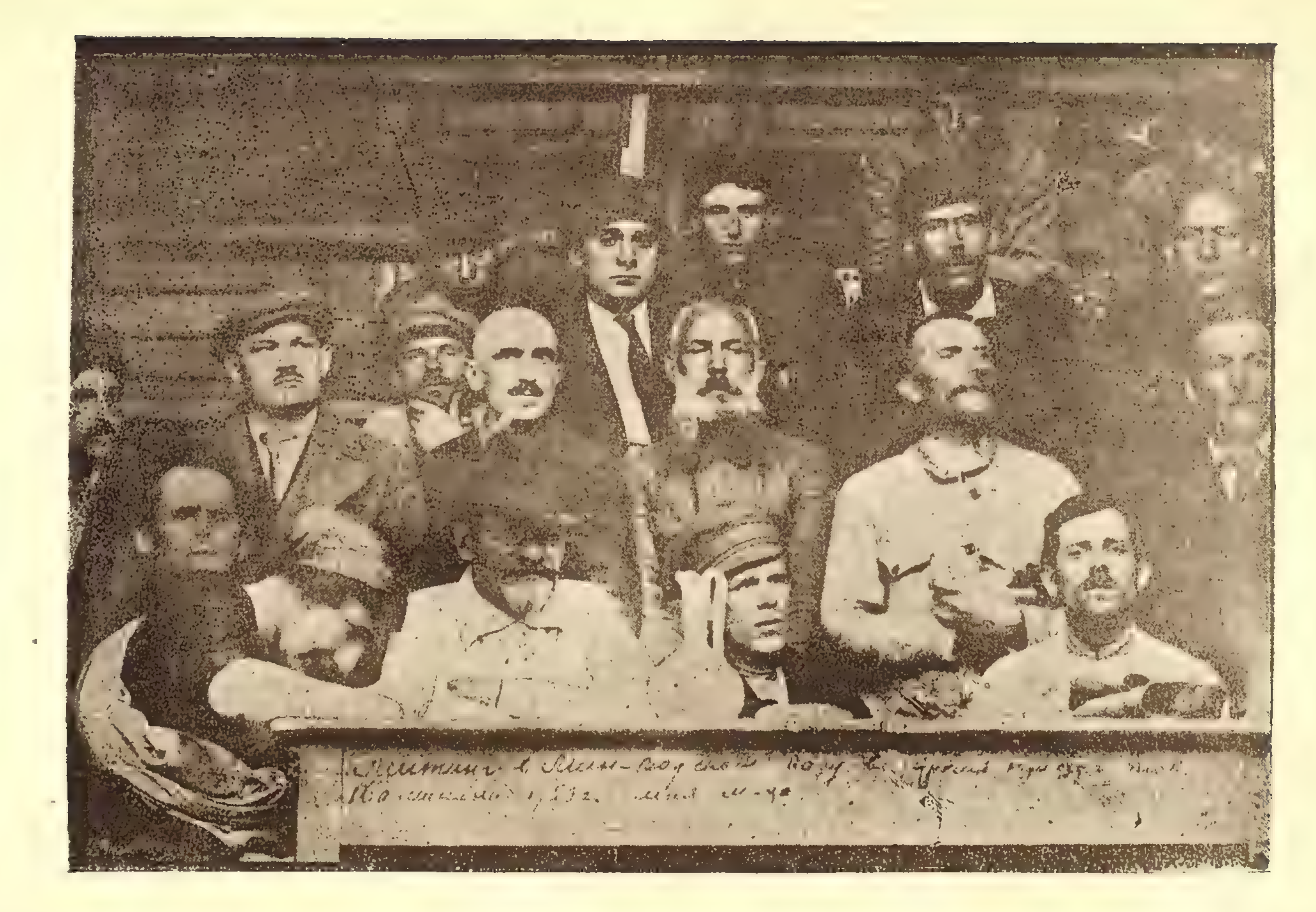
Переход к составу избранных волисполкомов мы видим, что поддержка и доверие трудящихся масс к нашей партии оказаны полностью.

Уезды	коммун.	беспарт.
Пятигорский 13 волостей	15	22
Георгиевский 17 волостей	24	27
Прикумский 18 волостей	19	36
Моздокский 12 волостей	12	28
Кизлярский 10 волостей	9	24
Итого 70 волостей	79	137

Эти сведения показывают, что избрано значительное количество беспартийных, но картина будет яснее если мы учтем количество волисполкомов не имеющих совершенно коммунистов.

Сведения таковы:

Уезды	Волисполкомы не имеющие коммунистического состава.
Пятигорский	3
Георгиевский	2
Прикумский	6



Митинг железнодорожных рабочих на ст. Минеральные Воды в присутствии Всерсссийского Старосты—Председателя ВЦИК'а тов. **М. И. Калинина**. (1923 г. мая м-ца).

Моздокский	6
Кизлярский	2
	19

Таким образом из 70 волостей только 19 не имеет коммунистического состава или 28 проц. Рассматривая обязанности выполняемые членами волисполкомов, мы видим, что в большинстве случаев председателями волисполкомов являются члены коммунистической партии.

В волисполкомах нет ни одного эс-эра, а некоторые из них, прикрываясь, конечно, флагом «беспартийности», старались перескочить из потребительских обществ, некоторых с.-х. т—в в волисполкомы.

Данные об уездных и губернском с'ездах следующие:

Уезды	Общее число делегат. с'езда.	Из них: Коммун.	Беспарт.
Пятигорский	80	47	33
Георгиевский	92	56	36
Прикумский	78	37	41
Моздокский	сведения не присланы.		
Кизлярский	64	32	32
Итого	314	172	142

Состав губернского с'езда советов—105 делегатов, из коих: 78 коммунистов, 27 беспартийных.

В отличие от выборов в 1921 году мы имеем теперь окрепший волостной аппарат власти, пользующийся доверием и поддержкой трудящихся масс.

В итоге перевыборов советов мы наблюдаем такую картину состояния деревни: трудовая масса проявила активное участие в строительстве советской власти, коммунистическая партия заняла твердое положение, как руководительница трудящихся. Кулацкие элементы выгнаны из большинства волисполкомов, но они еще сидят в сельсоветах.

III-й с'езд Советов Терской губернии открылся 10 декабря при наличии 78 делегатов с правом решающего голоса и 19 с правом совещательного.

Представлены были полностью все уезды, кроме Кизлярского (Кизлярский уезд по декрету ВЦИК'а—перешел к Дагестанской Республике).

С'езд с самого начала взял курс на деловитость, показывавшую насколько представители выросли со времени 2-го с'езда, происходившего тоже в 1922 году.

Приводим выдержки из доклада председателя губисполкома тов. Новикова (сменившего 24 сентября 1922 г. т. Болдырева).

За это время губисполкомом проделана колоссальная работа, несмотря на внешние неблагоприятные условия. Так, вся губерния была терроризована бандитами; вспомните-ка бандитизм на Тереке в мае. Достаточно указать, что здесь оперировало 19 банд силою в сотни штыков, тысяча девятьсот слишком сабель, 22 пулемета. Этакая, правда, раздробленная, орда дико разгуливала по нашим селам, станицам, городам и совершенно разрушала всю работу по укреплению и внедрению советского строя.

И вот губисполкомом были использованы все методы борьбы с ними. Было об'единено все командование для создания единого кулака. С этой целью были организованы губернские и уездные военные совещания. Наряду с этим проделалась громадная политическая работа привития населению понятия о советской власти, так как зачастую население по несознательности поддерживало бандитов. Само население при этом было привлечено к самообороне путем организации отрядов самообороны; были брошены по губернии выездные сессии ревтриба и нарсуд; отряды ГПУ; все средства были пущены в ход. И вот бандитизм ликвидирован.

Второй крупной работой исполкома следует признать борьбу с голодом. Вы помните развитие голода с февраля по май, июнь этого года! Тысячи беженцев и десятки тысяч местного населения умерло на этой почве. Здесь исполкомом было использовано все, что было в его силах. Были с'организованы комитеты помощи голодающим. Но они совсем не могли помочь сельскому хозяйству и губисполкомом в помощь деревне было изыскано и брошено 30 миллиардов рублей, 10 вагонов муки, 6 тысяч пудов жмыха, 160 тысяч пудов семян на весеннее обсеменение полей. Было вынесено постановление о расторжении кабальных сделок и это было проделано за 2—3 недели до издания об этом декрета в общереспубликанском масштабе.

Была проделана работа по из'ятию церковных ценностей. Крестьянство единодушно пошло к нам навстречу по этому вопросу. Это же помогло нам расколоть духовенство на два лагеря; одни из них оказался ни туда, ни сюда; может служить и советской власти и всякой другой; это так назы

ваемая прогрессивная часть его; вторая часть оказалась ярко реакционной.

Из'ято всего было и направлено при описях в центр: серебра 64 пуда 21 фунт 50 золотников с лишним; золота 61 зол. 24 доли; кроме того монеты, камни.

Было обращено большое внимание на связь с местами. Нужно признать, что власть на Тереке еще молода. Достаточно указать на то, что у нас сейчас созывается 3-й с'езд советов, в то время, как в некоторых губерниях России проводится 12—15-й с'езд. Мы отстали. И это тоже не давало возможности сразу наладить работу. За отчетный период губисполком предпринял 4 выезда инспекционных комиссий на места. Выезжали все ответработники и сам председатель губисполкома. Это сильно способствовало укреплению связи и налаживания нашего аппарата.

Были выполнены ударные задания по проведению налогов: масляничного, выполненного в 100%; личного—в 100% с лишним; денежного гражданского налога — 300%; трудналога—31%; гужналога — 21%; продналога—100%; весенняя посевкампания выполнена в 30% губпланового задания и осенняя—в 64%.

Была проведена борьба с вредителями, с обработкой 4.500 десятин пораженных мышами и 1.500 десятин—саранчей. Крупные учетно-подготовительные работы были проделаны по мелиорации. Все мы знаем, какое значение для большой части Тер губернии имеют мелиоративные работы по укреплению берегов и урегулирование реки Терека; по устройству колодцев и канав в сыпучих песках Ачикулакского района и т. д. И это приходилось делать при отсутствии средств и спецов. Губисполкомом было своевременно возбуждено ходатайство перед центром об отпуске средств на мелиоратработы, в результате какового было отпущено 62 миллиарда рублей центром и 20 миллиардов краевым экономсоветом. Весь фонд на производство работ выразился в сумме 200 тысяч золотых рублей; сейчас работы развертываются; и вокруг нами созданного мелиоративного водного комитета организовано группируется само местное население.

Еще ударной работой нашей являлась борьба с детской беспризорностью. Нами на это выделено 50 миллиардов. Сейчас у нас сконцентрировано в детдоме приемнике свыше 400 беспризорных детей.

Крупная работа проделана по реорганизации наших учреждений в связи с новыми условиями работы. Так, совнархоз был реорганизован в Торгпром; были пересмотрены структуры всех отделов исполкома; сокращены штаты; мы добивались гибкого и экономного аппарата. Сейчас мы приступаем к вопросу об административном делении, сокращая число волостей.

Кроме всего этого была проделана не поддающаяся учету повседневная текущая работа; за все это время состоялось 84 заседания губисполкома, на которых рассмотрено 1094 вопроса; проведено 41 заседание губернского экономсовета, на которых рассмотрено 602 вопроса. Работа идет непрерывным потоком, захватив весь наш аппарат порывом коллективного творчества.

Основным нашим вопросом была торговля и промышленность. Мы начали торговать и в начале не было согласованности в работе, возникла конкурренция между госорганами; сейчас это изжито, так как мы знали, что для борьбы с частным капиталом нам нужен налаженный, согласованный госаппарат торговли.

Итак мы видим, что со времени второго с'езда советов губисполкомом проделана большая работа. Будущему губисполкому также надо будет в развитие проделанной работы разрешить ряд неотложных задач. Нужно не забывать, что губерния наша молодая, аппарат совввласти не совсем оформлен, в хозорганах мало системы; сельское хозяйство ослаблено. Так—площадь засева в 20 году равнялась 560 тысячам десятин, в 22 году—только 367 тысяч десятин; рабочего скота было у нас в 20 году 631 тыс. голов; в 22 году—378 т. голов; сельско-хозяйственного инвентаря в 20 году—51 тыс., сейчас осталось только 30 тыс.

Слаба у нас еще кооперация. Ее влияние не внедрилось в толщу крестьян. Наша промышленность совсем слаба; из имеющихся 45 маленьких заводов, 17 сданы в аренду, 15 на хозрасчете, 13 бездействуют.

Наши финансы слабы. Налогов поступило на покрытие только 42% местных нужд. Также печально обстоит у нас школьный вопрос. Отсутствие средств поставило нас перед фактором уменьшения числа школ и числа учащихся. Если до войны у нас было 530 школ с 50 тыс. детей в

них, то сейчас у нас осталось только 275 школ с 20 тыс. учащихся.

Итак наша основная задача в 23 году— добиться системы в работе, наладить аппараты сверху до низу; привить низам сознание основных задач совласти. При этом необходимо твердо бороться с уголовно-политическим банитизмом, взяточничеством, хищением. Для чего необходимо улучшить экономически положение работников аппаратов. Главная и очередная наша задача, подготовка к весенней посевной кампании. Она должна поднять площадь засева.

В области народного здравоохранения надо вести борьбу за санитарию. Здравоохранение должно быть направлено на охрану здоровья рабочих. Надо не забывать, что благодаря малярии, захватившей поголовно нашу деревню, не были в должной мере проведены уборочная и осенняя посевные кампании.

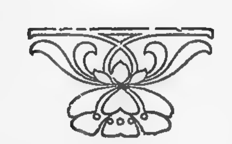
Дальнейшие доклады и прения под'итожили годовую работу.

Общий вывод был таков:

Губерния экономически значительно окрепла; советский аппарат налажен; торговля и промышленность еще на слабых ногах. Необходимо обратить особое внимание на поднятие сельского хозяйства, благоустройства, здравоохранения и народного образования.

Таким образом, с'езд, под'итожив работу 1922 года, — пришел к выводу, что 1922-й год—первый год экономического возрождения Терской губернии. Оставалось закрепить успехи этого года и углубить советскую и партийную работу, построенную теперь на твердом фундаменте.

С твердой верой в успех, с'езд раз'ехался для упорной работы на местах.



1923-й год.

Советское строительство.

Советское строительство на Тереке в 1923 году—вступило на новый путь.

Новый губисполком обратил особое внимание на урегулирование бюджета Терской губернии. До 1923 года—бюджет составлялся, по общему выражению того времени, «с потолка». Т. е. составители смет не учитывали (не желали и не умели) ни правильных расходов, ни могущих быть доходов. Сметы отдельных органов, составленные без достаточного контроля и по разным принципам, механически сводились в обще-губернскую смету, в которой расход бесконечно превышал доходы, т. е. была дефицитна. Затем о смете скоро забыли, потому что действительность через несколько недель показывала нереальность и несостоятельность сметы. Для покрытия расходов получали дензнаки из центра. А когда в 1922 году центр вводил налоги и урезывал ассигнования,—то места (вероятно все в Советской Республике, но здесь мы говорим только о Терской губернии) остались почти без дензнаков (так было в первую половину 1922 года). Налоговой аппарат финотдела только что организовывался, и был настолько слаб, что почти все собранные налоги в начале тратил только на свое содержание,—а потом, по мере развития аппарата, стал давать небольшие поступления,—и только с августа 1922 года—приблизился к покрытию 42% местных нужд.

Для того, чтобы как-нибудь добыть средств к содержанию советского аппарата, почти каждый отдел губисполкома в начале 1922 года самостоятельно изыскивал налоги и взыскивал его с населения, пользуясь не финотдельским, а своим аппаратом. Но такое «налоготворчество», как нарушающее плановую работу НКФ, центр отменил в средине 1922 года и энергично преследовал «налоготворцев». Но налоготворчество, уничтоженное в губернском центре, сохранялось в уездах и селах,—и волисполкомы продолжали изыскивать средства таким путем до весны 1923 года.

Такой финансовый хаос, конечно, срывал всякую планомерную работу в области бюджета.

Новый губисполком энергично боролся с этим хаосом и значительно упорядочил бюджетный вопрос в губернии. Но для того, чтобы уничтожить «налоготворчество», необходимо было улучшить налоговой пресс финотдела. Налоговой аппарат, при всемерном нажиме губисполкома, скоро значительно упорядочился и почти целиком выполнял задания центра.

Но и при правильном поступлении налогов, денег губерния изыскивала недостаточно для своих нужд. С одной стороны—колоссальное разрушение сельского хозяйства и промышленности требовало огромных затрат для восстановления экономической мощи, а с другой—население настолько обнищало, что многого дать не могло.

И новый губисполком, учтя эти обстоятельства, повел так называемый «жесткий бюджет», т. е. расходы производить только такие, какие позволяют наши средства.

Жесткий бюджет заставлял все отделы губисполкома ввести новый принцип в свою деятельность: уменьшать свои органы количественно, но улучшать их качественно.

Так пошло резкое сокращение штатов и учреждений. Многие, напр., Губоно, Губздрав, сократили сеть своих школ и больниц почти вдвое,—зато с'умели к 6-й Октябрьской годовщине—поставить учебное и лечебное дело на большую высоту.

Но и сокращение штатов не дало значительного результата.

Нужно было упростить самую структуру советских органов. Тогда выдвинулся вопрос о новом районировании губернии, вопрос, который разбирался очень оживленно в течение всего 1923 года.

Крупное изменение произошло и в методах работы. До 1923 года условия терской действительности, как мы видели из предыдущего описания, не позволяли Советской власти работать спокойно и планомерно. Работа шла ударно, т. е. назревала необходимость во что-бы то ни стало провести, например, посевную кампанию. Для этой цели—собирали все партийные силы, бросали на проведение посевной кампании, проводили ее, добивались известных результатов. А в это время другая работа оставалась в тени. Таким образом, Губоно и Губздрав, Собес и ряд других отделов, почти выходили из поля зрения партии и губисполкома,—и работа в этих органах была далеко неналажена.

Впервые за все время пролетарской революции, Терская губерния приступила к плановой работе в этом году. Губисполком наметил для себя и всех отделов план работы на весь год, с подразделением на кварталы, (т. е. в каждом квартале—три месяца), и следил за строгим проведением плана в жизнь.

При ГИК'е была создана (вернее—реорганизована) губплановая комиссия для согласования планов всех отделов.

Плановый метод работы позволил губисполкому провести все намеченные мероприятия в жизнь и охватить работу всех отделов.

Особое внимание губисполком обратил на работу волисполкомов. Инспекционная поездка (во главе с председателем губисполкома или членом президиума) показали, что аппарат волисполкомов далеко не удовлетворителен. Путем ряда настойчивых мероприятий, за год удалось наладить работу этих первичных ячеек советского аппарата, непосредственно соприкасающихся с массами.

В результате годовых работ по советскому строительству,—Терская губерния встречает шестую годовщину Октябрьской Революции — стройно-организованной с советским аппаратом, правильно работающим сверху донизу.

Экономическое благосостояние населения заметно проявилось на внешности терских городов.

Летом 1923 года—всюду можно было видеть—ремонт домов, больниц, школ, постройку новых зданий, элеваторов, перемощение улиц и т. д.

Гигантскую работу по восстановлению курортов проделало У. К. М. В. Заново отремонтированные санатории, пущенная в ход впервые за 5 лет—грандиозная Ессентукская грязелечебница, вновь открытые поликлиники—привлекли на курорты громадное количество больных (главным образом рабочих). По количеству отпущенных процедур УКМВ в этом году сравнялось с 1908 годом, в то время, как 1922 год равнялся с 1894 годом.

Торговля и промышленность, парализованные в 1920—1921 годах,—возродились в 1922 году и энергично расширялись в 1923 году. Госорганы и кооперация произвели грандиозные хлебные заготовки с 1 июня 1922 г. по сие время.

Кооперация укрепилась настолько, что в наиболее крупных пунктах Терской губернии открылось кредитование для рабочих. Состояние крестьянского хозяйства в 1922—1923 годах, к сожалению, значительно менее удовлетворительно. Хороший урожай 1922 года обесценил хлеб. И крестьянин, собрав урожай, не смог обновить или расширить своего хозяйства. За весь год—цены на фабрикаты быстро росли, в то время, как хлеб медленно поднимался.

К сожалению, урожай 1923 года был средний (пришлось даже просить центр понизить в губерн. разряд урожайности с 5 на 3), и зерно засорено рядом болезней.

Но общее состояние Республики и нашей губернии в частности настолько улучшилось, что рабоче-крестьянское правительство смогло перейти к политике понижения цен на фабрикаты, чтобы приблизить их стоимость к бюджету крестьянина. Вероятно, эти меры быстро поднимут благосостояние крестьянина.

В результате проделанной работы, губисполком настолько повысил доходность всех своих статей, что с 1 октября некоторые учреждения взамен сокращения, перешли к расширению своей сети. Так, например, губздрав, приведя в образцовый порядок существующую сеть больниц и лечебных пунктов, с 1 октября увеличил число коек в деревнях почти на 100%.

Предстоящий с'езд советов скажет свое решающее слово о проделанной работе и даст новые директивы.

Партийная работа до 5-й Губконференции.

Не меньших успехов достигла терская организация во внутри-партийной работе.

4-я губконференция, собравшаяся, как уже было указано, в благоприятных условиях (впервые на Тереке были такие благоприятные условия!), выдвинула вопросы внутри-партийной работы на первый план.

Терская организация дружно принялась за проведение принятых решений. И уже через пять месяцев, то есть к 5 губконференции—результаты крупной внутрипартийной работы были на лицо. Организация осуществила руководство советами, профсоюзами, кооперацией. Проводимые массовые кампании прошли с невиданным на Тереке под'емом.

Пятилетняя годовщина Октябрьской революции и перевыборы советов втянули широчайшие слои населения губернии. Идет напряженная работа по восстановлению хозяйства. Только в январе, в связи с введением ряда денежных налогов, появились ростки недовольства со стороны крестьян.

Период кампании по раз'яснению постановлений X с'езда сов. и плана весенней посевкампании (15 января—15 февраля) —беспартийные конференции с особенной яркостью выявили настроение деревни. Конференции прошли очень деловито и оживленно и вызвали большой интерес со стороны крестьян и казаков. На них приходило и приезжало большое число крестьян, не избранных в качестве делегатов.

Эта кампания показала, что для терского земледельца Советская власть стала бытом. Интересуясь международным и внутренним положением Республики, признавая необходимым выполнять все обязательства по отношеню к государству, делегаты все же выражали недовольство множественностью этих обязательств (налогов).

Материальный уровень рабочих медленно, но неуклонно растет. Так, с августа по март зарплата увеличилась в 30 раз, в то время, как цены на продукты—в 7 раз.

Состояние парторганизации губернии характеризуется налаженностью партработы в городах, укреплением спайки и партийной сплоченности в них и значительным усилением партработы, а, следовательно, и оздоровлением деревенских ячеек.

Приводимый отчет губкома дает нам точные сведения о проделанной работе.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИЙ.

Самой дисциплинированной организацией, не имевшей никаких группировок и разногласий, была Пятигорская городская, об'единяющая лучшие партсилы в губернии. На своих субботниках (днях клубработы) организация дискуссировала вопросы партэтики, втягивая в их обсуждение всех членов партии. Рост Пятигорской организации происходил почти исключительно за счет воинских частей.

Второй, в смысле дисциплинированности и сплоченности, шла Моздокская организация. В последних своих отчетах Моздокский уком отмечает стремление беспартийных к вступлению в партию, а так как в Моздокском укоме мало членов-поручителей со стажем, то желающие вступить берутся на особый учет и привлекаются к культработе.

Пятуком об'единяет собой различные слои населения (рабочих, казаков, крестьян, служащих), и потому состояние его организаций неодинаково. Минводская (единственный крупный рабочий центр губернии) самая дисциплинированная и спаянная и за ее счет, главным образом, росла Пятигорская организация. В других же организациях Пятукома проявлялись нездоровые явления и самой богатой в этом отношении нужно назвать Кисловодскую организацию. В ней в течение двух месяцев была группировка, склоки и наблюдались случаи пьянства. Для оздоровления организации были приняты самые решительные меры: выезжала комиссия из представителей губкома, ТПКК и Укома, некоторые члены исключены, некоторые переброшены в другие районы, избран новый секретарь райкома и предрайисполкома и дана директива об освобождении организации от чуждых, омещанившихся элементов, вносящих разложение. В отчете за февраль месяц, уком отмечает поднятие дисциплины и товарищеской спайки, а также

оживление партвоспитательной работы и тягу рабочих и крестьян в партию.

Георгиевская организация страдала некоторой слабостью дисциплины, подтверждением чего служит слабость посещения партсобраний и отказы от поездок по уезду, для проведения кампаний. Поднятием внутрипартийной работы эта недисциплинированность изживается. Самым неблагополучным в этом отношении был Воронцово-Александровский район, в одной из ячеек которого (Воронцово-Александровской) дисциплина совершенно отсутствовала, а при проверке политзнаний (январь) обнаружилась полнейшая безграмотность членов ячейки. В результате тщательного изучения и проверки этой ячейки, слабость ее работы об'яснилась наличием трех членов партии, которые своими действиями разлагали ячейку. Двоих из этих членов исключили из партии, а одного—отправили в распоряжение укома.

Болезненным явлением Прикумской организации, которая рождала недисциплинированность, являлись случаи пьянства. Это заставило уком вступить на путь решительной борьбы с ним. Были исключения, выговоры, создан кружок «непьющих». Следствием этого явилось постепенное изживание пьяных явлений в высоорганизациях и заметное уменьшение пьянства в деревенских ячейках. Дисциплина и спайка возросли.

На выполнении постановлений IV губконференции было сосредоточено все внимание губкома. Конкретно поставленные планом задачи выполнены парторганизацией почти на 90%. Обзор работы отделов губкома и фракций подтверждает это положение. Следует особенно подчеркнуть участие губкома в созываемых в этом периоде краевых совещаний заворгов, агитов и на пленуме Юговостбюро. Это дало возможность достигнуть согласованной работы с Ювбюро по директивам последнего.

Парторганизационная работа.

После IV губпартконференции орготдел губкома приступил к подитоживанию работы уездных и губернских конференций, к разработке плана (первый раз в Тергубернии) деятельности всех губернских и уездных организаций на зимний период и подготовке организации к переходу с 1-го декабря на плановую работу. В ноябре же была закончена (в основном) работа по усилению уездов парт., советск. и проф. работниками, перешедшая затем в планомерную пересылку из губернии т.т. для постоянной работы в уездах, при чем посылались такие, которых можно было использовать на серьезной работе. Послано за весь период 17 работников умасштаба, 40 активных и 57 рядовых. Прошли перевыборы советов, для проведения которых были посланы уполномоченные из губцентра и командированы (на ус'езды) члены президиума губкома и губисполкома. В этом же месяце орготделу удалось целиком выполнить циркуляр ЦК об усилении союза РКСМ—были прикреплены два работника губмасштаба. (В продожение работы, в последующие месяцы, то же было сделано на местах: в уездах и районах); были усилены партработниками финорганы и проведен с'езд с.-х. кооперации и союза Всеработземлес (в правление союза Всеработземлес был дан работник губмасштаба). Следующий месяц прошел в проведении губс'езда советов, изучении отрицательных явлений в организации (склок, группировок). Полностью проведен переучет ответработников губмасштаба. В январе месяце проведен ряд мер к оздоровлению организации (исключение, переброски), пополнены и укреплены работниками губорганизации (послано 12 т.т.), проведен учет работников умасштаба. Началось изучение и углубление выдвижения работников посредством тщательного просмотра всех членов РКП. 11 февраля созвано было совещание заворготделов, завагитотделов, завсовпартшколами и завженотделами, для проверки и подведения итога работе зимнего периода и для намечения плана перехода к новому периоду весенне-летнему. Совещание установило жизненность плана и реальную осуществимость конкретно намеченных в нем партзадач; отметило сравнительную налаженность работы в горрайонах и только начало серьезной работы в деревне. Совещание отметило, что инструкторский аппарат уездов не подобран и что уезды (за исключением Георгиевского) не произвели подготовительной работы—выделение ударных пунктов. В феврале месяце уезды, более или

менее удачно, подобрали свои инструкторские аппараты. Инструктор губкома обследовал самый отдаленный Моздокский уезд, а завучстат—работу во всех укомах. К работам в феврале можно отнести кампанию перевыборов ЕПО. В начале марта, при отделе губкома организовалась оргколлегия, в целях предварительного разрешения вопросов организационной жизни. Первое заседание коллегии было посвящено рассмотрению материалов обследования (инструктора и завустата), по которым укомам дан ряд указаний. Для улучшения статистики и учета коллегия постановила освободить работников учстата от всяких других работ и временно усилить учстатотделы одним работником в каждом укоме. Это же заседание рассматривало вопрос выделения ударных ячеек под непосредственное руководство губкома (дана директива укомам). Началось изучение, инспектирование волостных и сельских ячеек.

Агитпропагандистская работа.

Воспитательная работа за отчетный период подвинулась вперед, чему способствовал зимний период и твердое понимание значения воспитания членами партии, укомами и райкомами. Во всех уездах возникли кружки и организованы школы, как это выставлялось в плане агитпропа. Агитпроп едва успевал регулировать. Опыт показал, что необходимы коррективы в плане и в связи с этим была переименована и перестроена программа марксистских кружков на кружки и школы политграмоты (такими и на деле эти марксистские кружки оказались). В настоящий момент кружков и школ политграмоты по губернии имеется 5, учеников в них в среднем 150 и три кружка политграмоты в Пятигорске; учатся в них около 80 т.т. Кроме этих кружков и вечерних школ, Прикумский уком организовал в волостях, там, где более крупные ячейки, краткосрочные курсы политграмоты, высылая из уезда на время курсов лекторов.

В воспитании членов партии в Совпартшколах наблюдается также оживление. Открыты I ступени совпартшколы в Георгиевске, Моздоке и г. Пятигорске и беспрерывно функционирует губсовпартшкола II ступени. Правда, сеть совпартшкол в губернии с 4-мя уездами слишком большая, если сравнить ее с центральными губерниями, но политнеграмотность организации оправдывает создание такой сети. Последними постановлениями совещаний агитпропов и завпартшколами и это увеличение отчасти урегулировано. По окончании курса из-за отсутствия твердой материальной базы (как выяснилось на опыте) и достаточно правильного руководства, решено впредь оставить только одну школу I ступени с беспрерывным функционированием, с полным набором учеников и одну второй ступени. В функционирующих школах первой ступени училось 90 учеников, а II ступени—56 учеников. Кроме того, открыты еще при губсовпартшколе продкурсы с 54 курсантами. По городу Пятигорску проводится проверка политзнаний, с целью разбить всех членов партии на группы, в зависимости от степени подготовки т.т. Таким образом по губернии официально считается приблизительно 430 учащихся политзнаниям членов партии, не считая тех, которые изучают политвопросы индивидуальным порядком. Довольно большие достижения в губернии сделаны и в клубной работе.

В настоящее время по всем уездам и городам функционируют партклубы, где помимо членов партии принимают участие и беспартийные. Особенной деятельностью отличается клуб в гор. Пятигорске, в котором каждый вечер происходят занятия по кружкам (политкружки и целый ряд общеобразовательных кружков) по стенографии, естествоведению, драматический, а по субботам диспуты на злободневные темы. Издается в нем и своя стенная газеты «Маяк». Ввиду большого наплыва в члены клуба из беспартийных рабочих и развертывания работы, клуб переходит в «Рабочий дворец», с намерением об'единить все мелкие пролетарские культсилы, разбросанные по разным союзам и с целью создания там единого культурного центра Пятигорска. Следующим по своей деятельности шел Моздокский клуб; хотя последнее время в клубах и остальных уездов и районов замечается оживление.

Нельзя не отметить и намеченного Георгиевским укомом плана создания в волостях клубов, как центров агитпропаганды;

для постоянной работы уком высылает туда товарища из уезда.

АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА. О больших достижениях в области систематической пропагандистской и агитационной работы в массах нельзя сказать. Правда, в городах и в этой области дело обстоит лучше. Здесь действия клубов, профсоюзов и политпросветов, а также постоянная работа агитотделов укомов в общем создает известную систему пропаганды политзнаний. Всевозможные агиткампании, которые, естественно, в первую очередь проводятся в городах, также способствовали созданию известного устойчивого настроения в массах. В деревнях же и станицах (в главной базе крестьянской губернии—Терека) с систематической агитацией и пропагандой дело обстоит хуже. Избы-читальни и народные дома—главные центры политпросветработы, в селах и станиц. большей частью числятся на бумаге, а если происходит какая нибудь работа, то это, главным образом, культпросветительная. Всего изб-читален по губернии числится 42, народных домов—2. Одна из причин, конечно, недостаток средств для развития работы, отсутствие библиотек, журналов, газет в этих избах-читальнях и нардомах, но главная причина все же—достаточно активное действие каждого члена РКП и наших деревенских ячеек в целом, которые могли бы при известной инициативе недостаток средств на литературу устранить посредством организации самого населения. Губагитотдел по вышеизложенным причинам (отсутствие аппарата и смены заведующих), конечно, также в этой области за истекший период не мог ничего сделать. Единственно, что можно отметить, как положительное в области пропаганды в нашей губернии, это сельско-хозяйственная пропаганда. За истекший период организовано 9 курсов с.-х. и агрономических знаний, в среднем 30 учеников на каждые курсы. С ударного характера агиткампаниями, вызванными текущей жизнью, дело обстоит гораздо лучше. Ни одного задания по сов. проф. и кооперативной линии не оставлено без соответствующей агиткампании и известного руководства агитотдела губкома. Проведено 22 разных агиткампании. Главные из них: перевыборная кампания советов, весенняя посевкампания, разные налоговые, беспартийные конференции, двухнедельник помощи школе.

ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРА. Посылаемая литература из ЦК РКП вполне естественно оказалась недостаточной для возрастающего в зимнем периоде спроса на литературу. Фракцией Гик были отпущены средства, на которые закуплена литература для совпартшкол, библиотек и клубов. Губком вступил пайщиком в издательство «Московский Рабочий». Также распространены по всей организации паи издательства «Прибой». (Всего на организацию 34 пая). Из этих издательств высылаются новейшие издания; однако они не могли создать необходимые комплекты учебных пособий малограмотному (и неграмотному) рядовому члену РКП для систематического изучения политграмоты. В последнее время для того, чтобы помогать в этом деле политически неграмотному члену, агитотдел составил небольшой комплект популярных книг, изданных в разное время госиздатом и издательством «Московский Рабочий». Издательская работа ограничилась только изданием журнала губкома, который не имея материальной базы и благодаря постоянной смене ответредактора (вернее, ответлица заботившегося об его регулярном выходе) издавался крайне нерегулярно. В последнем решении президиум губкома заботу об издательстве и редактировании журнала передал агитпропу. Кроме журнала изданы в последнее время две брошюры для крестьянина, популяризующие налоговую политику.

За отчетный период в газетном деле достигнуто некоторое улучшение. Распыленные силы по изданию нескольких отдельных листовок «Терек», «Терский Рабочий» и орган РКСМ, об'единены в газету «Терек». Для улучшения качества газеты и распространения агитотделом принят целый ряд мер, которые при участии местных организаций дали уже большие результаты. Газету «Терек» нельзя больше сравнивать с той листовкой, которая существовала до последней конференции, так же ее тираж повысился от 200 экз. до 1500 экз.

Работа среди женщин.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ. Всех женщин, членов профсоюзов, по Тергубернии 2174; но из них 1362 союза Совработников, а значит из числа 2174 необходимо отбросить 1000, как элемент не пролетарский; остается 1174 женщины работницы, среди которых ведет свою работу губженотдел. Терская губерния—губерния не промышленная и индустриальных работниц почти не имеет, за исключением стекольного завода, где работает 120 женщин; к пролетарскому же элементу принадлежат и транспортницы, которых всего 217. Основная работа по количеству работниц ведется среди технического и низшего медперсонала союза всемедикосантруд и нарпит, который об'единяет собою ресторанную и домашнюю прислугу (на курортах в Тергубернии особенно много открывается гостиниц, ресторанов, кафе и т. д.). Работа среди таковото элемента чрезвычайно трудна, потому, что этот элемент очень легко, в особенности в связи с НЭП, делается прихлебателями буржуазии, и нужен особенно умелый подход, чтобы пробудить в нем классовое чувство. Губерния состоит в большинстве из казачьих станиц, среди которых вкраплены совхозы и колхозы и элементы, на который в деревнях можно опираться в работе, являются красноармейки и работницы совхозов. В союзе всерабotземлеса—деревенские профоб'единения —зарегистрировано (по сведениям туботдела союза) всего 57, это происходит от того, что в деревне батрачка нанимается кулаками, следящими строго за тем, чтобы она не была членом союза. Сельско-хозяйственная кооперация на Тереке слаба и не об'единяет ни батрацких, ни красноармейских хозяйств и это явление в значительной степени затрудняет работу женотделов в волостях; безработных женщин членов профсоюза 712, не членов профсоюзов 1148, всех безработных женщин 2400, 60 проц. данного количества безработных являются служащие конторского труда и только 40 проц. физического. Все безработные работницы —неквалифицированные. Вот условия работы губженотдела.

Обратимся к внутрипартийным взаимоотношениям. Вся работа губженотдела введена в систему общепартийной работы и никогда никаких разногласий по вопросам работы в губкоме не было. Сказать, что такие же взаимоотношения существуют в уездах, нельзя. Есть уезды, в которых до сих пор, несмотря на все усилия губженотдела, взаимоотношения не налажены, так например в Георгиевский уезд приходилось выезжать для выяснения вопроса на месте. Там завуженотделом работала совершенно оторванно от общей работы укома и пришлось поставить вопрос о взаимоотношениях женотдела с агитпропом и орготделом, а также с укомом в целом. В Моздоке завженотделом сделали еще секретарем ячейки, не давая таким образом возможности окончательно отдаться работе. Губженотделу не удалось провести в губпрофсовете платного организатора по работе среди женщин. Все вопросы, касающиеся профработы, разрешаются фракцией совпрофа совместно с завгубженотделом, которая приглашается на все заседания фракции. При каждом отделе губотдела союза имеется фракционный организатор, которая направляет и ведет всю работу в данном союзе.

РАБОТА ГУБЖЕНОТДЕЛА. Женотдел руководствовался в своей работе заданиями крайженотдела, которые он получил во время краевого с'езда завгубженотделами. Данное совещание дало чрезвычайно много, так как помимо общего руководства было особенно уделено много внимания докладам с мест. Руководство и поддержка со стороны губкома все время были вполне достаточны. Было проведено два губсовещания завженотделами—первое в сентябре месяце, а второе в феврале. Последнее совещание особенно сблизило работу женотделов на местах с общей работой укомов. Для направления и инструктирования уездов было 8 выездов. Циркулярных писем было послано 22, кампании были проведены следующие: 1) по перевыборам советов, 2) неделя по укреплению партии, 3) кампания беспартийной конференции, 4) перевыборы в ЕПО, 5) двухнедельник помощи школе, 6) кампания 8 марта. Кампания беспартийной конференции выразилась во всей губернии в следующем: по всей губернии прошло через конференцию 1853 крестьянки с решающими голосами. (В Георгиевске 431, в Прикумске—135, в Моздокском — 266, в Пятигорском — 288). 913 женщин прошло через городские беспартийные конференции. Кампа-

ния по перевыборам ЕПО дает хорошие результаты, но еще нет полных сведений, 22 женщины проведены в члены правления и ревизионные комиссии, уполномоченными по одному Пятигорску и Ессентукам избрано 16 человек. Последняя кампания 8 марта только еще прошла и учета нет. Но если судить потому, как прошла в Ессентуках, Пятигорске и Минводах, то ее можно считать вполне удачной. Через губпрофсовет и губисполком проведено постановление об оплате как за сверхурочные, за 2 часа работы 8 марта в фонд подотдела охраны материнства и младенчества. В смысле агиткампании—прошла вполне удачно. В одном гро. Пятигорске на торжественном заседании присутствовало 1500 женщин, а на делегатском собрании, совместно с представительницами, еще от всех профсоюзов 445.

РАБОТА В ГОРОДАХ. В городах работа наших женотделов сосредоточилась в наших делегатских собраниях через профсоюзы. Положив в основу добровольное членство, женотделы ввели среди делегаток самую строгую дисциплину. Посещаемость делегатских собраний колеблется от 80 до 100 проц. Нужно сказать, что эта прекрасная посещаемость особенно характерна для всего прошлого периода работы. Всего делегаток по всем городам 388 (в Пятигорске—102, в Георгиевске—75, в Моздоке—50, в Ессентуках—46, в Прикумске—35, в Кизляре—35, в Минводах—31 и Железноводске—15). По социальному положению распределяются следующим образом: крестьянок—227, работниц—78, интеллигентов—73, мещанок—10. По образовательному цензу: неграмотных—116, малограмотных—117, низшее образование—110, среднее—44 и высшее—1.

Работа с делегатками проводится в данный момент по единой программе делегатских собраний для всех городов. Губженотдел выработал свою программу и разослал ее, как обязательную, во все уезды. Ликвидация неграмотности среди делегаток проходит следующим образом: в Пятигорске в школе по ликвидации неграмотности обучается 30 человек, в Ессентуках—17, по Прикумску—20, в Георгиевске—18. Делегатки становятся все ближе и ближе к коммунистическу клубу,—в одном Пятигорске беспартийных делегаток членов комклуба—21. Делегатки во всех уездных городах распределены по секциям горсовета. Для работы с делегатками на делегатских собраниях губженотделом был рекомендован и принят на совещании классный метод работы. Этот метод испробован в Пятигорске и дает значительные результаты. Теперь необходимо остановиться на организаторах по работе среди женщин. Организаторы в городах имеются фракционные и ячейковые. В Пятигорске всего—15, в Ессентуках—9, в Георгиевске—3, в Прикумске—4, в Моздоке—2. Всего во всех городах—33 организатора, кроме того в трех районах имеются заведующие райженотделами. Из организаторов составлены кружки, в которых происходят занятия по определенной программе, которая составлена так, что организаторы знакомятся с историей развития хозяйства и попутно с положением женщин при каждой форме хозяйства. Как достижение работы необходимо отметить связь с биржей труда: в губколлегию биржи труда введен представитель женотдела. Через биржу труда за истекший период открыты: в Пятигорске швейная артель на 15 человек, и в Прикумске—артель нагрузки на 50 чел. Женотдел совместно с биржей труда намечает открытие целого ряда артелей (в первую очередь—прачешной в Пятигорске и Ессентуках). Для борьбы с проституцией, по настоянию женотдела организован губсовет; по борьбе с детской беспризорностью—губженотдел работал в контакте с губоно, при чем в одно учреждение правовой защиты послал 12 работников.

РАБОТА В ДЕРЕВНЕ. В смысле работы в деревне губженотделом был взят курс на работу в ударных волостях, т. е. там, где об'ективные условия помогают этой работе; так, в Пятигорском уезде работа ведется в 3-х местах: в Ессентуках, ст. Горячеводской и коммуне «Пролетарская Воля»; в Георгиевском уезде: ст. Александрийской, Марьинской, Ново-Павловской и Ново-Заведенской. В Прикумском уезде: в Левокумске, Ново-Романовке, Архангельской и коммуне «Фронт труда»; в Моздокском уезде: в ст. Прохладной и Екатериноградской. Делегаток: волостных делегатских собраний—270, в комитетах взаимопомощи—9, членов сельсовета—15. Работа ведется волорганизаторами, которых по всем уездам—23. Как примерная работа для станиц, может служить работа в Ессентукской, где каждый квартал имеет своего организатора, который ведет рабо-

ту как среди делегаток, выделенных данным кварталом, так и среди всего квартала. Из кампаний проведенных в деревне —наиболее удачна кампания по перевыборав в ЕПО, проводившаяся после беспартийной конференции, которой крестьянки были в значительной степени разбужены. Крестьянка проявляет большой интерес к кооперации, как с.-х., так и потребительской. Сейчас совместно с губотделом все работземлеса, начинается учет батрачества и в губкомиссию по данной работе введен представитель губженотдела.

РАБОТА СРЕДИ НАЦМЕН. Работа среди ежнщин нацмен сводилась к следующему: созвана мусульманская женская беспартийная конференция в губернии из 35-ти человек. Конференция прошла необыкновенно оживленно и возбудила не мало прений. По аулам собрано 6 собраний выборных, 6 собраний отчетных. На местах женщинам, знающим русский язык, женотдел поручает быть переводчиками при докладах и точно таким же образом приходится передавать мусульманкам все задачи женотдела. Женотделам подчас приходится прибегать для проведения своей работы среди мусульманок к разного рода сборищам—(свадьба, поминки, похороны), где можно видеть женщин сгруппированными. Но к такому способу приходится прибегать только в некоторых аулах, где женская масса наиболее дикая и чуждается местного Исполкома. В некоторых аулах (Бойсей) приходилось для проведения собрания разделить на территории весь аул на две половины и совместно с переводчиком проводить свои задания. Вот приблизительно та обстановка, среди которой приходится вести работу в аулах. Вопрос просвещения является больным среди мусульманок. В настоящий момент открыто 3 школы, в которых обучаются на русских и мусульманских языках. Наблюдается неприятное явление в аулах—тяга к частной школе. Мусульманские женщины охотно имеют общение с посторонними людьми, но поглядывают на своих мужей, дабы этим не нарушить свои обычаи. Участие ногайки в совстроительстве весьма незначительно: в аулах Играклы проведены две ногайки в комитет взаимопомощи, в ауле Макус Артизан проведена одна женщина-мусульманка в члены сельсовета. Но скоро весь мусульманский район отошел к Дагестану. Постоянной систематической планомерной работы среди мусульманок, не знающих русского языка, не ведется, а наиболее обрусевших женотдел группирует вокруг своих делегатских собраний и организаторов по работе среди женщин. В день Рождества, приуроченному к новому году, была устроена елка для детей армян в гор. Пятигорске, по инициативе и материальной помощи женотдела.

Работа среди молодежи.

Об'единяют союзные организации всего 1.392 членов, из них 421—рабочих. Прошедший в середине января Пленум Губкома отметил не вполне здоровый рост организации и тогда решено было, в целях ограждения организации от вступления нежелательного элемента, принимать в организацию (временно) только рабочую молодежь, занятую непосредственно в производстве (в городе), бедняцкую, работающую по найму (в деревне). Это решение твердо проводится всеми организациями. Сокращение роста организации дало возможность некоторым организациям повести работу по орг. оформлению ячеек, создавшихся в период роста. Изучение и учет состава организации проведены полностью. Взят курс на непосредственную связь с ячейками. Беспартийные конференции молодежи прошли с большим под'емом. Политпросветработа фактически началась с 20 января (с присылкой работников из Югвостбюро). Помимо рассылки писем, с рядом вопросов, о положении воспитательной работы на местах, завполитпросветом сделал поездки в некоторые организации (Георгиевскую, Минводы и Ессентуки). Об'езд дал огромный материал по состоянию воспитательной работы и возможность здорового руководства местами, находящимися в спячке. Политпросветработа в горорганизации в Пятигорске, начинает закипать. Открыты кружки, организовано издание живой газеты, которая пользуется огромной популярностью среди членов горорганизации. Организован Агитколлектив. Укомам сделаны указания для приобретения литературы, газет, которые некоторым образом могли были заменить отсутствие, в дере-

венских организациях, политсилы. Уезды проводят массовую подписку на литературу и газеты. В некоторых уездах создан литературный фонд (Георгиевск).

Из кампаний следует отметить: 1) Неделю флота, 2) Празднование годовщины организации, 3) Итоги III-го конгресса КИМ, и 4) Пятилетие Красной армии.

Положение рабочей молодежи удовлетворительно. В последнее время замечался рост эксплоатации подростков, работавших в кустарных предприятиях, в силу чего было намечено массовое обследование кустарных предприятий. К этой работе были привлечены ячейки. Имеющиеся сведения об этой работе (по г. Пятигорску) говорят за правильность взятой линии. Экономработа в деревне развертывается. Процент подростков в совхозах (в некоторых уездах) превышает установленный минимум. Количество батраков (одиночек) в деревне несомненно большое, но сведений о их количестве нет. Представителем РКСМ во Всеработземлесе разработан проект постановлений об обязательной регистрации договоров, об условиях работы батраков в деревенских исполкомах. Разрабатывается с Губотделом Всеработземлеса вопрос о создании организации профсоюза — Всеработземлеса в деревне. Работа на транспорте выразилась в проведении медицинского освидетельствования и проведении брони подростков в Минводском депо, при чем в количество бронируемых входят подростки, коим сравнялось 18 лет, так как при разбронировании им грозит сокращение. Из организаций лучшей работой выделяются:

ПЯТИГОРСКАЯ ГОРОДСКАЯ. Рост сократился за счет пролетарских элементов. Усилилась воспитательная работа (разработано три политкружка. Проводится углубление клубной работы и организации укрепления ячеек).

МИНВОДСКАЯ. Примерная в губернии как по своему составу, так и по работе. Работа по воспитанию членов в ней разростается во всю ширь. Организация ведет усиленную экономическую работу и потому пользуется абсолютным авторитетом среди беспартийной молодежи. Кружки организации охватывают 100% членов союза. Организация добросовестно пользует партсилы на работу в союзе.

ГЕОРГИЕВСКАЯ. Уком взял курс на сокращение роста организации. Пленум укома (в феврале) отметил удовлетворительное состояние уорганизации, вместе с тем указал на отсутствие воспитательной работы в отдаленных ячейках. Организация пользуется безусловным авторитетом у беспартийной молодежи.

Работа в области кооперации

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ. На Тереке сейчас имеется 104 потребительских кооператива, об'единяемых Тергубсоюзом, который для наилучшего их обслуживания имеет 5 районных контор, кроме главной в Пятигорске—в Моздоке, Прохладной, Георгиевске, Воронцовке и Прикумске. Хозяйственно и организационное состояние П. О., и самого Губсоюза в 22 г. и 23 г. по сравнению с 21 годом заметно окрепло и постепенно развивается.

В 1921 и 22 г.г. в составе руководящих органов было весьма много кулацкого и вообще контр-революционного элемента. В 1922 году Губсоюз и П. О. на местах очищались от чуждого элемента и в 1923 году кампанией по перевыборам эта чистка закончена почти окончательно.

Фракция РКП проделала в отношении чистки и усиления влияния кооперативного аппарата весьма большую работу.

Взаимоотношения между потребительской кооперацией и сельско-хозяйственной в губернии, некоторое время в 22 году были неважные. В настоящее время эта ненормальность, как будто изжита.

Последнее время на местах заметно усиливается стремление к интегрированию (слиянию) и таковое кое-где фактически прошло. Как опыт, произведено слияние с.-х. кооперации с потребительской в Минераловодском районе, с разрешения Губкома. В настоящее время Губсоюз приступил к изучению этого опыта. Губком подтвердил директиву Югвостбюро о недопущении впредь интегрирования кооперации.

За хлебный сезон Губсоюз заготовил хлеба 419 тыс. пудов, на 35,000 руб. золотом, различного сырья: кожи, шерсти и т. п. пропустил через свой аппарат различных товаров около 120 вагонов и к 23 году создал собственный оборотный капи-

тал в размере 92,000 руб. золотом. Влияние Губсоюза в деревне огромно и продолжает расти.

Сейчас Губсоюз озабочен созданием фонда к предстоящей в 23 году хлебной кампании, а также усиленно готовится к снабжению населения с.-х. инвентарем.

В СОСТОЯНИИ ПОТРЕБ. ОБЩЕСТВ НЕОБХОДИМО отметить оздоровление П. О., являющееся, главным образом, результатом оздоровления самого Губсоюза и развития им хозяйственной и организационной работы, так как он смог в 1922 году кредитовать П. О. в широком, сравнительно, размере и обслужить их организационно.

К настоящему времени П. О. на местах, не ограничиваясь одной торговой деятельностью, приходят постепенно и к организации промышленных предприятий, втягивая в активное членство население. Заметно это, главным образом, в городских обществах потребителей.

СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВЕННАЯ. Состояние с.-х. кооперации на Тереке самое тяжелое в крае, что об'ясняется невыполнением обязательств сельского населения по отношению к Терсельсоюзу и работой прежних кооператоров. Весь оборотный капитал Терсельсоюза в размере 73.000 пуд пшеницы вложен в кредит сельскому населению и возврат его полностью до урожая 23 года невозможен. Приняты меры к под'нятию с.-х. кооперации, так, например: признано необходимым ко всем торговым операциям госорганов, среди сельского населения, предметами относящимися к с.-х., и заготовок продуктов с.-х.—в первую очередь привлекать Терсельсоюз. Предпринятый нажим фракцией Терсельсоюза в сторону скорейшего сбора семссуды, сочтен правильным, затем предложено срочно собрать материал в отношении фактически не могущих возвратить семссуду, на предмет списания недоимок за счет государства через ГЭС и КЭС.

Работа в профсоюзах и Красной Армии.

Об'единяют союзы 16,712 человек. В глазах населения союзные организации авторитетны. Наблюдается тяга в союзы. Уполномоченные ТССПС упразднены и вместо них организованы Упрофбюро. Созданы комиссии по кредитованию рабочих и распределению культфондов. Во всех кампаниях, проводимых в губернии: борьба со взяткой, пьянством, проституцией, профорганизации принимали активное участиее. В зарплате наблюдается пестрота и для уничтожения этого приняты меры к установке местного максимума. Безработица по губернии охватывает 1720 человек. В целях помощи безработным, а также их использования, организовываются общественные работы. Были конфликты на почве невыплаты жалованья, но почти все они разрешены мирным путем. Работа страховых касс слаба, до сих пор еще некоторые госорганы не застраховали своих рабочих и служащих.

Руководство воинскими частями со стороны губкома и парткомов вообще осуществлялось через представительство воинских частей в парткомах. Во всех кампаниях, проводимых воинскими частями, парторганы принимали непосредственное и активное участие. Воинские части также отдавали должное внимание своим участием в кампаниях парторганизаций. Кроме того все комитеты для ведения партвоспитательной работы в частях давали лекторов и докладчиков. На прошедшей воинской конференции губкомом сделан информационный доклад о проделанной работе.

Для улучшения быта красноармейских частей в порядке шефства дано 174,181 руб. (1923 г.).

От 5-й Губконференции до октября.

5 губконференция, открывшаяся 20 марта 1923 года, оценила работу, проделанную губкомом и вынесла следующую резолюцию: «Констатируя, что в области партийной работы имеются значительные реальные достижения:

а) оформлен в достаточной мере партийный аппарат;

б) заложены основы крепкой связи с деревней, что свидетельствует о том, что парторганизация выросла и губком в этой области проделал большую работу;

в) развита школьная и клубная партийная сеть по губернии;

г) оказано должное внимание работе женотдела и РКСМ и

д) выявлено умелое руководство фракциями советских, профессиональных и кооперативных учреждений,

5-я терская губпартконференция РКП (б) считает проделанную работу губкомом РКП удовлетворительной, линию работы правильной, а губкому нового состава поручает:

а) углубить начатую работу,

б) наметить план работ на летний период и

в) поддерживать достаточную спайку организации, чтобы она была в состоянии и в дальнейшем, поднимая политическое развитие своих членов, успешно руководить трудящимися массами Терека.

Политико-экономическое состояние Терской губернии после 5 губернской конференции—улучшилось. Замена множественности налогов—единым сельско-хозяйственным налогом—устранило причину недовольства со стороны крестьян. Пролетарский праздник 1 мая прошел по всей губернии с громадным под'емом. Приезд председателя ВЦИК'а тов. Калинина в первой половине мая—вызвал большое оживление. Митинги, которые проводились в Пятигорске, Ессентуках, Кисловодске, Минеральных Водах и Георгиевске—привлекали огромное количество крестьян и рабочих, с необыкновенным интересом слушавших слова «всероссийского старосты».

Интерес, вызванный приездом тов. Калинина, неожиданно перекинулся в область международных отношений. Убийство в г. Лозанне полномочного советского посла тов. Воровского и вскоре последовавшие угрожающие войной ноты лорда Керзона, всколыхнули терский пролетариат и крестьянство, вместе со всей Советской Россией.

Товарищ Калинин, на одном из своих последних выступлений на Тереке, подробно рассказал терским рабочим и крестьянам о международном положении Советской Республики и бешеной ненависти к нам буржуазии. Коснулся и последних событий, т. е. убийства тов. Воровского. Вслед за тем партия организовала ряд митингов-протестов во всех главных пунктах Терека. Эти митинги по настроению, сплоченности вокруг Р. К. П. и стечению масс—напоминали первые месяцы октябрьской революции,—и еще раз показали, насколько глубоко вошла партия в жизнь масс и у нас, на Тереке, и каким доверием пользуется терская организация у рабочих и крестьян.

С наступлением весны, были приняты настолько серьезные меры по борьбе с бандитизмом, что на территории Терской губернии остались лишь жалкие шайки вооруженных конокрадов в составе 4—5 человек. Бандиты, впервые за три года, уже не могли мешать крестьянину в полевых работах.

Большое количество вредителей понизило урожай. Крестьянство было смутилось, испугалось предстоящего единого сельско-хозяйственного налога, потому что Терская губерния была причислена к 5-му разряду урожайности.

Но благодаря ходатайству губкома и губисполкома, центр понизил разряд с пятого на третий.

После уборки хлеба, был повышен лимит с 95 р. на 400 руб. и выше за пуд зерна, т. е. увеличена цена на продукты сельского хозяйства,—и, одновременно, началось снижение цен на фабрикаты.

В результате всех описанных действий, симпатии крестьян к коммунистической партии неимоверно возросли, и крестьянство в подавляющем большинстве всемерно поддерживает партию во всех начинаниях, ибо видит, что РКП и Советская власть искренно заботится об улучшении жизни крестьянина и восстановления сельского хозяйства.

Партия принимала не менее серьезные меры для улучшения положения рабочих

и служащих. Ряд мер к экономическому улучшению их быта закончился переводом заработной платы на твердое исчисление (золотой рубль).

Таким образом,—к шестой годовщине Октябрьской революции, партии удалось достичь многих улучшений для крестьян и рабочих,—и тем прочно закрепить доверие масс к себе коммунистическим организациям.

В парторганизационной работе с апреля по ноябрь 1923 г., губкомом РКП (б.), а в уездах укомами, были проведены кампании о быте, о шефстве над деревней, об индивидуальной работе членов партии и т. д. Все кампании (особенно кампания о революции быта)—вызвали оживленный обмен мнений не только на партийных собраниях и долгое время на страницах печати, причем толковались с такой серьезностью, которая указывала на большую проделанную организационную и воспитательную работу.

Важными задачами для терской организации стояли и разрешены почти полностью: о районировании, о волкомах, о сокращении партийных аппаратов, о плане работ на осенне-зимний период, об обследовании работ на транспорте, о постановке отчетности, усилении мест партработниками, пересмотр прикрепленных к ю. Много внимания было уделено организационным сторонам с'ездов профсоюзов, комсомола, перевыборов советов и т. д. За этот же период 4 раза был пленум губкома РКП (б.), где разрешались вопросы: о XII с'езде РКП (б.); отчеты бюро губкома, планы работ, организационные вопросы партстроительства, коммунальная политика, интегрирование кооперации (опыт), о бюджете, о едином с.-х. налоге, о торговле и промышленности губернии, о с.-хоз. кредите, об агиткампаниях, о волкомах, о разрядах урожайности, о районировании губернии и др. В общем в парторганизационной области проделана большая работа по директивам XII с'езда РКП (б.).

В области партвоспитательной работы,—за это время главное внимание агитпропа губкома концентрировалось на кампаниях о беспризорном ребенке, о воздухфлоте, о неделе печати, о втором хлебном займе, о всероссийской сельско-хозяйственной выставке, о едином сельско-хозяйственном налоге, о шефстве и других.

Повсеместно проведены неоднократные дискуссии о быте. Разбирались вопросы о плановой работе в ячейках и кружках. Проведены конференции неграмотных и малограмотных.

Агитпроп провел политпроверку знаний учебу», развернул партийно-воспитательную работу по Терской губернии в широком масштабе и глубоко захватил не только партийные ряды, членов профсоюзов и РКСМ, но и беспартийную массу. Тяга к образованию, как партийному, так и общему,—ощущается небывалая.

Агитпроп провел политпроверку знаний всех членов и кандидатов терской организации РКП (б.). Эта проверка принесла двойную пользу: показала, каков уровень политических знаний у членов нашей организации и дала первый толчок к той тяге к образованию, о которой только что говорилось.

Вслед за политпроверкой была проведена кампания по вовлечению членов партии в работу по марксистскому образованию.

Много внимания было уделено кружкам и школам политграмоты, марксистским кружкам, совпартшколам, библиотекам, трудовым школам, профтехническому образованию, клубам и печати. Во всех школах I и II ступени введено с начала учебного 1923—1924 года—преподавание политграмоты, для чего мобилизованы 100 членов партии. Преподавание политграмоты вызвало большой интерес у учащихся. Летом 1923 года в Железноводске были организованы двухмесячные марксистские курсы губернского масштаба. Задачей курсов было подвести хорошо проработанный теоретический фундамент для таких товарищей, которые по своей практической работе и самообразованию—уже ознакомились с главными основами марксизма.

На курсы были командированы: восемь членов губкома, секретари и завагитпропами укомов, инструктора укомов и секретари наиболее крупных городских ячеек—всего 33 товарища при двух лекторах (один командированный из Москвы). Были усвоены следующие научные дисциплины: политическая экономия, исторический материализм и мироведение. По окончании курсов,—все товарищи возвратились на прежние должности. Прохождение курса отличалось своеобразием.

Портреты жертв за дело Коммуны на Тереке (1919—1923 г.г.).

1) Тов. Уткин.
2) Тов. Зенцов.
3) Тов. Кравченко.
4) Тов. Миллер
5) Тов. Лонин.
6) Тов. Бояджиев.
7) Тов. Полис.
8) Тов. Побегайло.

(См. стр. 175—178).

12

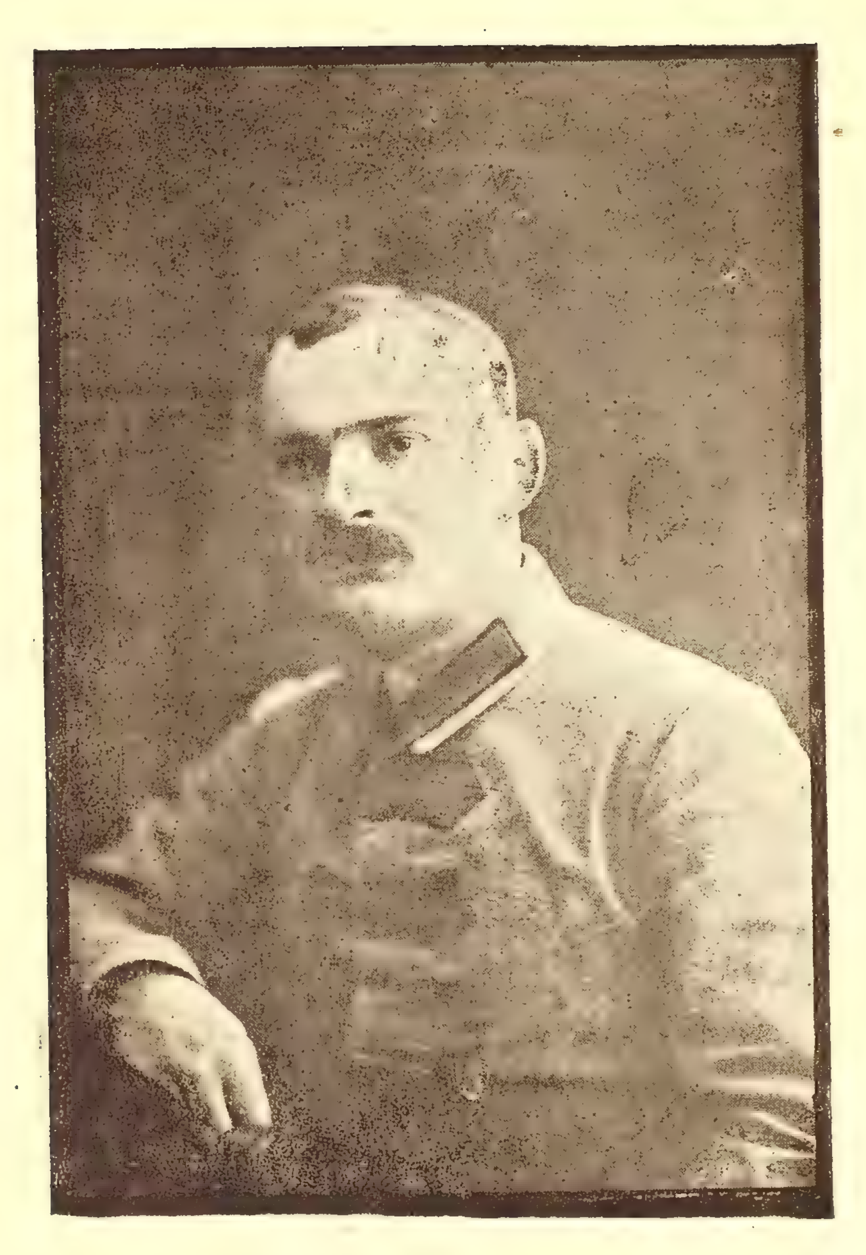
ГЕН. АЛЕКСЕЕВ
ЧИСТОВ
АРМАВИР
В СВ. КРЕСТ (ПРИКУМСК)
РАЙОН КОЛЕБЛЮЩИИСЯ
АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ
МИН. ВОДЫ
ГЕОРГИЕВСК
СУВОРОВСКАЯ
БЕКЕШЕВСКАЯ
БОРГУСТАНСКАЯ
БЕЛЕНКОВИЧ
ПЯТИГОРСК
ЕССЕНТУКИ
КИСЛОВОДСК
ШКУРО
АППОЛОНСКАЯ
СОЛДАТСКАЯ
ПРОХЛАДНАЯ
БИЧЕРАХОВ

План гражданской войны 1918—1919 г.г.

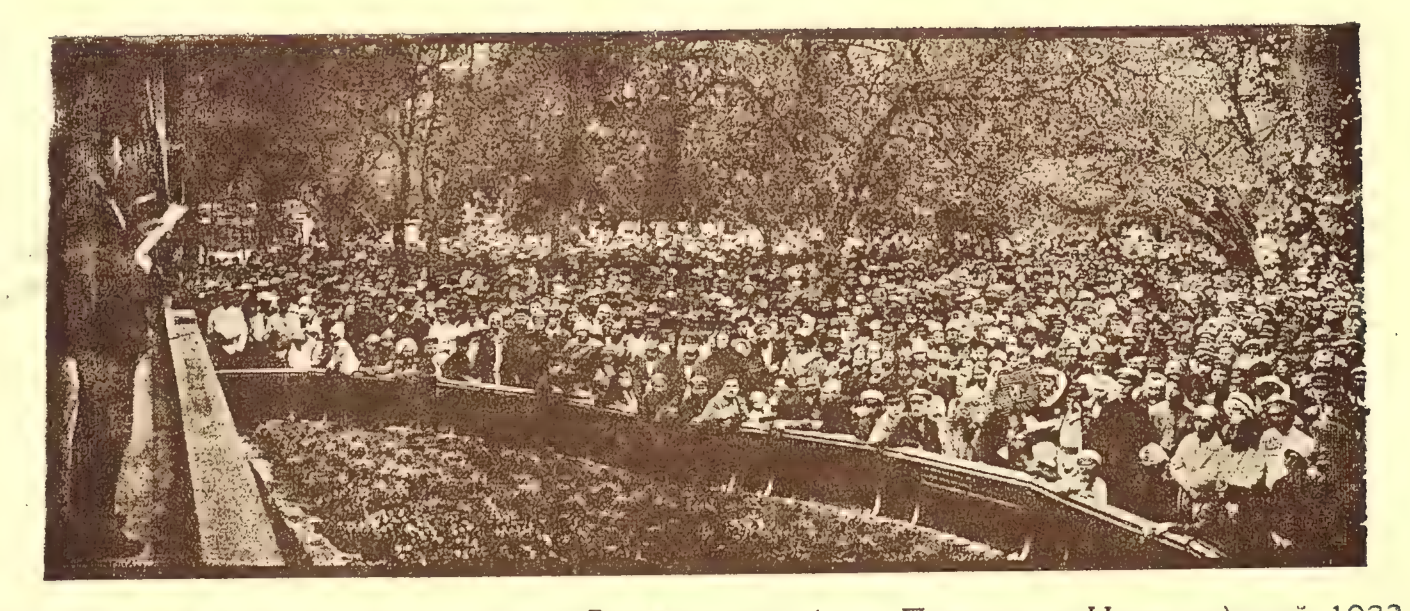
Похороны Тов. Председателя Совнаркома Терской Республики **Ноя Буачидзе.**

Убит 20 июня 1918 г. в гор. Владикавказе.

Всероссийский Субботник у домика **М. Ю. Лермонтова**, в гор. Пятигорске в 1920 г.



Портрет тов. А. М. Беленковича, командующего войсками Пятигорского фронта в 1918 г., Окр. военного Комиссара Пятигорского Округа с 1920 года, Губ. Военного Комиссара Тер. губ. с 1921 г. и Зам. Зав. Отдела Внутреннего Управления в настоящее время.



Митинг протеста против убийства тсв. **Воровского** (гор. Пятигорск Цветник) май 1923 года.

17

Убитые и изуродованные бело-зелеными бандитами 31-го марта 1922 го в ст. Горячеводской в близи города Пятигорска.

X—Тов. **Пащенко**—шоффер.

XX—Тов. **Анощенко**—Начальник тюрьмы.

XXX—Тов. **Кудрин**—шоффер.

XXXX—Тов. **Алпеев**—Минраловод. жел.-дор. раб.

18

Все командированные на курсы работники явились с подорванным за время революционной работы здоровьем. Поэтому возникала вторая задача: дать не только научную подготовку, но и, одновременно, укрепить здоровье курсантов. Для разрешения этой задачи—на курсах был организован санаторный режим.

Марксистские курсы дали огромные результаты.

Кроме того следует подробно остановиться на работе совпартшкол на Тереке.

Советско-партийные школы на Тереке берут свое начало в 1920 году, после разгрома Деникинской армии. В 1917—18 годах можно было слышать выступавшего на митинге оратора, который своей речью зажигал сердца окружающих, призывал их для борьбы со старым миром. Речь оратора—было первое семя агитации на Тереке, которое должно было дать всходы в будущем. Но по ликвидации военных фронтов, с переходом к хозяйственной деятельности одной агитации уже было недостаточно, нужно было сильное орудие пропаганды, которая об'ясняла бы трудящимся их задачи, вырабатывала бы из них сознательных и активных деятелей на фронте труда и делала бы их творцами новой жизни. Такими первыми орудиями пропаганды на Тереке явились красные кузницы—советско-партийные школы.

Первая Совпартшкола I ступени была открыта в Пятигорске по инициативе окрпарткома в декабре 1920 года. Набранные со всего уезда курсанты: крестьяне, рабочие и частью интеллигенты в количестве 120 человек, представляли из себя сырую, необработанную массу. В школе читались лекции на политические и общественные темы: политэкономия, совстроительство и т. п. Тяжелы были материальные условия курсантов, остро ощущался недостаток в учебных пособиях—но все же это был первый сдвиг горсточки людей на сознательный путь советского строительства. В феврале 1921 года курс был закончен, экзамен сдавало 35 человек, которые после экзамена, частью были посланы парткомом на советско-партийную работу, а большей частью были распущены по домам. Вторая Совпартшкола I ступени была открыта в Георгиевске уездным парткомом 3 февраля 1921 года.

Школа была набрана в количестве 60 человек, из жителей Георгиевска, станиц Георгиевского уезда и красноармейцев местных воинских частей. Из всех курсантов 25 процентов было женщин. Все это были члены и кандидаты РКП (б), а также члены РКСМ. Завшколой был назначен укомом РКП (б) тов. Ляхович, который вел занятия по политическим вопросам. Преподавались также астрономия, физика, химия и т. д., но преобладание в школе имела агитационная часть. Литература так же состояла, главным образом, из брошюр агитационного характера. Ощущался недостаток учебных пособий и лекторов. Через два с половиной месяца 20 апреля обучение закончилось экзаменом, после которого часть экскурсантов была распущена по домам, а большая из них была разослана парткомом на советско-партийные работы, как в волостном, так и уездном масштабе.

16 апреля 1921 года в гор. Пятигорске была открыта 3-я по счету Совпартшкола—Окружная 2 ступени. Зав. школой был назначен т. Педуннов. Курсанты по социальному составу были в большинстве рабочие и крестьяне; обладали малой общеобразовательной подготовкой. В основе преподавания лежали предметы общественно-политические, как то: исторический материализм, политическая экономия, история революционного движения в России, советское и партийное строительство и др. Лектора были по всем предметам, но в большинстве они состояли из ответственных, партийных и советских работников, поэтому не могли регулярно читать и часто не было лекций. По одному и тому же предмету читали разные лектора в виду того, что совпартработников перебрасывали с места на место. Занятия происходили с 9 час. утра до 2 час. дня и 4-х часов до 6-ти часов вечера, а иногда и дольше по инициативе курсантов и лекторов. Лекции курсантами воспринимались первоначально туго, но это всегда наблюдается с людьми, только начавшими заниматься усиленным умственным трудом или же им давно незанимавшимися. Школа дала слушателям толчек к дальнейшей самостоятельной учебе и возможность разбираться в партийно-советском строительстве и в политико-экономических вопросах.

Курсантов было около 40 чел. Общие собрания курсантов и служащих решали дела административно-хозяйственного порядка, при чем нередко происходили боль-

шие трения с зав. школой и завхозчастью. Комитет курсантов наблюдал за внутренним распорядком школы, регулируя даже действия и распоряжения зав. школой, молодого и неопытного, со слабой политической подготовкой.

Тяжелые об'ективные условия, как раз в момент перелома экономполитики РСФСР, а также молодость зав. школой (18 л.), не знакомство с делом,—все это отразилось на порядке и учебе школы. Школа хотя и закончилась в срок, но фактически материал обучения не был исчерпан. По окончании школы курсанты были предоставлены собственной воле, устраивались кто где и как мог. Экзамены были произведены 25 августа 21 года в форме вопросов по пройденному курсу. Пять товарищей не выдержало экзамена, а остальные сдали по отметкам весьма успешно, успешно и удовлетворительно. В общем 3 партшкола на Тереке прошла слабо, как со стороны организационной, учебной, выпуска, так и со стороны распределения на работы окончивших партшколу. Все имело еще примитивный характер.

В 1921 году в Георгиевске (тогда центр по Терской губернии) была открыта 1-ая Тергубсовпартшкола 2 ступени, агитпропом Тергубкома РКП (б). Первый день открытия ее был 26 июля и с того же дня начались занятия. Для общежития курсантов было занято Реальное училище, где они и пробыли до последних чисел августа месяца. Школа была расчитана на сто человек и комплект был набран полный, но в связи с переригистрацией членов и кандидатов РКП (б), число слушателей уменьшилось, за то состав стал лучше качественно. Зав. школой был назначен Тергубкомом Ляхович, который и являлся лучшим лектором в ней. В конце августа месяца, с переходом губернских учреждений в Пятигорск, перешла туда и Совпартшкола. Занятия происходили по восьми часов в сутки. Это давало возможность хорошо усваивать преподававшийся материал. 20 октября была открыта уездная Совпартшкола 1 ступени и занятия в ней начались с 25 октября при наличии 58 курсантов.

Две эти школы: губернская 2 ступени и 1 ступени находились в одном здании и история их тесно связана между собою. Как во второй, так и в 1 ступени были набраны слушатели со всей Тергубернии. Здесь, в Пятигорске, и свилось гнездо пролетарской школы, здесь и превратилась она в красную кузницу социалистической культуры на Тереке. Первоначально, особенно с наступлением зимы, школа была в тяжелом положении. Недостаток в питании, холод, отсутствие освещения, много мешали занятиям и к тому же большинство курсантов не имело даже теплой одежды и обуви. Несмотря на все это, несмотря на недостаток литературы и учебных пособий вообще, на нерегулярное посещение лекторов, а подчас и отсутствие их, курсанты с бодрым духом и с надеждой на улучшение пролетарской жизни в будущем, твердо держались.

В школе были организованы секции с.-х., лекторская, кооперативная и т. д.

С 1 марта завшколой назначен т. Салат. В конце марта 1922 года был устроен экзамен 2 и 1 ст. ст., результаты которого показали, что выходцы из рабоче-крестьянской среды больше способны заниматься в пролетарских школах, чем интеллигенция.

После общего экзамена курсанты были откомандированы в распоряжение Тергубкома, а человек 35—40 остались доканчивать занятия в секциях. Через 10 дней профессиональная секция закончила свою работу и была откомандирована в Губком, а в конце апреля был устроен экзамен с.-х. секции и лекторской.

После роспуска с.-х. секции, осталась лекторская в составе 13 человек. Из этих 13 чел. приготовлялись групповоды для будущей школы. Групповоды продолжали свои занятия все лето. В последних числах мая было приступлено к набору слушателей в Совпартшколу 1 ступени со всей губернии. Школа была расчитана на 300 экскурсантов, но в виду недостатка в материальном снабжении, набор ее сократили количественно на 30%.

По всем уездам Тергубернии были разосланы товарищи из лекторского отделения для набора и фильтрации курсантов на местах. Цель была—подбор рабоче-крестьянского состава Совпартшколы с небольшой частью интеллигенции. Набор прошел однако не так благоприятно, как полагали.

Такой подбор произошел по случаю рабочего времени, ибо рабоче-крестьянские трудовики не могли пойти в школу. 27 мая состоялось торжественное открытие

Совпартшколы 1 ступени, в присутствии представителей партийных и советских организаций. Курсанты в количестве ста с слишком человек были разбиты на 4 группы и к каждой группе, как групповоды—практиканты, были прикреплены курсанты лекторского отделения. Групповые занятия шли по вопросно-ответной системе, на них разбирались лекции, задавались и прочитывались рефераты курсантами 1 ступени с целью приучения к публичным выступлениям среди определенной аудитории. Существовала коллегия групповодов во главе с зав. учебной частью; на коллегии разбирались дефекты в учебе, обсуждалась успешность курсантов и решались переводы малоуспевающих в соответствующие группы и пр. Многие из поступивших в начале были исключены из школы из-за чуждого социального положения и психологии, за исключительную малоуспешность, за леность, за разгильдяйство и пр. Подлежащие исключению обсуждались предварительно на коллегии групповодов, а затем вопрос решался президиумом школьного совета, состоящего из представителей от курсантов, зав. школой, зав. учебчастью и секретаря. Исключение производилось через приказ с определенной мотивировкой. К сентябрю месяцу к экзаменам осталось около 40 чел. в 1 ступени и 10 чел. слушателей лекторского отделения (практиков групповодов). Экзамены происходили по рефератной системе: один реферат курсант делал в своей аудитории, а другой—в комклубе среди парттоварищей. По окончании экзаменов был устроен выпускной вечер: торжественное заседание с представителями партийных, советских и профессиональных организаций, а затем курсантами была разыграна пьеса и проведено концертное отделение. Из числа окончивших 17 человек оставлены были для Губпартшколы, а остальные отправлены на работу через губком. С 7 ноября 1922 года намечен к открытию ряд совпартшкол 1 ступени в уездных городах и одна Совпартшкола 2 ступени в Пятигорске, также ряд школ политграмоты.

Совпартшкола II ступени, проработав 9 месяцев, выпустила 54 курс-та, из которых 70% вышли удовлетворительно подготовленными марксистами, с марксистскими теоретическими знаниями. Часть из них брошена на работу уездного масштаба в качестве заведывающих уездными женотделами, заведывающ. отделами укомов, председателями ВИК'а, секретарями ком'ячеек, а также по линии советской, кооперативной и профессиональной работы. Некоторые курсанты ведут работу в губмасштабе, будучи председателями правления губотдела профсоюзов.

Такая подготовка об'ясняется тем, что руководителями школ были старые, испытанные (губмасштаба) ответработники.

В октябре 1923 года открыта Тергубсовпартшкола I ступени повышенного типа с подразделением на два отделения и 3 группы, из которых I и II группа будут заниматься по программе I ст., III-я—по программе II ступени.

Всего поступило в школу 103 курсанта, из которых рабочих 55, т. е. 53%, крестьян 32 или 31%, служащих 16 или 16%. Партийный состав: членов РКП 35 или 33%, РКСМ—59 или 57%, беспартийных 9 челов. или 8%. По образованию—91 чел. с низшим, 6—самоучек и 6—имеют незаконченное среднее образование. Возрастный состав в большинстве молодой—от 17—25 лет. Общая подготовка, как техническая, так и политическая среди большинства слабая. Из принятых 103 человека в I группу отнесены 53, во вторую 26 и в III—24.

Руководящий состав школы состоит из заведывающего и четырех штатных преподавателей. Учебный план построен применительно к типу школы, как повышенной. Методы преподавания и программы строятся на новых началах, исходя из конкретной обстановки, производственно-экономических отношений на основе комплектного метода и анализа явлений в их развитии. Школа приступила к занятиям 22 октября и учеба идет полным ходом. Можно надеяться, что через год мы получим опять для Терека известный кадр работников.

Кроме Тергубсовпартшколы по Терской губернии открыт ряд школ политграмоты повышенного и пониженного типа, как в городах, так и волостях.

Многие из школ политграмоты уже работают. Наплыв в школы очень большой не только партийных рабочих и крестьян, но и беспартийных. Тяга к учению большая. В истории совпартшкол и жизни Терека, подготовка практических строителей пролетарского государства,—коммунистов—практиков, играет решающую роль и яв-

ляется одной из ответственнейших, трудных и весьма сложных задач, осуществление которых возложено на испытанных ответственных работников партийцев.

Колоссальная работа, выпавшая на долю членов Терской организации, конечно, не могла не отразиться на состоянии здоровья работников. Но, несмотря на то, что в пределах Терской губернии находится лучшая в России курортная группа, Терская организация РКП не могла дать отдыха и правильного лечения своим членам.

Только в этом, 1923 году, явилась возможность краткосрочного санаторного отдыха с лечением. Врачебная комиссия, освидетельствовавшая состояние здоровья членов РКП, дала весьма показательные результаты: 80% партийцев нуждались во внеочередном санаторном отдыхе и лечении от всевозможных болезней, вызванных напряженной работой во все шесть лет революции. Главными болезнями являлись: переутомление, малокровие, процессы легких и неврастения.

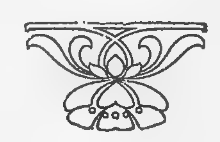
Всего находилось на санаторном лечении около 150 товарищей.

Итоги и оценку работы, проделанной за время от пятой губернской партийной конференции до 7 ноября 1923 года,—даст шестая губконференция. Но уже из беглого обзора общих условий работы на Тереке и схематического отображения организованной и воспитательной партийной работы видно, что ко дню 6-ти летнего праздника Октябрьской революции, Терская губернская организация Российской Коммунистической Партии (большевиков) является организацией сплоченной, устойчивой, полной стремления к марксистской серьезной подготовке, дабы в условиях новой экономической политики быть стойкой и повести Терскую губернию к жизни коллективной, коммунистической. Отмечая рост солидарности крестьянских и рабочих масс с политикой Советской власти и РКП, Терская организация РКП видит в этом залог успешности своих дальнейших работ в области возрождения и укрепления хозяйства Терской губернии.

Так неустанно сражаясь, организуя и строя, Терская организация РКП прожила шесть лет со дня Великого Октября.

И в ознаменование своих побед и достижений, Терский губком 7 ноября 1923 года закладывает памятник героям и мученикам пролетарской революции, павшим здесь, на Тереке, всем и первому из них —тов. Анджиевскому.

Но пролетарский памятник—не игрушка и не украшение площади. Наш памятник также должен служить великому делу пролетарской революции, как служим и мы. Мы сооружаем павшим товарищам памятник—радио-телефон. Пусть вокруг него собираются трудовые массы слушать—какие успехи одерживает на земном шаре мировая коммунистическая революция. И вспоминать тех, кто первым пал за освобождение трудового Терека.



Печать на Тереке.

Печать не даром получила название шестой державы. Роль ее в жизни народов и классов огромна. Печать является самым могучим средством формирования и обработки общественного мнения. Печатное слово—лучшая форма пропаганды. Вот почему приходится наблюдать такое явление, что в буржуазных странах каждая политическая партия стремится иметь свою печать, дабы через ее посредство вербовать своих сторонников, выковывать их сознание, формировать единую волю к победе. Но при этом необходимо отметить, что в буржуазных странах печать, как впрочем и все остальные орудия производства и пропаганды, находится в руках капиталистов. И это главным образом и позволяет им держать так долго в своих руках распыленные рабочие массы, которым время от времени буржуазия со страниц купленных ею газет преподносит серенькие лозунги горе-вождей социализма из желтого интернационала.

Совсем иначе обстоит вопрос с печатью у нас. В Советской Республике печать находится в руках рабочего класса и крестьянства, поэтому она обслуживает интересы трудящихся, формирует их волю к победе на всех фронтах: военном, хозяйственном, просвещения.

Вспомним, какую колоссальную роль сыграла наша печать в период Октябрьской революции. Отрезанные от всего мира рабочие Петрограда и солдаты фронта только и могли иметь общение и получать взаимную информацию через газету. Захватив типографии и закрыв все предательские листовки и органы правой думы и комитета спасения родины, рабочие Петрограда, при помощи своей рабочей печати, сумели в ответственный для рабочих России момент, об'единить, сосредоточить все интересы, все внимание Красного Петрограда на необходимости взять власть в свои руки и побеждать возникающую контр-революцию.

Это была незаменимая трибуна, с высоты которой непрерывным потоком бросались в массы трудящихся пламенные призывы к борьбе и лозунги рабоче-крестьянского правительства, в которых в точной отчеканенной форме выражались ближайшие цели и задачи; в бесчисленном ряде залетами вылетающих статей, воззваний, деклараций, декретов о земле и мире, рабочим, крестьянам и солдатам преподавались методы и приемы к созданию своей власти и борьбе за нее.

Печатное революционное слово, как призывный колокол, будило мысль трудящихся, выковывало их волю к победе, просветляло их сознание, поддерживало бодрость духа в рабочем у станка, бойце в окопах, пахаре за плугом.

Посмотрим-же теперь, какие этапы и колебания в описываемый нами период революционного движения переживала наша терская печать. Прежде всего здесь приходится отметить, что полной картины по Тереку и в этом вопросе дать представляется несколько затруднительным. Из материалов бюро истпарта видно, что до 1905 года на Тереке издавался только листок управления Кавминвод. В 1905 году начал издаваться «Пятигорский Листок», который затем в период затишья был переименован в «Пятигорское Эхо», которая и выходила до начала 1917 года. Затем она была куплена у издателя Кибардина партией эс-эров, переименована уже в «Народное Эхо» и редактировал ее лидер Пятигорских эс-эров Леонид Орлов.

Не приходится упоминать лишний раз о том, как эта эс-эровская, так и вторая кадетского толка газета «Кавказский Край»—были политически слабы и ничего кроме общих фраз о «народной свободе», «земле и воле» трудящимся чита-

тельским массам не давали. Им вполне соответствовала Георгиевская пресса за этот-же период, в виде сперва беспартийной газеты «Новая Жизнь», а затем органа партии народной свободы—«Свободной Речи».

Вся эта горе-печать как и строительство того времени, проходила мимо миллионов рабочих, крестьян и казаков и только обслуживала либеральную эсерствующую интеллигенцию и правые партии.

И только с начала 18 года, когда события резко стали изменяться, повсюду окрепли и развернули свою работу большевистские организации, а в центре Октябрь передал власть в руки трудовых масс; пресса на Тереке также стала революционной и в большинстве случаев большевистской.

С сентября, приблизительно, месяца 17 года в Пятигорске стала выходить газета «Голос», орган социал-демократов, под редакцией меньшевика Альшанского. Сотрудничали в ней и большевики в виде Петроградского-Баранчукова и других; но в общем газета была пестрая, сбивчивая и конечно четкой классовой линии, не намечала, да и намечать не могла. В это время в Пятигорске еще была Пятигорская дума эс-эровского толка и меньшевистский Бутыринский совет; а большевики только завоевывали массу на площадях, базарах, вокзалах. И только с марта 18 года, когда власть в Пятигорске перешла первому Совету рабочих, солдатских, крестьянских и горских депутатов, стал выходить орган совдепа «Известия». Редактировал эту газету Петроградский-Баранчуков, членом редакционной коллегии от эс-эров (левых) был второй Альшанский, а от меньшевиков - интернационалистов — Е. Шульгина. Работа пошла сразу полным ходом, хотя коллегия часто и тормозила работу. В каждый номер лозунги давались лично председателем Совдепа т. Анджиевским и занимали обыкновенно целую страницу. Все руководящие статьи и крупные сообщения редактировал сам Петроградских и горских депутатов, стал выходить доверял, памятуя, что там, где работает эс-эр или меньшевик, нужен стоглазый партийный надзор. «Известия» были первой солидной и классовой газетой в Пятигорске. Несмотря на нерегулярность получения телеграфных известий и недохват партсотрудников, газета давала ежедневно солидный материал по всем вопросам советского и партийного строительства, равно как и информацию о событиях внутри и вне республики. Со второй половины «Известия» редактировал П. Кофанов, а с первого июня—Петр Анюров. К этому времени эс-эры и меньшевики из газеты ушли, и она приняла должный вид. Печаталась на большом формате, всегда имела полную о всем происходящем информацию и вообще в полной мере отвечала боевым требованиям момента. Издавалась она до 6 января 1919 года, т. е. до самого момента отхода Советской власти с Пятигорья и Северного Кавказа вообще.

Из других газет за это время приходится отметить выход 4-х номеров «Листка по народному образованию», который печатался отдельно, но распространялся в виде приложения к «Известиям Совдепа», редактировался коллегией школьных работников: из П. Кофанова, Е. Шульгиной и Г. Гатуевой, и был посвящен вопросам перестройки школы по принципу единой трудовой. В это-же время—в сентябре—вышло в Пятигорске 8 номеров чисто литературной газеты «Народное Эхо», которую редактировал поэт Буречарский и которая собственно была ни богу свечка, ни чорту —кочерга. От литературы в ней было очень мало, от политики еще меньше, и цели и задачи ее так и останутся пожалуй для потомства невыясненными.

С переездом в Пятигорск северо-кавказских организаций и учреждений—начала в сентябре-же издаваться в типографии б. Кибардина «Северо-Кавказская Правда»—орган краевого комитета партии. Это была выдержанная серьезная газета, но за отсутствием работников, бумаги, средств и многого другого—она вскоре закрылась. Вместо нее стал выходить орган реввоенсовета Северного Кавказа, а потом XI армии «Красный Воин», который редактировался коллегией.

Ясно, что все эти газеты хромали во многом; в них зачастую половину места занимали длиннейшие приказы реввоенсовета или исполкома; верстались они по случайному признаку; информация последние месяцы, когда Сев. Кавказ был отрезан деникинцами от театра—была только внутренней; передовые писались на ходу, в трамвае или на заседании по борьбе с

тифом. Постоянного кадра сотрудников не было. Все они газете уделяли между прочим частицу внимания, так как были заняты за отсутствием сил—в парткомах, реввоенсовете, советах. И несмотря на это —газеты горели революционными маяками, будили и об'единяли вокруг Совласти и партии все трудовые массы губернии. Достаточно хотя-бы указать на то, что даже 6 января 1919 года, в день отступления, газеты вышли. Выпустив сильные, боевые номера—отступали журналисты последними.

В Прикумске по слухам к этому времени выходили «Известия» и «Набат». Газеты эти были удовлетворительными для того момента и сыграли колоссальную роль в области пропаганды среди крестьянского населения уезда.

В Георгиевске с 18-го года выходили «Известия Георгиевского Совдепа», редактировавшиеся Шилиным. Это была классовая хорошая газета, но вскоре она закрылась и затем весь 18-й год Георгиевск своей газеты не имел.

Что-же мы имеем на Тереке в 19-м году в период господства белых? Газеты сразу взяли обывательский тон и стали петь хвалебные песни буржуазии и добровольческой армии и ругать большевиков. Просто журналисты, эс-эры—журналисты и меньшевики—журналисты нашли для себя возможным равняться на осваги и не только оправдывать, но и восхвалять существующий порядок вещей.

В 19-м году в Кисловодске выходила маленькая газетка «Доброволец», которая в меньшей мере раз'ясняла населению цели и задачи добровольческой армии, и в большей—справедливость тех расстрелов и повешений, которые имели место первые недели в Кисловодске.

В Пятигорске в это время издавалось две газеты: «Терско-Дагестанский Вестник»—газета так сказать официальная: и Кавказский Край»—газета Петросяна, этого заядлого монархиста. Впоследствии «Терско-Дагестанский Вестник» был превращен в «Терец», орган Терского войскового правительства, под каковым названием он и существовал весь 19-й год. Жалкими и убогими были эти газеты добровольцев. В них не было самого главного: они никого не агитировали и ничьему с'езду, даже добровольческому, ничего не говорили. Это была обывательская серенькая пресса, совершенно без всякого направления, разившаяся изредка только на необходимость ругнуть большевиков и пропеть хвалебную власть контр-разведкам Деникина.

В 20 году, с занятием Северного Кавказа Красной армией, в Пятигорске стали выходить «Известия Ревкома»; на ряду с этим вышло несколько номеров партийного органа—Пятигорского окрбюро—«Правда» под редакцией Минцлова. «Известия Ревкома» редактировали последовательно —П. Кофанов, Минцлов, Августовский. С июля месяца «Известия Ревкома» были переименованы в «Красную Зарю», а 7 ноября 1920 г. «Красная Заря»—в «Красное Пятигорье», орган Пятигорского окружного комитета партии и исполкома. Редакционная коллегия «Красного Пятигорья» состояла из 3-х лиц: А. Богдасарова, Е. Лернер, С. Маркарьяна. На ряду с этим Сев.-Кав. бюро по восстановлению Советской власти на Кавказе издавало свой Северо-Кавказский орган «Советский Кавказ». А кавроста—выдержанную стенную газету. Все эти газеты 20 года были политически выдержанными, и, что еще важно отметить, не продавались, а раздавались бесплатно по союзам, ячейкам и предприятиям; а также расклеивались по улицам для всеобщего чтения.

В Георгиевске в 20 году стал издаваться «Красный Терек», переименованный 1 мая в «Интернационал». Эта газета существовала до 20 мая 1921 г., выражаясь фигурально—по системе однолошадного хозяйства. Т. е. здесь все делал один человек: редактор, сотрудник, фельетонист, хроникер и передовик и курьер—Вл. Булгаков. В невероятно трудных условиях приходилось создавать из ничего этому молодому талантливому журналисту Георгиевский «Интернационал». Целый год газета выходила при полной нагрузке материалом, с хорошо представленными отделами и бесспорно грамотными официальными статьями. И только 20 мая 1921 года, были созданы «Известия Губисполкома и Губкома», куда дали редактором члена губкома Е. Лехно, а секретарем естественно взяли т. Булгакова. И вот этот ответственный орган выходит все время на большом формате и часто, когда Лехно пропадает на заседаниях, делается одним секретарем. Разве в таких условиях и с такой лю-

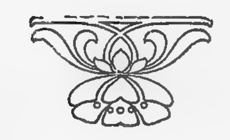
бовью делались когда нибудь буржуазные газеты?

Затем Лехно из редакции был отозван; осталась в «Известиях» редколлегия из Лина и Булгакова. Булгаков, в связи с переездом губернии в Пятигорск, переводит и газету сюда и выпускает здесь 92-й номер газеты.

В 1-х числах января 1922 года «Известия» переименовываются в «Терек», и некоторое время попутно выходят «Известия» исключительно с официальным материалом.

«Терек» существует и поныне, по 1923 год включительно. Им проделана большая работа. С конца октября 1922 г. при нем образована секция работников печати. Ею проведен 13—14 января 1923 г. 1-й Тергубс'езд работников печати, который выделил в газету массу рабочих и крестьянских корреспондентов. Проведенный в мае 1922 г. редакцией и секцией двухнедельник печати на Тереке—дал до 250 рабочих и крестьянских корреспондентов, которые работают в газете и сейчас. С августа 22 г. по март 1923 т. «Терек» редактировал В. Романов. С марта по настоящее время т. Санаев М. И., т. Булгаков все время состоит секретарем редакции.

На ряду с «Тереком» издаются журналы «Компуть»—орган губкома и «Хозяйство Терека»—орган губисполкома и губэкосо.



Военный обзор.

Гражданская война в 1918—19 г.

Прежде чем приступить к разработке основной темы, необходимо сказать несколько слов о казачестве, в частности о Терском, населяющем бывшую Терскую область, ныне Терскую губернию.

Сказать о нем необходимо потому, что оно давало реальную силу—бойцов для гражданской войны, кипевшей в течении двух лет на территории Терека.

Терское казачество является ветвью Гребенского, которое еще в XVII веке, а точнее с начала XVI века начало расселяться по северному гребню Кавказского хребта. Как и Гребенские, Терские казаки прошли суровую боевую школу в борьбе за свое существование, что воспитало в них высокие боевые качества, сплоченность и сильное чувство своей общественной самостоятельности. Гребенские, Терские, Забайкальские и Донские казаки по своим боевым качествам были выше всех других казачьих войск времен царского режима. Таким образом, Терское казачество являлось весьма внушительным фактором гражданской войны на Тереке, что вполне и оправдали развернувшиеся в период революции военные действия.

Терская губерния и бывшая Терская область и по своему национальному признаку (разноплеменность); и по топографии (степи и горы); и по классовому составу (сильные, многоземельные князья, беки и ханы, офицерский казачий корпус, зажиточное казачество и пр.); и, наконец, главным признаком (экономическим, бытовым и т. д.) ярко выраженными в сторону мелко-буржуазную, собственническую—должна была стать ареной вооруженной классовой борьбы. В военном отношении эта борьба должна была вылиться в систему кавалерийских операций, конная война—вот то, что должно было лечь в основу действий враждебных сторон.

Как конная война она влекла за собой полное отсутствие какого либо неподвижного, цельного фронта и поэтому должна была вылиться в маневренно-эпизодическ. войну. В силу этого она должна была быть крайне гибкой и подвижной, с одной стороны, и разрушительной—с другой. Последующее доказало правильность этого предположения.

Всякая война является результатом противоположности классовых интересов. С этой точки зрения необходимо сказать несколько слов о февральской революции и ее течении на Тереке. Совершенно ясно, что февральская революция, как акт огромного исторического действия, сбросившего трехсотлетний монархический строй, должна была внести в гражданскую жизнь Терека определенные группировки общественных отношений, выражавших противоположность классовых интересов, вызывавших специальную атмосферу соотношения классовых сил, которые после,—в Октябрьском перевороте, выявили себя в вооруженной борьбе. Здесь необходимо придти к единственному и совершенно об'ективному заключению, что главнейшей общественной силой в период временного правительства, как на Тереке, так и на Кубани и Дону, было казачество. Сила, которую создал Октябрьский переворот, только что пробуждалась. Она в описываемый момент была в скрытом состоянии, не будучи еще призвана к действию; она еще не уловила себя, не осязала своей природы, не привела в систему и порядок свою классовую идеологию; она еще не нашла своего метода, не видела ни своего пути, ни своих интересов. Она самоопределялась.

Февральский период на Тереке, оторванном в то время от центральной России, весьма интересен в смысле выявления и разработки нашей основной темы, он логически предстоит перед нею и потому нуждается в известном освещении, стро-

го выдержанном в рамках военного обзора.

Исторически он не сложен и достаточно схематичен. Течение его истории предопределяется тремя факторами совершенно самостоятельного значения: 1) оккупацией германскими войсками в 1918 году юга и юго-востока России; 2) отдаленностью Терской области от центра России и 3) группировкой классовых сил.

Оккупация германской армией юга России создала совершенно особую обстановку на всем Северном Кавказе. Север России, охваченный революционной и гражданской войной, отделялся от Кавказа стеной германских штыков и единственной, крайне ненадежной и неудобной линией связи с центром являлась линия Св. Крест—Астрахань. Самая отдаленность района от Москвы, даже и без оккупации германскими войсками юга и юго-востока России, уже сама по себе была-бы фактором отрицательным. Расстройство ж.-д. сообщения; неаккуратность, а порой и совершенное прекращение телеграфной связи; эпизодические волнения в уездах; в общем неустойчивость везде и всюду; сильно сократившееся количество органов прессы—все это тяжело влияло на своевременность освещения политического положения страны.

Наконец, самая группировка общественных сил на Тереке являлась весьма сложной: с одной стороны, как и всюду в России, силой, руководящей политической и общественной жизнью была партия эсеров, как наиболее сильная в то время революционная партия. С ней в контакте работала партия с.-д. меньшевиков.

Под ними волновался и кипел значительный слой беспартийного крестьянства и казачества и—в стороне, зорко наблюдая за развертывающимися событиями, стояла сплоченная офицерская казачья каста, с собственными традициями и вековым укладом своего быта.

Каждая из указанных групп об'единяла вокруг себя промежуточно-сословные слои населения, кои по родственности и общности своих интересов тянулись к одной из перечисленных групп. Так, духовенство в своей массе сливалось с офицерским корпусом; так малоимущий казак примыкал к малоимущему иногороднему; так интеллигент примыкал к партии эсеров, или эсдеков, а городской обыватель не примыкал ни к тем, ни к другим, ни третьим, а ждал как развернутся события. Словом, на Тереке общественная группировка совершенно не имела тех отчеканенных форм, какие были ей присущи в центральной России.

В подобной обстановке власть и руководство общественной жизнью принадлежит сильнейшему в самом примитивном значении этого слова, а на Тереке таковым было казачество. Февральская революция на Тереке идет в плоскости казачьего руководительства и с этой точки зрения власть эсеров в ней только кажущаяся, только исполнительная, но отнюдь не политическо-самостоятельная. С этой точки зрения казачество может рассматриваться как обособленная военная каста, только до известной степени необходимо учесть, что оно имело свою интеллигенцию, свое духовенство, своих купцов, свою бедноту и являлось не только военной, но и гражданской организацией; поскольку, конечно, этот термин был применим к эпохе империалистического капитализма.

Первоначальное развите событий Февральской революции на землях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск совершенно подтверждает эту точку зрения. Имеющиеся материалы говорят за то, что жизнь казачества содержала в себе все признаки независимой от правительства Керенского политической организации. Казачество резко критиковало действия и политику Временного Правительства и, когда хотело, подчинялось ему, когда не желало починиться, выносило свои самостоятельные решения, так или иначе регулирующие его собственную общественную жизнь.

Отлично вооруженное и сохранившее свою военную физиономию (организацию), которую так быстро укротила царская армия, казачество Дона, Кубани и Терека заставляло считаться с собою временное правительство. Для иллюстрации будет своевременным вспомнить здесь хотя бы резолюцию конференции представителей казачьих Донского, Кубанского и Терского войск, вынесенную 4 сентября 1917 года в г. Краснодаре по поводу провозглашения временным правительством России Республикой. В этой резолюции представители конферен. не только не со-

гласны с временным правительством по существу его декларации, но и совершенно недвусмысленно враждебны ему, находя, что поименованным государственным актом оно узурпировало права учредительного собрания. Само собою разумеется, что приводимая выше ссылка на официальный документ, отнюдь не имеет в виду обсуждения этого документа по существу. Ясно, что резолюция конференции представителей казачьих войск была составлена и принята под давлением господствующего офицерского слоя, что она отражала его стремления и интересы, но, как доказательство самостоятельной и независимой от временного правительства линии поведения казачества, она во всяком случае является существенной.

С своей стороны и временное правительство платило казакам подозрением и недоверием к их республиканским чувствам.

Для характеристики обеих сторон будет интересным процитировать наиболее существенное из резолюции той-же Екатеринодарской конференции казачьих войск, метко характеризующее отношения Керенского и казаков.

«Конференция представителей казачьих войск—Донского, Кубанского и Терского, с болью в сердце лишний раз убеждается (в том), что отношение Временного Правительства к казачеству покоится на началах подозрения, недоверия и запугивания...». «Предпринимаемые Временным Правительством шаги по отношению к казачеству, как в вопросе его внутреннего быта, так и политической жизни, указывают на стремление Правительства к уничтожению казачьей самобытности...». «Из всех широких обещаний Временное Правительство ничего не выполнило».

Из вышеприведенных цитат резолюции, принятой 5 сентября 1917 года, можно заключить, что отношения между казачеством и Вр. Правительством были крайне обостренные и таковыми же они были с местной эсеровской властью, которая в изложенной обстановке, конечно, ни на Дону, ни на Тереке, ни на Кубани, не могла быть властью в истинном значении этого слова, а была только суррогатом государственной власти, всецело находящейся под влиянием и давлением офицерского и помещичьего слоев местного казачества.

В рамках военного обзора невозможно выявить всех деталей и причин, в силу которых казачество, под влиянием своих вождей, сыграло в эпоху Октябрьской революции реакционную роль—это вопрос общей истории революции. Но для военного обзора, однако, необходимо исследовать среду, из которой явились силы, скрестившие свои мечи на поле боя, найти причины, в силу которых создались условия боевого разрешения вопросов, регулирующих жизнь известного общества.

Итак, к моменту Февральской революции казачество Дона, Кубани и Терека не только не носило в себе классового расслоения, но по сравнению с царской армией, быстро усвоившей этот принцип, оно было цельным и сплоченным. Его трудовой элемент — трудящиеся казаки — слепо шли за установившейся веками традиции за привиллегированными слоями, выполняя все задания своих войсковых кругов. Это будет совершенно понятным, если вспомнить, что военный уклад бывших казачьих войск вытекал из их истории. Всякий, кто подошел бы к анализу отношений казака-офицера и рядового казака с масштабом оценки отношений матроса и капитана 1-го ранга или гусара и штаб-ротмистра—неминуемо впал бы в грубую и серьезную ошибку. Казачий офицер и казак выходили из одной среды, создавались условиями одного быта, их историческое прошлое было одинаково, их психологическая структура была аналогична. Поэтому классовое различие чувствовалось здесь не так остро, как в гвардии или флоте и можно сказать с уверенностью, что даже до настоящего момента, т. е. до 1923 года, оно едва ли приняло такие законченные формы, какие создались в центральной России хотя бы между крестьянином-кулаком и трудящимся хлебопашцем. Отсюда вполне понятно, почему офицерская каста казачьего войска обладала таким влиянием и авторитетом в среде рядовых казаков не только в эпоху Февральск., но и в первые годы Октябрьской революции; понятно также и то обстоятельство, что огромный процент офицеров царской армии ушел именно к казакам, а не в Сибирь или Персию. Создавшаяся к моменту Октябрьского переворота обстановка вполне оправдала это направление.

Тем не менее был фактор, который внес в казачество классовую трещину: это — русско-турецкий фронт. Если бы не было русско-турецкого фронта, то события революции на Кавказе возможно приняли бы иное течение. Авторитетно правящие круги казачества повидимому имели бы возможность создать что то иное, чем Деникин. За это говорят документы с соображениями относительно автономных казачьих республик: хотя бы вспомнить положение об юго-восточном союзе России, принятое в январе 1920 года в г. Екатеринодаре верховным кругом Дона, Кубани и Терека. Обостренные к тому же отношения с Чечней и Дагестаном могли бы отвлечь внимание трудового казачества от Российских событий, огражденных барьером германских штыков.

Турецкий фронт прорывал это единство. Солдаты Русской армии, дравшиеся на турецком фронте в необычайно тяжелых условиях, столь же остро восприняли и революцию. Они возвращались на родину в стадии законченного классового самоопределения. Они вынуждены были от самого Эрзерума пробивать себе путь штыками, разрывая барьеры народностей, им явно враждебных. Достаточно вспомнить некоторые эпизоды следования эшелонов с турецкой границы, хотя бы события в Елисаветполе, где эшелоны расстреливались татарами, чтобы уяснить себе степень боевой и революционной возбужденности возвращающихся войск. Эта возбужденность часто переходила границы допустимого: несознательные элементы позволяли себе чисто бандитские поступки, но—это были частности, едва-ли отражающие целое.

Появление эшелонов с турецкой границы произвело целую сумятицу на Тереке и имело огромнейшее влияние на ход событий. Прежде всего большое количество демобилизованных, инвалидов, больных оставалось на местах и вносило революционный дух в стан казачьего войска. Этот элемент был опасен для правящих казачьих сфер и потому еще, что являлся горючим материалом с совершенно иной, чем казачья, психологией и мог в любую минуту пойти за вожаками, идеология которых отразила бы его собственную идеологию. Дальнейшее показало правильность этой оценки. Во всяком случае, даже из скудных материалов этой эпохи явствует с очевидностью, что войска с турецкого фронта очень повысили уровень революционного под'ема на Тереке. Волнения в частях, расположенных на территории области, террористические акты—в момент хотя бы убийства войскового атамана Караулова солдатами Уфимской ополченской дружины—все это заставляет деятелей войскового круга принимать меры вплоть до переброски казачьих частей, об'явления усиленных положений, занятия стратегических пунктов и пр. Изложенное положение осложняется волнениями среди чеченцев и иных соседних горских народностей; борьба за власть с временным правительством и внутренними настроениями, которые также имели место в среде войскового круга.

Если присовокупить к этому борьбу с начавшими уже формироваться Советами раб., солд. и каз. депутатов, то внутреннее состояние среды, из которой впоследствии выросли военно-оперативные действия, станет ясной.

5 марта 1918 года в Пятигорске был образован гражданский комитет, а во Владикавказе — областной народный совет. В обоих учреждениях фракции большевиков составляли меньшинство. Военная власть возглавлялась войсковым областным атаманом и войсковым кругом. Дислокация войск туманна. Из неполных отрывочных сведений можно заключить, что в Терской области гарнизоны состояли из казачьих полков 2-й очереди (1, 2 и 3 Волгские полки, стоявшие на группах) и ополченских русских дружин (Уфимская ополченская дружина ст. Прохладная—Грозный).

С момента с'езда делегатов Трудового Народа Терской области (3 марта 1918 г.) проводится в жизнь положение об организации власти в крае, опубликованное в декрете Терского Областного Военного Совета и Тер. Совнаркома № 62 от 5/18 апреля того же года.

До указанной даты на Тереке функционировали учреждения формации царского правительства, но после издания декрета № 62, распространенного декретом № 65, к 1 июня 1918 года все чины упразднялись и военнослужащие, состоявшие на службе, увольнялись с выдачей пособия в размере месячного оклада. Для ликвидации дел оставлялись комиссии из 5 офице-

ров и 2 писарей. Декретом Обл. Совнаркома № 66 расформировывались управления воинских начальник. и вместо них создавались учетные отделы Совдепов. Центральное руководство воинскими делами сосредоточивалось в Областном Комиссариате по военным делам. К тому же моменту организации РКП начинают работу по формированию частей Красной армии, ведя ее среди частей местных гарнизонов и имеют успех. В начале марта в разных местах возникают бюро по записи добровольцев в Красную армию. Фронтовики и нефронтовики охотно записывались. В станицах это дело взяли на себя местные организации РКП. Дело подвигалось повидимому так успешно, что в период апрель—май новые части Красной армии уже втягиваются в боевую работу по борьбе с бандами, к тому времени уже возникавшими на территории области.

Между тем в лице гражданского управления областью кипят сильные революционные страсти. В феврале 1918 года в Пятигорске организуется Городской Совет рабочих и солдатских депутатов, который до июня месяца ведет борьбу с Владикавказским Областным Народным Советом и Пятигорской городской думой; видимо заменившей бывший гражданский комитет. В июне месяце во Владикавказе организуется Окружный Исполком и в нем, при поддержке левых эсеров, коммунисты получают большинство.

К этому моменту на Тереке вспыхивает гражданская война и напряженные боевые действия. Обстановка ее носит следующий характер: Юг России и Ростов/Д заняты германцами; со стороны Владикавказа развиваются действия Бичерахова и Агоева, которые к июлю месяцу занимают фронт Прохладная—Аполлонская. В станице Александрийской вспыхивает восстание и здесь образуется фронт прилежащих станиц. Со стороны Кисловодска действуют отряды генерала Шкуро. К июлю месяцу в результате военных операций Владикавказ был отрезан от области и центр тяжести событий переносится в Пятигорск.

Остается добавить еще, что со стороны Ставрополя также не было благополучно. Источники говорят о том, что и там шла борьба, видимо казачьих частей под командой генерала Алексеева, против наскоро сформированных отрядов Красной армии Ставропольской губернии. Из неполных и отрывочных источников и материалов штаба отряда т. Беленковича, в то время командовавшего войсками Пятигорского фронта, можно установить приблизительно следующую картину соотношения борющихся военных сил, как равно и самого развития военных действий и то только за июль и часть августа 1918 года.

В описываемое время существовало три фронта в Терской области: первый—против Ставрополя ген. Алексеева. Ему соответствовал фронт командующего войсками внутреннего фронта Кубанской республики т. Чистова; второй—Кисловодский с генералом Шкуро и третий—Прохладненский—Бичерахова с присоединяющимися к этому фронту повстанческими станицами, прилегающими к ст. Александрийской. Силы Алексеева—неизвестны, но, видимо, достаточно солидны, ибо имеют решительн. успех. Силы Чистова—1-й Кавказский и 1-й Тихорецкий полки и бронепоезда. Установить количество штыков в них не представляется возможным. Силы Шкуро и Бичерахова по приблизительному подсчету должны были равняться до 5.000 штыков и собель при орудиях и пулеметах, число коих нельзя установить. Против Бичерахова и Шкуро действовал отряд т. Беленковича в составе 154 Дербентского полка, № Кавполка Батлука, всего до 2.000 штыков, 500 сабель и 8 орудиях при 50.000 патронов.

Были, видимо, на фронтах еще части, сформированные уже в процессе борьбы (Кисловодский батальон, Кисловодский дивизион, отряд т. Орлова и вооруженные отряды профорганизаций и коммунистические с ними.

Броневые силы представлялись бронепоездами «Интернационал», «Истребитель контр-революции», «Борец за свободу № 25» и «Победа № 1».

История развития боевых действий идет следующим образом: в апреле месяце, в Кисловодске, жил казачий офицер Шкуро, который по подозрению в контр-революционных действиях, в том же месяце был арестован и направлен во Владикавказ. Во Владикавказе он реабилитировался и, возвратясь в Кисловодск, сформировал из казаков ст. Бекешевской, Боргустанской и Суворовской отряд, с которым в мае взял

Кисловодск. С этого момента начинаются на кисловодском фронте боевые действия. Кисловодск несколько раз переходит из рук в руки, что и составляет предмет военных действий этого фронта до самого прихода выручки с севера, т. е. до сентября 1918 года. За указанный период на этом фронте нет существенных боевых операций: действия ограничиваются усиленной разведкой обеих сторон. Наоборот, в районе Прохладной действия выливаются в горячую форму. В первых числах июля месяца Прохладная занимается после горячего боя Бичераховым. Красный бронепоезд «Интернационал» горит, самовзрывая себя снарядами своих погребов, ряды войск в панике бегут к Георгиевску. Картину эту видит и фиксирует комвойск Пятигорского района Беленкович. Бичерахов занимает Прохладную и протягивает фронт на Аполлонскую—Александрийскую. В то же время доносятся вести о каком-то поражении красных в районе Лабинской и телеграмма Петрова (личность нельзя установить) от 5/7—1918 г. говорит о критическом положении Ставрополя. С 5 по 20 июля положение на всех фронтах без перемен: противники ведут разведку; но 22 июля получается известие о взятии Ставрополя генералом Алексеевым. Вскоре после этого падает Армавир. Беленкович так характеризует положение в докладе своем Терскому Народному Совету во Владикавказе, посланному, повидимому летчиком: «Тихорецкая, Кавказская, Ставрополь, Армавир после больших боев заняты Алексеевым. Ростовский фронт (против немцев) отрезан и никаких сведений о нем не имеется. У наших полное отсутствие патронов и снарядов. Наши части отступают на Невинку и далее... Положение критическое».

В создавшейся обстановке, единственным выходом было ударить на точку наименьшего сопротивления. Беленкович чувствует это и 25 июля идет в наступление на Прохладную, чтобы в случае успеха—соединиться с частями Владикавказа. Он занимает Солдатскую и бой идет вторые сутки; но 27 числа, противник, отступивший, может быть, сознательно, в центре расположения, обрушивается на левый фланг Беленковича, и последний отходит в исходное положение. В таком положении обстановка протекает до сентября месяца, когда части 10 и 11 армий, пришедшие с севера, освобождают Ставрополь от Алексеева. Подробности этого периода совершенно неизвестны и источников по этому поводу в распоряжении автора никаких не имеется. Необходимо только с полной достоверностью заключить, что действиями частей 10 и 11 армий фронты Ставропольско-Армавирский и Прохладненский были ликвидированы и путь Армавир—Владикавказ был вновь восстановлен. В этот период решающая роль переходит к Кисловодскому фронту. В районе станиц Бекешевской, Боргустанской и Воровсколесской начинают собираться белые и партизаны, руководство которыми возглавляется генералом Шкуро. Несомненно на это обращено было бы соответствующее внимание органов власти, но этому повидимому помешало явление, именуемое в воспоминаниях того времени «Сороковщина». Сороковщина имела следующую историю: с Кубани, постепенно теснимый Алексеевскими отрядами, прибыл на Терек главковерх Северного Кавказа Сорокин, имевший достаточные силы, установить боевой состав которых не представлялось возможным за отсутствием источников. Прибыв в Пятигорск, Сорокин чувствует себя очень авторитетно и вскоре встает в оппозицию, образовавшемуся в то время ЦИК'у Северо-Кавказской республики. Борьба эта принимает острые формы включительно до того, что Сорокин об'являет себя военным диктатором и на время захватывает власть.

Повидимому, этот авантюрист пользовался значительной популярностью и авторитетом среди своих частей. В это же самое время с другим видным деятелем этой эпохи, находившимся в Прохладной, Беленковичем, происходит роковая случайность. Его арестовывает, обвиняя в измене некто Ильин—командир партизанского отряда. В лице Беленковича гражданская власть видела, естественно, единственную реально-военную силу, которую в крайнем случае можно было бы противопоставить Сорокину, почему к Ильину немедленно выехала делегация (Атабеков и Купцов) от Пятигорского исполкома. Им удалось вырвать Беленковича буквально из-под расстрела и отвести в распоряжение ЦИК'а Северо-Кавказской республики.

Сорокин, стоявший в то время в Армавире, был, конечно, обрадован арестом Беленковича, в котором видел сильного против

ника. Вполне естественно, что Сорокин, как главковерх Северного Кавказа, ожидал, что в порядке дисциплины, дело Беленковича и он сам, будут направлены ему для решения и, можно предполагать, что по этому поводу между Сорокиным и ЦИК'ом, взявшим Беленковича в свое ведение, разгорелись также известные прения. В конце концов, 2-й чрезвычайный с'езд советов Северо-Кавказской республики об'явил Сорокина вне закона и, арестованный, он был расстрелян в Ставропольской тюрьме. Этот авантюрист, пользовавшийся безусловно огромной силой, что можно вывести хотя бы из факта расстрела им 7 человек членов ЦИК'а Северо-Кавказской республики, исчез с исторического горизонта Терской области так же быстро, как и появился, но вся сложная обстановка, созданная им, которая несомненно сильно отразилась на состоянии войск области и сыграла свою роль, дав передышку Кисловодскому фронту. В конце августа белогвардейское движение принимает вновь острые формы. С Кубани, через Баталпашинский отдел, подходят авангарды Деникина.

В России идет борьба с чехо-словаками. Красные части на Тереке поражаются эпидемией сыпного тифа. Белые наступают энергично широким фронтом по линии Кисловодск—Ставрополь, занимают Прикумск (Св. Крест) и в январе берут Пятигорск. Красная армия отходит по линиям: Пятигорск—Владикавказ, Пятигорск Кизляр и Пятигорск—Астрахань. В феврале месяце белые берут Владикавказ и история Советской власти на Тереке временно считается оконченой.

В 1919 году Терская область переживает эпоху красного партизанства.

В районе Владикавказа и Ингушетии действует отряд красного партизана Гикало.

Гикало в 1919 году группировал свой отряд в районе Грозного. Он имел к тому времени 60 человек при 13 винтовках и 2 пулеметах. С ними находился «маленький», как определяет автор воспоминаний, отряд кабардинцев при 2 орудиях и 4 пулеметах. Далее отряд увеличивается до 200 человек и размещается в Шатое. Зиму 1919 года отряд ведет полуголодное существование. В начале августа 1919 года этот отряд успешно борется с белыми. Потом снова уходит в горы.

В начале 1920 года, Гикало, имея 800 штыков, 12 пулеметов и 35 конных. с боем занимает Грозный.

В Пятигорском районе партизаны занимали пещеры горы Бештау, под командой Тимошенко, в количестве 80 человек. Военная их роль совершенно минимальна.

По разсказу т. Кофанова, тогда томившегося в Пятигорской тюрьме, это были фронтовики, не желавшие служить ни Деникину, ни коммунистам, они вели в своих пещерах патриархальное существование полудикарей. Их предводитель был никем иным, как агентом Деникинской контр разведки—этот факт сам за себя говорит в оценке удельного веса боеспособности этой группы. Жили они тихо, никого не тревожили и их также никто не тревожил.

Заслуживает еще внимания, бывшее перед уходом белых, «восстание розовых». Это были повстанцы окружающих город Пятигорск пригородов.

Однако это восстание было быстро подавлено, так как его главарь, упомянутый выше Тимошенко, сделал все, чтобы провалить его.

Из воспоминаний т. Максимова, можно заключить, что некоторое повстанческое движение развивалось на севере Прикумского уезда в бурунах. Воспоминания тов. Максимова—ценны, так как дышат достаточно об'ективным содержанием. Т. Максимов находился в частях Красной армии, занимавших фронт по берегу Каспийского моря в Свято-Крестовском направлении и был отправлен штабом XI армии в рейд для установления связи с красными партизанами в указанном районе. Отряд состоял из 75 сабель, нескольких пулеметов и 25 верблюдов обоза. За чертой деникинского фронта, отряд встречался весьма радушно крестьянским населением. Разведка, высланная к бело-зеленым в камышах, донесла, что несколько дней тому назад партизаны дрались с «несколькими пехотными полками деникинцев, конницей и артиллерией. Сражение длилось с переменным успехом. Несмотря на значительное превосходство противника, все же наши славные красные герои разбили по частям деникинскую свору, взяли ряд сел и отбили у противника 4 орудия, но к белым подошли свежие силы и наши опять ушли в камыши»*).

*) Цитируется подлинное содержание источника.

Прибытие красного отряда произвело в камышах впечатление. В скором времени отряд вырос до 1 батальона трехротного состава и 2 эскадронов при 10 пулеметах. Против них было двинуто 2 полка конницы, 2 полка пехоты и 1 батарея белых. Красный отряд решил отступать; в пути сбился с дороги и шел под преследованием конных частей противника. Наступившая ночь разделила враждующих и уже без преследования отряд дошел до с. Алабуче, где встретился с идущим к нему подкреплением и присоединился впоследствии к своему фронту.

Возможно, что отсутствие источников играет большую роль в деле восстановления картины красного партизантства в Терской области во времена Деникина, но по имеющимся материалам можно говорить только о политической роли красного партизанства. Военное значение его было, повидимому, слабо.

Гражданская война в 1920—22 г.

К моменту вторичного прихода Советской власти на Тереке, т. е. приблизительно к марту месяцу 1920 года, Терская губерния входила в состав Терской области с областным г. Владикавказом, в котором сосредотачивалось управление краем. Таким образом Терская область являлась пограничной с меньшевистской Грузией и этот фактор играл большую роль в истории управления советской власти на Тереке. Заключив 7 мая 1920 года мирный договор с Советской Россией, Грузия тем не менее оказывала неизменный приют всем противобольшевистским организациям, ушедшим на ея территорию после поражения Деникина. В Тифлисе, Батуме, Сухуме и др. городах совершенно открыто проживало большое количество агентов-деникинцев, врангелевцев, сторонников создания независимых республик Кубанской, Терской, Всевеликого войска Донского и др. Приход в Поти 9 июня 1920 г. судов Врангеля с приказом всем казакам и офицерам казачьих войск прибыть в Крым; прибытие в Батум в июне месяце 20 года ген. Пиковского и полковника Казельбаш с большими денежными суммами по подготовке вооруженного восстания на Северном Кавказе; образование в Тифлисе группы по оказанию помощи Врангелю, в которую входили ген. лейт. князь Меликов, ген.-лейт. князь Туманов; пребывание в Тифлисе Кубанской рады во главе с Тимошенко и Гиреем; организация Терского правительства с ген. Вдовенко и Букановским; наконец, восстание против Советской власти в Чечне и Дагестане в конце 1920 г. во главе с Сеид-беком—внуком Шамиля и полковником Алихановым: образование в Тифлисе правительства горских народов; широкое издание противосоветских газет, эти и многие другие факты ярко характеризуют роль Грузии к моменту вступления Красных войск на Северный Кавказ. Все указанные организации оказывали самое деятельное как материальное, так и идейное содействие повстанческим, впоследствии бандитским, отрядам, снабжая их литературой, деньгами, оружием, медикаментами и подложными документами, через тропинки, переходы и перевалы пограничной с Грузией линией Кавказского хребта.

Мы уже упоминали о том, что территория Дона, Кубани и Терека еще с Февральской революции стала излюбленным пунктом, к которому тянулись все контрреволюционно настроенные круги России. Мы говорили также и о тех особенностях жизни казачества, которые притягивали эмиграцию из России.

На этом вопросе останавливаться нет смысла, необходимо только отметить, что после разгрома армии Деникина большое количество этих элементов осталось на местах и только самая небольшая часть уехала за границу. Оставшиеся делились на две категории: людей, способных к ношению оружия, т. е. офицеров и людей, не приспособленных к ношению оружия—лиц разнообразных гражданских профессий. Помещики входили в обе категории. Вся эта масса вошла в толщу населения и рассосалась в ней, выжидая как повернутся события?

В освещении этого вопроса нельзя упускать из виду того, что к власти присоединились, в качестве ее деятелей, многие реакционные элементы. Достаточно вспомнить, что военный комиссариат Пятигорского округа был сформирован чуть ли не целиком из бывших белых офицеров, людей, враждебно настроенных к структуре совстроительства и Красной армии. Таким

В ТИХОРЭЦКУЮ
В КАВКАЗСКУЮ
КРАСНОДАР
Р. КУБАНЬ
ВОРОНЕЖСКАЯ
СТАРОКОНСТ.
ИЗ НОВОРОССИЙСКА
БОИ 18/9
НИКОЛАЕВСКАЯ
БОИ 22/9
ОТСТУПЛ. РАЗБИТ. КУБ. ПОВСТ. АРМИИ
15/9-21
АБХАЗСКАЯ
МАЙКОП

План гражданской войны 1920—1922 г. г.

образом власть была в весьма затруднительном положении в смысле оценки обстановки и возможно не достаточно поэтому дипломатично подошла к ней. Органы военно-разведывательных учреждений совершенно ясно определяют в описываемый момент отношение населения к Советской власти, «как недовольство этой властью».

Если к изложенному добавить тяжелое экономическое положение республики, главный фактор, создававшее для всего населения необычайно трудные условия существования; несовершенство государственного аппарата и деятельность реакционных организаций, то картина настроения населения в Терской области станет ясна.

С марта по июнь 1920 года в городах и станицах области царило полное затишье. По сведениям того времени обычная жизнь быстро вливалась в рамки мирного характера. На группах, например, за указанный период не было даже уголовного бандитизма, мелкого воровства, грабежей и в этом отношении весна и лето 1920 года были гораздо благополучнее 1921 и даже 1922 годов. Но скрытая внутренняя работа белых банд не прекращалась. Во Владикавказе сосредоточивался центр военного управления областью в лице областного военного комиссариата, подчиненного штабу Северо-Кавказского военного округа, летом 1920 года расформированного. Высшее управление военными делами исходило от штаба Кавказского фронта. Работа всех военных учреждений шла в темпе мирного строительства армии.

В середине июня месяца начали получаться непроверенные и смутные сведения о каком то генерале Хвостикове, который яко бы в глухих ущельях Баталпашинского отдела, по течению реки Зеленчук, формирует какие то части. Спустя некоторое время получились сведения о неспокойном настроении казаков станиц Бекешевской, Боргустанской и Суворовской, Пятигорского округа, соседнего с Баталпашинским отделом.

Появились какие то одиночные вооруженные группы под Кисловодском. На Пятигорского военного комиссара Лонина и председателя Пятигорской ЧК Зенцова было произведено нападение между Кисловодском и Ессентуками, при чем оба были убиты. Все эти факты и сведения однако были смутны и неопределенны.

В области имелись только одиночные необ'единенные вооруженные группы, скрывавшиеся в горах и лесах, пассивные—в общей сложности до 500 сабель.

Здесь уместно и необходимо сказать, что причины нервного настроения власти были весьма существенны и заключались в том, что в Грузии в описываемый момент совершались реакционной эмиграцией дела большой политической важности. Агентурные данные говорили о заключении Кавказским и Северо-Кавказским правительствами в Париже союза, направленного к свержению Советской власти на Кавказе и о заключении Врангелем соглашения с английским правительством об условиях высадки в августе месяце 1920 года дессанта на территорию Кубани. Согласно преподанных из Тифлиса указаний, ген. Фостиков, он же Хвостиков, действительно приступает к организации на Кубани партизанских частей, имеющих впоследствии свою собственную историю; тогда же в Тифлисе формируется главная организация по борьбе с Совվластью, именуемая: «Комитет помощи по освобождению Терского края от большевиков», во главе которого стоят ген.-лейт. кн. Туманов и ген. лейт. кн. Меликов.

Кроме них в организацию входят ряд талантливых, популярных и энергичных казачьих и горских офицеров, из которых особенно выделяется руководитель внешней и внутренней политики инженер-поручик Погодин. Главным исполнительным пособником этой организации является комитет по организации восстаний горских народов, состоящий из видных офицеров. Руководящая роль общего восстания в Терской области возлагалась на полковника Портянкина (б. Моздокский окружный атаман) и на генер. Блажнова.

Вот та обстановка, которая создалась в Терской области к июню месяцу 1920 г.

Кажущееся спокойствие таким образом было ничем иным, как периодом подготовки белых к выступлению. Оно началось на Кубани. Причинами его послужили: об'явление мобилизации казаков и аннулирование деникинских денежных знаков и некоторые неумелые действия местных станичных работников, на почве сведения личных счетов. Колоссальное количество агентов Врангеля, наполнивших к тому

моменту Кубань, большие денежные средства, имевшиеся в их руках, создали настроение повстанчества, которое к августу месяцу разлилось по Кубани широкой волной перебросилось на Терек.

На границе Терской области вспыхивает в Чечне и Дагестане широкое организованное восстание, во главе с внуком Шамиля—Сеид-беком. Из за отсутствия источников мы лишены возможности проследить его развитие и военные операции, необходимо отметить только его крайнюю напряженность в боевом смысле, фанатичность горских повстанцев, большие потери с обеих сторон и живучесть этого восстания, горевшего по февраль месяц 1921 года в активной своей стадии и в течении последующих годов вспыхивающего еще. по мелкими разрозненными эпизодами, Чечня, Дагестан и Моздокский округ Терской области к августу месяцу были ареной боевых столкновений: в Пятигорском округе развитие событий немного запоздало. но к августу месяцу Пятигорский округ покрывается белыми отрядами, имеющими в общей сложности к 1 сентября 2800 сабель. С 1 сентября открытие военных операций считается оформленным: все маски сняты и враждующие стороны развертывают свои силы.

При развертывании сил обе стороны стараются избегать сближения. Белые группируются по линии границы с Баталпашинским отделом; части Красной армии стоят в городах. Соотношение сил: у белых—2700 сабель с пулеметами, но нет пехоты, у красных—до 1000 штыков пехоты, 800 сабель кавалерии, 2 орудия, до 25 пулеметов. Белые ограничиваются в августа месяце разведкой и кратковременным занятием станиц, главным образом для получения сведений о противной стороне; красные в конце августа делают попытку налета на ст. Боргустанскую (дело Кисловодского увоенкома Рябова под Боргустаном) но, терпя потери, отходят. Указанное поведение сторон будет вполне понятным, если принять во внимание, что численный состав сил как той, так и другой стороны в то время не был точно установлен. Белые, испытав на себе силу Красной армии, и будучи в данный момент слабее ея в смысле снабжения оружием и боеприпасами, не имея к тому же пехоты, естественно предполагали, что города группы заняты солидными гарнизонами. Красные, также не могли ни установить точного числа сил противника, ни обманывать себя в том, что их собственные силы были слабы и в том, что психология казачества была им враждебна.

Упорное выжидательное положение длилось приблизительно до половины октября, когда из Владикавказа прибыла на группы 2-я конно-осетинская бригада под командой т. Янушевского. Командование бригады и Пятигорского боевого участка решили ударить на центр группировки сил противника: станицы Бекешевская, Суворовская и Боргустанская и разработали соответствующий план. За неимением под руками оперативного, в числе источников, прямого этого удара, автор вынужден сделать только схематический обзор сражения, сыгравшего известную роль в развитии последующих военных действий. План был основан на глубоком обходе правого фланга и тыла противника. 2-я конно-осетинская бригада в 600 сабель, 2 орудия и до 20 пулеметов должна была наступать прямым фронтом в лоб на ст. Боргустанскую и принять на себя фронтальное столкновение с главными силами противника. В то же время конный полк Кочубея должен был через Волчьи ворота (см. карту 10 верст в дюйме) выйти в тыл станицы, а Кисловодский гарнизон—числа штыков и сабель не помню—должен был демонстрировать на левом фланге. Этот широко задуманный план мог сулить, конечно, успех только в том случае, если бы все части Красной армии точно выполнили боевой приказ, но на деле операция была разыграна не по приказу. Осетинская бригада пришла в свое время, рано утром, к станице Боргустанской, куда противник, видимо, уже успел сосредоточить свои силы.

Пользуясь сильно пересеченной местностью, он атаковал бригаду и принудил ее к принятию боя в совершенно невыгодных для нее условиях. Бой продолжался в течение всего дня. Бригада понесла поражение и начала отступать к Ессентукам, оставив в руках противника 2 орудия, пулеметы и обоз. Ночью передовые цепи противника ворвались в Ессентуки, но, благодаря стойкой защите станицы, компартией и профорганизациями, вынуждены были отойти.

Между тем, полк Кочубея, заблудившись, к сражению не поспел и очутился около Пятигорска. Кисловодский гарнизон, поскольку помнится, совершенно не выполнил бревого приказа.

Поражение осетинской бригады изменило картину. Попытки белых становятся активнее. Не ввязываясь в крупные боевые столкновения, они рассеиваются широким поясом отдельных отрядов по всему Пятигорью. Нападения на поезда, порча телеграфных проводов и ж.-д. путей, разграбление хуторов, убийства ответственных работников, мелкие стычки с красными частями, угрозы Ессентукам и Кисловодску постоянным маневрированием в их окрестностях, даже налеты на пригороды Пятигорска, все это настолько изматывает малочисленные красные части Пятигорья, создает такую напряженную атмосферу, так разрушает все мероприятия Совласти, что общее настроение создается чрезвычайно острое и штаб Пятигорского боевого участка настойчиво просит у Владикавказа подкреплений.

Прибытие в этот момент в Пятигорск на постоянную стоянку командных курсов и 3-й кабардино-балкарской бригады, проникшие к этому же моменту в среду белых слухи о неудавшемся дессанте Врангеля на Кубани—все это дает в военном отношении резкий переход военного успеха на сторону советских войск. С наступлением необычайно ранней и крайне суровой (морозы до 12 гр. R) зимы и приходом к тому моменту в Пятигорье 33 пех. дивизии, отряды белых резко сокращают свою деятельность и зима 1920 года проходит сравнительно спокойно. Из боевых действий этого момента необходимо отметить крайне удачную операцию курсантов на Кумсколооский аул—сражение, окончившееся успехом и сыгравшее роль реванша за поражение 2 конно-осетинской бригады.

Из организаторов повстанческого движения известны полковники Султан-Келеч-Гирей, Крым-Шамхалов и Серебряков. Им противостояли с советской стороны начальник Пятигорского боевого участка Беленкович, командир 2-й конно-осетинской бригады Янушевский и 3-й кабардино-балкарской—Сергеев. Фамилии начальника 37 Тих. курсов не представляется возможным установить.

Силы белых до 3.000 сабель под командой офицеров Хмары, Сапрунова, Иналова, Узденова, Потребнякова, Пегушина, Савенко, Перваковa и мн. др. Силы советских войск—2-я конно-осетинская бригада, 2 рабочая бригада, караульный Пятигорский батальон, 3 кабардино-балкарская бригада и 4 орудийная батарея, всего приблизительно до 2.000 штыков, 1500 сабель и 4 орудий. 37-е Тихорецкие курсы, как военно-учебное заведение, боевое использование которого разрешалось только в самых крайних случаях, в вышеизложенный учет не входят.

* * *

В январе месяце 1921 года в Пятигорск прибыла 33 стр. дивизия, простоявшая спокойно зиму и в марте месяце переброшенная на владикавказский театр военных действий, где в боях в Чечне и Дагестане, она терпела большой урон и в конце концов была расформирована. В начале июня месяца того же года образовалась самостоятельная Терская губерния с Моздокским и Кизлярским уездами. К этому моменту из губернии выбывают все части, стоявшие в ней в 1920 году, за исключением 37 Тихорецких курсов, тогда уже именуемых Пятигорскими. В состав гарнизонов включаются войска ЧОН, войска ЧК и местные и конвойные команды. В Кисловодске развертываются 38-е пехотные курсы, впоследствии именуемые Тихорецкими.

Между тем в стане противников, как это выяснилось впоследствии, идет большая работа. Взвешиваются уроки предыдущего периода и намечаются новые цели. На Кубани, яркой вдохновительницы белогвардейских отрядов Терека, создается солидная организация, которая после ликвидации врангелевского дессанта, является его продолжением. Целая сеть штабов охватывает всю Кубань. Во главе движения стоит генерал Пржевальский (он же Марченко), полковник Серебряков с начальником штаба Трубачевым. Главная организация принимает наименование «Кубанской повстанческой армии». Действие организации простирается и на Пятигорский и Георгиевский уезды Терской губернии, куда прибывают агенты Кубани и стремятся об'единить все действующие на этой территории отряды. Моздокский, Прикумский и Кизлярский уезды держатся другой ориентации и не входят в Кубанскую организацию.

Необходимо отметить, что внутренняя организация белогвардейских отрядов существенно отличается от таковой же 1920 г. в сторону большего внутреннего порядка. В штабах белых отрядов имеются: 1) отдел пропаганды, 2) агентурной войсковой разведки, 3) оперативный, 4) организационный, 5) мобилизационный, 6) связи, 7) интендантский, 8) судный, (военно-полевой суд), 9) санитарный, 10) комендантский и 11) инженерных частей. Производятся строевые занятия; является стремление создать организацию и дисциплину. Словом, начинается второй 1921 года—период повстанчества, характеризующийся стремлением заменить партизанщину организацией. В рамках военного обзора нельзя вложить то, что должно быть предметом серьезного исторического труда, остается только отметить, что к началу летнего периода 1921 года белогвардейское движение является менее громким по своему боевому выражению, чем в 1920 году, но более основательным по своей организации. На Тереке к марту 1921 года числится только 700 сабель, но указанная сумма является только кадром для летнего периода. И действительно к половине мая эта сумма возрастет до 1800 сабель, к середине июня она исчисляется в 25 отрядов при 365 штыках, 3.520 саблях и 25 пулеметах. Группировка распределяется следующим образом:

В Пятигорском уезде самые сильные и организованные 14 отрядов численностью 600 сабель и 140 штыков при 10 пулеметах, руководимые исключительно офицерами, из которых особенно выделяются сотник Хмара, эсаул Сапрунов и хорунжий Погребняков. Эти отряды входят в Кубанскую организацию и всецело подчиняют ее директивам свою боевую деятельность.

В Моздокском уезде действует подчиненный также Кубанской организации отряд полковников Щербакова и Лаврова до 500 сабель, старающийся об'единить все мелкие отряды указанной территории и имеющий связь с горским бандитизмом. Попутно с ними действуют отряды Русова и Маслакова, не входящие в кубанскую организацию.

В Прикумском уезде группируются мелкие банды, об'единяемые бандой Конаря —личность, классовая структура которой не определена. Здесь не существует выявленной организации и ясной идеологии. Банды занимаются грабежами и убийствами. Общее их число до 400 сабель. Таково же положение Кизлярского уезда, где группируются мелкие банды, чисто бандитского характера, впоследствии об'единенные Сычевым.

Создавшаяся обстановка, достаточно выявленная разведывательными органами военной и гражданской власти, заставляет высшее командование и высшее гражданское управление срочно принять ряд серьезнейших мер к предупреждению могущих возникнуть серьезных событий. Однако проведение этих мер было на некоторое время отсрочено боевым эпизодом полковника Серебрякова. К маю месяцу Кубанская повстанческая армия достаточно наладила дело военной организации и внимание командования было перенесено на соседний район—Терскую губернию. Полковник Серебряков в первых числах мая выступил с своим отрядом в Терскую губернию и здесь пытался об'единить отдельные отряды, не признававшие кубанского командования (напр. эс. Арканников). Полковник Серебряков двигался через станицы Бекешевская и Воровсколесская на Невинномысскую, стараясь таким образом перерезать главную магистраль ж. д. В порядке следования он имел бои с конными частями 16 кавдивизии, проходившие с переменным успехом. Занять Невинномысскую ему удалось на очень короткий срок. Под давлением частей той же кавдивизии он оставил станицу и восточнее ее, при содействии подоспевших броневиков, был разбит и попал в плен. Поражение Серебрякова сыграло большую роль в деле поднятия настроения населения по отношению к Советской власти и Красной армии и нанесло большой удар белому Кубанскому командованию, главным образом тем, что в отряде было взято много документов.

Сообразно этому лето 1921 г. в Терской губернии отличается какой-то растерянностью и разрозненностью боевых операций противника, обладавшего достаточно солидными силами.

Между тем Советская власть предпринимает ряд решительных мер, с севера от Ростова, по фронту Кубань—Ставрополь движется 1-я конная армия; на подкрепление 16 кавдивизии в Терскую губер-

нию подходит 2-я Блиновская кавдивизия, ставшая штабом в г. Моздоке.

1-го июня 1921 года формируется губернское военное совещание с прямой задачей не только подавления, но и изучения бандитизма в его бытовой окраске, для устранения порождающих его специфических причин. Об'единяя военную и гражданскую власть, в плоскости поставленной ему задачи, губернское военое совещание издает приказ № 1, с призывом ко всем, находящимся в белых отрядах, возвратиться к мирному труду с гарантией неприкосновенности жизни и восстановления в гражданских правах.

Попутно принимается ряд агитационных кампаний, путем которых казачеству раз'ясняется сущность Октябрьской революции, вред и бессмысленность бандитизма. По окончании срока явки с повинной, назначаются для борьбы с бандитизмом две карательных экспедиции на севере губернии в Пятигорском уезде частями 16 кавдивизии с выездной сессией полевого ревтрибунала и на востоке с частями 2 кавдивизии. Эти экспедиции проводят ряд суровых карательных мер.

В то же время 2 кавдивизия на голову разбивает в Георгиевском уезде отряд Щербакова, причем руководитель погибает в бою. Все изложенное имеет свое влияние на ход бандитизма и к началу сентября Терская губерния имеет на учете 28 отрядов, 325 штыков, 1465 сабель и 49 пулеметов.

Однако, и как бы в ответ на эти мероприятия, в сентябре месяце белое кубанское командование выступает открыто, видимо желая испробовать боевого счастья. 15 сентября части армии в составе нескольких конных полков, 1 батальона пехоты и соответствующего количества пулеметов, выступили из районов группировки (окрестности ст. Абхазская, Куб. области) и к 17 сентября обнаружили себя в районе Эденсухай, т. е. в 20 верстах восточнее Краснодара. Участь этого города и его гарнизона возможно, была бы решена, если бы не подоспели во время сильные части 1-й конной армии. В течении целых суток под Краснодаром идет горячий бой, в результате которого повстанческая армия отступает и в ночь на 18 сентября, переправляется через р. Кубань в районе ст. Старокорсунской и здесь, распространяясь, в северном направлении занимает ряд станиц, производя в них мобилизацию.

В течение трех суток после боя связь с 1 конной армией видимо была разорвана, так как в ночь на 21 мая армия ген. Марченко вновь переправляется через Кубань в районе ст. Воронежской и даже сосредоточивается в районе ст. Николаевской и следуя походом на ст. Белое, только 22 мая входит в соприкосновение с 1-й армией и в последующем затем бою терпит поражение и отступает по издавна установившемуся правилу казачьей тактики в разных направлениях. Этим как бы и заканчивается история ея боевого существования.

Между тем на Тереке происходит как бы оживление движения. На сторону белых передается командир эскадрона 16 кавдивизии Логвинов и уводит с собой 80 сабель. Он об'единяет под своим командованием все отряды Пятигорского уезда, при чем ему подчиняются также руководители как Хмара и Сапрунов. В Прикумском уезде—прежний бандитизм. В Моздокском уезде—напряженная борьба 2-й кавдивизии с бандами. Дело доходит до больших столкновений. Отряд Конаря 16 сентября принимает бой с частями 2-й кавдивизии и, неся частичный урон, отходит без преследования в Кизлярский уезд, где производит пополнение мобилизациями.

К началу октября в Пятигорском уезде развивается сильная деятельность Логвинова по чисто бандитского характера. Общее положение попрежнему продолжает оставаться острым особенно в виду полного переутомления частей 16 кавдивизии, которую выводят из пределов губернии на новую стоянку.

Нельзя обойти молчанием героической, в этот период, работы военных комиссариатов губернии и в частности молодого губернского военного комиссариата.

Отряды белых и бело-зеленых при занятии станиц уничтожали самое ценное —военные учеты населения, лошадей, повозки, что представляет собой основу работы военкоматов. Приходилось вновь создавать работу в обстановке крайне тревожной, создавать без всякой гарантии в том, что она не будет уничтоженной снова. К тому же большой запас служебной энергии уходил еще на оперативную работу.

Все военкоматы губернии выполняли задачи военной разведки и должны были за счет своего ограниченного штата иметь оперативные аппараты. В сборнике годичной деятельности Терского губернского военного комиссариата, изданного в 1922 году, указанное положение изложено всесторонне,—здесь оно отмечается к сведению.

К 1 ноября 1921 года количество белозеленых отрядов в губернии исчисляется в 1300 сабель при 15 пулеметах. Деятельность их становится менее активной. Группировка—Логвинов в Пятигорском уезде, отряды Георгиевского и Прикумского уездов уходят в степи Кизлярского уезда, а Моздокского—в горы Чечни. С этого момента повстанческое движение может считаться оконченным в своей явной и активной стадии. На смену ему приходит уголовный бандитизм, история которого развивается полно и исчерпывающе в течении 1922 года.

* * *

Три фактора определяют в военном отношении переход повстанчества к уголовному бандитизму, это—происшедшая в марте месяце 1921 года советизация Грузии, разгром Кубано-повстанческой армии Марченко, и в частности для Терской губернии—деятельность отряда Логвинова в Пятигорском уезде. Первые два фактора вполне понятны и роль их достаточно освещена, третий-же—подлежит освещению. Логвинов, красный командир 16 кав дивизии, передался на сторону белозеленых осенью 1921 года, по причинам автору не известным. В течении осени 1921 года Логвинов об'единяет деятельность Сапрунова и Хмары и приводит Пятигорский уезд своими действиями в состояние достаточного боевого напряжения. Он несколько раз грабит поезда Кисловодской ветки, борется с частями 16 кавдивизии и иногда с успехом, убивает совработников, делает налеты на станицы, входит в связь с отрядом кн. Джентимирова, словом, действует с такой решительностью и смелостью, что становится в белой среде авторитетным лицом. Политических лозунгов он никаких не выбрасывает, кроме шаблонного: «долой советскую власть», но вред приносит большой, об'единением белых, которым импонирует его красное офицерское звание, восставшее против сов-власти.

До Логвинова душою отрядов белозеленых, группирующихся в Пятигорском уезде был некто есаул Сапрунов. Из дневника Сапрунова, захваченного в одной из боевых операций, видно, что он является совершенно непримиримым к Сов. власти, или законченный националист и типичный казак.

К началу зимы 1921 г. Логвинов раскаивается, возвращается в красную армию и перед уходом от белых убивает Сапрунова и истребляет его отряд. Со смертью Сапрунова и гибелью его отряда положение в Пятигорском уезде можно считать совершенно устойчивым.

В остальных уездах организации бандитских шаек не было. Их руководители, как Сычев, Мордачев и др. были совершенными бандитами. Со смертью Сапрунова руководящая роль переходит к ним и полковнику Лаврову. История этих лиц и является историей бандитизма за 1922 год. К тому моменту силы, действующие со стороны власти, являются стройно систематизированными и организованными. Губернская и уездные военные совещания работают полным темпом; конные части 2 кавдивизи ведут вооруженную борьбу с бандами. Им помогают милиция, части Чон и войска ГПУ. ГПУ проникает в банды многочисленным числом агентов. Политтройка, действия особых отделов и полевых ревтрибов обрушиваются на пособников бандитов и их семьи. С другой стороны сдающиеся бандиты амнистируются. Разложение в самых бандах растет с каждым днем, т. к. нет ни организующих лиц, ни соответствующих импульсов. Настроение населения, возмущенного бандитскими действиями, не оправдываемыми никакими политическими целями, резко меняется в сторону неблагоприятную для бандитизма. В самых бандах нет уже ни дисциплины, ни порядка; авторитет вожаков, в большинстве случаев рядовых казаков, падает.

Таково общее положение, в результате которого губерния числит к 1 января 1922 года на своей территории только 520 сабель и 6 пулеметов. К этому моменту в Пятигорском уезде наступает полное затишье и центр тяжести бандитизма переносится к побережью Каспийского моря. В марте месяце усилиями ГПУ попадает в плен полковник Лавров—этот последний организатор белых банд, отряд которого,

действовавший в Святокрестовском и Моздокском уездах, являлся спаянной войсковой единицей и после поимки руководителя рассосался. Приблизительно к этому же моменту, или немного ранее, на Кубани попадаются в плен политические руководители Кубанской повстанческой армии Савицкий и Пилюк; генерал Марченко с штабом уходит за хребет в Грузию и казаки его армии расходятся по домам.

Между тем Логвинов в Кизлярском уезде вливается в отряд Овчинникова, старого руководителя белозеленых и, воспользовавшись удобным случаем, неожиданно нападает на отряд, уничтожает весь штаб из 13 офицеров во главе с Овчинниковым и 50 человек кавалеристов. Остатки отряда, под командой тяжело раненого поручика Третьякова, бегут в буруны в район—Алекул—ставка Терекли Ментеб. В Георгиевском уезде банды расстреливают своих руководителей офицеров Гурьина и Боброва. К 1 июля по губернии на учете состоят только 12 мелких групп, численностью 400 сабель в совокупности и неизвестном количестве пулеметов.

Учитывая, что причины бандитизма далеко не изжиты, губернское военное совещание, в контакте с губкомом и губисполкомом, приступает к организации самообороны, как средства, которое с одной стороны заставит население твердо выявить свое отношение к бандитизму и с другой—обезпечит территорию губернии как бы опорными пунктами и вооруженными соединениями типа ездящей пехоты. В данный момент это мероприятие проведено в жизнь.

В период с 1 июня по 1 октября бандитизм придерживается метода ограбления станиц, комхозов и совхозов, безсмысленных убийств, грабежа, разбоя и вооружает против себя мирное население.

Являются новые отряды Никитенко, Исаенко, Конюхова, Хорошева, Ковальского, Солнышкина и др. совершенно неавторитетных лиц и предаются грабежу. В июне месяце губерния числит на учете таких отрядов 15, при 573 саблях и 9 пулеметах.

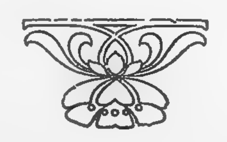
Широкая работа военных совещаний и ГПУ, и воинских частей совершенно распыляет оставшиеся бандитские отряды. Сдаются добровольно главари Мещеряков, Марченко, Смоляков, Осадчий. Погибает в схватке с красными частями хорунжий Хорошев, которому удалось развить в Пятигорском уезде некоторую вспышку бандитизма, ликвидированного здесь совершенно еще к июлю месяцу 22 года. Расходятся по домам банды Солнышкина и Иващенко. К 1 декабря 1922 года Терская губерния числит у себя 2 отряда в 30 сабель, которые скрываются и активных действий совершенно не проявляют.

Этим и заканчивается настоящий военный обзор. Последующее, т. е. борьба с бандитизмом в течение 1923 года, опубликованию подлежать не может, так как составляет еще военную тайну.

Заканчивая настоящий военный обзор, автор чувствует необходимую и настоятельную потребность указать на чрезвычайно ограниченное количество источников о периоде 1918—1922 года. Это обстоятельство и сыграло свою роль: обзор схематичен и не по вине автора.

Остается пожелать, чтобы участники этого богатого исторической насыщенностью периода старались бы записывать свои воспоминания, дабы в будущем, когда время сотрет действующих лиц, великая эпоха не стала бы достоянием легенд и сказок, что, конечно, свело бы к нулю ея историческую ценность.

Материалы: Сборник «Коммунистический путь» изд. Тергубкома; материалы штаба отряда т. Беленковича, и воспоминания современников и архив Терского губернского военного комиссариата.



Отдел второй.

Воспоминания, характеристики, биографии.

Воспоминания.

Революция 1905 года в Минераловодском районе.

Станция Минеральные Воды представляет собою довольно крупный железнодорожный узел. Прилегающий к станции поселок имел в 1905 г. от 2.500 до 3.000 рабочих и служащ. На курорты Кавказских минеральных вод ежегодно во время летнего лечебного курса стекалось много всякого народа: рабочих из пролетарских рабочих пунктов, бунтарской студенческой молодежи. Среди них были и революционеры. Они то и нашли среди масс Минводских рабочих очень благодатную почву для революционной пропаганды. После военных неудач царских войск в 1904 и 1905 г.г., по всей России стали стихийно возникать стачки и забастовки. Волновались и рабоч. массы наших Мин. вод, а также квартировавший здесь Ахульгинский пех. батальон. В конце мая и начале июня 1905 года к нам на ст. Минводы стали наезжать с курортов и заводить знакомство с рабочими отдельные партийные товарищи. Из них мне особенно памятен Б. Н. Безлущенко, Киевский студент. Он скрывал настоящую свою фамилию и назвался «Соколовым». Почувствовав почву под ногами, т. Соколов стал собирать нас в разных местах по квартирам мастеровых, организуя кружки. Потом стали собираться на легкие массовки в лесу, за рекой Кумой, предварительно расставив сторожевые посты. На этих массовках раз'яснялось текущее политическое положение России, говорилось о тяжелых условиях быта рабочих и крестьян, солдат, на ряду с роскошной жизнью буржуазии, и постепенно подходили к выработке экономического характера петиций. Главные пункты наших требований сводились к вопросу о прибавке жалованья, так, что бы на него при все поднимавшейся дороговизне на продукты, можно было бы существовать. Постепенно наши петиции стали принимать и политический характер.

Главная цель нашего организатора т. «Соколова» была, как я выяснил, не в прибавке жалованья, а в помещении в конце наших петиций требований: 1) свободы слова, 2) свободы собраний и 3) неприкосновенности личности и жилищ и т. д. Срок для удовлетворения начальством наших петиций был назначен нами двухнедельный. Перед нами—об'единенными рабочими ремонтных мастерских возникал вопрос, примкнут ли к нашим требованиям, рабочие и служащие других служб (пути, телеграфа, эксплоатации и тяги). Следует отметить, что некоторые из последних в начале колебались. Да и впоследствии даже примкнувшие к рабочему движению, пытались оправдываться. Так, например, некоторые машинисты говорили, что они бастовали только под угрозой остальных рабочих мастерских и депо. Некоторые из рабочих и служащих других служб заверяли, что не работали потому, что «ж.-д. движение остановилось и поезда не ходили» и т. п. Припоминаю бурное собрание отдельно паровозных бригад, на котором, в конце концов, решено было, составя отдельную единицу и выработав свою петицию, присоединиться к рабочим и мастеровым. Выработали наскоро паровозные бригады и свою петицию, назначив срок удовлетворения ее 11 июля.

Настал достопамятный день 11 июля. Ровно в 9 часов утра в паровозных мастерских Минводского депо загудел первый за время существования этих мастерских гудок, призывавший на этот раз рабочих не к станкам, а к всеобщей забастовке. С этого момента вся рабочая жизнь на станции начала замирать: ни одно колесо станков не кружилось, ни одного удара молот-

ка в мастерских не раздавалось, ни один паровоз из Минводского депо не двинулся. На лицах забастовавших рабочих отражался деловитый и вместе с тем торжественный—праздничный вид, хотя они и были одеты не в праздничные костюмы, а в рабочие блузы.

Гудок звучал около 3 минут. После этого рабочие гуськом стали выходить из дверей.

Помню, что первым вышел т. Феликс Сточинский. Как ручейки к депо полились рабочие и служащие прочих служб. В этот момент как из земли вырос жандармский ротмистр Щербаков с жандармскими унтер офицерами. Тут же, под окнами конторы, произошла встреча забастовщиков с жандармерией. Началось об'яснение. В памяти у меня врезались некоторые фразы Щербаковской «усовещательной» и с угрозами речи: «Не делайте глупостей, господа служащие! Идите лучше к станкам!», а в заключение напоминание о военном времени и о тяжелой каре за «беспорядки» и т. п. Но все эти жандармские фортели не помогли.

Громадная, наэлектризованная толпа рабочих и служащих направилась на выгон за депо, где состоялся грандиозный митинг, на который прибыли партийные ораторы: т. Соколов и др. Как вода в котле забушевала на этом собрании масса рабочих. Свобода слова и собраний была взята нами насильственным путем. В пламенных речах ораторов перед рабочим людом открывался новый, неведомый до сих пор мир, обрисовалось в ярких красках подневольное положение трудового класса, его горемычный быт, его окромсанные права, забитость и немощность при царизме; а в то же время вырисовывалась вся мощь и сила пролетариата, затаенная и придушенная тогдашним проклятым государственным строем.

В то время, как шел первый митинг, отдельно отряженные нами рабочие встречали приходившие на ст. Минводы с поездами паровозы депо ст. Кавказской, охлаждали их и снимали важные с них части, дабы они не могли быть пущены стачколомами.

После этого наши митинги аккуратно продолжались ежедневно. Частенько они затягивались по вечерам и после сумерек и тогда наши собрания переносились в клуб, где заканчивались иногда далеко за полночь. На этих митингах помню выступали наши Минводцы эс-деки рабочие: т.т. Мамжал, Обоностынов, Кузнецов Петр, машинист Шульте и др., беспартийные, машинист Венцулевич. Наш организатор эсер Соколов, а также наезжавшие из Пятигорска ораторы С.-Д-ты доктор Ситников и Зароченцов, эсеры Леонид Орлов, Жирнов-Жиров, Коршунов и др. Приезжал из Железноводска молодой парень рабочий кузнец (фамилии его не помню)—анархист.

Так протекали наши митинги до 17 июля. 17-го июля, едва только мы собрались на обычный митинг на выгоне, как из-за депо выскочил отряд конных казаков и вмиг окружил толпу. Между казаками были переодетые в черкески жандармы и шпики (из которых мы узнали жанд. унтера Кузнецова). Засвистали нагайки, которыми угощали казаки всех, пытавшихся вырваться из кольца.

После этого собравшихся на митинг стали пропускать по одиночке через живые ворота, где шпионы указывали на вожаков. Тогда был арестован Леонид Орлов и еще несколько товарищей. Этой репрессией и арестом главарей, начальство думало прекратить забастовку. Но забастовку мы не прекращали, только больше уже не собирались на массовые митинги, а сходились группами по дворам и держали между собой связь.

Видя такое упорство, Щербаков задался целью взять нас не мытьем, так катаньем. Он решил начать выселение из квартир забастовщиков. В первую очередь начал выбрасывать холостую молодежь из общей казармы, затем—рабочих семейных, живших в домиках на полосе отчуждения. Но так как забастовщики не хотели покидать своих жилищ, то солдаты, под руководством жандармов, выбрасывали из квартир вещи на улицу, при этом ломали мебель, били посуду и проч.

Видя, что забастовка не заканчивается, начальство об'являет всем о выдаче рассчета и пенсионных взносов. Из Управления Владик. ж. д. были присланы расчетные ведомости. Но расчет и пенсионные рабочие получили, а забастовку все-же продолжали. Около 20 июля прибыли на ст. Минеральные Воды солдаты ж. д. баталиона и стали на эксплоатацию. Часть пассажирских поездов дорога стала пропускать. Началась революционная пропаганда среди этих солдат, которые были

из нашей-же железнодорожной братии.

Вскоре было вывешено об'явление от жандармской полиции с приглашением явиться на регистрацию тем, кто желает быть вновь принятым на службу. Тут, к сожалению, началось колебание в рабочих массах. Так, 28 июля более слабые духом в особенности те, которым Щербаков отказал в приеме, окружили гурьбой мою квартиру с криками: вот мы теперь, благодаря тебе, остались без куска. Атмосфера все сгущалась. Шел уже 17-й день забастовки и наступала реакция в массах бастовавших рабочих в сторону соглашения с начальством. Предчувствуя неминуемый провал в нашем движении, я решил, что если отступать с занятой нами позиции, то надо отступать с честью, и так, чтобы вышло, что мы сами решили стать на работу, а не были вынуждены это сделать под давлением начальства. В Каррас к Иноземцеву была избрана депутация—8 чел. от всех служб. Иноземцев обещал нашу петицию направить в правление дороги в Питер, фильтрацию прекратить и принять всех на службу.

29-го июля забастовка была прекращена. На этот раз нам, лавируя, пришлось отступить. Июльская 18-ти дневная забастовка кончилась неудачно, но она сыграла свою роль в смысле развития классового самосознания масс минераловодских рабочих и подготовила их к октябрьским и декабрьским стачкам, закончившимся вооруженным восстанием.

16 октября из Ростова н/Д. на ст. Минводы прибыл экстренный поезд, во главе которого стоял т. Милованов. Был собран грандиозный митинг. Прибывшие, сообщив о том, что имеются сведения о манифесте, который не опубликовывается приближенными царя, призывали к всеобщей забастовке, дабы ею вызвать опубликование манифеста «вырвать манифест силой»... Тут-же нам было сообщено о предстоящем в Ростове ж.-д. с'езде, на который мы должны были выбрать своих делегатов. Вынесено было единодушное решение—прекратить работы и избрать делегатов. От машинистов были избраны т. Венцулевич и я; от рабочих-слесарей: т.т. Абоносимов и Кузнецов, от стрелочников—т. Фастов.

Миловановский поезд двинулся далее по линии, а на обратном пути забирал делегатов.

На с'езд собралось более 260 чел. Работали по секциям служб, выработали свои петиции, об'единенные на пленуме. Обсуждали вопросы финансовые, пенсионные, школьного дела и пр. Вносили решения также в петиции. Укажу, что после наших требований были учреждены на Минеральных Водах женская гимназия и реальное училище. Наконец был выработан устав и вызван к жизни «союз служащих Владик. ж. д.». Дорога была разделена на 11 участков и в каждом из них должно было быть образовано организационное бюро. Я был свидетелем, когда 18 октября, после получения манифеста, начались в Ростове н/Д. черносотенные погромы.

Черная сотня, поднятые полицией подонки общества, бросились громить, главным образом, магазины евреев. С Темерника поднялись массы рабочих, которые были встречены свинцовым дождем казаков и полилась кровь пролетариата:—было много раненых и убитых. Мы вернулись к себе в Минеральн. Воды, где уже получен был манифест. Митинги то под открытым небом, то в клубе возобновились. Наш организатор т. Соколов был перед этим арестован и сидел около месяца в Пятигорской тюрьме, но в скорости освобожденный, прибыл к нам и стал опять выступать на наших собраниях. Приезжали из Пятигорска и другие ораторы с.-д. и с.-р-ы. Многие из них давали характеристику манифеста, причем с.-д-ты призывали не верить «свободам». Мною был сделан подробный доклад о с'езде и я был избран председателем оргбюро. Работа закипела. 22 октября была получена из Ростова депеша—«возобновить работы».

8 декабря к нам пришла телеграмма из Ростова с призывом о присоединении к всероссийской жел.-дор. забастовке. В это время я вел поезд на ст. Беслан, куда мне была дослана эта депеша. Я сейчас же пассажиром вернулся на Минеральные Воды где и об'явил на многолюдном собрании о призыве нашего центра. Решено было присоединиться к забастовке. Избрано было забастовочное бюро, которое должно было согласовать свои действия с оргбюро. В виду того, что из Ростова и Армавира к нам стали доходить вести о начавшихся погромах и репрессиях со стороны полиции и жандармерии, по инициативе т. Соколова, был поднят вопрос об организации с целью обороны дружины «самозащиты», которая и послужила основой для бо-

евой дружины. Была избрана «оружейная комиссия», в состав которой вошли т.т. Готтольд, Тетерин, Печерский, Цысельский, Манжаль, Волков и Кузьмин. После этого у жандармов по линии ж. д. было отобрано оружие, отданное ими беспрекословно. Далее из ж.-д. касс было взято до 30 тысяч рублей, при чем из этих денег роздано бастовавшим по требовательным ведомостям, утвержденным мною.

Затем к нам прибыл из Ростова представитель Ростбюро т. Бочаров с просьбой о посылке нашей дружины для поддержки Ростовских револ. боевых дружин, которые уже вступили в решительный бой с царскими войсками. На собрании 16 декабря произошло колебание. Помню, как я вышел на трибуну и закричал: «Товарищи! Я еду в Ростов и кто хочет со мною ехать записывайтесь! После этого вышел один помощник машиниста, молодой грузин, фамилии которого не помню, и прокричал: Товарищи! Нам стыдно сидеть здесь сложа руки, а посылать стариков!

После этого записалось до 200 чел., желающих ехать на выручку ростовских товарищей. В это время к нам ввалились командиры прибывшей из Пятигорска дружины. Они об'явили нам, что едут в Ростов. Понятно это известие подняло дух и в рядах нашей дружины. В ночь на 18 декабря, об'единившиеся дружины пятигорцев и минераловодцев двинулись к Ростову. К поезду был прицеплен санитарный вагон с сестрами милосердия доброволками: конторщицей депо Токмачевой, женой машиниста Павла Тетерина и фельдшер. Спиридоновым. Сидя все время у аппарата, я получал со станций вести о следовании наших красных орлов. Часа через полтора мне сообщают со ст. Овечки, что наши дружины вернулись обратно, в виду порчи пути.

Это была ловушка, приготовленная нашему поезду. Следует отметить, что в нашей дружине служили добровольно прибывшие из Осетии и Ингушетии ингуши и осетины. Они все время охраняли поезд, разместившись на паровозе боевого поезда. Когда наш поезд остановился, то из кустарников его начали обстреливать казаки и жандармы. Пришлось дать задний ход. Итак, в этой экспедиции мы потерпели поражение. Затем до нас стали доходить известия о том, что из Грозного на Минводы идет на подавление восстания черная царская рать. В виду того, что этот эшелон, во главе которого был кажется полковник Вербицкий, не был пропущен по жел. дор., казаки с батареей артиллерии дошли от Моздока до ст. Незлобной походным порядком, где и простояли около недели. По аппарату из раз'езда Джемухи начальник этого карательного отряда вел со мною переговоры. Припоминаю наш разговор. На предложение сдаться, я отвечал: мы боя не принимали, а потому о сдаче не может быть и речи. Тут до нас стали доходить с севера печальные вести о том, что вооруженное восстание подавлено в Москве, а затем и по линии ж. д. Мы все держались (надо отметить, что минераловодские повстанцы на 3 дня позже, чем в других местах, положили оружие). Стало выясняться, что дальнейшее наше сопротивление бесполезно. И вот на собрании 24 декабря выносится решение—забастовку прекратить, запрятать оружие и бомбы и отправить в горы вожаков движения.

В тот-же вечер, забрав по несколько ручных бомб т.т. Катчура, Печерский и др. отправились со мной в Пятигорск, по прибытии в который направились в квартиру к доктору Маслоковцу. Тут мы застали на собрании местных с.-д., помимо д-ра Маслоковца с женой, еще д-ра Ситникова с женой, Траубе и др. Настроение среди этих товарищей было крайне подавленное и наше прибытие подняло в них пыл. На нас было возложено подорвать небольшие мосты на Минераловодской ветке, дабы задержать этим наступление карательной экспедиции, а в то время дать возможность скрыться в горы. Доктором Горбуновым был дан мне фальшивый паспорт на имя крестьянина Чеботарева. Вместе с тов. Шульте я отправился в Кисловодск, где скрывался у сторожа на одной даче, потом добрался напрямик через горы на ст. Нагут, по ж. д. на ст. Тихорецкую, где от б. председ. орг. бюро т. машин. Чернышевского узнал, что наше дело везде проиграно и наступила реакция. После этого я прибыл на ст. Мин. Воды, явился к Щербакову и был последним под конвоем жандармов привезен в Пятигорск и посажен в тюрьму. После осуждения на 3 года в исправит. дом, я выпущенный на поруки, бежал в Америку, где и пробыл до 1917 г. и как амнистированный, вернулся на Минеральные Воды.

Н. Баклюков.

В подполье.

К 1-му мая 1906 года подавленные репрессиями после революции 1905 года минераловодские рабочие немного воспрянули духом. Подпольные рев. организации в Мин. Водах стали опять развиваться. Так, опять возобновились подпольные комитеты Минералов. организации Р. С.-Д. Р. П., связанные с областными центрами и Ц. К. Большевики (их были всего 5 чел.: т.т. Авгученко Петр Афиног., рабочий Минераловодского депо, инструментальщик; Хилков Степ., слесарь депо; Ненин, часовой мастер; Тараканов, слесарь депо и Бородыня—ученик) составляли так называемый коллектив Р. С.-Д. Р. П. Меньшевики старались не допускать развития организации большевиков, доказывая, что будто-бы «большевистская программа — утопия». Когда из Москвы, Питера и др. мест приезжали раз'ездные агитаторы и попадали в подпольный комитет СД-в, то меньшевики уверяли этих приезжих товарищей в том, что будто-бы в Минеральных Водах нет никакой организации большевиков. Т. Авгученко, как опытный теоретик-марксист стремился вербовать в ряды организации большевиков. В виду усилившейся слежки со стороны органов охраны пришлось усилить конспирацию. Собирались на партийные собрания где-нибудь в условленном месте, впускались по паролям по установленым №№.

* * *

Подпольная работа большевиков в Минеральных Водах стала развиваться в 1907 году, после приезда из Ростова н/Д. большевика т. Побегайло. По его предложению у нас был организован самостоятельный Минераловодский комитет Р. С.-Д. Р. П. (б.). К 5-ти членам организации большевиков прибавились еще т.т. Ковалев, Кныш и Авгученко Ефим (родной брат Петра) и таким образом с т. Побегайло организацию составляло 9 чел. Т. Побегайло был избран председателем фракции большевиков Р. С.-Д. Р. П. Собрания этой фракции происходили у него на квартире.

* * *

В начале 1908 года прибыл из Ростова н/Д., бежавший от преследований охранки т. Харьковский Назар с явкой от Дон. ком. большевиков. Тов. Харьковский был выдающимся партийным работником, начитанным марксистом (он зверски после заключения в Екатериноградскую крепость, расстрелян в 1918 году палачем полк. Валаевым в станице Наурской). Тут большевистская партийная работа сильно оживилась. Опять возобновился прием в члены организации. Летом из Питера в Минеральные Воды приезжала с явкой от Ц. К. большевичка т. «Женя». На квартире у т. Побегайло состоялось собрание, начавшееся с 10 ч. вечера и длившееся до 4 ч. утра. На этом собрании присутствовали и избранные беспартийные рабочие. «Женя» сделала блестящий доклад на тему о состоянии организации Р. С.-Д. Р. П. (б.) в России и о расколе с меньшевиками. Тут была вынесена единогласная резолюция о том, чтобы окончательно порвать с местной организацией меньшевиков. Тов. «Женя» тут-же набросала текст прокламации, которая была размножена мной и Павленко при посредстве клеенки и распространена среди рабочих. Кроме того «Женя» научила как вкладывать эту нелегальщину в карманы рабочим на ходу (во время прохода через номерную будку) и так, чтобы рабочие даже не замечали этой манипуляции. Особенно подробно т. «Женя» информировала собрание о работах т.т. Ленина, [redacted] и целого ряда других вождей большевиков. Надо наблюдать было с какой радостью слушала эта подпольная аудитория содержательную речь талантливого оратора-массовички: «Не за горами время, когда взойдет красное солнце свободы и сброшены будут с рабочих цепи рабства». Тов. «Женя» закончила свою речь словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Да здравствует Совет Рабочих Депутатов!».

* * *

1909 год был роковым годом для Минводской организации большевиков. Однажды шпики подслушали разговор беспартийных рабочих, сочувствовавших большевикам. У Побегайло был произведен тщательный обыск, он был арестован, но, по недоказанности его вины, был в скорости освобожден. После этого случая организация большевиков в Мин. Водах почти за-

мерла. В дальнейшем в 1910 и 1911 г.г. партийная работа проявлялась очень слабо, партийных собраний почти не было. Взятых на заметку после случая 1909 г. т.т. Побегайло, Бородыня и др. пристав вызывал почти ежемесячно на допросы. Такое положение тянулось до 1912 года, когда партийная работа снова оживилась, избран был комитет. Т. Побегайло стал созывать всех старых членов партии большевиков, давать задания каждому в отдельности, производить вербовку новых членов и так время дошло до империалистической войны.

Г. Бородыня.

С высот Пятигорья.

**
*

Мне кажется, что для будущего историка, который захочет окинуть общим взором с вершины Времени нашу великую октябрьскую революцию, и нарисовать единую картину событий—будут важны даже мелочи, осколки из борьбы пролетариата за свою власть.

И может быть эти мелочи, случайные штрихи, личные освещения происходящего и явятся тем цементом, который спаяет, свяжет крупные, но разбросанные моменты движения революции—в одно целое.

Во всяком случае мне хочется поделиться сейчас, когда Тереком делается первая робкая попытка записать свою историю, свои революционные мемуары массы—именно такими воспоминаниями о мелочах, осколках, опущенных и позабытых моментах из жизни Красного Пятигорья в 18-м и 19-м годах.

Утро. 9 час. Март. Занятия в отделах Совдепа начались. Торопливо по ступенькам на 3-й этаж дома Сеферова—вбегают с папками бумаг, завернутых просто в старую газету—заведующие отделами: за ними плеяда секретарей, делопроизводителей, регистраторш, машинисток. Вся эта толпа рассеивается по комнатам в корридоре 3-го этажа, над которыми прибиты таблички: общая канцелярия, редакция «Известий Пятигорского Совдепа», отдел народного образования, земельный, судебно-правовой, медикосанитарный, отдел недвижимых имуществ, отдел труда и т. д.—и начинает работать.

К 10 часам, входит, озирая длинную очередь у своего кабинета—тов. Анджиевский, всегда с толстой черной папкой под мышкой, в серой папахе, с поднятым воротником шинели или осеннего пальто.

Поздоровавшись на верхней площадке с Львом Шульгиным, заведующим отделом общим и справок—Анджиевский проходит к себе и принимает по всем правилам административного распорядка—с докладом секретаря Совдепа т. Молотова. Затем подписывает приказы, отдает несколько распоряжений, накричит на машинисток и просителей, превращающих его самого в справочное бюро и начинает с 11, 12 часов дня обходить все отделы.

Прежде всего входит в редакцию, благо она по соседству. Здесь ответственным редактором Петроградский (Баранчуков)—старый партиец, студент-юрист, хороший работник. Кроме него в редакции соредактор от левых эсеров А. Альшанский—худой желчный матрос, затем меньшевичка Елена Шульгина и член партии П. Кофанов. Все торопятся, как всегда, с газетой, правят материалы, делают вырезки, пишут компиляции.

— Идут дела, товарищи?

— Идут. Плохо вот информация поставлена. Жалуется Петроградский.— Слабы телеграммы, дают их с перебоями.

— Ну, а как судебная часть?

— Работаю ночами. Днем—газета; ночью разрабатываю временный проект положения о ревтрибуналах и народных судах. Вообще приходится все законы переворачивать вверх дном; например, о браках, в связи с отделением церкви от государства; о порядке наследования. Но в общем справлюсь.

— Товарищ Анджиевский—обращается к нему Альшанский,—а почему вы сняли с газеты наш эсеровский лозунг: в борьбе обретешь ты право свое? Ведь газета общая...

— Сняли и баста. Значит—надо. Мы в своей газете вам не позволим свою агитацию разводить.

Ушел. Работой доволен. Заходит в отдел образования. Здесь работают зарывшись в ворохах бумаг—три кита Пятигор

ского просвещения: от коммунистов Блок; от левых эсеров—Лямзин и Черственкова. Надо переделать всю программу; надо за лето привести новые учебники, создать Советы по народному образованию, перераспределить и отсеять педагогов; отвести наиболее реакционных из них. Забегают руководители детских площадок: ну что приборы и игрушки привезли? Тут же Энгельгардт А. делает доклад о труппе Народного Дома, который скоро откроется; Ярославский—меньшевик и секретарь отдела сопит над отчетами. Приходят лектора, музыканты, недовольные актеры, учителя со своими «новыми» программами—словом стоит дым коромыслом.

И присев к их столу—полчаса, час сидит здесь глава Совдепа, советуясь, раз'ясняя, копаясь в декретах центра.

В земельном отделе работает от партии Погорелов; секретарем Песчанский; от крестьян Сигодин и Загута. Работа идет слабо и корня вопроса не захватывает.

Особенным вниманием пользуется отдел труда—где работают за общим столом Пащенко Федор, Иванов Михаил и Воипов. Эти уже захватили бюро союзов, и изжив из него меньшевика Беркова, переименовали бюро в совет союзов и назначили председателем—Карцова. По отделу труда работа идет успешно. Здесь всякое начинание находит немедленную поддержку в революционных союзах и проводится в жизнь.

Вот отдел недвижимых имуществ; Свирелин, Калинин, Непросов. Отдел забит просьбами квартир; вырабатывается проект разбития города на 8 районов; машинки стучат; пишутся отчеты в исполком о взятии на учет всех домов, брошенных буржуазией.

А в 1 час дня начинается заседание исполкома. Собираются все: Суконцев (зав. административным отделом), Купцов, Одинцов (общая канцелярия—анархист-коммунист), Кастров (медико-санит. отдел. Левый эсер), Максимов от инвалидного отдела и все вышепоименованные товарищи; от военного отдела, конечно, Николай Янышевский, а от первой следственной комиссии--Дягиль. И начинается заседание, длящееся до 5—6 часов вечера. В каждом отделе за день накопились вопросы; управлять никто не может; здесь сообща разбираются в самых простых вопросах. Председательствует и направляет всех конечно т. Анджиевский. А у двери стоит, никого не впуская из посторонних на заседание—личная охрана председателя, т. Юперт.

Вечером—партийное собрание, на котором разбираются задачи партии в советском строительстве; делаются отчеты о работе; намечаются новые и новые товарищи для работы в Совдепе.

***

А вот вечер в полуосвещенной Лермонтовской галлерее. По какому-то случаю электричества нет; на сцене лампы, в публике полумрак. Зал битком набит всеми союзами, организацией, крестьянством. На сцене 3 фигуры, равных друг другу, но резко отличных, особенных:

Председатель Терского Совнаркома Буачидзе, лет 38, с черной бородкой, интеллигент, говорит образно, ярко, без запинок.

Гурари—старик доктор в очках и с лысиной; тип немецкого буржуа (мелкого конечно) доброго старого времени. Говорит все время запинаясь. Нервничает. Председатель к-та меньшевиков-интернационалистов.

Председатель Пятигорского Совдепа Анджиевский. Молодой, подвижной, в шинели, с шапкой черных волос. Прекрасный трибун, не знающий колебаний коммунист.

Время—пасхальная неделя. Второй день по ликвидации Нижевясова. Буачидзе приезжал из Владикавказа с бронепоездами на его усмирение. Теперь делается отчет перед рабоче-крестьянской массой о восстании Нижевясова и подавлении восстания.

Три лидера, три фигуры, три подхода к делу. Двое сомневаются, возражают, нападают, обвиняют. Третий молодой спокойно защищается.

Буачидзе говорит:

— Нельзя так. Допускать роста военной диктатуры под носом у Советов. Нельзя работать опрометчиво. Нельзя наконец идти так напролом и на все смотреть только с своей, Пятигорской колокольни.

Во Владикавказе тоже сидят коммунисты. Но они учитывают, что Кавказ, это не Россия, и что отсталость местных народностей и их национальная рознь требуют от нас некоторых компромиссов. И все это великолепно понимают. И только один

Председатели С. Н. К. Тер. Респ.
тов. ПАШКОВСКИЙ.

и тов. Ной БУАЧИДЗЕ.

20

Пятигорск всегда остается при особой точке зрения. Имеет особенный, Пятигорский взгляд на события. Вы здесь больны и больны одним: своей собственной колокольней.

Вскакивает из ложи на сцену Гурари. Начинает с пеной у рта обвинять местных «головотяпов», которые думают, что только они умны и социалисты. Что сделали Пятигорские большевики? Ничего. Провели декрет о социализации земли—а потом через 3 дня взяли его обратно. А почему—потому, что неумело самонадеянно подошли к делу. Благодаря-же их неумелой политике—случилось вот восстание, которое подавлено с таким трудом, и которое для всех нас могло окончиться значительно хуже. Вспомним, как всего неделю тому назад, тот-же Анджиевский, целуясь на балконе Сеферовского дома с «красным орлом» Нежевясовым, велел нам кричать ему ура; а теперь оказывается, что Нижевясов был бандит. И потом—если-бы не разрешали к пасхе продажу водки всему населению—почвы для восстания такой-бы не было! Вот товарищ Буачидзе говорит и мы не имеем оснований ему не верить, что когда он проехал в казармы Нижевясовцев—они были все поголовно пьяны. Конечно, доходные статьи бюджета вещь хорошая; но не открывать-же нам опять кабаки, чтобы выколачивать деньгу на нужды Советского строительства. Все, что сказано тов. Буачидзе по адресу наших большевиков, к сожалению горькая правда. Они страдают одной болезнью: местничеством; смотрят на события с Пятигорской колокольни. Мне хотелось-бы чтобы Пятигорская организация большевиков из событий последних дней сделала должный вывод и взяла-бы курс на некоторую умеренность.

...Речь Гурари прерывается свистками, криком:—долой! Ему не дают говорить. Но вот выходит к ораторскому столику Анджиевский—и зал сначала умолкает, затихает, потом сразу и неожиданно разражается долго непрекращающимися аплодисментами. Начинает возражать на нападки Анджиевский.

— В этом зале собрались партийные и беспартийные рабочие и крестьяне. И вот их ответ на ваши нападки. Здесь много делалось нападок на Пятигорских большевиков; их обвиняли в том, чего им никогда и не снилось. Я еще понимаю до некоторой степени нападки товарища Буачидзе: он все время работает во Владикавказе; Пятигорья совсем не знает; поэтому думает, что у нас такие-же условия работы, как и у них. А вот мы, товарищ Буачидзе, как раз думаем, что уметь работать—значит уметь учесть обстановку, в которой работаешь; учесть все об'ективные условия. Если это по вашему называется—местной колокольней—пусть это будет местная колокольня. Нам-же иногда кажется наоборот: это Терский Народный Совет и Совнарком слишком поступаются указаниями Цека партии и беря вправо, равняются на правые соглашательские партии и реакционное казачество. Быть может это тоже местные Владикавказские условия, но есть границы и в отступлении от директив партии, через которые переступать преступно.

Я спросил-бы у тов. Буачидзе—как поступил-бы он сам, если-бы на пути у него стояли злорадствующие меньшевики и радующиеся каждому нашему неуспеху эс-эры, а интеллигенция вся саботировала бы. Что-же касается неудач с социализацией земли—так тут носы вешать не приходится. Места не сразу научатся работать по настоящему; и во всяком случае значительная доля вины за это ложится на меньшевиков и эс-эров, которые критикуют нас, а работать с нами отказались... (голос Гурари: потому что нас из Совета выгнали!) Да, товарищ Гурари. Мы меньшевиков и эссеров выгнали; но почему? Потому, что они вели против нас агитацию и на каждую неудачу совдепа тыкали пальцами и орали: смотрите, как большевики не умеют управлять. Сейчас мы стоим у власти сами; и как видите управлять умеем. Да, у нас есть досадные минусы в работе, как продажа водки; но мы сами в них открыто сознаемся; не продавать-же водочных запасов мы не могли, коль скоро касса у нас пуста, поступлений никаких, начинает масса и все они требуют денег и только через них мы сумеем с'агитировать трудящихся. Легко критиковать, но труд но работать. А я-бы спросил всех этих господ, хихикающих по закоулкам: если вы умеете, отчего-же не идете нам помогать? Или ждете, когда мы провалимся? Но будьте уверены, что если мы провалимся, то и вы провалитесь. Сейчас вопрос ставится очень остро: мы, или они. Пролетариат, или буржуазия. И мы это знаем и не затушевываем, а наоборот—прямо ставим перед трудящимися.

...Еще выступает Буачидзе. Пытается по личному вопросу выступать один из эсеров, меньшевик-об'единенец Лунин. Но собрание рукоплещет только Анджиевскому, остальных не слушает. Выносит подавляющим большинством голосов резолюцию, в которой признает всю деятельность Пятигорского Совдепа и комитета партии большевиков правильной.

***

Открытие Народного Дома—в конце пасхальной недели, «на красную горку». Зал полон. Декорирован как и сцена—зеленью, плакатами, знаменами. На сцене повешены гирлянды, два больших портрета: Ильича и Карла Маркса. В 8 часов вечера, после исполнения оркестром интернационала, собрание открывает Анджиевский речью:

— Товарищи рабочие, крестьяне, казаки, красноармейцы! Позвольте приветствовать вас от имени Пятигорской организации Российской коммунистической партии большевиков и Пятигорского Совета рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и горских депутатов и поздравить с открытием Народного дома. (Бурные продолжительные аплодисменты). До сих пор мы знали один наш пролетарский праздник об'единения, это—1-е мая. Сейчас мы собрались сюда на второй наш праздник—праздник образования. Всем вам известно товарищи, чем было образование у нас до революции. Оно было проводником в трудовые массы от буржуазии идей эксплоатации, закабаления рабочего класса. Но вот засияла заря свободы. И мы смело входим вот в такие народные дома для приобщения к новой культуре. Правда, сейчас тяжелые условия для работы. Перед нами ряд неотложных и неразрешенных задач хозяйственного возрождения и политической перестройки страны. Но вот такие народные дома и рабочие театры, они дадут нам возможность яснее понять наши задачи и справиться с ними. Да здравствуют народные дома—эти светлые маяки трудового народа. Оркестр исполняет интернационал. Аплодисменты. Затем выступает с речью заведующий отделом образования Блок.

— Наука и искусство до сих пор были достоянием имущего класса. Даже если мы возмем запад, и там надо будет отметить этот самый факт. И отсюда—тоска нашей литературы, душевная пустота обывателя. Революция, проложившая резкую грань между старым и новым—выбрасывает нам новый лозунг—жить, значит творить! — Отныне культура, образование доступно всем. Идите все в открываемые Советской властью народные дома и приобщайтесь здесь к культуре.

Затем с длинной програмной речью от совета по народному образованию выступил Чернобаев; за ним—от коллектива актеров нардома—Руманов, выбросивший лозунг:—театр для рабочих. С большим словом-приветствием к Пятигорским трудящимся массам, обратился от имени Терского Областного Народного Совета тов. Булле. От городского комитета партии выступил Алексей Свирелин, указавший, что отныне народный дом будет очагом пролетарской культуы.

В общем—было еще очень много выступлений. Из наиболе характерных следует отметить выступление Кастрова от левых социалистов-революционеров- интернационалистов; Орлова Л. от эсеров центра, Тер-Маркиросяна от дашнакцютюнов; Лунина от об'единенцов. Житков от народных социалистов; Сиводина от крестьянского союза; Шульжицкого—от анархистов-коммунистов; Куренова от ф. кожевенных изделий, П. Кофанова от металлистов; т. Погорелова от земледельческих коммун; Калинина от строительных рабочих; Ремизова от печатников; Удовенко от гостинно-служащих; А. Попова от журналистов, Белько от союза учителей, Кибалова от городского самоуправления.

В заключение было устроено концертное отделение и поставлено Горького «На дне».

С этого момента Народный дом (ныне комклуб) стал средоточием всей культурной жизни Пятигорья. Здесь-же происходили все собрания, с'езды, конференции.

***

Еще картина. Летние месяцы. Нижний этаж народного дома—налево при входе большое помещение набитое членами партии. Из маленькой боковой комнатки выходит комитет партии во главе с Анджиевским.

— Об'являю общее собрание Пятигорской организации Российской коммунистической партии открытым. Прошу намечать председателя.

— Анджиевского! Анджиевского!

Все кричат. Всем хочется высказаться. Тут члены исполкома и просто рабочие. Все они несколько экспансивны: тут Бурская Мария, сухопарая горящая коммунистка; высокий Миллер из окрсовета; Атабеков, Голенко, Никитин, Пащенко, Гельман, М. Иванов, Ксионда, Казанский. Ермохин, Семенов, Коробкин. Все они кричат, стоят сплошной стеной, требуют:

— Анджиевского.

Усмехается ласково. Стараясь нахмуриться. В вышитой парусиновой рубашке.

— Чтож, вы товарищи, все Анджиевского, да Анджиевского. Как будто у нас нет других товарищей. Так на одного все валить нельзя. Этак недолго и туберкулез схватить.

Видят улыбку. Любят все его и друг друга трогательно и нежно. Поэтому опять настаивали:

— Ты, Гриша председательствуй. Гриша, не саботируй.

— Ладно. Подчиняюсь общему собранию. Прошу избрать товарища председателя и секретаря.

— Петроградского и Анорова.

— Верно. Нечего и голосовать.

Но он формалист точнейший, все таки голосует. Единогласно поднятые руки и пламенные глаза говорят о той спайке, которая царит в рядах организации. Президиум занимает места, подвижной заика-секретарь комитета Аноров готовит бумагу и карандаш; начинается заседание.

— У нас сегодня сделает доклад прибывший из Астрахани товарищ Серго Оржаникидзе.

— Браво! Ура! Да здравствует товарищ Оржаникидзе.

Любят больше всего Гришу. Но приезд Оржаникидзе для организации целый праздник. Связи с центром нет: газеты получаются с перебоями; т. Серго всегда привозит последние сообщения и распоряжения; он солидный марксист, прекрасный теоретик; его доклад—лекция всегда намного двигает организацию вперед.

Начинается доклад о международном положении; итогах Брест-Литовского мира; тактике левых эссеров и горе-коммунистов; мерах борьбы с внешней и внутренней контр-революцией. Доклад пышет огненной силой, лица от него у всех загораются, каждое слово—удар молота по старому миру.

Потом т. Оржаникидзе начинает беседовать о жизни организации, наставляет товарищей, призывает к спайке, дисциплине.

Собрание затягивается до часу, 2-х ночи. Расходятся все толпами на окраины города, шумно беседуя по затронутым на собрании вопросам. Мысль горит, бродит, оформляется. Силы прибывают, мощь растет.

***

Зрительный зал Народного дома. Вторая половина мая месяца. Анджиевский поехал с подробным докладом к т. Ленину. Поэтому эссэры чувствуют себя свободно, собрали офицерское собрание для обсуждения вопросов создания народной армии.

А что-же смотрел Владикавказ и Терский Народный совет?

Они сами мечтали о создании Народной армии, считая, что только она может служить надежной опорой от внешнего нашествия и при ликвидации внутренних междоусобий.

Привлекая офицерство в народную армию, расчитывали этим во-первых отвлечь его от Корниловского Дона; а во-вторых иметь надежный заслон как от случайных банд, так и от наступления контр-революционных деникинцев.

Междоусобия-же внутреннего порядка состояли в том, что казачество все время бродило и стояло на распутьи: то-ли признавать Советскую власть; то-ли нет. Главное—им не хотелось уступать своих земельных фондов всем этим иногородним, ингушам, чеченцам. Поэтому они на всех с'ездах ставили вопрос прямо:

— Власть Совнаркома мы признаем. Но земли нашей не трогайте. Наша она, казацкая. Потом и кровью добывали и охраняли ее 350 лет.

И как только ставился на с'ездах земельный вопрос—казаки вмиг становились реакционными.—Раз так, раз у нас собираются землю брать—то пусть лучше тогда все разрешит «хозяин земли русской»—учредительное собрание. Говорилось это для оттяжки времени; но если-бы и было собрано учредительное собрание и постановило разделить землю и между иногородними и Чечней—казачество не признало-бы и его.

Здесь земельный вопрос всегда был корнем раздоров. Этим и пользовались верхи казачества для натравливания его против «социалистов—иногородних вообще».

Ясно, что была и в казачестве своя беднота; и были свои группы, и даже целые станицы, примыкавшие к большевикам, как например ст. Советская, которая даже давала свой красный полк. Но в массе—верхи и офицерство брали перевес. И это весь 18-й год вызывало столкновения с безземельными горцами.

Эсеры созвали это офицерское собрание. Родзевич—«под свою ответственность»—как он выражался; ну и конечно с благословения Тернарсовета—где эсеров было достаточно.

Собрание открывается речью Родзевича. Обращаясь к переполненному залу—он призывал все русское офицерство «также честно послужить революции, как оно честно служило старой России». Речь его—чисто эсеровского толка, с пафосом и демократическими подходами—произвела большое впечатление. А когда сидящие в зале коммунисты стали возражать—им офицеры предложили удалиться и не слушать. Короче говоря—назревала очередная коалиция без участия большевиков. А когда один из них обратился к Родзевичу с вопросом:

— Что это за собрание?

Он ответил:

— Я знаю, что делаю; и сумею за это ответить.

— Это контр-революция.

— После можете меня расстрелять; а сейчас уходите и не мешайте.

В президиуме Радко-Дмитриев, Русский, Родзевич и еще 4 человека.

Характерны его речи.

Одна—Радко-Дмитриева, о том, что многие из безумцев (читай—большевиков) сейчас надеются найти спасение страны в ее междоусобицах для открытия внешним врагам своих границ. Этот крайне ошибочный, если не преступный, взгляд уже приводит к тому, что страна раздирается братоубийственной войной и попирается немцами. Но вот-де находится группа идейных и честных людей и среди социалистов—которая в этот ответственный час призывает всех встать на защиту демократического отечества. Приглашаю приветствовать ее и... в таком роде и дальше.

Аплодисменты. Эсеры и офицерство спелись. Составлена была телеграмма в Тернарсовет и в Москву; выбраны вербовочная комиссия и в губернский штаб во Владикавказ—9 человек, в том числе оба маститые генерала.

Но вот выскакивает на трибуну член Пятисполкома анархист-коммунист б. поручик Одинцов с грозной обличительной речью.

Он призывал эсеров одуматься. Доказывал, что народная армия в конце-концов угроза революции и что это начинание окончится крахом. А когда ему прямо поставили вопрос: как вы смотрите на офицерство?

Он прямо отрубил:

— В массе—это сволочи. Такими их создавала царская Россия. И их уже не перевоспитать.

Его конечно лишили слова и удалили с собрания. Не дали говорить и члену комитета партии большевиков.

До глубокой ночи, уже после собрания, возле Нардома и в Цветнике и на бульварах—происходили летучие митинги. Узнав о собрании офицеров—сюда подтянулись все рабочие и солдаты города. Офицеры предлагали «братство, равенство и свободу»—но были на удивление политически безграмотны, ораторы из них были прошевые и речам их вникать никто не хотел. Они прямо конечно заявляли, что стоят только за учредительное собрание. Эти много были честнее эсеров.

Потом Владикавказ получил из Ростова распоряжение никаких народных армий не создавать; а в Пятигорске—этому делу помешал приезд Анджиевского, доложившего о том, что повсеместно формируется Красная армия.

***

Начало августа. На фронте неспокойно. Корниловщина с Дона перебралась на Кубань. Сорокин отступает с превосходными силами перед небольшими партизанскими частями Деникина и Алексеева. Шкуро хотя и отбит от Кисловодска, но Бургустан—Бекешевская—Суворовская висят над красным Пятигорьем вечной угрозой. Но самое главное—в Моздоке засело «Временное Терское войсковое правительство», возглавляемое Бичераховым и рассылает «от станицы до станицы и от села до поселка» воззвания с призывом ниспровергать Советскую власть. И вот вся эта внешняя и внутренняя контр-революция бурлит черным бешеным морем в попытке смыть

стальные скалы и высоты пролетарского Пятигорья. И зорко смотрит с высот Пятигорья комитет партии и видит, что Пятигорску придется быть центром всего Северного Кавказа.

По спешному вызову секретаря комитета Пронина, заместившего Анорова, который стал редактором «Известий Совдепа», комитет партии и исполком собираются в свое помещение в Нар. доме. Сюда-же вызываются: Петроградский, Миллер, Молотов и вообще фракция отдельского Народного совета.

Чтоже оказывается?

На почту прибыли пакеты и листовки на имя Родзевича—левого эсера и председателя отдельского Народного совета. На почте были свои глаза. Они перехватили и доставили все это в комитет. И вот оказывается, что это во-первых письмо полковника Бичерахова из Моздока на имя Родзевича; и во-вторых—сотни прокламаций Моздокского правительства к населению, опять таки адресованные на имя Родзевича. Кроме того, почтой-же доставлены такие же пачки воззваний—к атаманам станиц Горячеводской, Ессентукской, Кисловодской и Бургустанской.

Все эти воззвания Отдельский Народный Совет, Родзевич и атаманы станиц должны были распространять среди населения. В письме-же лично к Родзевичу Бичерахов пишет, что он очень благодарен Болеславу Александровичу за освобождение (Бичерахов был захвачен, но за него Родзевич поручился перед коммунистами «головой» и Бичерахова отпустили. Тогда он бежал, организовал восстания, образовал эсеровское правительство в Моздоке, и позже в Баку работал как оформившийся враг советской власти!). Но что он Бичерахов, никак не может оправдать доверие Родзевича, так как «его совесть и долг перед родиной» заставляют его взяться за оружие против «насильников-большевиков». Далее в письме Бичерахов указывает, что ведь и эсерам не по пути с коммунистами, примером чему Леонид Орлов, который в его правительстве заведует министерством земледелия. В заключение Бичерахов призывает Родзевича бросить работать с коммунистами и перейти на их сторону, благо и весь почти отдельский совет в лице казачьей фракции, эсеров и меньшевиков—стоит скорее за учредительное собрание, чем за советы.

Прочитав все это, Анджиевский вскочил:—расстрелять Родзевича!

Кто-то добавил—вызвать его, допросить и если подтвердится все это—на месте расстрелять.

— Ручался за Бичерахова головой—пусть и теряет эту голову.

— Вызвать его.

Очевидно тон и приемы вызывающих отвечали моменту, потому что обычно само уверенный и гордый Родзевич—теперь прибежал весь бледный и растерянный.

— Ты меня Анджиевский вызывал?

— Да. Прочти вот это письмо и если сможешь—оправдывайся.

Взял письмо Родзевич. Прочел. Еще больше побледнел. А вокруг все гранитные лица: Анджиевского, Пащенко, Атабекова, Сокирко, Янышевского, Сукопцева. Ошибись чуть-чуть и готово.

И вот Родзевич взял такой тон—для автора воспоминаний до сих пор неясно, искренний-ли он был или нет—он бросил письмо гордо на стол и сказал:

— Если, Григорий Григорьевич, ты веришь этому письму, расстреляй! Я готов....

— Но ты оправдывайся...

— Оправдываться я не могу и не буду. Факты против меня. Да, я его освободил, крупно ошибся; но разве ты никогда ни в чем не ошибался? И разве из всего этого видно, что я с Моздоком имею какие нибудь связи? Нет, Анджиевский, не мне, просидевшему 12 лет на каторге, больному туберкулезному Родзевичу, мечтать о каких-то авантюрах. Я—весь начисто советский и работаю за одно с вами, с большевиками.Или ты, такой проницательный, меня до сих пор не рассмотрел? Во всяком случае—если ты хот немного сомневаешься—убей меня: я готов. Но как старый революционер, который никогда не запятнает свое имя изменой, говорю: я не виновен.

И тогда т. Анджиевский сказал:

— Хорошо! Я тебе верю. Будем работать дальше.

И опять закипела работа в Совдепе и Народном Совете. Но следил Совдеп и комитет партии в оба за казаками. Проверяли их почту, не давали им агитировать среди населения. И не раз казачья фракция с Базалием во главе протестовала против такой опеки над собой.

А в партийных кругах близкие один

другому шепотом сообщили, что все-таки Родзевич виноват и Гриша в данном случае позволил себе обойти и первый раз оказался таким мягким.

Но дело было сделано. Родзевич уцелел.

***

В июле стало известно, что в Моздоке образовалось Временное Терское казаче-крестьянское правительство во главе с полковником Бичераховым. Бичерахов сам был «беспартийный демократ»—как он любил заявлять. Но в состав его правительства входили и эсеры, как например «министр земледения» Леонид Орлов, бежавший из Пятигорска.

Что же делало это правительство и чему служило? Прежде всего оно об'явило большевиков бандитами и захватчиками, а Советскую власть низложенной. Вместо этого ими восстанавливались по станицам атаманы и станичные управления и формировались казачьи полки для «восстановления законной власти» и доведения страны до учредительного собрания.

И так—опять союз эсеров с офицерством и опять мечты об учредилке. Старая история.

Новое-же в ней было то, что это правительство открыло новый, так называемый моздокский, фронт, значительно усилив контр-революцию и создав настоящую гражданскую войну.

Достаточно указать на факт ареста, по распоряжению этого правительства—делегатов от Пятигорского уезда, возвращавшихся с 4-го областного с'езда советов во Владикавказе и—убийство некоторых членов.

В тюрьмах Моздокского правительства томилось много большевиков и рабочих. Отношение к ним было самое кошмарное.

Наряду с этим оно занималось и агитацией. Вот образец одного из его посланий:

«От станицы до станицы, от села до села и во все хутера и поселки.

Бандиты, засевшие в городских совдепах и называющие себя большевиками, об'явили поход на хлебороба-казака и крестьянина. Идет обезоружение и разорение станиц и сел красноармейцами, производится реквизиция рабочих лошадей и хлеба. Областной совет народных комиссаров, обязанный стоять на страже интересов трудового народа, поддерживает грабителей и посылает против станиц броневые поезда, снабженные артиллерией и удушливыми газами, а защитники народа, протестующие против таких неслыханных насилий, об'являются контр-революционерами, и безпощадно расстреливаются.

Пробил час, когда все мы, казаки и крестьяне, в поте лица своего добывающие хлеб свой, должны стать дружной стеной на защиту своих очагов. Ставропольская губерния и Кубанская область возстали против насильников и во многих местах враги трудового народа обезврежены. В Моздоке попытка совдепа и красноармейцев обезоружить соседние станицы потерпела неудачу. Совдеп разогнан, а бежавшая красная армия настигнута в пределах Ставропольской губернии и разбита на голову. При деятельной поддержке Ставропольских крестьян взято 4 орудия, 3 бомбомета, 6 тулеметов, сотни винтовок, большие запасы военных и продовольственных припасов и более 500 пленных.

Одержана первая победа. Моздокская линия очищена от тунеядцев. Но борьба еще не окончена: она только начата. От Владикавказа до Кисловодска станицы и селения в опасности. По линии железной дороги действуют 2 бронированных поезда и отряды красной армии. Мирным поселениям грозит разгром.

Если в эту грозную минуту мы не станем каждый за всех и все за одного, как родные братья, то покончив с одной станицей, враги наши возьмутся за другую и поочереди предадут огню и разорению все станицы, селения и города на потеху ненасытной красной армии. Все хлеборобы Терской области, Ставропольской губернии, Кубанской области—братья меж собою. Все мы должны подать друг другу братскую руку помощи и не ждать, пока грабители поочередно будут расправляться с каждой станицей, с каждым селом. Мы не одни. С нами трудовое население наших соседей-горцев, идущих к нам на помощь.

Станичники, сельчане и граждане! Судьбе угодно было послать нам тяжелое испытание в самый разгар полевых работ. Не вздумайте покинуть ваших братьев под предлогом уборки хлебов. Спешите туда, где экстренно требуется ваша помощь. Если вы не поможете, то никто не поможет и вам, когда придут забирать ваше добро и вам будет угрожать голод.

Время не ждет, спасайтесь пока не поз-

дно! Прислушайтесь к голосу Терского казачье-крестьянского совета, избранного на Моздокском с'езде казачьих и крестьянских депутатов. Идите в ряды защитников трудового народа и кто не может воевать, несите в к.-к. совет деньги, хлеб, мясо, подводы, табак, папиросы, спички для сражающихся. Все за одного и один за всех. Чем скорее все об'единятся, тем скорее будут разогнаны бандиты, мешающие мирной работе. Спешите-же в ряды защитников трудового народа и без колебаний исполняйте распоряжения тех, кому к.-к. совет вручит ваше спасение».

А вот декларация Моздокского «правительства».

«1) Каз.-Крест. Совет начал борьбу за сохранение всех завоеваний революции, которым преступная политика Народных Комиссаров готовит неизбежную гибель. 2) К.-К. Совет будет бороться не с народной властью, а с Советом Народных Комиссаров и его наемниками, поднявшими руку на мирное трудовое население. 3) К.-К. Совет оставляет в полной неприкосновенности конституцию, принятую на Пятигорском областном народном с'езде 3 марта с. г. (Основные положения по управлению Терским краем). 4) Управление отделами, округами, городами, станицами и селениями края К.-К. Совет оставляет в руках тех демократических органов власти, которые введены в них на основании конституции 3 марта с. г. 5) К.-К. Совет ставит своей единственной задачей очистку народной власти от тех болезненных наростов, которые мешают ей выполнить истинную волю трудового народа, а также для обезвреживания безчинствующих вооруженных банд, грубо попирающих права свободных граждан. 6) По достижении этой единственной цели, К.-К. Совет немедленно пошлет представителей казачье-крестьянской фракции в областной Народный Совет для совместной работы с представителями остальных групп населения, заранее благословляя тот святой час, который приведет к возможности восстановление единой и авторитетной власти для всего Терского края в лице единого Областного Народного Совета. 7) К.-К. Совет теперь-же принимает все меры безпрерывного снабжения городов и рабочих всеми предметами продовольствия, а также к немедленному восстановлению железнодорожного движения, как только минует угроза набегов броневых поездов на мирные поселения края. 8) К.-К. Совет от имени избравшего его революционного народа торжественно заявляет, что права всех существующих национальностей, рабочих, общественных и профессиональных об'единений и союзов остаются в полной неприкосновенности. 9) К.-К. Совет не берет никакого почина в области политических и экономических реформ, твердо стоя на той платформе, что всякие начинания в этой области принадлежат единственно и в полной мере одному только Краевому Народному с'езду и народному совету, предусмотренным конституцией 3 марта с. г. 10) Наконец, К.-К. Совет питает глубокие чувства самой искренней дружбы ко всем горским племенам и народностям края и никогда не поднимет руки против мирового населения; но против нападающих на мирных жителей вооруженных банд, Совет будет бороться всеми имеющимися в его распоряжении силами и средствами».

Июльские дни.

Восемнадцатый год.

Раскаленная до красна атмосфера. Молнии и грозы и всплески синих, бушующих туч... Наседают, наседают со всех сторон недовольные, вчерашние, непростившие, злобные, непринявшие революцию.

— Контр-революционеры, эсеры, меньшевики, белогвардейцы.

Молодой Пятигорск, как всегда гордый и как всегда прекрасный, бросает им вызов. Держит связь с Советской Москвой; разбросал по всем улицам, лицам, оранжевым домам знамена:

— Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов...

А по ночам дозоры, дозоры, дозоры. Грахали пулеметы. Снаряжал очередные отряды, вооружая их — батько Янышевский Николай метался из Совдепа в союзы и опять в Совдеп — ветеран рабочего Пятигорска Пащенко Федор. И владела всеми, и управляла всеми, и организовала революционно всех—стальная воля, стального коммуниста—

— Анджиевского.

И опять не в черед, сверх всякого череда, добровольно шли печатники, рассыпаясь цепью у Лермонтовского ра'езда—от Машука до Бештау—сторожить врага. Резали испуги ночи залпы и одиночные выстрелы.

И еще приводили арестованных и еще.
В собезе.
Городской управе.
Отнаробраве.
Патронатах —
Заползли и притаились они — враги. Молодые офицеры и офицерики; те — что праздник революции еще могли принять; но вот Анджиевских и Совдепы не переваривали. И страшны были их клятвы мщения, которые они давали друг другу —грозя Советской власти.
Но одна за другой лопались и выдавливались их организации. И в подвалах следственных комиссий под перекрестными допросами пили они горький напиток сознания своей неправоты.

2 недели тому назад отряд Ярыщева брошен на Суворовскую. Проводили, сказали—коммунары, вы победите, знаем. А у самих все таки болело. Чуть-чуть сосало и болело. Ибо самые чувствительные, и самые сердечные и братски любящие друг друга—всегда коммунисты.

А теперь вот приехал Гельман—член цека партии. Из Ессентуков подтянулся Аксельрод—замнаркомфина республики. Потом сюда же вошел стальной характер Александра Ге и женственная решимость Ксении Ге.
Штаб по обороне округа.
Чрезвычайный штаб.
Час ночи, два, три. Город будто спит. Но он не спит. Он только прищурился. Сторожко следят друг за другом—совет и его враги.
Залиты белым светом окна Сеферова дома на Базарной.
Заседания, заседания, заседания.
На столе в кабинете председателя Совдепа—окурки, куски хлеба, сахара, колбасы, перевернутые недопитые стаканы.
Кунцов делает доклад о том, как изловить бежавшего Шкуро.
Приводят арестованных. Заполучено 4 великих князя, из которых один кажется Дмитрий Владимирович или Павлович. Они посажены в проходную комнату 3-го этажа, рядом с библиотекой и жалуются, что мало удобств.
Девиц привели—захватили вечером в цветнике во время пропаганды.
Телефоны. Ах эти телефоны. Они еле работают, не работают, опять работают услышав имя:

— Анджиевский;
— И опять не работают.
— Донесение.
— Перестрелка у Скачек.
— От Горячеводска раз'езды.
—Ильин бросает Георгиевский фронт.
— Беленкович арестован.
— К проводу Анджиевского.
И здесь же забегают все свои. Хорошие ребята, преданные товарищи, нежно влюбленные в Гришу, Григория Григорьевича...
— Коробкин, Яньшевский, Иванов, Сутконцев, Песчанский, Макотон, Пащенко.
Лето—он в шапке. Серая лохматая шапка, надвинутая на глаза. Глаза черно-пристальные—возмет ими человека, выпьет душу и потом поверив, наделяет его громадными полномочиями.
Рука нервно бегает по подбородку, всегда небритому. Лицо подергивается, сумрачное лицо аскета, но вот он улыбнулся и все видят, что это в сущности мальчик, ребенок, заразительный смех которого — солнечная радость в черной, бушующей ночи.
Тут-же, Леонов, Атабеков, Анорюв...
Военный комендант докладывает и опять щупальцами из рабочих отрядов щупает синеву ночи.

Опять докладывает.
Смена, другая, третья...
Усталые лица. На дежурном красном диване все по очереди спят. Спят, зная, что за всех бодрствует—
Гриша.
Вот ему принесли фунт вишень. Он ест их по одной, прихлебывая холодный чай. Улыбается, вспоминая о первом с'езде народов Терека (эс-серам ни-ког-да не замазать, не скрыть своей контр-революционности!), сообщая, как он с Сокирко ездил к Ленину после расхождения с политикой Владикавказа.
И как их принял Ленин.
Возле него жена Анна Григорьевна, тогда еще беспартийная, но верный, славный товарищ и неизменный спутник Григория Григорьевича во всех его походах, заседаниях, поездках.
Встал Гриша. Пошел сам взглянуть, в чем дело. На улице тревога, на улице перестрелка... Все готовы, осматривая наганы, готовы пулеметы.
И бесконечно тянулась ночь. Долгая, летняя, суровая, грозовая ночь—на груп-

пах. Фактически групп не было. Здравницы не было. Лермонтова не было.

Настороженность, схватка, кровавая битва была. Слежка врагов.

И так все ночи.

И так друг другу свои—верили, тянулись, любили.

**
*

11 часов дня. Хмурый холодный сентябрь. Сорокинская авантюра разыгралась накануне. Напряженная атмосфера. Сижу в редакции «Красного воина», органа XI армии в помещении б. конторы Сукиасянца и нервно правлю материал. Комитет партии ушел в подполье и дал редакции определенные дирректив. Напротив меня сидит секретарь редакции жена Акулова В. Н. Косенко. Изредка бросаем фразы о мелочах. А думы о главном прячем глубоко.

Сорокиным вчера под вечер увезены на автомобилях и в автомобилях-же расстреляны—из ноганов в виски—Рубин, Крайний, Дунаевский и ряд др. товарищей. Власов, председатель Сев-Кав-чека, убит Маркарьянцем—в М.-Водах. Комендантом города назначен известный бандит Черный. В городе паника. Заместитель Рубина Акулов скрылся; ушел в подполье отв. секретарь краевого комитета Меньшиков. Сбрил усы, надел очки и уехал в аул к предреввоенсовета Сев-Кавказа Мамсуров. Словом—никого нет и страшно тревожно. Все магазины заколочены. Морозы. Как выпускать газету? Наборщики требуют материала; но какой материал дать, когда ни откуда прямых указаний не получено? Дать от себя материал, об'являющий Сорокина изменником—но как и в какой форме это проделать без комитетских указаний?

И вдруг:

Заходят три Сороковинца: комендант города Черный, в тулупе, с ноганом в правой руке, и два его ад'ютанта с бомбами:

— Редакция?

— Редакция.

— Кто будет редактор?

— Я.

— Как фамилия?

— Называю.

— Если не хотите быть расстрелянным в 24 часа, напечатайте в сегодняшней газете приказ Сорокина.

— Хорошо. Будет напечатано.

— Смотрите. Мы везде вас достанем.

Ушли. Смотрим приказ и ужасаемся: в приказе Сорокин оправдывает расстрел Цика, об'являя населению, что все убитые были евреи и изменники народа; и что они через Ростов н-Д. держали все время связь с немецким командованием, приказывая-де ему, Сорокину, сдавать Кавказ деникинцам без боя.

Конечно решили не печатать, удрав в подполье. Но где все? С кем связаться? Кому передать приказ?

Врывается Я. Полуян, член реввоенсовета, член к-та (краевого) и Цик'а.

— От Сорокина что нибудь поступало?

— Вот приказ.

— Ага. (Прочитал его). Не печатать. Иначе ответите. Но вот приказ Краевого к-та, об'являющий Сорокина изменником и отрешающий его от имени реввоенсовета от командования.

— Будет напечатано.

И так—теперь можно будет работать. Через подвернувшегося курьера уведомляю редактора «Известий Совдепа» Т. А. Гатуеву, чтобы она не вздумала печатать приказ Сорокина, даю набирать рабочим приказ, наскоро пишу передовицу об измене Сорокина, даю порядок верстки и с Косенко айда в подполье. На другой день город и армия читали газету об измене Сорокина в «Красном Воине»; и приказ Сорокина в «Известиях Совдепа», где Гатуева никак не могла ничего сделать, так как в редакции стояла вооруженная сорокинская банда.

А к вечеру оставшиеся члены Цик'а, краевой комитет, реввоенсовет, Пятигорская организация и Пятигорский Совдеп уже выпустили воззвание о перевыборах Цик'а, назначив 2-й чрезвычайный с'езд советов Северного Кавказа на 2-е октября в Невинномысской и дипломатично предложив Сорокину явиться на этот с'езд и дать свои об'яснения по поводу происшедшего, расчитывая там его захватить и судить.

И вот этим вечером т. Анджиевский назначил чрезвычайное собрание Пятигорской организации, пленума Совдепа, профсоюзов и крестьянства. Помню, что заседание было при свечке в полутьме в обычном зале партсобраний в Нардоме. Собравшиеся переполнили весь зал и толпились на улице, слушая ораторов в открытые окна.

Ряд ораторов мялись, замазывали происшествие, поглядывая в темные окна, из которых вдруг могли грянуть Сорокинские выстрелы. Но вот выскочил к столу Анджиевский и потряс всех словом:

— Да что же это такое товарищи! До каких пор мы революционеры-коммунисты должны молчать! Надо прямо говорить всегда правду, хотя-бы пришлось за нее умереть. Факт—что Сорокин контрреволюционер и провокатор, и его надо судить и расстрелять. Факт, что цик погиб напрасно, пали наши лучшие товарищи! Мы здесь должны сейчас-же выбрать от Пятигорска делегатов в Невинномысскую на с'езд Советов и дать им железный наказ, обвинять Сорокина и настаивать на его расстреле.

Т. Анджиевским было сказано вслух в самую ответственную минуту, с громадным риском для жизни, то, о чем думал каждый из присутствующих.

Собрание выбрало 5 человек: Анджиевского, Жирнова (не Жирова-Жирнова), еще одного товарища (фамилии не помню), и 2-х от крестьянства, один из которых был Затута.

***

Как член комиссии по проведению празднества, хорошо помню празднование 1 годовщины Октябрьской революции в Пятигорске.

Еще за неделю начались приготовления комиссии: собирались совещания, вырабатывалась программа, составлялась смета. Как заведующий культ-просветом Северного Кавказа, тов. Анджиевский оказывал всевозможное содействие комиссии. Комиссия разбилась на секции: 1) литературную—газету, листовки, брошюры, лозунги; 2) художественно-декоративную—арки, зелень, убранство зданий, гербы и пр., 3) театральную, 4) административно-распорядительную.

Началась работа. Под руководством техника Петросова возводились арки по пути прохождения шествия; исполком Совдепа, в лице тов. Пащенко, Купцова, Савгирова, Пробенко—передали в распоряжение комиссии всю красную материю города, всю зелень и цветы садоводств.

Основные пункты для докладов и вечеров были намечены в Народном доме, Лермонтовской галлерее, Центральной гостинице, б. мужской гимназии, народном университете (б. жен. гимназия Евдокимовой) и—если позволит погода—в Лермонтовском сквере ,в Цветнике, Казенном саду, Краснослободской площади возле вокзала.

Специальным приказом комиссии по проведению, председателем которой был т. Анджиевский, было предложено всему населению убрать свои ворота красными флагами, а всему проспекту Свободы (ныне Советскому) украсить дома коврами, красными материями, флагами и зеленью.

Работы было страшно много. На об'единенных заседаниях всех секций становилось ясным, что программа прямо таки непосильна. Но председатель ничего не признавал и преодолевал все препятствия.

6 ноября в 12 ч. дня были везде закончены работы. А с 5 час. вечера начались доклады—митинги о значении Октябрьской революции. Распределенные по районам товарищи везде выступали успешно; весь Пятигорск и окрестности: Горячеводская станица, поселок Свободы, Красная Слободка, Новые планы — все это хлынуло в центр города посмотреть на невиданное празднество. Вечером зажглись цветные огни (сотни лампочек были специально привезены из Георгиевска и Св. Креста монтерами: Бужинским и бр. Шевчуки). Вензеля, гербы, надписи, звезды на зданиях—горели и переливались разными цветами вокруг портретов вождей.

На другой день, 7 ноября, с 10 часов утра, несмотря на пасмурную сырую погоду—потянулось шествие десятков тысяч рабочих и крестьян с сотнями знамен и пением интернационала—к сборному пункту на площадь Октябрьской революции.

К этому дню специальным приказом были переименованы: Краснослободская площадь в—Октябрьской революции, про-Дворянская улица—в ул. Карла Маркса и спект Свободы—в Советский проспект, т. д.

На площади всех прибывающих встречала распорядительная комиссия и выстраивала на определенных участках. По кругу площади, диаметром саженей в 20 —было поставлено 7 трибун, с которых потом и говорили ораторы. В центре площади, была поставлена главная трибуна с вышкой, на которой развевалось крас-

ное знамя с советским гербом; на главной трибуне помещался оркестр.

Собравшихся было так много, что только третья часть их поместилась на площади. Это было воистину массовое торжество, об'единившее вокруг парторганизации—всех рабочих, всех крестьян, много казачества, все школы и население окраин.

По открытии митинга предкомиссии тов. Анджиевским и исполнении оркестром интернационала—начались, так сказать—районные митинги со всех 7 трибун сразу. На ряду с коммунистами, выступали и левые эсеры, но их особенно не слушали. Нашей литературной секцией были даны для плакатов лозунги, листовки с раз'яснением значения годовщины, лучшие номера «Красного Воина» и «Известий Совдепа».

После выступления бесчисленного количества ораторов партийных, от рабочих и крестьян—председателем реввоенсовета т. Я. Полуяном был принят парад красных частей, причем проходящие воинские части и профсоюзы и школы поздравлялись с «праздником великого Октября»—т. Полуяном от реввоенсовета и т. Анджиевским от Центрального исполкома Северо-Кавказских Советов; шествие двинулось в город по Советскому проспекту. Здесь на пути следования стояли 3 красивых величественных, в зелени и цветах, арки: первая у грязелечебницы, вторая на Базарной—через Совпроспект, и третья—у Цветника. Когда шествие проходило под эти арки—с специальных трибун оно приветствовалось от партии и власти. Все были взволнованы. Отдельные товарищи бросали в массу искрами лозунги: да здравствует наш вождь Ленин! Да здравствует великая пролетарская революция! И масса подхватывала моментально это и зажигаясь пламенем восторга, кричала—ура—и пела вновь и вновь интернационал.

Шествие специально приветствовалось у второй арки от Пятигорского Совдепа и затем у дома Цик'а Сев.-Кав. Советов и краевого комитета (ныне дом Совпрофа): закончилось оно к 2 часам дня.

Всем школам при этом были предложены подарки; всем безработным на 3 дня даны бесплатные талоны на питание из общественных столовых. Все приюты, детские дома-коммуны, дома матери и ребенка—коммуны, дома матери и ребенка—получили одежду, обувь, продовольственные запасы.

С 4 часов для всех школ и детей школьного и дошкольного возраста стали во всех кино показывать картины; наряду с этим всем школам были отпущены средства на устройство у себя вечеринок, спектаклей.

А с 6 час. вечера началось настоящее торжество. Сейчас трудно описать. Картина была слишком потрясающая, великая, торжественная, чтобы ее можно было нарисовать в форме простого описания. Только труд художника современем изобразит в слове или на полотне величие Пятигорских торжеств.

Но во всяком случае эти торжества уже тогда показали, на какое творчество способна рабоче-крестьянская власть даже в годы самых тяжелых испытаний. И знавала-ли история капиталистического строя в расцвете своего благополучия —такой розмах, такое понимание задач празднества, такую глубину и ширь захвата и вовлечения масс?

Конечно нет.

Вечером город был весь ослеплен. Все здания горели и переливались тысячами цветных брызгов. На бульваре, по диагонали: б. аптека Рахмалевич—кино б. Боммер—горел аэроплан-дирижабль, все крылья и стороны которого сверкали лозунгами пролетарской революции. Над всеми 3 арками так-же горели, освещенные изнутри, лозунги и портреты вождей. И особенным образом был декорирован и освещен Народный Дом. На улицах сквозь толпы пролетали то и дело автомобили с летучими труппами, освещенные факелами. Остановясь—труппа моментально окружалось тысячной толпой и давала прямо на улице концерт. А в это время из Лермонтовского сквера и Казенного сада вылетали ракеты, цветные фейерверки и прочие причуды пиротехники.

Для всех бесплатно были открыты все кино, все театры. В Народном Доме ставились труппой Дымова «Зори» Верхарна. Народный университет ставил пролетарский концерт и т. д.

И что важно отметить—бурлил, кипел, радовался насыщенный человеческой массой Пятигорск до 12 часов ночи. И ни одного случая неурядицы, ни одного скан

дала,—полная солидарность, порядок, поддерживаемый самым населением.

Другого такого чествования Великого Октября мне видеть не приходилось.

**
*

А теперь, в заключение своих кратких и бледных воспоминаний о 18 годе—несколько слов о 2-м и 3-м краевых Северо-Кавказских партийных с'ездах, которые оба проходили в Пятигорске.

Приходится до описания этих с'ездов отметить, что как это ни странно, но после обвинения Буачидзе Пятигорска в собственной колокольне—это определение так и оставалось до конца 18 года за Пятигорском. Может быть наши Пятигорские товарищи, совершенно оторванные от центра, действительно несколько брали ярую, непримиримую линию, «головотяпствовали», как нас тогда обвиняли; но Пятигорская организация, например, была глубоко убеждена в том, что она ведет правильную, чисто классовую линию, а сбиваются с пути ее обвинители. А обвинителей было много.

Так или иначе, но приходится отклониться в сторону и указать (ибо для истории важна будет об'ективная, беспристрастная точка зрения в этом вопросе), что еще летом, при первом набеге Шкуро, когда наш исполком мобилизовал буржуазию на окопные работы, а командующий боевым участком Беленкович его отменил—ликвидировать этот крупный конфликт приезжал из Астрахани т. Шляпников, который уже тогда укорял Пятигорск в «узком взгляде на вещи».

Второй такой случай имел место после ликвидации Сороковщины, когда краевые власти отвели от председательствования в реввоенсовете члена Пятигорской организации Мамсурова, назначив Полуяна, а Пятигорск не согласился с этим, резко начал отстаивать и защищать Мамсурова и конфликт очень далеко зашел-бы, если-бы не приехал его ликвидировать т. Орджаникидзе. Он хорошо знал Пятигорскую организацию. Любил ее. Но и в его примиряющих обе стороны речах сквозили упреки Пятигорску за самостийничество.

И вот собрался 2 краевой с'езд партии вскоре после сороковщины. На нем присутствовал и Мдивани. Председателем был избран Меньшиков, Акулов, от Пятигорска Ковалев. И здесь отношение Пятигорцев (11 человек: Кущов, Ковалев, Пащенко, Миллер, Ленов и др.) с Северо-Кавказскими и Кубанскими товарищами настолько обострилось, что Пятигорцы покинули с'езд. При чем с'езд осудил их за такое сепаратное выступление. Благодаря такому расколу, работа с'езда, проходившая 2 дня (в доме нын. Совпрофа), не могла быть плодотворной. Тогда через 2 недели был созван 3-й Северо-Кавказский с'езд; он состоялся в Народном Доме в партпомещении; но и здесь разногласия свелись к взаимообвинению этими двумя лагерями друг друга в неудачах последних месяцев. Этот раскол в партийных рядах, также не мало способствовал: во-первых ускорению эвакуации Сев.-Кавказа, а во-вторых тому, что по отступлении в Грузию—кавказский подпольный комитет так холодно принял Пятигорских товарищей.

Во всяком случае, если иногда Пятигорская организация и ошибалась, то она же за то и была всегда первой в битвах с буржуазией. И она своими жертвами в 18-м и 19-м году и особенно гибелью т. Анджиевского от руки белых, завоевала себе почетное место в ряду героев борьбы за идеалы рабоче-крестьянской власти и мировой коммунистической партии.

**
*

Отступление.

Картина мужества, смешанного с отчаянием, тоски и уверенности, что еще удастся вернуться. И разве не вышла еще 19-го января, в день оставления Пятигорска—газета? В которой все призывались верить, все ободрялись, сотни тысяч рабочих и крестьян хотели слышать о победе.

Не было победы. Отступали.

В 12 часов дня Анджиевский сказал: все кто может—отступай и организованно. Все что можно—захватите с собой и дела уничтожить.

Задымили костры по Советскому. Возле учреждений, в учреждениях жгли дела трибунала следственных комиссий, нарсудов. В спешном порядке выдавалось служащим жалованье и компенсация. Расчет был полный.

Зима. Лютые морозы. На улицах трупы.

А армия? Армия отступает. Армия тоже труп.

Вот бежит армеец, разутый, раздетый, обмотанный полотенцами, клочьями шинели, силится бежать, но падает от тифа и в стонах умирает.

Это была—армия. Она отступала и падая умирала. Умерла совсем. Уже от Прохладной потом—к Владикавказу и на Астрахань—отступал сброд. Армии не было.

Командир армии XI—Левандовский.

И сказал он группам 19 января: эвакуируйтесь. А еще стояли поседевшие от снега и гнева безсильного коммунистические полки у Ессентуков и Бургустана. Пятигорские рабочие полки. Где печатник, и металлист и швейник и строитель говорили...

— Мы—коммунары. Чтож—умрем.

И как раненый зверь—перед смертью бывает особенно опасен; так они—отступая, дрались как никогда. И не Шкуро-ли к концу декабря убегал от них до самого Баталпашинска?

Тиф. Поголовный, всеобщий. Нет припасов, совсем нет снарядов. Тиф.

Ну кто, ну кто напишет стальную историю стальных людей, которые и смерть побеждали, но которых свалил тиф?

Целый год держаться на рабочих отрядах, на коммунарах, на людях, неумеющих держать винтовки в руках....

Целый год доставлять на себе гужевым путем из Астрахани через пески, увязая по колено в них и в сугробах—патроны.

Самим, не умея, делать патроны—конца все техники, инженеры, химики—саботировали, вредили, изменяли?

И вот—отступать.

Ничего! Собирай дела, жги дела, грузи на подводы трупы товарищей— и айда с красного Пятигорья. Чтобы потом снова прийти.

И во тпотянулись подводы. Подводы. Подводы. Пятигорск спрятался в дома и выглядывал в окошки:

— Большевики убегают.

А беднота уже слышала—она очень чутка—что строют для нее виселицы все эти демократы, офицеры, эсеры—мечтающие об учредительном собрании.

Но главное—куда же деть лазареты? Куда деть живых тифозных? Инвалидов?

И получил 2-й приказ от командарма XI—начсанчасти армии д-р Иванченко:

— Эвакуироваться.

— Куда? Как? Чем? Зачем?

— Без вопросов. Выполнить.

Не было подвод. Денег. Штата. Сил. Времени.

По Советскому, на улицу Теплосерную и дальше через Горячеводск—лавина серых фигур, серых лиц, серых дум. Союзы, армейцы, совслужащие, коммунары—пешком, на подводах, на лошадях и опять пешком—отступают.

И кричат им вслед раненые, выходящие на улицы:—убейте! Нас будут все равно пытать.

И их пытали потом. Рубили. Белые. Учредиловцы.

И все отступающие—партийные, беспартийные, были коммунары. И с какой-же болью сердечной оставляли они вершины: пролетарского, красного Пятигорья! И каким огнем боли и гнева горели их раскаленные стужей сердца...

Куда шли?

На Зольскую. Марьинскую. С.-Павловскую—на Прохладную.

Станичники встречали сурово: проходите. Нет ничего.

Мало было своего брата. Сочувствующего. Такие или пали в рядах армии или тоже отступали.

Наседала белая пурга. Била в лицо, в душу черная метель. Не было обуви, одежды, тепла. Трупами отмечалась дорога.

Куда дорога?

И пусть потом снега засыпали и насыпали сугробы. Разве им замести черную четко проложенную колею из трупов и стонов?

И чернели трупы и алели на белом снеге стоны предсмертные. И были обмороженные лица и шевелящиеся от насекомых тела мертвецов—прекрасны, как вешние цветы.

Коммунары, коммунары Пятигорья! Кто напишет о вас историю? Кто сложит о вашей доблести и вашей гибели песни? Может быть по пути вашего отступления—придорожные ветры?

***

Странная вещь: до чего правые партии и вся интеллигенция обрадовалась приходу добровольцев, так и уму не описать. Просто на лицо был какой-то общественный психоз:

— Слава богу—большевики ушли.

— Наши, вот они, подходят.

— Христос воскресе!—И лобызались все на улицах, и подбрасывали шапки вверх и когда в'ехал первый казачий раз'езд в Пятигорск—все обалдели от восторга:

— Спасители, можно сказать. Родненькие, свои, носители учредительного собрания.

А погоны? Офицер в золотых погонах—это ничего?

Ах, это-же мелочи. Это—так. Там у них по уставу полагается. А власть идет самая демократическая. Хорошая.

И все вдруг наводнили улицы города, заговорили о шоколаде, фунт которого «у них» стоит только 12 рублей (ах-ах), о том, что в 8 вечера в городской думе заседание всех—всех почтенных граждан города с социалистами; а потом, знаете, встреча генерала и вручение так сказать ему ключей города..

И вот все как-то очень уж уверовали в белых; приписывали им чрезмерное благородство и отменный либерализм; и заранее намечали своих кандидатов в думу, «ну и к ним там, в управление, в каолицию, что-ли».

Настроение у всех было веселое. По домам радостной волной прокатывались вести об этих рыцарях, разбивших в пух и прах «Совдепию» и идущих отсюда прямо на Москву, а потом—учредительное собрание.

Так верили и эсеры.

Так говорили и меньшевики.

И те и другие были ведь в первый вечер в здании думы, искали и себе мест у власти. Вначале даже, как социалисты, несколько тонировали перед беспартийными.

И только окраины—о, они чутки, рабочие окраины—знали, кто пришел. На чердаках, в подвалах прятались оставшиеся рабочие; ползли по улицам за город тифозные и раненые красноармейцы, беднота ждала репрессий необычайных. Потому, ведь—враги пришли: кадеты!

И вот 8 часов. Девять. Десять.

В одиннадцать толпа в думе расступилась перед звоном шпор. Неужели генерал? И неужели сладкая встреча и прочее?

Нет. Получайте заслуженное. Грязный заросший офицер вошел, свирепо взглянул и, ударив плетью по столу, крикнул:

— Что за собрание?

— Ждем командующего. Для встречи.

— Ха-ха. Станет командующий с такой сволочью говорить. Марш по домам. Привыкли при большевиках возражать, да митинговать. Мы вам покажем. Слушать: комендант наложил на большевистский Пятигорск 200 тыс. контрибуции. За неисполнение в 24 часа—арест.

Повернулся и ушел. Отзвенели шпоры. Соскочили клочья надежд. И уж по одиночке, сразу сторонясь социалистов, расходились все по домам. А эти—эсеры и меньшевики—потом целую ночь с женами и свояченицами жгли переписку и фотографии, прятали документы и вообще были готовы к репрессиям.

И еще—в тон с огоньками в отдельных квартирах—беспокойно метались по городу стуки молотков и лязги пилы.

Это носители учредительного собрания ставили в разных местах города временные виселицы.

Словом—все было, как и следовало ожидать.

***

Сразу запестрели на газетах лозунги: в передовицах, фельетонах, статьях, рассказах и стихотворениях:

— Добровольческая армия—это крестовый поход интеллигенции, офицерства и казачества для защиты России. (Какой? Какой?).

И даже сокращенно называли:

— Добрармия. Ибо армия действительно была «доброй».

Доброту эту в первую очередь испытало на себе то-же казачество, которое подряд (молодежь) перепороли старики и атаманы и посадили в тюрьмы. Еще когда добровольцы только занимали станицы, так старики, вахмистры и атаман,—выходя с не беда—не выплывут.

— Ваши благородия! Только уж не откажите помочь сынков наших выпороть, а тогда уж мы справимся и обещаем казачью солидарность.

Ну и потом. А уж про иногородних и говорить нечего. Этих без просьб и пороли и вешали. В ряде станиц по р. Тереку—вешали прямо на деревьях, на одной веревке по 3 и над водой: оборвутся, так не беда; не выплывут.

Офицерство—оно всегда пестрая масса. Даже и не сословие, и не каста, а так, по-

месь всего. С германской войны сюда отчасти влилось студенчество, окультурив, так сказать, старую касту; отчасти—случайный элемент, карьеристы и авантюристы. Были и просто интеллигенты «без руля и без ветрил», которые при всяких условиях считали себя обязанными служить.

И ни эта-ли каста дала очень много командиров в Красную армию, а с другой стороны—пополнила дроздовские и корниловские полки?

Нет, большая их часть, серая и так сказать, ординарная—не хотела никаких «крестовых походов». Поэтому, как это ни странно, и в офицерских полках доходило до рукоприкладства. А военный комендант Пятигорска есаул Чайдоянц (тоже казак!), прямо на улицах бил офицеров, не становившихся ему во фронт.

Идейного во всем этом, как ни раздувай—очень мало. Вся-же сила добровольцев была в другом: в юнкерах, контр-разведках, и, главным образом, в кубанцах, которые первую половину 19-го года крепко были привязаны к Деникину ниточками учредилки и обещания широкой казачьей автономии.

Интеллигенция-же: нет, она и не думала ни о каком крестовом походе. Где уж там. Целое лето газеты звали: «Требуются в осваг лектора-пропагандисты с высшим и средним образованием». И никто почти ни шел. Как-же—когда можно спекулировать, обделывать делишки, жить во всю.

И жили.

***

Жили. А в это время тюрьма в Пятигорске, переименованная в областную каторжную, была переполнена «большевиками». Все здесь были: крестьяне, рабочие, казаки, горцы. Сюда сажали по одному признаку:

— Трудящийся—значит большевик. Садись.

По камерам стоял стон. Все они были завалены тифозными. Здоровые сейчас-же заражались от больных. Все испражнялись тут-же и некому было ухаживать за умирающими. Болел тюремный доктор, фельдшер, все санитары, начальник тюрьмы.

Все—тифом.

Уголовники взяли санитарию на себя. При чем занимались только грабежами. Еще больной не умер—но если на нем была приличная одежда или обувь—его тащили в мертвецкую. Лежали все один на одном. От вшей шевелились одеяла, вставала на трупах одежда; умирало в день по 50 по 100 человек. И это было своего рода удобство, иначе некуда было-бы сажать новых!.

А по ночам по камерам бродили шакалы из контр-разведки и забирали свои жертвы. Расстреливали в этот первый черный период чрезвычайно много; и тогда-то расстреляна и М. Бурская, Ф. Хохлов—до этого избитый до безумия; у него выбили один глаз совсем; убили Антонюка, уморили Молотова, заставили Благова вспороть себе живот в камере смертника.

Гудел по переполненным на 400% камерам—тихий ужас. Приговоры военно-полевого суда были однотипны:

Расстрел. Расстрел. Расстрел.

И это знало и видело трудовое население. Рано утром на заре, уже через Кабардинку плелись русские женщины, казачки, крестьянки, жены рабочих—к тюрьме. Они знали, что будет расстрел и стоя в стороне—наблюдали за ним. А когда палачи уходили—бросались к ямам оплакивать:

— Не мой-ли?

— И если мужа не было—жили еще день надеждой; до следующего утра.

А те, чьи лежали здесь, вскинув руки, с широко раскрытыми глазами и разорванными черными грудями и лицом—эти жены не кричали, не плакали, но молча и спокойно оправляли лица, складывали руки, целовали в лоб и уходили тоже молча.

Ждали. Вот придут большевики, тогда...

И слухи росли и крепли. По ночам в горах слышна была канонада. Слышно было, что Гикало формирует отряды, и что в лесах тысячи зеленых. И ждали все, рвались навстречу одному, пили только одни живительные надежды:

— Скоро. Теперь уже скоро. Придут наши.

Павел Кофанов.

Революционное движение в ст. Марьинской.

Прошло 12 лет со времени революции 1905 г. Империалистическая война сроднила фронтовое казачество с солдатами и когда был свергнут с престола Николай II и когда сторонниками революции стали в первую голову солдаты-фронтовики, то за ними потянулись и наши казаки. Меня не было в станице в то время, но, судя по разговорам, станичники радостно встретили февральский переворот.

Но не долго чистая искра горела в сердцах станичников. Верхи казачества, и в особенности казацкие кулаки, сделали свое дело. Вся эта свора в политических вопросах разбиралась лучше, чем трудовые казаки. И вот они, предчувствуя Октябрьский переворот, стали науськивать казаков на то, что нам надо об'единиться и вооружиться против ингушей и большевиков, которых они выставляли как немецких агентов, пришедших будто-бы для того, чтобы отобрать казачью землю. К сожалению, казачьи массы поверили этому провокационному слуху, и стали клонить на сторону верхов все казачество. Возвратившиеся с фронта полки сразу повернули дело. Прибыв из России, фронтовые казаки были настроены большевистски и стали ярыми защитниками Советов. Началась борьба между фронтовиками и стариками, которая закончилась победой первых. К этому времени политическая обстановка в областном масштабе сложилась так, что Терское Правительство сложило с себя полномочия и всю полноту власти передало Совету рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. У нас в Марьинской передача власти происходила на площади. Первым комиссаром станицы был избран Лаврентьев (офицер), ибо влияние верхов казачества все-таки сказалось. Комиссар Лаврентьев вел двойную игру: с одной стороны был сторонником Советов, а правой рукой обнимался с Агоевым и К-°.

Активными сторонниками Соввласти в станице в то время были: Александр Дьяков, Степан Ходин, Лопошенко и Дараганов, при чем последние двое действовали неуверенно. Благодаря агитации верхов казачества, кулаков и кадрового офицерства среди казаков, казачьи массы отделены были от Советов и стали поддаваться их провокации. В июне 1918 г., под действием провокационных слухов, в станице вспыхнуло восстание, руководимое комиссаром Лаврентьевым. Т.т. Дьяков, Ходин и Поплушин вели агитацию, чтобы удержать казаков от восстания, но безуспешно. По приказанию Лаврентьева казаки все-таки отправились на выручку станицы Александрийской, которую, по агитации контр-революционеров, якобы грабили большевики. Сторонники Соввласти Ходин и Дьяков были арестованы за отказ идти против большевиков и им грозила смертная казнь. По совету кого-то они были отправлены на фронт и тем только спаслись.

Нерешительность Агоева и К°, длительность, агитация иногороднего населения, также вышеуказанных т.т., внесли раздор среди марьинцев и казаки вернулись обратно в станицу. После этого сторонники Соввласти стали насчитывать в рядах своих все больше и больше сочувствующих. К ним присоединились: Дараганов Андрей, Лопушенко и Деркачев. Помню особенно Деркачева, когда мне приходилось с ним быть рядовым бойцом, я слышал его слова: «Куда мы пойдем, кого бить, своих же братьев». Если это были слова и не убежденного в то время коммуниста, то все таки они исходили от чистого душевного наплыва.

Казаки разошлись по домам. Станичный Совет продолжал существовать. Вместо скрывшегося Лаврентьева комиссаром заступил Василий Дараганов и помощником т. Лопушенко. Эти два товарища вели всю работу Совета, рискуя быть убитыми, ибо сторонников Соввласти было очень мало. Период этот продолжался недолго.

18 июля 1918 г. наша станица была занята отрядом Агоева и был положен конец Соввласти. До 1 августа было безвластье. С 1 августа агоевцы стали расправляться со сторонниками Соввласти. Арестовали Дараганова и Лопушенко и их расстреляли. Расстреляли также мать Александра Дьякова. Остальные члены Совета успели скрыться в Георгиевск и тем только спасли свою жизнь. Почти на три месяца Агоев становится диктатором станицы. Он назначает комендантом станицы Даниленко, своего палача. Начинается дикая расправа с семьями большевиков, бежавших из станицы. Запуганные дик-

Портреты Сов. Парт. работников на Тереке (1918—1923 г.г.).

1) Тов. Петроградский-Баранчуков.
2) Тов. Жирнов-Жиров.
3) Тов. Прима.
4) Тов. Пащенко.
5) Тов. Шевелев.
6) Тов. Поддубный.
7) Тов. Калмыков.
8) Тов. Зейликович.

Группа членов Минераловодского Ревкома. (Май 1920 г.).

1) Тов. Елфимов, Пред. Орг. Бюро Р. К. П. (б.).
2) Тов. Аракислов, Пред. совещания.
3) Тов. Бородыя, Пред. Ревкома.
4) Тов. Панагриев, Секр. Ревкома.

22

таторством Агоева, станичники не думают даже поднять голов. Так продолжалось до 24 октября, когда из Пятигорска подошли славные красные части Таманской армии, которые погнали Агоева в Терек и в Каспийское море. В станице снова конструируется Соввласть.

В рядах борцов за Соввласть появляются т.т. Цыганков, Растеряев, Дараганов Андрей, Даньшин, которые стараются наладить аппарат Совласти, и работа хотя и закипела, но протекала ненормально. Близость фронта в Кубанской области, окрыляла надежды кулаков казачества и они продолжали вести агитацию против Советов.

Работа Советов протекала при чрезвычайно тяжелых условиях. В январе месяце 1919 г. станица была занята белыми бандами из деникинской армии. Началась расправа с т.т. б. членами Совета. Ходина и Деркачева убивают, а Деньшина, Дараганова Андрея, Полякова, Колянова и др. сочувствующих Соввласти сажают в Пятигорскую тюрьму. Станица лишается на время своих рев. вождей и рев. движение в станице Марьинской затихает. Припоминаю пророческие слова т. Андрея Даранова, когда он, освобожденный из тюрьмы, отправлялся в «наказание» на фронт: «А ведь большевики пройдут по всей России и будут опять у нас!». Но вот прошел весь 1919 г. и наступил 1920 г. Возвращавшиеся с фронта казаки рассказывали в станице о неудачах, о бегстве армии Деникина, о распространении проходившей через фронт агитации большевиков.

Затем Северный Кавказ очищается от белых в марте месяце. После ухода добрармии, в станицу возвратились т.т. б. члены Марьинского Совета и начинается правильная структура рабоче-крестьянской власти. Учреждается Ревком станицы во главе с председателем т. Щербаковым, военкомом назначается т. Карягин. Прибывшим с Красной армией т-м Дьяковым Егором организуется ком'ячейка, в которую первыми членами входят т.т. Касьянов. Даньшин, Комышанов, Чеботарев, Щербаков и Поплутин. Благодаря усиленной агитации ячейка доходит численностью своею до 17 членов. После ячейка увеличивается еще. Работа идет полным ходом.

М. Совершенков.

Октябрьская революция в Ессентуках.

Развернувшиеся события в 1917 году—свержение самодержавия—в начале марта докатились и до курортной станицы Ессентукской. Преобладавшее населению Ессентуков из буржуазии и интеллигентных слоев не задумалось и здесь, во главе с атаманом станицы, захватить в свои руки бразды правления, будучи руководимо пресловутыми эсерами. И это время, как пишет в своих воспоминаниях один из атаманов, протекало тихо и спокойно. Но не долго пришлось блаженствовать буржуазно-эсеровской клике Ессентуков. Развертывавшиеся события уже давали знать всей контр-революционной клике о грядущей нашей победе. Они ее пытались не допустить, усердно агитируя в пользу учредилки, срывая плакаты РКП (б) и вывешивая свои с надписями: «Голосуйте за казачьи списки», «Голосуйте за эсеров».

Контр-революционное гнездо в Ессентуках было довольно сильно, но полученное известие об Октябрьском перевороте, побеге Керенского, подорвало все надежды атаманской власти. Не смотря на ее нежелание покинуть власть, нашими товарищами был создан Совет, который повел твердую линию, заставил атаманскую власть упраздниться и бежать в горы. В этот трудно-переходный момент в Ессентуках стала с'езжаться, ища убежища от событий центра, петроградская буржуазия.

Побег атамана и большинства казачества в горы создал к концу марта и началу апреля 1918 года уже организованные банды, начавшие систематические набеги на Ессентуки и Кисловодск. Эти набеги на станицы с ограблением и убийством жителей, заставили нас организовать боевой отряд. В его состав вошел Совет и весь пролетариат станицы. Отряд сразу же начал отражать нападение бандитских шаек. Об этом тов. Даньшин приводит в своих воспоминаниях следующее:

«Насколько помню, в ночь на 26 августа 1918 года, мне пришлось быть в кара-

уле на станции Ессентуки с 15-ю товарищами. Был слух, что на утро ожидается нападение белых. Гарнизон наш был тогда небольшой: человек 80 местных, да отряд тов. Шиповалова, занимавший позицию за полотном жел. дороги. Рано утром на станицу налетели белые, бросив на станцию бомбы. Видя их упорные действия и учитывая свои силы, я вынужден был отступить к нашему штабу, расквартированному на даче Хохлачева. В станице уже была стрельба. Наступление шло со всех сторон. Частые походы белогвардейских банд, почти ежедневные дерзкие грабежи, сведение личных счетов не только вне, но и внутри буржуазно-кулацкой публики, не давали возможности наладить планомерную работу Ессентукского Совета и его отделов и приступить к планомерному Советскому строительству. Все эти события заставили укрепить позиции вокруг Ессентуков, переходивших часто из рук в руки. Здесь нельзя умолчать о том, что наш отряд, состоявший большей частью из молодежи—добровольцев, был не вполне безопасен и подготовлен. Но все же нельзя не отметить храбрость красных бойцов».

Организация банд ген. Шкуро и захват им станицы Боргустанской (обороной этой станицы ведал полковник Скобельцын) уже предрешил судьбу станицы Ессентукской. В январе месяце 1919 года станица переходит окончательно в руки белых банд, а Советский аппарат принужден эвакуироваться.

Пав. Седов.

Памяти павших.

13-го октября с. г. сравнялось три года, как погибла не достигшая своего полного расцвета «Водопадская коммуна».

Еще в 1918 г. на Водопадском хуторе, где население было кулацкое, где все дышало контр-революцией, выделялись несколько товарищей, преданных делу революции; они начали организовывать вокруг себя не большое ядро—ком'ячейку и закладывать первые кирпичи фундамента, на котором впоследствии и была организована «Водопадская коммуна». В 1918 г. на хуторе Водопадском, товарищами Григой и двумя моряками Поух и Сотниковым, была организована первая ком'ячейка, работать которой не пришлось, так как она была организована в декабре 1918 г., а 7 января 1919 г. территория Терека была занята Деникинской армией.

Водопадская ком'ячейка в 1918 г. состояла из 17 человек. На последнем собрании 6 января городской комитет РКП (б) возложил на Водопадскую ком'ячейку провести борьбу с дезертирами, которые наполняли в то время Водопадский хуторок. На следующий день члены «Водопадской коммуны» приступили к выполнению возложенного на них задания; на этой работе и были застигнуты белой армией, жестоко расправившейся с тов. коммунарами, попавшими в ее руки; в числе которых попали и члены Водопадской ком'ячейки: т.т. Грига и Поух, остальные же все отступили с Красной армией. Тов. Грига и тов. Поух после долгих пыток и издевательств в тюрьме, были расстреляны 15 марта 1919 г. Главную предательскую роль здесь играли проживающие и занимающие командующие высоты на хуторе Водопадском контр-революционеры Богомолов, Байцуров и еще целый ряд приспешников, которыми был наполнен Водопадский хутор. Но если этой кучки контрреволюционеров удалось уничтожить и разогнать членов Водопадской ком'ячейки, то корни, которые пустила эта ком'ячейка, дала свои растки в 1920 г. и дело начатое т.т. Грига, Поух и Сотниковым было продолжено отцом тов. Сотникова, который на фундаменте, заложенном в 1918 г. организовал вторую Водопадскую ком'ячейку в 1920 г., которая и организовала «Водопадскую коммуну», просуществовавшую с 4 мая по 13 октября 1920 года.

На первом собрании ком'ячейки 4 мая было вынесено решение организовать коммуну, и на второй же день члены ком'ячейки приступили к работе. Эта работа была похожа на работу муравьев, которые дружно и упорно строют свой муравейник; так строили свою коммуну коммунары, состав которых был из испытанных, преданных товарищей возвратившихся после отступления, из Красной армии и жен и детей, расстрелянных белой армией.

Много было потрачено энергии и труда

для того, чтобы коммуну поставить на должную высоту и это достигается; Водопадская коммуна делается маяком для беднейшего населения хутора Водопада, которые все потянулись к этому маяку. И чем больше росла популярность коммуны, чем сильнее завоевывала она симпатию среди беднейшего населения, тем сильнее разжигалась и росла ненависть и злоба среди остатков контр-революции, ютившейся в хуторе Водопадском, которая не дала коммуне достигнуть полного расцвета.

И вот 13 октября 1920 г. подлой рукой бело-зеленой банды, с таким трудом выстроенный муравейник, был разорен. 13 октября, утро пасмурное, туманное, как будто бы и природа идет за одно с белой бандой и своим покрывалом густого тумана хочет скрыть злодеяния, свершаемые над коммунарами. Пять часов утра; еще ночь не совсем сняла свое темное покрывало и муравейник коммунаров только что начинает просыпаться и еще находится в полусонном состоянии, как на него налетает бело-зеленая банда и начинается зверская, кровавая расправа над обезоруженными коммунарами.

На том месте, где с таким трудом была создана коммуна, где вчера еще жизнь била ключем, здесь было все разорено, разбито и лежало 13 изуродованных, окровавленых трупа. Из этих 13 коммунаров, погибших от руки контр-революции, было 5 членов РКП (б), т.т. Баклицкий с 1920 г., Поух Марина с 1918 г., Сотников Н. с 1918 г., Сотникова Татьяна с 1918 г., Щерица Мария с 1920 г. и остальные 8 беспартийные, но стремившиеся к социализму, это доказано их пребыванием в коммунистической среде, где они начинали строить свою жизнь на коммунистических началах, за что и были казнены подлой контр-революцией.

Ольга Сотникова.

Во Владикавказе в 1919 году.

Это было в начале 1919 г. Мы только что прибыли в г. Владикавказ, куда эвакуировались из гор. Пятигорска, который вынуждены были оставить под сильнейшим натиском белогвардейщины 19 января 1919 года.

В описываемый момент, Владикавказ представлял из себя сплошной военный лагерь. Кроме того, благодаря страшной эпидемии сыпного тифа, крупные здания были превращены буквально все в лазареты.

Город действительно представлял необычайный вид. Отступившие военные части разных полков и отрядов, коммунары чуть ли не со всего Северного Кавказа, члены профсоюзов, советские служащие и просто граждане, чем либо связанные с Советской властью и боявшиеся репрессий со стороны «кадетов», как тогда именовалась контрреволюционная белогвардейщина.

Все смешалось в кучу.

Эвакуированные учреждения в свернутом виде размещались по разным гостиницам и частным квартирам.

Полуголодные, полураздетые люди, представляли тяжелое впечатление.

Продуктов и хлеба не хватало или, вернее, на рынке почти отсутствовали.

Контр-революция в городе не дремала. Если и были кой-какие запасы продуктов, то они с нашим появлением во Владикавказе, быстро исчезли. Приберегались для «своих», или из-под полы, продавались по бешеной цене и только на «керенки».

Единственно, приходилось поддерживаться тем, что удалось прихватить с собою при эвакуации.

Из всех отступавших товарищей из Пятигорска, заболело тифом свыше 50%.

Тяжесть положения усугублялась еще и тем, что не хватало помещений для больных, не хватало медицинского персонала и медикаментов. И зачастую, больные сыпняком вынуждены были валяться где-нибудь на полу вместе со здоровыми, тут же их заражая. Несмотря на то, что весь медицинский персонал и даже женщины, были мобилизованы для борьбы с эпидемией, все же этот персонал сбиваясь с ног и тут же сам заражаясь, далеко не мог справиться с принявшей колоссальные размеры эпидемией.

Ежедневно умирало от 100 до 200 человек.

А противник все наседал и наседал. Не прошло и пяти дней, как вступили мы в город, как он уже подошел, после занятия Прохладной и других станиц, к Беслану.

Беслан от Владикавказа отстоит в 20 верстах. Первые орудийные выстрелы неприятеля и город принял боевое настрое-

ние. Гражданская власть перешла к военной. Решено было оказать самое решительное сопротивление противнику при подходе его к Владикавказу, для чего специально была послана делегация в Базоркино, для переговоров и воодушевления ингушей. Договорившись для совместных действий, было приступлено к обороне города.

Все члены профсоюзов были призваны под винтовку, а в дальнейшем и все, кто мог владеть оружием.

И вот 2 февраля неприятель стал приближаться от Беслана к городу, но тут ему пришлось наткнуться на наши укрепленные позиции, наши окопы и первая его попытка ворваться в город была с успехом отражена. Он вынужден был отступить и окопаться.

Начался беспрерывный бой. День и ночь залпы пехоты, пулеметная трескотня, буханье орудий и бомбометов. Над городом пули летали как пчелы. Временами шрапнелью срывались крыши домов, сносились дымовые трубы, разносились оконные стекла.

Жуткие дни переживал Владикавказ. Борьба была решительная. Или жить, или умереть. Так был поставлен вопрос. Да и другого выхода не было: каждый знал, что его ждет впереди. Милостей от белогвардейских палачей из нас ни кто не ждал.

Так длилось ровно десять дней беспрерывной осады.

Наши силы начали слабеть с того момента, когда начал ощущаться недостаток патронов.

Действительно, не имея ни откуда подкрепления патронами, запасы которых быстро истощались и, под конец, на каждого бойца начали выдавать по 5 штук патронов. Настроение среди бойцов начало падать, а враг, заметя слабевшее отражение, начал еще сильнее налегать и 11 февраля выбил наших из окопов и начал окружать город тесным кольцом.

К двум часам этого дня им был занят уже вокзал, а к 4 часам он уже занимает весь город.

Наши отстреливаясь, отступили по направлению к Грузии, к ингушским аулам.

Многим товарищам, больным и рассыпанным по разным направлениям города, не удалось отступить, да и нельзя было назвать отступление организованным, так как оно было до известной степени неожиданным потому, что была надежда при общих усилиях отбиться и оттеснить противника за пределы Беслана и т. д., после чего мыслилось правильное отступление на г. Грозный и т. д.

В числе пленников у белых оказался и автор этих строк.

За час до занятия белогвардейцами города, мне нужно было снести пищу и лекарство в лазарет больному товарищу Ш., с которым не хотелось расставаться и которого не хотелось оставлять на с'едение белым палачам, но при возвращении обратно, было уже поздно: противник с быстротою молнии занимал город и я неожиданно оказался в занятых им уже улицах.

Делать было нечего; выждав за воротами одного из домов удобного момента, я приняв все предосторожности, благополучно достиг до своей будущей консперативной квартиры, к одному печатнику, к тов. Ч—ву, благо противник, увлеченный своим успехом, в этот момент прохожих по улице не задерживал, может быть еще и потому, что из всех домов высыпала вся контр-революционная свора: буржуазия, мещанство и обывательщина, для встречи своих дорогих избавителей от «большевистского гнета».

С этого момента наступают кошмарные дни.

Еще с вечера этого же дня белогвардейская банда, как голодные шакалы, набросились на мирных жителей города, производя повальные обыски буквально во всех домах, за исключением квартир офицеров и домов контр-революционеров.

Часа в два ночи раздался сильный стук в ворота нашего дома на Мещанской улице.

Вышедшему моему квартирному хозяину было предложено вынести лампу и освещать дорогу в нашу квартиру.

Первый в квартиру вошел с наганом в руке казачий офицер, за ним, в бурках и шубах, казаков человек 5.

Первый вопрос офицера был обращен ко мне:

— Кто ты такой?

— Рабочий,—отвечаю ему. Работаю в типографии. Вот и мой хозяин,—указываю на квартирного хозяина т. Ч—ва, (дей

ствительно, в то время содержавшего в аренде маленькую типографию).

— Врешь,—видно по всему—комиссар. Взять его в штаб...

Доказывать о том, что я «не комиссар», было бесполезно и я быстро решил, при выходе из квартиры на улицу,—броситься в бегство. Легче умереть при побеге, чем переносить издевательства палачей на допросах и пр.

Но случилось совершенно иное.

Вся эта банда была заинтересована другим. Под предлогом поисков оружия, начала шарить в сундуке, комоде и гардеробе. Хозяин и хозяйка растерялись и незаметили как в карманы бандитов летели серебряные часы, кошелек и друг. мелкие, но ценные вещи.

Такая «операция» была проделана очень в спешном порядке и у других квартирантов нашего двора.

Через несколько минут, лихие ночные рыцари оставили наш двор.

Я облегченно вздохнул.

Не прошло и десяти минут как вся дворня, каждый у себя, обнаружил ту или иную кражу.

Моя хозяйка, которая с нетерпением ждала «настоящую власть», т. к. ей красноармейцы страшно не нравились,—сразу понесла на чем свет стоит кадетов-грабителей. Собиралась пуститься в догонку им, но нам удалось ее уговорить.

На другой день состоялся торжественный молебен в соборе с участием ген. Шкуро и всего «христолюбивого воинства», по случаю избавления от большевистской власти.

А на третий день, на этой же самой площади, была установлена виселица.

Их было в разных частях города около десяти.

Вешали и расстреливали каждую ночь пачками, по несколько десятков. Ночью вешали и оставляли на день трупы висящими.

Так белогвардейщина справляла свою победу, свою тризну, над большевиками во Владикавказе.

Свыше месяца пришлось скрываться в подпольи в этом кошмарном городе и только простая случайность спасла нашу жизнь с т. Ш.

Благодаря помощи товарищей—печатников, по выздоровлении т. Ш. от тифа, нам удалось с большим трудом и опасностью для жизни, перебраться в г. Моздок, в ст. Луковскую, где у моих родственников—казаков, удалось скрываться продолжительное время.

Ф. Пащенко.

Тревоги в стане белых в июле 1919 г.

В то время как добрармия теснила наши еще неокрепшие ряды по направлению Херсон—Полтава—Курск—Воронеж, Саратов—Камышин, главноначальствование в Терско-Дагестанском крае с тревогой озиралось к горам, где было не все благополучно. Так 3 июля 1919 г. главнонач. края в официальном сообщение своем говорит, что «применяясь к Ингушетии, примирительная и мягкая политика по отношению к ингушам в Назрановском и др. округах не привела к цели». Контр-разведка выяснила, что в среде горцев велась самая распространенная и сильная пропаганда эмиссарами большевиков. Официоз края «Вестник» сообщает, что в горах Дагестана скрылось много большевиков и комиссаров, «которые, будто-бы, обладая крупными средствами», вели агитацию против добрармии, что «возбуждение классового и национального чувства против казачества и вообще русского населения для большевиков—дело легкое», доказательством чего и как характеризующий факт, официоз приводит—нападение 600 всадников—ингушей на казчий эшелон на ст. Назран. Далее сообщается о том, что красные Астраханские части пытаются прорваться к Дагестану, встречая поддержку в Азербейджане и Грузии. Успех большевистской агитации белая пресса находила в «некультурности горского населения», а также в «психологии восточных людей—отмщения». В заключение—призыв ко всем «благомыслящим и интеллигентным частям» горского населения о поддержке добрармии, как это сделали осетины. Какая наглая провокация таится в сообщениях белоначальствования. Стравливали нации как раз верхи горцев и казачества. Большинство из большевиков и соработников перенеся всех видов тифы,

скрылись при отступлении в горы чуть-ли не в одной рубашке, вынесли неимоверные страдания во время скитания по горам, но имели в руках оружие и главное, конечно, основанное на классовой борьбе, оружие—слово—агитация и пропаганда идей Коммунизма. Понятно, эта агитация имела успех среди наиболее обездоленных при царском режиме сознательных пролетарских элементов горцев-ингушей, чеченцев и др.

Для иллюстрации припомним действия в 1919 и начале 1920 г. в горах славных отрядов т. Гикало.

Вс. Апухтин.

Ликвидация Армавирской подпольной организации.

(Памяти Розы Каспаровой, Кати Румянцевой, Сурена Магаузяна и др. 16-ти).

Приблизительно в июле месяце в Пятигорскую областную каторжную тюрьму были доставлены 20 человек товарищей, выловленных частью в Пятигорске, и, главным образом, в Армавире. Им пред'явили обвинение в организации Армавирской организации большевиков, подготовке восстания с целью ниспровержения существующего на Сев. Кавказе строя добровольческой армии и сношениях как с организациями Баку, так и с красным фронтом через Ростов н/Д и Царицын.

Главарями этой выловленной организации называли Розу Каспарову, Сурена Магаузяна, Катю Румянцеву и Тамару, фамилия которой не известна. Эта группа довольно продолжительное время держалась весьма замкнуто, категорически отрицала не только участие в подготовке восстания, но и вообще принадлежности к комунистической партии. Больше этого: богатые родственники Розы Каспаровой, проживающие в Пятигорске и брат Сурена Магаузяна, помощник прокурора и крайне правый по убеждениям, прибывший из Владикавказа, прямо поставили вопрос о наличии здесь грубой ошибки. Они уверяли, что это группа молодежи, студенты, студентки и учителя, которые собирались исключительно в порядке кружковщины и землячества—и никакого участия в политике не принимали.

Такой-же примерно линии поведения придерживались первые месяцы и сами заключенные; не зная состава тюрьмы, они вначале ни к кому «не висли на шею» со своими делами (как это было в моде среди остальных и особенно Пятигорских молодых товарищей), правильно расчитав, что здесь могут сидеть рядом с коммунистами и подосланные агенты добровольческих разведок.

Поэтому довольно долго многим из сидящих казалась подозрительной их дружба и постоянная переписка с офицерами Добрармии, сидящими в тюрьме: Берсом, имевшим связи у Эрдели и капитаном Петрашевским.

Но вот Сурен нащупал подлинных партийных товарищей и уж с ними поделился сведениями об их аресте.

Их организация состояла из преданных товарищей, главным образом студенческой Армавирской и Бакинской молодежи. Из Баку они получали средства на работу. Держали связь с красным фронтом Царицын—Воронеж—Харьков—и Бакинским комитетом. Во главе стояли Роза и он, Сурен. Катя была женой известного Бакинского коммуниста Румянцева и служила для связи Армавира с Ростовом и Баку. Работу они начали с мая; вскоре почувствовали, что в их среду втерся провокатор; тогда решили переехать для работы в Пятигорск и сразу начать действовать, так-как здесь находились все учреждения и штабы Северного Кавказа. Розу арестовали в Пятигорске; здесь-же и в Армавире на явочных квартирах устроили засады и взяли Катю, Тамару, а потом и прибывшего из Баку Сурена. Пошли поголовные аресты; один из слабых и молодых членов организации назвал ряд товарищей имевших по его мнению отношение к организации. И вот пошли аресты, командование об'явило о раскрытии крупного заговора и всех арестованных в количестве около 27 человек препроводили в Пятигорскую тюрьму.

Сидя в тюрьме, все эти товарищи держались хорошо. Переписывались между собою, старались видеться друг с другом при посещении больнички в утренние часы, с партийными были откровенны. Не однократно их допрашивали. Неоднократно Роза и Сурен возвращались из контрразведки чернее тучи. Об их деле знали

в Пятигорске, знала и тюремная администрация. Поэтому было два случая избиения их юнкерами тюремного караула и помощником н-ка тюрьмы—прямо в камере.

В декабре о них на время забыли. В это время дела добровольцев стали настолько плохи, что им вообще было не до заключенных. Но юнкера, приходившие в караул, похвалялись грозя арестованным, что если им всем придется с Кавказа отступать, «то они все равно поперестреляют и повырежут всю тюрьму».

Обстановка складывалась тревожная. Иные задумывались об организации побега из тюрьмы. Но как можно было к этому приступать, если тюрьме заведомо было известно, что фронт еще у Ростова н/Д, а в Пятигорске никакой подпольной организации, никаких средств, все раздеты и разуты, зима стоит невозможно лютая. Целые дни метался по корридорам из женской половины тюрьмы на мужскую мальчик 5 лет Володя—сын Кати Румянцевой; это он разносил всем своим записки с просьбой, что-нибудь предпринимать.

Но вот 31-го января в 10 часов вечера явился в контору тюрьмы отряд офицеров и заявил, что «он прислан конвоировать группу Розы и Сурена в Екатеринодар, где их дело и будет разбираться». А нужно сказать, что их родственники все время просили о передаче их дела главному прокурору в Екатеринодар, где будто-бы Кубанская Рада не позволяла расстреливать и суд был мягче.

Собрали их 20 человек в конторе; из них одного только оставили по болезни—Кнапинского. 19 же человек повезли. При чем некоторые из них были встревожены ночным отправлением (это был плохой признак; часто инсценировали побеги и по дороге расстреливали!), другие радовались, что они едут в Екатеринодар.

Их-же оказывается обманули, повезли в Грозный и на заре 2 февраля в тюремном дворе повесили. Первой вешали Розу; затем Катю, 3-м Сурена и т. д. Все они спокойно шли на виселицу. Сурен перед смертью воскликнул: да, мы гордимся тем, что мы коммунисты; за каждого из нас вы поплатитесь сотнями смертей.

После, через 2 недели, родственники Каспаровой посылали в Грозный за телом Розы. Ездивший передавал, что все тела, совсем голые, были сброшены в общую яму, грудой, как нибудь и настолько плохо зарыты, что из земли торчала кисть руки Кати. Тела их были вытянутые, синеватые. Лица спокойны, но обезображены.

Гражданская война по материалам участников.

КИСЛОВОДСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОТРЯДЫ В 1918 ГОДУ.

(По воспоминаниям Пятигорского помвоенкома т. Халина).

Первое формирование Кисловодских революционных отрядов относится к февралю месяцу 1918 года. Так был сформирован 1-й Кисловодский баталион, впоследствии отправленный на Кубань для борьбы с бандитизмом. Затем в мае месяце того-же года был сформирован отряд особого назначения из членов профсоюзов и коммунистов, который вел бои с Шкуро. Затем уже после первого налета на Кисловодск отрядов Шкуро, был сформирован кавалерийский дивизион. Эти части принимали участие в борьбе с Шкуро и они в начале января 1918 года оставили Кисловодск, дабы присоединиться к отступающим частям Красной армии под натиском белых из Пятигорска.

ВОЗДВИЖЕНСКИЙ БОЙ ОТРЯДА ГИКАЛО В 1919 ГОДУ.

(По воспоминаниям ад'ютанта отряда тов. Комарова).

В 1919 году, когда на Северном Кавказе царила власть белых, незначительные части 11 и 12 армий, отступавшие в Чечню, вошли в отряд тов. Гикало, который держался в горах Чечни в крепости Шатой. Численность отряда достигала 300 человек. Он был достаточно вооружен и имел 2 с третью дюймовое орудие горного типа и 12 пулеметов. Так как в то время чеченцы были настроены враждебно к Советской власти, то отряд оставил крепость и перекочевал в русское село Воздвиженское, что в 25 верстах от Грозного, где

поставил себе землянки и расположился на стоянку. Здесь отряд часто подвергался нападению аэропланов белого командования, сбрасывавших на поселок бомбы.

31 декабря 1919 года отряд был внезап но глубокой ночью атакован белыми и, видимо, погиб-бы, если-бы не боевой энтузиазм его вождя—Гикало. В ожесточенной схватке отряд оттеснил белых и занял позицию. С утра начался бой. Отряд Гикало имел всего 211 человек и 8.000 патронов. Противник имел до 8.000 штыков и 30 пулеметов. Ровно 6 часов сражался небольшой отряд: его пулеметы погорели, у орудия сломался лафет, патроны подходили к концу. Оставалось пробиваться в горы штыком, что отряду и удалось ценой боль ших потерь. Отряд направился в Шатой, но по дороге на него напал князь Дышнинский, в отряде которого было 4 пушки и 18 пулеметов, при большом количестве патронов. Ночью отряд обезоружил князя Дышнинского и вновь начал свои действия в районе Грозного, где и держался до прихода частей Красной армии.

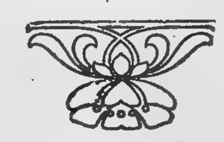
ШКУРО В КИСЛОВОДСКЕ.

(По воспоминаниям политтергубвоенкома тов. Халина).

Первый налет на Кисловодск был совер шен Шкуро в июне месяце 1918 года отрядом силой до 600 сабель. Кисловодск, ок руженный противником, был занят. Сопро тивление было оказано частям гарнизона, к тому времени находившимся в периоде формирования. Сопротивление было стойкое, что и вынудило Шкуро оставить с на ступлением темноты Кисловодск, при чем им были увезены из Кисловодска бывшая императрица Мария Федоровна и те из великих князей, которые к тому времени были в Кисловодске. Видимо этот факт и был целью налета Шкуро. Второй налет был в августе и закончился занятием Кисловодска на небольшой срок. В сентябре месяце после упорного боя была занята ст. Кисло водская, при чем при ее занятии видную роль сыграл отряд под командой т. Халина. Благодаря подоспевшему к бою отряду т. Козлова и Кисловодск был взят.

Последнее занятие Кисловодска Шкуро было уже в январе 1919 года в порядке эвакуации этого города частями Красной армии.

Пребывание Шкуро в Кисловодске ознаменовалось большими репрессиями. Погибли многие из активных работников Соввла сти: погибли председатель Кисловодской ЧК Ге и его жена; военрук Кисловодского увоенкомата Ланвер, братья Ивановы; из красноармейцев мужественно погибли Ваш кевичев и Катыхин. Все они были повешены. Террор особенно усилился в 1920 году, когда многих даже заподозренных в сочувствии большевикам расстреливали или публично вешали. В 1920 году начальником гарнизона г. Кисловодска был генерал Петренко, впоследствии убитый где-то в горах. При вступлении Красной армии в 1920 году граждане встречали ее с полным радушием и сочувствием.



Похороны жертв авантюры Сорокина товарищей: Председателя ЦИК'а Северо-Кавказской С. С. Р. Рубина, члена то-же ЦИК'а Дунаевского, Председателя Северо-Кавказского Комитета РКП (б.) Крайнего и др. гор. Пятигорск 26 октября 1918 г.

(См. стр. 47—48).

Портрет тов. Г. Г. Анджиевского, основателя Пятигорской организации Р. К. П. (б.), и первого Председателя Большевистского Пятигорского Окружного Совдепа.

Родился 30-го сентября 1891 г., погиб на виселице от рук белых бандитов 31-г августа 1919 года.

(См. стр. 169—174).

Биографии.

Григорий Григорьевич Анджиевский.

Тов. Анджиевский был исключительным партийным деятелем на всем Северном Кавказе в 1918-м году. Его рост в этом отношении—от рядового, полуграмотного солдата германской войны, до крупного областного деятеля и члена ЦИКА Сев.-Кавказских республик и Краевого комитета партии—был многообещающим. А его работа по Пятигорской организации—руководящей и показательной в том отношении, что рисует обстановку и характер работы организации 18 года на Кавказе вообще.

Родился Григорий Григорьевич 30-го сентября 1891-го года в местечке Козантины Таврической губернии в семье бедного рыбака. Рано лишившись отца, он вместе с семьей привыкает с первых детских лет к нужде и полуголодному существованию. В начале ему удается попасть в Темрюке в городское училище, но смерть матери лишает его последней возможности получить образование и с этого момента он начинает скитаться по чужим углам и в первую голову поступает мальчиком к продавцу в Екатеринодаре.

Не приходится говорить о том, что атмосфера торгашества, мелкого обмана и наживы была не по душе мальчику, любившему до безумия чтение. Часто книга заставляла его переносить пинки и ругань хозяина и, наконец, он был из магазина изгнан совсем. Попытки его братьев и сестер устроить его в другие магазины кончались неуспехом. И вот его отправили в Темрюк, где и отдали учеником в местную типографию.

Здесь он продолжает много читать, втягивается в кружковщину, затем перебирается в Ростов на Дону в типографию газеты «Приазовский Край», где окончательно связывается с подпольниками и вступает в члены организации.

1914-й год с его мировой неслыханной войной прикрывает их подпольную работу; руководители арестовываются, молодежь отправляется на фронт; в числе других забирается в солдаты и Григорий Григорьевич. Не приходится говорить о том, сколько ему пришлось перенести на фронте за свою агитацию среди солдатских масс; достаточно указать хотя бы на то, что за лозунг—война против войны—он даже был подвергнут телесному наказанию.

Наконец, получив ранение, он был эвакуирован на родину, а оттуда к концу 1916 года в Пятигорск.

После февральской революции он начал выступать на полковых митингах, массовых собраниях и скоро обратил на себя внимание, как пламенный оратор, умеющий владеть массой и зажигать ее лозунгами—борьбу за рабочую власть. Находясь в 113-м запасном полку, квартировавшем в Пятигорске, он вел среди солдат усиленную агитацию, был избран от них в полковой комитет, а затем и председателем этого комитета. В процессе работы, он ведет борьбу с реакционным офицерством и вскоре избирается председателем большевистской фракции комитета; попытки офицерства отправить «этого смутьяна» на фронт не увенчались успехом; солдатская масса встала как один на защиту своего руководителя и с этого момента пропагандистская работа Григория Григорьевича развернулась во всю.

Из ближайших его товарищей по работе в то время, следует отметить т. Малыгина, старого марксиста, погибшего впоследствии в числе 26-ти бакинских комиссаров в Закаспии.

Тов. Малыгин оказывал на Григория Григорьевича большое влияние; он отшлифовал его, помог справиться с марксистской литературой, не оставлял долгое вре-

мя своими указаниями, советами в работе по созданию своей организации.

А история февральской революции в Пятигорске складывалась так, что давала все время большую пищу для большевистской агитации.

Как известно, в первые дни марта, по получении официального уведомления о перевороте в центре—здесь был избран из случайных людей первый «временный гражданский исполнительный комитет», куда вошли так называемые передовые уважаемые граждане и люди умеющие красиво говорить о прелестях революции. Здесь придется отметить в составе комитета офицера Петражицкого, дельца Уманцева, учителя Корзун, частного поверенного Лунина и ряд других.

С апреля, когда вернулись с каторги эс-эры, возглавляемые в Пятигорске работником 1905 года Леонидом Орловым—были по четырехвостке произведены выборы в городскую думу. И вот эта-то дума так работала, что вскоре настроила против себя и население и воинские части.

Трудовые массы Пятигорска очень скоро сумели рассмотреть, что за громкими фразами этих краснобаев о демократических свободах, в сущности скрывается пустота. И вот в массах имя Анджиевского становится с каждым днем все популярнее. На митингах и собраниях, где он прямо ставит вопрос о передаче земли крестьянам, а предприятий—рабочим и указывает, что февраль трудящимся ничего не дал—его уже не прерывают и не освистывают, но слушают с вниманием напряженной, железной тишины.

Ясно, что когда происходят выборы в меньшевистский совет рабочих и солдатских депутатов, он проводится и туда от 113-го полка и становится товарищем председателя его, при председателе Бутырине (впоследствии член РКП (б), ведя непрестанную борьбу агитацией против соглашательства меньшевиков и эс-эров.

Организованный в июне социал-демократический клуб «Жизнь» становится ареной для этих состязаний и собирает громадное количество шинелей и рабочих блуз. От большевистской ячейки выступает здесь каждый вечер Анджиевский, Малыгин или Булле. От социал-демократов меньшевиков—Гурари; от эс-эров—Андреев.

Наконец, достаточно укрепившись и имея группу последователей—большевики выходят из клуба и организуют самостоятельную партию, выделив в комитет Анджиевского, Булле, Малыгина, Свирелина и других товарищей.

Молодая партия, насчитывающая в начале 19 человек, крепнет с каждым днем и к концу 1917 года насчитывает уже 400 человек. Вся ее работа сводится только к укреплению своих рядов, письменной и устной агитации, подготовке к перевороту. К этому времени буржуазия Пятигорья уже в достаточной мере сумела оценить, каким злейшим классовым ее врагом является тов. Анджиевский. Роспуск солдат 113-го полка отстрочил Октябрь в Пятигорске; и вот уже с этого времени западает в голову Григория Григорьевича мысль о необходимости сформировать добровольческую Красную армию.

13-го декабря убивается в Прохладной глава Терского войскового правительства Караулов; для пресечения могущих возникнуть в крае между отдельными горскими племенами и казачеством междоусобиц—наскоро социалистический блок из большевиков, меньшевиков и эс-эров создает Терский областной народный совет под председательством Пашковского, которому и поручается подготовить выборы областной власти. Нечего и говорить, что этот народный совет, несмотря на то, что председателем его являлся большевик, был в сущности самым реакционным.

Все это видел т. Анджиевский, понимал, что Владикавказ, как высший центр национальных распрей и споров земельных казаков с горцами—не сумеет сверху провести Октябрь на Тереке, и, что за эту работу надо приниматься низам. Поэтому деятельно готовился к проведению этого в Пятигорске, присматривался к своим силам, намечал кандидатуры для будущего исполкома большевистского Совета. При выборах в учредительное собрание он проходит по большевистскому списку № 7. А после разгона Учредилки—всей организацией подходит вплотную к рабочим массам, день и ночь агитируя на площадях, бульварах, в трамвае, на базарах и зная, что настает момент перевыборов меньшевистского Совета.

В феврале 18-го года он избирается делегатом на с'езд делегатов трудового народа Терской области, который сперва заседает в Моздоке, затем переезжает в Пятигорск.

На этом с'езде т. Анджиевский избирается в президиум в качестве товарища председателя с'езда. 4-го марта (17 по н. ст.) с'езд признает власть Совета Народных Комиссаров; и переезжает для окончания работ во Владикавказ. А т. Анджиевский производит в Пятигорске перевыборы Совета, и избирается председателем большевистского Совета в Пятигорске.

4-е марта 1918 года таким образом входит в историю Терека как день признания центральной Советской власти и начала выборов большевистского Совдепа в Пятигорске.

25 марта по н. с. избирается Совдеп.

Зашевелилась, закипела работа. Предоставив Владикавказу самому распутывать сложный национально-земельный клубок—Григорий Григорьевич весь отдался творческой работе: создавал отделы исполкома, писал воззвания, формировал одновременно газету, суд, земельный отдел, бухгалтерию. Вся эта работа представляется сложной и невообразимо трудной еще и потому, что ни сам т. Анджиевский, ни его соратники рабочие, совершенно не имели никакого административно-хозяйственного опыта; и в своей работе сразу же натолкнулись на сопротивление и контрагитацию правых партий и саботаж всех чиновников и интеллигенции.

Но это не могло остановить железной воли т. Анджиевского.

Работая дни и ночи, он успевал писать приказы, обходить отделы и инструктировать начинающих заведующих, принимать сотнями посетителей, вдруг поваливших по делу и без всякого дела в исполком, формировать первые добровольческие части Красной армии, быть на всех рабочих конференциях, культзаседаниях о театре, клубах, реформах школ.

Это был неиссякаемой энергии человек, стального характера, огромной воли и таланта, организатор и блестящий оратор. Лучше Анджиевского никто в Пятигорске не умел овладевать массами и это неоднократно отмечалось даже его противниками: меньшевиком об'единенцем Луниным и эсером Леонидом Орловым.

Они любили острить по поводу того, что большевики держатся только на Анджиевском и больше у них-де в партии нет никого. Это, конечно, было глубоко неверно: десятки, а потом и сотни рабочих членов партии впоследствии сумели показать и уменье управлять отделами и готовность умирать на фронте за идеи рабоче-крестьянской власти. Но несомненно было и то, что в начале они действительно страшно терялись и только присутствие в их рядах «Гриши», как они его любовно называли—окрыляло их и заставляло не опускать рук.

В начале апреля в Пятигорске произошло восстание Нижевясова, которое едва не стоило жизни Анджиевскому и не вызвало гибели всего дела.

Нижевясов, избранный от партизанских частей—Пятигорского штаба Красной армии—в Совдеп и будучи товарищем председателя Совдепа и председателем армейского штаба—вздумал Совет разогнать, комитет партии расстрелять, а самому захватить всю власть на группах. Но благодаря бдительности Григория Григорьевича, эта авантюра не удалась, хотя буквально все роты штаба были, состоя из фронтовиков—за Нижевясова.

Комитет партии выпустил к рабочим воззвание, с призывом взяться за винтовки и выступить на поимку бандита; по прямому проводу были вызваны из Владикавказа броневики, с которыми прибыл и председатель Терского Совнаркома (избранного в конце с'езда трудовых народов во Владикавказе)—т. Буачидзе. Город был об'явлен на военном положении; и на второй день Пасхи—8 апреля—восстание Нижевясова было ликвидировано; Нижевясов с помощниками были расстреляны, части расформированы и вместо них вербовочной комиссией приступлено к набору в регулярную Красную армию.

К этому времени нужно отнести работу в исполкоме и других партий: социал-демократов, интернационалистов и левых эсеров. Но вот вскоре т. Анджиевским стали проводиться в жизнь декреты о социализации домов, национализации предприятий—это сразу отпугнуло соглашателей.

В мае месяце т. Анджиевский уезжает в Москву для доклада т. Ленину о работе и выяснения того, правильную-ли линию взял Пятигорский совдеп. Настоящий вопрос ставился в виду неоднократных упреков Анджиевскому из области о том, что он слишком увлекается, переоценивает силы и обстановку и смотрит на все только «с точки зрения Пятигорской колокольни».

Центр, конечно, признал линию поведе-

ния Пятигорска правильной; отпустил средства и литературу; и когда Анджиевский вернулся в Пятигорск вновь—трудовые массы устроили ему в Рабочем Дворце овацию.

Работая в нечеловеческих условиях на поприще советского строительства, Григорий Григорьевич естественно не мог уделить должного внимания партийной работе; поэтому в мае месяце можно было наблюдать рост влияния меньшевиков и эсеров с одной стороны, и ряда казачьих восстаний—с другой. Полковник Шкуро, отпущенный под честное слово Терским совнаркомом, формировал в горах банды из казаков станиц: Бекешевской, Суворовской, Бургустана. Вся Сунженская линия пылала в зареве восстаний; изгнанные из Пятигорья правые эсеры стягивали свои силы в Моздоке, где и образовалось, во главе с полковником Бичераховым (тоже отпущенным Владикавказом), «временное терское правительство», об'явившее советы нисвергнутыми! Все это заставляло отрываться от неналаженной советской работы, формировать из рабочих боевые отряды и так или иначе защищаться от наседающего врага. Правда—Моздокский и Прохладненский фронты еще непосредственно Пятигорье не беспокоили, так как в распоряжение Терского совнаркома Автономовым из Ростова на-Дону были присланы отряды и броневики во главе с тов. Беленковичем и этот все время держал линию Моздок—Прохладная крепко в руках. Но зато Шкуро в начале июня захватил Кисловодск; затем во второй раз—наступал на Ессентуки и тут надо было подумать об охране подступов к Пятигорску.

И вот т. Анджиевский сам стал во главе партийной дружины и рабочих отрядов и повел их в бой. В этом бою был убит руководитель отряда и инструктор партийной дружины тов. Анисимов. Но все-таки банды Шкуро были разбиты и бежали вновь в горы; Ессентуки и Кисловодск были освобождены.

Чувствуя, что надо наладить партийную работу, Григорий Григорьевич проводит при перевыборах в совдеп в начале июля другого товарища, а сам работает только в партии. В это время происходит новая авантюра, которая опять нарушает дни мирного советского строительства.

Пятигорск получает тревожное сообщение из Георгиевска о том, что фронт Моздок—Прохладная обнажен, части бегут на Георгиевск и Пятигорск, и что это все дело рук помощника Беленковича—Ильина, которым Беленкович арестован и очевидно будет расстрелян, а что сам Ильин идет с частями на Пятигорск, с которым и угрожает «разделаться по своему».

Важно отметить, что к этому времени в Пятигорске, помимо городского совдепа, работал избранный в июне на уездном с'езде—Пятигорский народный отдельский совет, возглавляемый левым эсером Родзевичем. Услышав весть о восстании Ильина, весь отдельский совет моментально разбежался, а Пятигорский в чрезвычайном заседании, длившемся всю ночь, наметил:

1) Об'явить отдельский совет распущенным; 2) избрать штаб по обороне Пятигорского округа; в штаб вошли: Анджиевский, Кофанов, Мамсуров, Аксельрод, Леонов Н.; 3) приложить все усилия к освобождению Беленковича; 4) деятельно мобилизовать все силы и готовиться к нашествию банд Ильина.

И здесь, как и везде, львиную долю работы нес тов. Анджиевский, который 5 дней не выходил вместе с женой Анной Григорьевной из здания совдепа.

В конечном итоге Беленкович был вызволен, а Ильина удалось усмирить и перебросить на Кисловодский фронт против банд Шкуро, где он и был тяжело ранен.

В сентябре месяце в Пятигорск перебрались Северо-Кавказские учреждения: ЦИК Северо-Кавказских Республик с Рубиным во главе; краевой партийный комитет, штаб Сорокина и т. д. Здесь-же был организован Реввоенсовет Северного Кавказа из 5 член. во главе с Мамсуровым, который и стал управлять вместо единоличного управления Сорокина—всеми кавказскими армиями.

Тов. Анджиевский получил в Реввоенсовете заведывание культурно-просветительным отделом Северного Кавказа. Надо было видеть с каким увлечением отдался он этой живой работе. Моментально из ничего была создана хорошая политическая библиотека, стал выходить армейский орган «Красный Воин», были в Пятигорске, Кисловодске, Георгиевске, М.-Водах, Св. Кресте (ныне Прикумске) организованы красноармейские клубы, налажены лекции по всевозможным вопросам.

Им-же было отпечатано и перепечатано десятками тысяч всякой партийной литературы, которая сейчас-же библиотечками отправлялась на фронт. И тут опять выпала очередная, очень крупная авантюра, в подавлении которой Григорий Григорьевич так-же сыграл большую роль.

Главковерх, как он себя именовал, северо-кавказских армий Сорокин привык диктаторствовать; образование Реввоенсовета, куда он входил только членом, пришлось ему не по душе. Он уже чувствовал, что ему не доверяли, и видел, что он без Реввоенсовета не может сделать ни одного значительного шага. Тогда он задумал измену: разогнать ЦИК, реввоенсовет и об'явить себя диктатором Сев. Кавказа. Первую часть замысла ему осуществить удалось. Он захватил весь президиум ЦИК: Рубина, Крайнего, Дунаевского, Власова и др. и расстрелял их в Пятигорске под Машуком. Ясно, что вся партия немедленно ушла в подполье и об'явила на 2-е октября в Невинномысской 2-й чрезвычайный с'езд советов Северного Кавказа, на который приглашался дать свои об'яснения и Сорокин. И вот в организации этого с'езда т. Анджиевский сыграл крупную роль. Он один из немногих в дни разгула Сороковщины в Пятигорске дерзнул выступить перед частями и многолюдными собраниями рабочих с разоблачением авантюры Сорокина и призывом к мщению за погибших товарищей. Он-же и на Невинномысском с'езде все время агитировал среди представителей от войсковых сорокинских частей, раскрывая им глаза на измену Сорокина и призывая встать на защиту Советской власти. Агитация подействовала. Части давно были Сорокиным недовольны за отступление и многое другое. Поэтому, когда выехал из Пятигорска на с'езд Сорокин—с'езд уже вынес ему приговор. Сорокин, конечно, пытался бежать в Астраханские степи, но в Ставрополе был убит.

Все эти внутренние распри и одно за другим возникающие восстания, были белогвардейским бандам Деникина и Шкуро наруку. Поэтому фронт все время опускался от Ростова на-Дону к Кавказской цепи гор и скоро докатился до Минеральн. Вод.

Декабрь месяц особенно был тревожным в этом отношении. У т. Анджиевского назрел конфликт с краевым комитетом. Так, что ему даже пришлось, несмотря на окружные фронты и страшные зимние стужи, ехать в Астрахань к тов. Бош с докладом. С ним-же ехал до Астрахани, для возвращения в Москву больной туберкулезом член це-ка партии тов. Гельман, который пробыл на группах все лето и немало помогал Пятигорску, направляя работу по партийной линии.

Весь декабрь Григорий Григорьевич формировал боевые отряды и работал в чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом. Работа была черная, неблагодарная, окончательно рассорившись с Пятигорском—краевые организации перебрались в Георгиевск; и вновь тревожные дни и еще более тревожные ночи всей своей ответственностью и тяжестью ложились на тов. Анджиевского. До последнего врем. он днями обходил предприятия, собрания, союзы и поддерживал в уставших рядах рабочих бодрость; а по ночам формировал и напутствовал в бой рабочие полки.

Но голод, холод и повальный тиф сделали свое дело. Главные силы армии—последние уцелевшие 3 дивизии Левандовского, начали отступать на Прохладную через М.-Воды, и Пятигорску пришлось также эвакуироваться 19 января 1919 года по новому стилю.

Вместе с другими в рядах партийцев и рабочих отступал на Владикавказ тов. Анджиевский. Наравне с остальными голодал, болел тифом, претерпевал муки холода и т. д.

Во Владикавказе отступавшие части вздумали было задержаться; но после 9-ти дневного боя—оставили его, при чем главные силы, во главе с тов. Анджиевским, отступали по Военно-Грузинской дороге пешком—на Тифлис. Здесь надо отметить то товарищеское, вернее братское, чувство, с которым он относился ко всем идущим с ним товарищам. Имеющиеся у него на руках несколько тысяч рублей он разделил поровну на всех, а через несколько дней и сам вынужден был голодать. По слухам, не дойдя до Тифлиса, когда их уже меньшевистское правительство впустило в Грузию после имитации боя с ними—тов. Анджиевский будто-бы заболел сыпным тифом и лежал до выздоровления в квартире д-ра Туманова, работавшего в 18-м году в Пятигорске, а в это время бывшего наркомом здравоохранения в меньшевистской Грузии. Но это сообщение нуждается в проверке.

Во всяком случае в Грузии, в подполье, а затем и в Баку, куда тов. Анджиевский вскоре переехал, ему приходилось претерпевать страшные материальные лишения. Подпольные организации страдали безденежьем; с Северного Кавказа при отступлении денег вывезти не удалось, работы и не находилось, да и надо было страшно рисковать, так как Баку и вообще все Закавказье было наводнено агентами добровольческой армии.

Пробовал он было поработать на газете «Набат», коморгане, но вскоре был предупрежден, что на его след напала охранка. Это его заставило перебраться в Сухум, где он и получил работу в местной типографии. Вскоре его влияние здесь начало расти и он был даже избран в правление союза печатников; но после одного из выступлений на собрании союза, снова был нащупан церетелевской разведкой. Предупрежденный об этом коммунистами, тов. Анджиевский в ту-же ночь перебросился в Поти, а из Поти в Тифлис.

Из Тифлиса краевой закавказский комитет партии вновь направил его в Баку. Здесь его в первой половине августа захватила английская контр-разведка и передала в Петровске-Порте в руки деникинской контр-разведки, которая, под усиленным конвоем, в отдельном с решетками вагоне—доставила Григория Григорьевича Анджиевского в Пятигорск.

17-го августа (30-го по нов. стилю) его судил военно-полевой суд, а 18-го (31-го нов. ст.) он был повешен в Пятигорске под Машуком на горе Казачка.

Буржуазия, конечно, радовалась и бурно ликовала, видя, что не стало главного его врага по Пятигорску. Толпы рабочих и крестьян по своему переживали минуты смерти любимого товарища и вождя, дав слово отомстить за его смерть.

В 20-м году победоносная Красная армия вновь заняла Северный Кавказ и восстановила Советскую власть.

В апреле собравшейся и недосчитывавшей многих в своих рядах —Пятигорской организацией и всеми союзами, при десятках тысяч собравшегося населения Пятигорска и окрестностей—был устроен день траура и совершены торжественные похороны останков Анджиевского за тюремной стеной.

Александр Ге.

Анархист—коммунист Александр Ге был активным работником в советском строительстве на Тереке за 18-й год. Это было время, когда анархисты-коммунисты и левые эс-эры еще работали с коммунистами в тесном контакте, вместе с ними защищали от белых Советскую власть и вместе же в 19-м году погибали от палачей добровольческой армии.

Александр Ге, вместе с женой Ксенией Ге прибыл в Россию из Швейцарии, где он с 905 года жил эмигрантом, в 17 году после февральской революции. По состоянию крайне расстроенного здоровья, он вынужден был переехать на группы Кавминвод и работать весь 18-й год в Кисловодске и частично в Пятигорске.

Среди местных работников он был очень популярен; т. Анджиевский его выделял и поручал ему большую работу и вся Пятигорская организация считала его за своего товарища и единомышленника. Да и некогда было тогда особенно разбирать тонкости партийных разногласий; стоял человек на Советской платформе, шел с винтовкой умирать за рабоче-крестьянскую власть—и ладно. Наседающие со всех сторон банды Шкуро не давали возможности возиться с отличиями в теоретических обоснованиях убеждений.

Ксения Ге была членом РКП (б).

Впервые он начал работать после первого набега Шкуро на Кисловодск в мае месяце. Была образована под его председательством Кисловодская чрезвычайная комиссия, которая умело вылавливала всю буржуазию, сбежавшуюся на группы со всех концов России и державшую связь со Шкуро.

Ге заставил всю эту свору трепетать и беспощадно расправлялся со всеми контрреволюционными организациями и заговорами против Советской власти.

В серьезные июльские дни, когда Шкуро второй раз занял Кисловодск, взял Ессентуки и угрожал Пятигорску, в Пятигорске был организован чрезвычайный штаб по обороне Пятигорского округа, в который, на ряду с Мамсуровым, Атабековым, Аксельродом, Леоновым, Анджиевс-

ким и Кофановым П., вошел также и Александр Ге.

Работа была ответственная; боевой участок Георгиевск—Прохладная был нашими частями обнажен; помкомандующего Ильин—арестовал командующего Беленковича; Шкуро заранее об'являл, что он уже занял Пятигорск; приходилось работать в нечеловеческих условиях и здесь еще раз парткомом была в должной мере оценена преданность и революционность Александра Ге.

Последние месяцы перед отступлением наших частей с С.-Кавказа—он несколько отошел от работы, будучи болен. Но когда банды Шкуро наседали непосредственно на Кисловодск, а наши части, захваченные эпидемией тифа, разутые и голодные—отступали в беспорядке—Александр Ге с пулеметом защищал подступы к Кисловодску, пока сам не свалился в беспамятстве от сыпного тифа.

Отступление с групп застало его в Кисловодске в бредовом состоянии. Ксения Ге не решилась отступать с таким мужем и крошкой ребенком, без средств, в злую, небывалую метель. Она дни и ночи ухаживала за ним, позабыв о мерах предосторожности и плохо помня о том, что в Кисловодске белые. И вот 21-го января контрразведка полковника Рязанова—самая ужасная из всех Добровольческих контрразведок—явилась в Гранд-Отель, взяла его, несмотря на безсознательное состояние (якобы на допрос) и вывезя за город на тачке—порубила в куски.

А через 5 дней, т. е. 26 января, была повешена на горе, у солнечных ванн и Ксения Ге.

Так погибли эти два революционера, вся жизнь которых была отдана идее рабочего движения и которые встали в первые ряды в грозный момент на защиту Советской власти.

Интересно отметить то обстоятельство, что гибели обоих Ге особенно добивался начальник гарнизона гор. Кисловодска, кровожадный генерал Петренко. Когда Ксения Ге, обезумев от горя и думая только о болезни мужа, отправилась к этому вампиру с просьбой помочь мужу, который в свое время спас от расстрела Петренко—Петренко рассмеялся и бросил:

— Ага, значит вы не убежали? Рад, рад.

И отдавая распоряжение об уничтожении Александра Ге, он Ксении Ге говорил, что снисходя к ее просьбам, освободит мужа, что ему удастся вылечиться от тифа и тогда он, Петренко, даст им возможность обоим выехать с групп.

Такого же рода издевательство позволял себе этот кровопийца и над Ксенией Ге, заверив ее, что муж ее погиб случайно, но что ей самой не грозит никакая опасность; а в это время по его срочному приказанию строили над городом на горе «для вящего назидания потомкам» — виселицу для той же Ксении Ге. И уж, конечно, чувствовалось разрешение Петренко на изнасилование Ге рядом пьяных офицеров из контр-разведки в ночь, накануне ее повешения.

Федор Петрович Бояджиев.

(Написано его женой).

Я познакомилась с Федором Бояджиевым в 1910 г. в Лесном, вблизи Петрограда. Он был в то время студентом Лесного института. Я в то время стояла на распутьи. А от него веяло чем-то таким сильным и бодрым, что на душе становилось легко. Он умел подойти к людям, утешать в горе, ободрить. Сам никогда не падал духом. Это был человек с закаленной волей и большой верой в людей. Мой бог—«вера в людей», говорил он.

Сам он в то время очень нуждался и часто голодал; но всегда делился с товарищами последним. Я поражалась его доброте и как вспомню всю его нужду, и сейчас сердце сжимается до боли; и вот это постоянное недоедание в конце концов и отразилось на его здоровье.

Сам он был родом из Болгарии, родился в гор. Ямболе в бедной семье; учился в начальном училище, а потом переехал в Россию.

Это была мятущаяся душа; он вечно искал правды и красоты в людях и умел ее находить. Умел ценить искусство, любил жизнь, хотя она его далеко не баловала. Так за свой революционный дух он в 1905 году был исключен из Лесного ин-

ститута; его несколько раз арестовывали; он бежал, скрывался; приходилось забрасывать свое ученье.

Припоминаю такой случай: ему приходилось возить в 1905 г. прокламации из Финляндии, для этого он обматывался бумагами, и во время обхода жандармами вагонов, соскакивал на ходу поезда с риском для жизни. А после только смеялся над этими «приключениями».

В 1913 г. от всей этой нужды, недоедания, он заболел туберкулезом; у него началось кровоизлияние. Каждое лето он ездил на работы по статистике и обследованию крестьянских хозяйств в центральных губерниях и всегда у него бывали там стычки с волостными правлениями; за ним следили все время; часто арестовывали; ясно, что о нормальных занятиях в институте не могло быть и речи.

В 1911 г. он поступил в психо-неврологический институт на юридический факультет, но вскоре ему пришлось его покинуть с III курса, так как туберкулез развивался. В 1913 г. он был помещен в санаторию в Финляндии «Халила», где пробыл ½ года; здесь он поправился немного. В 1914 г. он уехал на Кавказ по настоянию врачей. Работал он в Терской обл. по заготовке фуража для армий. Часто ему приходилось сталкиваться с крестьянами и с безземельными горцами и слышать их вечные жалобы на безземелье. Он хорошо изучил Кавказ, народы, обычаи и пользовался большим уважением среди туземцев.

И когда начался переворот 1917 г., он ринулся первый в эту пучину; ему пришлось много поработать в г. Моздоке и окрестностях.

Но вот в 1918 г. в июле было казачье восстание, поднятое Бичераховым; власть забрали в руки казаки; во главе стал Бичерахов. В продолжении 4 мес. пришлось Бояджиеву скрываться в Моздоке; выехать не было никакой возможности. От всех переживаний у него началось кровоизлияние. Он свалился и был на краю смерти, жил без всяких средств. Но и здесь Бояджиев не падал духом и только говорил:

— «Неужели я умру и мне не придется поработать и увидеть новую жизнь!».

В гор. велась подпольная работа, где он тоже работал, несмотря на то, что был прикован к постели; посылал товарищей со сведениями о положении в городе, имел сношение с фронтом, глубоко верил в победу. Как только получались хорошие сведения с фронта, он оживал, самочувствие его улучшалось.

Хуторяне и крестьяне приходили ночью навещать и опасались за его жизнь, т. к. он был для них единственная опора.

В 20 числах ноября 1918 г. гор. Моздок был взят Красными войсками и Бояджиев мог выйти на улицу после своего 4 мес. заключения; опять началась его работа; он весь ушел в нее, несмотря на уговоры врачей и нездоровье. Его лицо в это время светилось особым внутренним светом; какая то внутренняя красота отличала его. В декабре 1918 г. его делегируют от Моздокского отдела на 5 с'езд в г. Владикавказ и там его избирают членом Терского областного народного совета. Здесь уже работа закипела. Часто ему приходилось улаживать конфликты между казаками и крестьянами на почве земельного вопроса.

А в это время на Кавказе опять стало неспокойно; наступают со всех сторон; г. Владикавказ бомбардируют; начинаются волнения. Бояджиева командируют на Сунженскую линию для пропаганды и подавления восстания. Накануне от'езда он мне сказал:—Мне смерть не страшна; я с улыбкой умру за светлое будущее.

Потом до меня дошли слухи, что он повешен в станице Слепцовской в марте 1919 г.; но в течении 1 г. 2 м. я не имела возможности навести справку о его погибели.

И только с приходом Сов. власти на Кавказ в 1920 г. в феврале это удалось.

В течении 2-х недель Федору Бояджиеву пришлось скрываться под домом в станице Нестеровской; потом этот дом взяли под штаб, и казаки стали говорить хозяйке о том, что под домом слышен странный шум. Вместе с моим мужем был нач. бронепоезда, который заболел тифом и буянил в бреду. Нач-ка бронепоезда взяли и казнили, а мужу пришлось уйти.

Рано утром он ушел по направлению к горам; но по дороге в Фельдмаршальском лесу был пойман казаками и привезен в станицу Слепцовскую; здесь его сразу узнали и началась зверская расправа,

Группа основателей Р. К. С. М. Терской губ. в 1918 году.

На лево отдельно портрет тов. Яна, основателя Р. К. С. М. на ст. Минеральных водах.

продержали в тюрьме 6 дней, все время подвергая истязанию.

Настал страшный день казни. В 10 ч. утра пришли за ним и сказали, что его отправят в г. Владикавказ; затем вывели на площадь против церкви станичного правления. Порошил снег; толпа народа стояла в ожидании зрелища; увидя толпу, он выступил с речью, говорил 20 минут. Толпа заколыхалась; ему не давали говорить, били; все-же он закончил речь и, надевая сам себе петлю на шею, сказал:

— Умираю за светлое будущее.

Несколько суток тело его не убиралось. 1 мая 1920 г. мне удалось разыскать его в канаве без гроба и предать земле.

Привожу стихотворение, которое было найдено в его куртке в день смерти.

Желанная песня.

Хотел бы я песню такую пропеть,
Чтоб мир от нее всколыхнулся—
При звуках ее улыбнулся;
Чтоб поняли люди, что братья мы все—
Тогда позабудутся розни,
Тогда и насилье со злом пропадут,
Исчезнут коварства и козни.
Тогда над землею, как солнце взойдет
Великая правда святая.
И слово свободы, как гром прогремит
Над миром—от края до края.
Хотел бы я песню такую пропеть—
Вольнее ветров полуденных,
Чтоб страхом она послужила врагам,
Отрадой—для всех угнетенных;
При звуках ее, чтобы ожило все,
В цветы нарядилися степи,
Разрушились тюрьмы и дрогнул палач,—
Порвались кандальные цепи,—
Тогда бы спокойно в могилу я лег,
Ничуть не страшась укоризны,
За то, что по силам, насколько я мог,
Все-ж пользу принес для отчизны.

Спи-же спокойно мой друг; твою желанную песню слышат твои товарищи.

Миллер К.

После Октябрьского переворота в Петрограде, многие учреждения и управления, как известно, поспешили оттуда эвакуироваться. Одним из таких управлений явилось управление Ферганской железной дороги, перекочевавшее в ноябре месяце со всеми своими делами, архивами и даже мебелью—в Пятигорск. Сняв для канцелярии и общежитий служащих ряд дач на Провале, управление вначале не только проявляло кое какую деятельность, но даже, как определенная единица, посылала своих депутатов на все заседания, комиссии, а при выборах в советы—и туда.

И вот постоянным-то депутатом в Пятигорский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от служащих этого управления Ферганской дороги и был член партии, старый подпольник и социал демократ с 1912 года тов. Миллер К.

Тов. Миллер пользовался среди членов партии популярностью, а у комитета—доверием, как испытанный и развитый коммунист. Он привлекался на все чрезвычайные заседания комитета, выступал на собраниях, составлял резолюции. Работая по организации 1-го Совдепа в Пятигорске—в финансовом отделе, он все время не оставлял и партийной работы; а когда т. Анджиевский в июне уехал в Москву, т. Миллер даже был избран в комитет партии для постоянной работы.

К этому времени, т. е. 15 июня, относится проведение в Пятигорске 1-го Пятигорского отдельского с'езда. Тов. Миллер избирается от социалистического блока в президиум с'езда, выступает на нем и им же при формировании окружного исполкома избирается в члены исполкома.

Здесь он довольно продолжительное время заведует финансовым отделом, общим, а потом, после изгнания из него эс-эров и меньшевиков, становится заместителем председателя, а в ноябре месяце и председателем Окрисполкома советов Пятигорского округа.

Одно время, на ряду с этим, тов. Миллер работает и в юридическом (судебно-правовом) отделе, в котором также является чрезвычайно ценным работником. В бытность председателем окрисполкома состоял членом окрпарткома и неустает наравне с советской, проводить и чисто партийную работу.

В дни Сороковщины т. Миллер проявляет распорядительность и стальную решимость. Вместе с т. Анджиевским он проводит главную работу по созыву 2-го с'езда

Советов в Невинномысской, становится во главе боевых отрядов, уходит на время в подполье.

В знаменательные декабрьские дни наседаний на группы деникинцев, т. Миллер один из первых брал винтовку и в качестве рядового отправлялся в бой с классовым врагом. И только болезнь, свалившая его в декабре, оторвала столь ценного работника от дела великой борьбы. Тогда же он выехал с Терека.

Кавалер ордена красного знамени.

(Автобиография тов. Янышевского Н.).

Первую свою революционную работу начал с 1905 года; в 1906-м году вступил в ряды Р С.-Д. Р. П., в котор. пробыл до февральской революции 1917 года.

Во время октябрьской революции вступил в РКП (б).

До февральской революции работал в подполье. В 1912 году за распространение нелегальных брошюр, был привлечен к суду и осужден на один год заключения в военной тюрьме. Отбыл это наказание в Варшаве. В 1914 году за пропаганду против империалистической войны был осужден военно-полевым судом к отдаче на два с половиной года в дисциплинарный батальон; пробыл в нем 2½ мес., затем был отправлен на германский фронт. Здесь пробыл 1915 и 1916 г.г. За это время получил одиннадцать ран и контузий. В 1917 г. прибыл в Пятигорск, в конце 1917 года был выдвинут в члены Пятигорского совдепа, а последним избран в военные комиссары г. Пятигорска. На посту военкома организовал части Красной армии. При появлении в районе Пятигорского округа белогвардейских банд ген. Шкуро, был назначен командиром 1-го Пятигорского Коммунистического полка. В течении целого года вел борьбу во главе этого полка с белогвардейцами в Кисловодске, станицах: Бургустанской, Бекешевской, Суворовской и др. Считаю долгом отметить геройство коммунаров моего полка. 19 января 1919 г., отступая с Северного Кавказа, я дал последний бой, который надолго остался в памяти белогв. ген. Шкуро. Дело было в маленьком местечке Железноводске. Отряд бойцов под моим командован., преодолев все подступы к Железноводску, как-то: горы, леса и трущобы, напал врасплох на бригаду Шкуро и после жестокого двухчасового боя, тысячи трупов белогвардейцев усеяли улицы. Не ушел от кары и один белогвардейский генерал, а также десятки других офицеров. В этом бою нами были захвачены следующие трофеи: 4 орудия в полной исправности (были пущены сейчас же вход по остаткам убегавшего противника), 12 пулеметов, около 100 т. патронов и 1 т. снарядов, несколько возов винтовок, 4 походных кухни (в них был готов обед, который послужил подкреплением сил моих красных героев), 80 подвод обоза в полной исправности с лошадьми, нагруженный различного рода снаряжением, обмундированием и другими припасами.

В начале 1919 г., отступая через Астраханские степи и перенеся все тяжести этого похода, я был назначен командиром 298 полка XI армии. С этим полком оперировал на юго-западном участке Волго-Каспийского побережья и участвовал в нескольких боях против ген. Дроценко. 17 июля 1919 г. части ген. Дроценко, оперировавшие со стороны г. Кизляра, Черного Рынка и Берюзяка, были разбиты на голову. Здесь моим полком был захвачен в полном составе Ширванский полк. В ноябре месяце того же года под моим командованием был ликвидирован Красноярский фронт, где после месячного боя было взято в плен 4.000 бел. солдат, 13 орудий, 89 пулеметов, 7 т. винтовок, много медикаментов, а также и другие трофеи, за что я был награжден орденом Красного Знамени. С этим же полком вел наступление на Северный Кавказ, а по занятии последнего, был назначен командиром бригады. С бригадой действовал против ген. Хвостикова в районе станиц Боргустанской, Суворовской и Бекешевской. В 1921 году участвовал в подавлении дашнакского восстания в Армении. За все время гражданской войны с 1918 по 1921 год на различных фронтах получил 9 ран и контузий.

Янышевский.

Краткие биографии некоторых участников революционного движения на Тереке и товарищей, руководивших партийной, профессиональной и советской работой в 1918—23 г.г.

А. М. БЕЛЕНКОВИЧ.

Родился 30 марта 1897 года. Окончил 6 классов Харьковской гимназии. По исключении из гимназии ушел на завод табельщиком. С началом войны в 1914 году поступил в санитарный отряд, где агитировал против войны. После призыва в действующую армию—бежал, потом в 1916 году был арестован, судим и отправлен в Казанский дисциплинарный батальон, а оттуда в действующую армию в 305 Лапшевский полк, в составе которого участвовал в боях при Стоходе, на р. Стыре и у гор. Ковеля. 9 января 1917 года вновь арестован за агитацию против правительства, судим полковым судом и приговорен к постановке под ружье поверх окопа на 60 часов. 2 марта 1917 года был тяжело ранен, три месяца находился в госпитале во время февральской револоции и в конце мая попал в Москву. В июне уехал в 3-х месячный отпуск в г. Харьков, где отдался политической работе. В июле месяце вступил в партию РКП. Во время Октябрьского переворота назначен начальником штаба Красной гвардии г. Харькова. Здесь активно работал в низложении меньшевистских партий и переходу власти в руки трудящихся. Далее участвовал: в борьбе с Корниловым и против украинцев под Полтавой, потом под Киевом, затем на румынском фронте, подавлял восстание в Елисаветграде, затем был переброшен под Екатеринослав и Ростов на Дону, как активный боевой и политический работник. Затем переброшен в г Краснодар и оттуда к главкому Антонову в Минеральные Воды. В июне и июле месяце вел операции против Бичерахова и Шкуро в Терской области. В 1919 году отступал от белых на Царицын, сформировав стальную дивизию, с которой два месяца стоял на Царицинском фронте. Выполнял многие административные должности. как то: коменданта Брянского укрепрайона, Пятигорского окружного военного комиссара. Ныне занимает пост Терского губернского военного комиссара.

Т. БОРОДЫНЯ, ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ.

Родился в 1887 г. в семье крестьянина Полтавской губернии, скоро перебравшегося в Терскую область. Учился в сельской школе. С девяти лет на заработках. В 1901 г. поступил на стекольный завод на ст. Минеральные Воды, а с 1903 г.—в депо жел. дороги. Еще на стекольном заводе увлекся подпольной работой и с тех пор активно участвовал во всей революционной жизни Минераловодского района. В 1905 г.—записался в боевую дружину. Во время империалистической войны—организовывал забастовки и открыто выступал против войны. После февраля 1917 г. организовывал вооруженное восстание рабочих. С октября 1917 г. до прихода белых—делегат всех с'ездов Терской области. В июне 1918 г. захвачен белыми и заключен в Екатеринодарскую крепость (ныне г. Краснодар). Налетом красных был освобожден. С 1918 по 1920 г. отступив на Астрахань, служил в Красной армии. В 1920 г.—председатель ревкома и член оргбюро РКП (б) Минераловодского района и, наконец, безсменный председатель Минераловодского райисполкома.

ТОВ. ПАЩЕНКО, ФЕДОР ДМ.

Родился в 1884 г. в ст. Луковской, Моздокского уезда. Отец его происходил из крестьянской семьи Воронежской губ. Обучался в Моздокском городском 4-классном училище, а затем в Железноводской низшей сельской школе. В 1898 г. впервые поступил в типографию. С 1905 г. начал постепенно втягиваться в революционную деятельность. Участвовал в мае 1905 г. в первой в Пятигорске забастовке печатников. В октябре 1906 г. был выслан в административном порядке из пределов Терской обл. В 1917 г. целиком уходит на общественно-политическую работу. Состоял членом гражданск. исп. ком. гор. Пятигорска. В 1918—председателем Пятигорского исполкома вплоть до 1919 г. Отступал с Красной арм. до г. Владикавказа: попал в плен к белым. При помощи друзей ему удалось выбраться в Моздок и осталь-

ное время скрывался в разных местах близ Пятигорска. В 20 г. по выходе из подполья снова приступил к работе. Вошел членом в Ревком, впоследствии был назначен заместителем председателя Пятигорского окружного Ревкома, состоя в тоже время членом бюро РКП. В августе 1920 г. был избран членом Окружного исполкома и завед. Пятигор. коммун. отделом, а в марте 1921 г.—председателем Пятигор. окруж. исполкома; в 22 г. работал в кооперации, а сейчас занимает должность председателя Георгиевского уика.

Т. ЛОНИН

Григорий Васильевич.

Родился в семье крестьянина Симбирской губернии. Окончил 2-х классное училище. До солдатчины крестьянствовал. В 1910 г. был призван на военную службу в Туркестан, и в 1914 г. попал на турецкий фронт, где был ранен и контужен. В партию вступил в 1917 году. В начале 1919 г. отступал в рядах XI армии в Астрахань. В июне 1920 года прибыл в г. Пятигорск, и назначен военкомом Пятигорского округа. 26 августа 1920 года был зверски убит бандитами у ст. Белый Уголь (близ Кисловодска).

Т. ДУНАЕВ

Иван Гордеевич.

Родился в 1886 г. в Рязанской губ. Рабочий электромонтер в Питере с 12 лет. В Р. К. П. (б.) с марта 1917 года. Принимал деятельное участие во всех питерских событиях с февраля 1917 г. по апрель 1918 года. Командирован на Северный Кавказ (на ст. Минеральные Воды) со штаба охраны Владикавказской жел. дороги. Принимал выдающееся участие в революционной борьбе Минераловодского района. Был председателем М.-В. организации Р. К. П., председателем коллегии обороны ст. Мин. Воды. После занятия М.-Вод белыми, организовал в 1919 г. чрезвычайный воен.-рев. совет в своей полосе (в Георгиевске) и после борьбы с белыми, отступил на Астрахань, сражался в рядах Красной армии и с боем прошел от Астрахани до Баку. С лета 1920 г. снова на ст. Мин. Воды в составе райисполкома. В конце 1921 г.—секретарь райкома, в 1923 г.—секретарь Пятигорского укома. В сентябре 1923 г. откомандирован в юго-вост. бюро.

Секретари губкомов Р.К.П.

Т. ИВАНОВ

Михаил Михайлович.

Секретарь Терского губкома с июня по август 1921 года.

Родился в 1889 г. в пролетарской семье. Учился два года в железнодорожном техническом училище. Самообразованием получил знакомство с теорией марксизма. С 1916 года участвовал в кружке с.-дем молодежи (ст. Бологое). В том же году поступил рабочим на железную дорогу. В партию Р. К. П. (б) вступил в июне 1917 года и вторично в ярославскую организацию—в феврале 1918 года. С тех пор работал во многих партийных и советских органах Ярославской и Харьковской губерний. Был ответсекретарем Терского губпарткома при организации Терской губернии.

Т. КАМЕНСКИЙ (ЭДИС)

Михаил Давидович.

Секретарь Терского губкома с 17 сентября по 28 ноября 1921 года.

Родился в 1889 г. Еще мальчиком принимал участие в революционном движении. В 1907 г. был арестован и выслан. В ссылке занимался в кружках марксистов, чем и пополнил свое образование. С 1911 года—на военной службе, где вел подпольную пропаганду, за что и был вновь арестован. Мобилизован и отправлен на фронт в 1914 году. Через год дезертировал и вошел в подпольную организацию на Украине (принят в Усть-Сысольскую организацию Р. С.-Д. Р. П. фракцию большевиков в январе 1908 года). После октябрьской революции вел работы в Румынии среди русских войск и в Одессе,—в партийных и военных организациях. С апреля 1921 г. перекинут в Георгиевск членом президиума губкома.

Т. БЛОХИН

Петр Григорьевич.

Секретарь Терского губкома с 1 января 1922 по 15 февраля 1923 года. Родился в 1887 г. По профессии—портной. Окончил церковно-приходскую школу. Пополнил образование участием в марксистских кружках и самообразованием. С 1905—1908 г. состоял членом Р. С.-Д. Р. П., а в 1911 году—был принят в члены Харьковской нелегальной организации большевиков. Принимал участие в профессиональной и партийной работе с 1905 г. в

Харькове, Саратове и других городах. В 1912 году сидел в тюрьме за принадлежность к фракции большевиков. С 1917 года состоял членом Ростово-Нахичеванского комитета, затем последовательно секретарем Донского бюро, членом донкома, председателем Кубанской проверочной комиссии и в целом ряде других партийных, советских и профессиональных органов.

Т. ПОДГОРНЫЙ, АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
Секретарь Губкома с 15 февраля по 15 сентября 1923 года.

Родился в 1897 году в семье крестьянина Воронежской губернии. Учился в ремесленном училище, где и застала февральская революция. После февральских дней—попадает на военную службу, где избран в ротный и полковой комитеты. Усиленно изучает партийную литературу. В конце июля, как слесаря-механика, отправляют в Москву в авто-роту. В Москве вступает с сентября 1917 г. в организацию РКП (б). Работая в партийных органах,—в то же время усиленно посещает солдатский факультет при государственном университете. После октября—избирается в Московский совет. В декабре 1917 г. выезжает в Харьков—предкомитета украинской авто-роты. После отступления,—работает в Воронеже. С ноября 1918 г.—секретарем гарнизонного парткомитета. В средине 1919 г. проведен в городской комитет и усиленно работает в ряде военных и партийных организаций, урывая время для самообразования. Наконец, с армией, совершает поход от Воронежа до Грозного, откуда откомандировывается на Дон. В конце 1920 г. входит в состав Донкома РКП (б) (заворготделом). Был делегатом 8 Всерос. с'езда советов. В 1921 г. входит в состав Донисполкома 3 и 4 созыва. В 1922 г. оканчивает рабочий факультет. В сентябре 1922 г. переброшен на Терек, заворготделом и затем секретарем губкома.

Делегат 12 с'езда РКП 15 сентября 1923 г. откомандирован в социалистическую академию для прохождения курса.

БИОГРАФИЯ Т. КОТЛЯРА.

1890 г. родился в бедной семье, отец служил приказчиком в лесном складе. С 11-ти лет начал работать, до 16-ти лет был корзинщиком, затем экстерничал и служил. В революционном движении принимаю участие с 1907 г., был неоднократно арестован. С 1917 г. активно участвовал как в армии, так в советских и партийных аппаратах. По партийной линии был секретарем Оренбургского, Акмолинского, Сырдарьинского, Вологодского, а ныне Терского губкома РКП (б.).

Председатели губисполкома.

Т. КОРОБКИН
Михаил Александрович.

Первый председатель Терского губисполкома. Родился в 1889 г., по профессии почтельработник. Окончил шестиклассное городское училище. Служил в царской армии, где вел работу. Вступил в новороссийскую организацию в марте 1917 года. Участвовал в гражданской войне до 21 января 1920 г. (последняя должность—военный комиссар 50 дивизии). В гражданской войне (в 1918 г.) был ранен. Приехал на Терек председателем губревкома для организации Терской губернии и был избран первым председателем губисполкома.

Т. БОЛДЫРЕВ
Михаил Фомич.

Председатель губисполкома с декабря 1921 г. по 21 сентября 1922 года. Родился в 1890 г. в семье казака-землероба Кубанской области. Окончил реальное училище. Изучал марксистскую литературу. С 1911 года работал в Р. С.-Д. Р. П. (меньш.), пробыл в тюрьме 11 месяцев и в эмиграции—4 года. Участвовал в империалистической войне. С февраля 1919 года вступил в Хоперскую организацию РКП (б.). Принимал участие в гражданской войне (военком группы Блинова). С 1920 г. работал в партийных и советских организациях. В 1920 г.—был зам. преддонисполкома,—в 1921 г. зампредкубчерисполкома.

ТОВ. НОВИКОВ.
Иван Федосеевич.

Председатель губисполкома с 21 сентября 1922 года.

Родился в 1887 г. в Воронежской губернии, в семье плотника. Учился в начальной школе и потом всю жизнь занимался самообразованием. Пошел на заработки с 11-ти лет. Несколько раз менял профессию, пока не пристрастился к механике, в которой и стал совершенствоваться теоретически и практически, работая по этой специальности до империалистической войны. После мобилизации, попал в Москву в автомобильную роту, из

которой был переведен снова в Воронежскую губернию за подпольную агитацию —в дисциплинарный батальон. После февральской революции—был избран членом полкового комитета, и в мае—председателем комитета. Сразу же примкнул к большевистским организациям. Большевистской организацией полка и бобровским уездным советом командирован в Москву на политические курсы, которые и окончил. С октября 1917 г.—председателем бобровского совета депутатов и особоуполномоченный по продовольствию и затем председатель Ревкома. За годы гражданской войны находился непрерывно у линии фронта, то организовывая тыл и продовольствие, то принимая участие в боях, меняя ряд должностей по Советской, партийной и военной работе. После героической фронтовой работы в 1920 г. был избран членом воронежского губкома и губисполкома, заведуя губземотделом и председательствуя в губэко и наконец замещая предгубисполкома. Выдающаяся хозяйственная и организационная деятельность выдвинула т. Новикова—в члены ВЦИК'а 9 и 10 созыва и в председатели воронежского губисполкома, откуда он был переброшен в 1922 г. на должность предгубисполкома Терской губернии.

Председатели совпрофа.

ТОВ. СЕМЕНОВ

Гавриил Иванович.

Родился в 1894 г., в г. Пятигорске, в семье каменьщика. Учился в начальной школе. С 12 лет поступил в столярную мастерскую. В 1915 г. был призван на военную службу в 113 зап. пехотный полк, но после февральской революции—демобилизован. В г. Нальчике—участвовал в организации первых революционных аппаратов. В мае 1917 г. был выдвинут Пятигорской деревообделочной мастерской в союз строителей. В июне—избран председателем окр. совпрофа. 20 октября 1918 года вступил в партию. В 1919 г. отступал с красными войсками, но, заболев, остался в ст. Марьинской и скрывался в подполье во все время господства белых. В 1920 г. вошел в инициативную группу по организации союзов и скоро избран председателем окр. совпрофа. С сентября 1921 г.—член губсовпрофа и с 15 апреля 1922 г.—председатель союза совработников.

Т. МАЛКИН

Иона Михайлович.

Председ. Тергубсовпрофа в 1921 г. по 21 августа. Р. 1895 г. Служащий. Окончил 3 курса психо-неврологического института в Питере.

С 1917 г. секретарь Хорольского укома Р. К. П. (б.), 1920—тов. предс. комфракции донсовпрофа, с 1920—21 г.—нач. агитотдела 5 и 7 кавал. дивизии.

Т. УСАНОВ

Герасим Сергеевич.

Председатель Тергубсовпрофа с августа 1921 г. по 11 ноября 1922 г. Р. 1876 г. Красный печатник литографщик. Окончил вечерне-техническую школу и сдал экстерном за 8 классов гимназии. С 1904—1917 г. принимал участие в организации с.-р. Питера. С 1903 г.—в профдвижении. Был присужден «за политику» к 2 г. заключения в крепости и 8 л. ссылки. С 1917—1919 г.г. секретарь и тов. председателя петрогр. союза печатников; с 1919—1920 г. член коллегии полиграф. отдела Пятигорского СНХ. С 1920—1921 г. пред. уполномоч. Ц. К. союза печатников в г. Ростове на Д.

Т. КЛЕНИЦКИЙ.

Пред. Тергубсовпрофа с марта 1922 г. по окт. 1922 г. Абрам Моисеевич.

Рожден в 1890 г. Рабочий шоффер.

1903—905 г.г. в «бунде» 1906—1907 —П. П. С. С 1914 г. примкнул к партии большевиков; 1919 г. командирован Ц. К. К. П. У. в Одессу для подпольной работы. Был секретарем отделения коминтерна и подпольного профбюро.

ТОВ. ШЕЛОХАЕВ.

Филипп Иванович.

Председатель губсовпрофа с октября 1922 года. Родился в 1889 г. в семье безземельного крестьянина Саратовской губ. Рано поступил на железную дорогу—чернорабочим и стрелочником, где и работал до солдатчины,—в свободное время усиленно занимаясь самообразованием. Участвовал в империалистической войне на Кавказском фронте и в 1916 г. был эвакуирован в г. Пятигорск в 113 запасный пехотный полк. Вместе с тов. Анджиевским начал организовывать подпольную большевистскую ячейку. После февральской революции активно выступал, принимал самое деятельное участие во всем ходе революции активно выступал принимая занимал ряд наиболее ответственных дол-

жностей. В 1919 г. был командирован в г. Нальчик для приобретения материалов для окружного совнархоза, где и узнал о захвате г. Пятигорска белыми. Бежал на ст. Прохладную и оттуда с частями Красной армии отступал на Астрахань. Работал по поручению Астраханского ревкома, а потом в XI армии. В 1920 году реввоенсоветом XI армии был перекинут в г. Пятигорск, но скоро переведен в г. Ростов на Д.—вкавбюро Ц. К. Р. П. С января 1922 г. работает снова на Тереке.

Секретари губкома Р. К. С. М.

Т. АДМИРАЛЬСКИЙ, БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ.

Секретарь губкома РКСМ.

Рожден в 1902 г., сын ж.-д. рабочего. Окончил 6 классов Пятигор. реального училища. С октября 1918 по январь 1919 г командир. рабочей роты окр. воен. комиссариата. С 15 апреля 20 года по 1-е июня 20 г. член комит. и отв. секр. окр. РКСМ. С 7 ноября 20 г. по 9 марта 21 г. член Владик. обл. ком. РКСМ. С 10 марта 21 г по 10 июня 21 г. отв. секр. Тергубкома РКСМ и член Юго-Вост. бюро ЦК РКСМ.

Т. ВОЛИН

Александр Степанович.

(Сентябрь 1921—март 1922 года).

Родился в 1901 г. в Вятской губернии, сын рабочего-текстильщика. С 11 лет работал в типографии. С сентября 1918 года—вступил в Р. К. П. (б.). Работал в ряде советских и партийных органов. В 1919 г.—член Вятского губкома Р. К. С. М. и губернский инструктор. В 1920 г. переброшен на юг,—секретарем Кубано-Черноморской организации Р. К. С. М. В 1921 г.—секретарем ревкома Абхазской республики. С сентября 1921 г. по март 1922 г. секретарем губкома Р. К. С. М. С марта 1922 года секретарем Терского губисполкома и членом губкома. С сентября 1922 по март 1923 года на военной службе (Ростов н/Д.). По возвращении вновь на Терек—выдвинут на работу в губфинотделе.

ЩУР, КОНСТАНТИН ПРОКОФЬЕВИЧ.

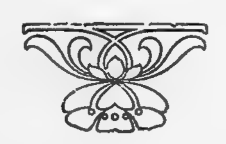
Секретарь Тергубкома РКСМ в 1922 г.

Сын крестьянина рабочего древоотделочника. Рожден в 1898 г. Служил пулеметчиком с 1919 и 1921 г., добровольцем и охотников против белых бандитов с апр. по сентрябрь 1921 г. Зав. агит. отделом и тов. предс. райкомпарт. на Тамбовском пороховом заводе; с дек. 1921 г. по апрель 1922 г. зав. агитотделом Тергубкома РКСМ с 1923 г.—сотрудником агитпропа Тергубкома; с 1923 г. секретарь Пятигорского укома.

Т. ПЕТРОВ

Николай Кириллович.

Секретарь губкома РКСМ с 1922 по июль 1923 г. Родился в 1899 году, в рабочей семье. С февраля 1918 года состоял в инициативной группе союза молодежи в одном из районов Московской губернии. С 1919 года—в рядах Красной армии. В январе 1920 г. командируется в числе комсомольских работников в Сибирь. В Сибири вступает в партию и работает по организации союзов молодежи. С 1922 года работал в губкоме РКСМ по июль 1923 года, с июля 1923 г. в агитпропе Пятигорского укома.



Отдел третий.

Материалы.

К статье и восп. за 1905 г.

Выборка из приговора по делу о 32-х участниках забастовки и вооруженного восстания на ст. Минеральные Воды в 1905 году.

1906 г., ноября 22 дня, Тифл. суд. палата, по особому присутствию, слушала дело о подсудимых: Никаноре Баклюкове, Августе Шульте и др., обвиняемых по 101 и 102 ст. уг. уложения. Предложенным суд. палате обвинительным актом подсудимые: 1) Никан. Никол. Баклюков, 2) Авг. Иос. Шульте, 3) Тимош Антов. Венцулевич, 4) Леонард Октав. Вилинский, 5) Федор Георг. Готтольд, 6) Федор Матв. Абоносимов, 7) Петр Никол. Кузнецов, 8) Никол. Яковл. Тетерин, 9) Александр Дав. Венгеров, 10) Бор. Тих. Сорока, 11) Петр Феофанович Шиповалов, 12) Владим. Петр. Лыткин, 13) Адам Алекс. Жабо, 14) Пав. Наум. Коснугукайлов, 15) Мих. Тарас. Саухалов, 16) Ив. Вас. Первухин, 17) Мих. Павл. Плещеев, 18) Владим. Феоф. Базарницкий, 19) Адольф Влад. Захаревич, 20) Владисл. Александр. Пионтковский, 21) Артем Вас. Котляревский, 22) Ив. Митр. Масальский, 23) Вас. Аким. Немцев, 24) Федор Александр. Печерский, 25) Петр Андр. Цысельский, 26) Ив. Андр. Судаков, 27) Ив. Изотов, 28) Пав. Устинович Кизилов, 29) Гавр. Григ. Маслов, 30) Александр Александр. Сычов, 31) Алексей Сав. Бунчук и 32) Моис. Сосланович Цупаев преданы были суду по обвинению в том, что вместе с другими, скрывшимися от суда лицами, в конце 1905 г., на ст. Мин. Воды состояли участниками сообщества, составившегося для насильственного посягательства на изменение установленного в России законами основными образа правления, каковое сообщество имело в своем распоряжении средства для взрыва и склад оружия, при этом участники сообщества, в видах осуществления его цели, присоединились к всерос. полит. ж.-д. забастовке и захватили в свою власть район 3-го отделения службы эксплоатации Владикавк. ж.-д., лишали свободы должностых лиц, произносили на многолюдных публичных собраниях речи, призывавшие народ к вооруженному восстанию против правительства и к подрыву его финансов, избрали из среды своей забастовочное бюро и комитет по вооружению, приобрели денежные средства для покупки оружия и забрали в свою пользу деньги из станционных железнодорожных касс, насильственным путем отобрали оружие у станционных жандармов и в им. Темпельгоф, изготовляли разрывные снаряды и организовали из своей среды боевую дружину, которая в ночь на 18 декабря была отправлена в г. Ростов для борьбы с правительственными войсками, подавлявшими там народное восстание. Обсудив обстоятельства дела и приняв во внимание, что никто из свидетелей не мог с точностью установить содержание речей, произносившихся на собраниях до об'явления забастовки 9-го декабря 1905 г., а из тех отрывочных данных, которые выяснились на судебном следствии, можно лишь установить то обстоятельство, что ж.-д. служащим разными агитаторами, приезжавшими очень часто на ст. Мин. Воды, внушалось недоверие к действиям правительства, стремящегося будто-бы к уничтожению возвещенных с высоты престола свобод и гражданских прав и что равным образом ничем по делу не доказано, что еще до забастовки преданные суду лица организовали на ст. Мин. Воды сообщество, поставившее целью своей деятельности низвержение царской в империи власти, напротив того из показаний свидетелей видно, что даже непочтительные выражения отно

сительно особы его величества, допускавшиеся со стороны агитаторов, вызывали среди слушателей негодование и протест, особое присутствие палаты находит, что никто из преданных суду лиц не может быть признан виновным... в бунте против верховной власти, предусмотренном 102 ст. улож. Имея же в виду, что вся остальная фактическая сторона настоящего дела вполне точно установлена... признает подсудимых: Баклюкова, Шульте, Готгольда, Абаносимова, Тетерина, Сороку, Шиповалова, Лыткина, Жаба, Костогукайлова, Саухалова, Петрухина, Плещеева, Базарницкого, Захаревича, Пионтковского, Немцева, Печерского, Цысельского, Судакова, Изотова, Кизилова и Сычева виновными в том, что они в декабре 1905 г.. присоединившись. вследствии полученной из Ростова телеграммы, о всероссийской ж.-д. полит. забастовке, приняли участие в скопище, образовавшемся на ст. Мин. Воды из ж.-д. служащих и посторонних дороге лиц, каковое скопище в период времени с 9 по 23 дек. 1905 г., действуя соединёнными силами всех участников. захватило в свою власть район 3-го отделения службы эксплоатации Владик. ж д., отстранив начальствоваших на участке и ст. Мин. Воды должностных лиц от исполнения обязанностей службы и заменив их назначенными из своей среды, образовало вооруженную дружину и при ее содействии отобрало оружие—берданки, шашки и револьверы у станционных жандармов и в имении Темпельгоф, собрало митинги, на которых произносились скрывшимися от суда лицами речи, призывавшие народ к вооруженному восстанию против правительства и к подрыву его финансов; изготовляло в мастерских дороги из жести и газовых труб разрывные снаряды, снаряженные смесью бертолетовой соли с сахаром; в станционных кассах забрало около 30.000 р. и выдало их в жалованье ж.-д. служащим; послало часть вооруженной дружины в г. Ростов для борьбы с правит. войсками, подавлявшими там народное восстание, но дружина, не достигнув места назначения, вернулась на ст. Мин. Воды и затем, как и все скопища, при приближении к станции войск, разбежалось. Деяние это предусмотрено 2 п. 123 ст. уг. ул. и влечет для виновных наказание, не превышающее 8-ми лет каторги. Принимая же во внимание, что подсудимые все время действовали под влиянием скрывшихся от суда агитаторов, превосходящих их умственным развитием и умевших пользоваться для своих революционных целей неудовлетворительным экономическим положением ж.-д. служащих; что никто из подсудимых ни в чем предосудительном ранее сего замечен не был и ни за какое преступление судим не был, что как организация боевой дружины, так и посылка ее в Ростов для борьбы с правит. войсками была задумана и приведена в исполнение лицами, не принадлежащими к ж.-д. служащим, а именно отставным и состоящим на действ. службе офицерами, признанными в последствии душевнобольными; что приготовление разрывных снарядов было начато также по мысли посторонних агитаторов, скрывшихся от суда; что разрывные снаряды были снаряжены смесью соли с сахаром, а не динамитом и никем из подсудимых использованы не были и что дружина, посланная в Ростов вернулась на ст. Мин. Воды, не достигнув цели и немедленно разбежалась, как только распространилось известие о приближении войска; особ. прис. палаты находит справедливым, согл. п. 3 ст. 53 уг. ул., перейти к след. роду наказания, а затем, имея ввиду степень участия каждого из подсудимых, его умственное развитие и возраст, полагает, руководствуясь ст. 18 уг. ул. справедливым заключить подсудимых в испр. дом: Баклюкова, Шульте, Готгольда и Тетерина на 3 г., Немцева, Цысельского, Судакова, Плещеева, Петрухина, Шиповалова, Сороку, Абоносимова и Саухалова на 2½ г.. Костогукайлова, Бозарницкого, Захаревича, Пионтковского, Сычева, Жабо и Лыткина на 2 г., Изотова, Печерского и Кизилова, как несовершеннолетних, на 1 г., избирая для них за нормальное наказание заключение на 1 г. и 6 мес. Что касается подсудимых Венцулевича, Вилинского, Кузнецова, Котляревского, Бунчука, Цуцаева и Маслова, то они, за совершенным отсутствием данных, изобличающих их в каком либо преступном деянии, должны быть признаны невиновными.

Выборка из приговора по делу об агитаторе во время забастовок на ст. Мин. Воды А. С. Жирнове-Жирове.

1908 г. сент. 29 дня... Тифл. суд. пал. по особому присутствию... слушало дело о подсудимом мещанине г. Саратова Александре Семеновиче Жирнове, обвиняемом в госуд. преступлении... По выводам обвинительного акта... Жирнов был предан суду по обвинению в том, что в конце 1905 г. он принял участие в преступном сообществе, поставившем целью своей деятельности (см. формулировку выше из приговора о 32-х), собирая митинги, на которых произносились речи, возбуждавшие к вооруженному востанию в целях свержения государя и самодержавия и замены этого строя народовластием, участвовал в боевой дружине, с которой ездил в Ростов для борьбы с правит. войсками и вместе с другими сообщниками способствовал обезоружению жандармской полиции и конфискации станционных выручек т. е. в тяжком преступлении, предусмотренном 2 ч. 102 ст. у. ул. Особое прис. признало подсудимого Жирнова виновным лишь в двукратном произнесении на ст. Мин. Воды и Султановском поселке Пят. отд. публичных речей о необходимости свержения царя и самодержавия, созыва учр. собрания и замены существующего госуд. строя народовластием, каковое преступление, по признакам своим предусматривается 1 ч. 129 ст. и карается ссылкой на поселение... что ввиду состоявшегося о нем же и вступившего в законную силу приговора Варш. военно-окр. суда от 22 апр. 1908 г., коим он присужден к каторге на 6 лет, настоящий о нем приговор палаты в виду правил о совокупности не может подлежать отдельному исполнению в отношении личного наказания Жирнова...

Воззвание Кубанского комитета Р. С. Д. Р. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Недавно царь Николай II издал указ, в котором обещает народу ряд преобразований. Вы знаете, товарищи, что цари только тогда обращаются к народу и к рабочим с обещаниями, когда чувствуют свою слабость и свое бессилие. Доведенный до разорения войной, затеянной царем, великими князьями и кучкой воров-чиновников, народ по всей России стал грозно требовать прекращения бессмысленной, никому ненужной и несправедливой войны. Во всех городах рабочие и образованные люди устраивают собрания и требуют прекращения войны и созвания от всего народа выборных, которые будут управлять государством. В Москве и Петербурге на улицах собираются толпы народа и с криками «долой войну!», «долой самодержав.!», протестуют против царского правительства. По всей России запасных приходится силой везти в Манчжурию. Под напором общего народного негодования и недовольства, заговорил наконец и царь. Он обещает крестьянам уравнение в правах с другими сословиями, рабочим обещает страхование на случай болезни и неспособности к труду. Он сулит всему народу свободу печати и веры. Но мы, рабочие, знаем, можно-ли полагаться на царские обещания. Царь Николай уж много раз обманывал народ и нарушал клятву. Два года назад в манифесте он обещал тоже самое, но вместо обещенного начались такие гонения, каких русский народ не переживал со времени опричины Иоанна грозного. За каждое свободное слово ссылали в Сибирь, сажали в тюрьмы и жестоко избивали нагайками, крестьян секли розгами и жен их насиловали. По всем городам убивали рабочих. И теперь, под шум царских обещаний, правительство хочет проделать с нами тоже самое. Оно виляет лисьим хвостом и скалит волчьи зубы. Царь поручил заняться преобразованиями тем же министрам-убийцам и ворам, которые во главе с ним душат русский народ, силой держат его в невежестве, расхищают народные трудовые деньги и шлют под японские пули и бомбы сотни тысяч наших братьев и сыновей. Товарищи! Вы хорошо знаете, что нас, рабочих, не будут арестовывать за каждое правдивое слово, не будут бить и истязать по участкам и тюрьмам, не будут преследовать за стачки только тогда, когда мы совершенно уничтожим царское самодержавие и завоюем для всего народа политическую свободу. Самодержавие уже

захлебывается в крови рабочих, проливаемой им ежечасно в далекой Манчжурии и здесь на родине. Нужно окончательно и навек похоронить его. Равбочие и иногород ние Куб. обл. и Черном. губ.! Вы лишенные всех прав, гонимые полицией и властями, лишенные по случаю войны и работы—громко заявляйте о своих нуждах, требуйте созвания выборных от всего народа. Требуйте уничтожения царского гнета. Вы, Кубанские и Терские казаки! Многих из вас теперь оторвали от родных семейств и скоро повезут за тысячи верст в холодных, скотских вагонах на убой. Немногие из вас переживут холод, голод, болезни и японские пули в Манчжурии, немногие вернуться назад к разоренным семьям, обремененным долгами на снаряжение. Протестуйте против войны и вы, Кубанцы и Терцы! Требуйте мира! Требуйте обеспечения ваших семейств! Знайте, что в случае вашей смерти, «начальство» будет также беспощадно взыскивать с ваших жен, детей, отцов долги, которые вы для него же заключили. Теперь никто не может и не должен молчать. Все должны соединиться и раздавить подлое самодержавие царя. Все должны требовать прекращения войны и созвания учр. собрания, выбранного всем народом. Только при участии всего народа в управлении страной в состоянии начать борьбу за полное экономическое освобождение от власти капитала. Долой самодержавие! Да здравствует учр. собр., избранное всем народом!

Кубанский Комитет Р. С.-Д. Р. П., Типография Куб. Комитета. 20 дек. 1904 г.

Фонд Полит. секции Тер. губ. Арх. Бюро, отд. прокламаций № 3.

Листовка Кубанского к-та Р. С Д. Р. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Привет забастовавшим товарищам.

Товарищи! Конференция представителей групп Куб. комитета приветствует вас, выступивших на открытую борьбу с капиталистами и произволом самодержавного правительства.

Конференция выражает полную уверенность в том, что стачка ваша будет иметь громадное значение в истории рабочего движения, она послужит могучим толчком к дальнейшему об'единению рабочих. Только об'единившись, вы победите капиталистов, водворите царство социализма и этим выполните свою великую историческую роль.

Представители конференции.

13 июля 1905 г.

МАШИНУШКА.

За годами года проходили чредой—
Изменилась родная картина,
И дубина с сохой отошли на покой,
Их сменила царица машина.
Эх машинушка ухнем!
Эх железная сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай спустим.

Старый строй разрушал капитал властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.
(Припев).

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины,
Правит русский купец золотою рукой,
Мужика превратил он в машину.
(Припев).

Знать английский урок не пропал—пошел в прок
Поумнел наш российский купчина.
Наш рабочий порой восклицает с тоской:
Тяжелее сохи та, машина.
(Припев).

Без бояр и дворян очутился наш царь,
Кто поддержит тебя сиротину?
Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?
(Припев).

Но наш царь не сплошал: он купца обласкал,
И купец ему ныне опора.
А наш русский мужик—он к машине привык,
Его грабит купецкая свора.

Но страшись грозный царь, мы не будем как встарь
Безответно сносить свое горе.
И как в бурю волна, пробуждаясь от сна—
Люд рабочий бушует, как море.

Мы разрушим в конец твой роскошный дворец,
Только пепел оставим от трона,
А порфиру твою мы отымем в бою
И порежем ее на знамена.
(Припев).

Фабрикантов—купцов, твоих верных сынов,
Мы как ветер развеем по полю,
И на место вражды и суровой нужды
Установим мы братскую долю.
(Припев).

Типография Кубанского комитета. Напечатано 5000 экземпляров.

Листовка Армавирской группы Северо-Кавказского союза РСДРП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Самодержавное правительство, руками, обагренными народной кровью, преподносит нам обманное народное представительство, свою полицейско-черносотенную думу. Кучка фабрикантов, купцов, дворян и попов, собравшись в ней вкупе и влюбе, намерены вершить народные дела, распоряжаться рабочими деньгами.

Нашему брату нет туда хода. Те, немногие наши, что попадут через четыре сита четырехстепенных выборов, окажутся в меньшинстве и потонут их требования в массе голосов алчных господ и чиновников. Да и сама дума только жалкая прислужница господина государственного совета, который не считаясь с желаниями ее, может все решать сам, как найдет для себя нужным. Думе совет крикнет «цыц», а царь решает,—«распустить» и без думы, воровским манером, г.г. министры все дела повершат. Вот вам то народное представительство, которое сулит рабочему народу самодержавие. Товарищи, мы не попадемся на эту удочку. Знаем мы отлично, что эта дума для отвода глаз: нет денег у правительства, а заграницей обещали поверить в долг только в том случае, если у нас будет народовластие. Вот правительство и расчитывает, так сказать под залог думы, получить денежек, чтобы на них увеличить войско, тюрьмы, жандармов, да жалованье министрам, подачки фабрикантам и помещикам. Эта дума не только обман, но и издевательство. Под гром разстрелов рабочих, под свист порки крестьян, в железных тисках военного положения, крови, голода и смерти,—нам предлагают любезно итти в государственную думу, а лишь доверчивые обыватели выберут выборщиков, тотчас же заботливые жандармы доставляют их... но не в думу, а в тюрьму. Народный представитель, да тюремный житель—одно и тоже, справедливо говорит теперь одна пословица. Так неужели мы, товарищи, добровольно будем поставлять правительству арестантов своими представителями. «Метил в депутаты, попал в тюремные палаты»,—говорит другая пословица.

Итак, долой думу, этот заячий хвост государственного совета, за который станет хвататься всякая царская собака,—чиновники, купцы, дворяне...

Нам нужно истинное народное представительство. Это значит, что все граждане России, без различия пола, национальности, религии, богатства, образования, должны иметь право выбирать депутата прямо в народное собрание, которому будет принадлежать вся власть и сила, т. е. издание законов, обложение налогами, распоряжение казной и т. д. Тогда каждый грош рабочего, каждая человеческая жизнь, каждое народное желание,—все будет на виду и на счету и исчезнут воровство, обманы и преступления, которые возможны теперь при бесконтрольном самовластном правительстве.

Главное вот что, товарищи, не допускайте думе собраться. Уж если кровопийцы фабриканты, да обжоры—чиновники влезут в управление народом, трудно будет их выкурить из удобного им гнездышка. Легче не допустить, чем прогнать этих нахалов.

А потому, где только прослышите, что собирают жителей выбирать выборщиков, являйтесь все товарищи и об'ясняйте почему не нужна дума, а нужно учредительное собрание; срывайте своими речами и примером эти выборы, не идите сами и других не пускайте в выборщики, одним словом, об'явите бойкот. А главное, постарайтесь хорошенько об'яснить, что дума нужна богачам и насильникам, а рабочим и крестьянам—учредительное собрание. И если по всей России народ откажется выбирать выборщиков, то, верьте, товарищи, мы этим расчистим путь вооруженному вос

станию, которое железной рукой и огненным сердцем сметет с русской земли позорное самодержавие и водрузит знамя всенародного учредительного собрания.

И так у нас теперь три дела, товарищи:

1. Срывать выборы в государственную думу.

2. Об'яснять необходимость учредительного собрания.

3. Готовить вооруженное восстание, чтобы осуществить полное народовластие. К этому мы призываем вас, товарищи.

Срывайте. Об'ясняйте. Готовьтесь. Вот девиз рабочего нашего времени.

Нам—рабочим, на своих плечах выносящим всю тяжесть борьбы, нам ли обрекшим свои семьи на голодную смерть, нам ли колебаться в выборе пути. Потерять мы можем только цепи—приобретем—весь мир. И мозолистая рука, поднявшая оружие во имя блага народа, не опустится до тех пор, пока на бархатных креслах Таврического дворца сядут народными представителями люди не «белой кости»—дворяне и купцы, а—«черной кости», народной, то будут облитые потом и кровью, то люди труда—рабочие и крестьяне. Ни шагу назад. Ни слова примиренья. Клянемся, товарищи, кровью наших борцов—мучеников. Еще одна последняя кровавая атака и падет крепость самодержавия. Мужайтесь, товарищи.

Бойкотируйте выборы. Готовьтесь к борьбе: Долой государственную думу!

Да здравствует всенародное учредительное собрание.

Да здравствует вооруженное восстание.

Армавирская группа Северо-Кавказского Союза Р. С.-Д. Р. П.

Воззвание Армавирского комитета РСДРП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Николай II Романов, погромщик Всероссийский, совершил новое преступление перед всей им истерзанной Россией. Он «божией милостью» разогнал 9 июля государ. думу. 9 июля царская рука, обагренная кровью крестьян и рабочих, рука подписавшая тысячи смертных приговоров борцам за народное счастье, эта рука подписала указ о разгоне гос. думы за то, что избранники народа вздумали «сметь свое суждение иметь». Царь разогнал думу за то, что члены ее обвиняли царских ставленников министров, губернаторов и прочих обдирателей народа в расхищении казны народной, обличали их в истязаниях российских граждан, обличали их убийства невинных жертв. Николай II разогнал думу за то, что она хотела негодные старые царские законы, в тисках которых стонала вся Россия, переделать на хорошие, чтобы всем легко жилось. Царь—палач разогнал думу за то, что она хотела отнять всю землю у князей, монастырей, всю казенную землю, всю помещичью, и передать ее в руки народа. Царь разогнал думу за то, что она не стала на сторону его министров, не захотела действовать с ними за одно против народа. Царь разогнал думу за то, что она хотела облегчить тяжелую солдатскую жизнь. Запомните это, граждане! Царь, главная деятельность которого заключалась за все его 12-ти летнее царствование в том, чтобы приобрести получше пулеметы для голодных крестьян и рабочих; грозит в своем манифесте 9 июля всею силою гос. мощи (т. е.: пушками, пулеметами, тюрьмами), «привести ослушников закона к подчинению нашей царской воли». Вот, что он сулит голодному крестьянину и рабочему. Запишите эти слова в ваших измученных сердцах! Запомните, что Николай II считает всех голодных крестьян, всех рабочих ослушниками за то, что они хотят хлеба, света и свободы. Проклятие такому царю. Проклятие царю, который именем божиим мучит многомиллионный народ. Граждане! 9 января 1905 года Петербургские рабочие, после того, как перед царским дворцом были расстреляны голодные, воскликнул: «нет у нас больше царя!». После манифеста 9 июля, которым разогнана дума, которым Николай II посмеялся над всею Россией, мы все должны сказать: «Нет, не должно быть у нас царей палачей!». Граждане! Приблизился последний и решительный бой. Готовьтесь к этому бою. Стройтесь в боевые колонны. Долой дом Романовых! Долой царский трон! Да здравствует революция. Да здравствует народная республика! Да здравствует учредительное собрание!

Армавирский комитет Р. С.-Д. Р. П.

(Фонд полит. секции Тер. губ. арх. бюро, отд. прокламаций № 99).

Резолюции 5-й конференции Терско-Дагестанского союза РСДРП.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Резолюции, выработанные и принятые 5 конференцией Терско Дагестанского союза Р. С.-Д. Р. П., на которой присутствовали делегаты от следующих организаций: от Дербента (1 делегат), Петровска (1 делегат), Грозного (4 делегата), промыслов (1 делегат), Владикавказа (1 делегат), Минераловодской организации (2 делегата), от Осведомительного бюро (2 делегата). Всего 12 делегатов.

Об отношении с.-д. к профессиональным рабочим организациям.

Исходя из постановления Лондонского партс'езда, конференция предлагает местным организациям тесно связаться с существующими профсоюзами и стараться подчинить их своему идейному влиянию, а также при создании новых руководствоваться тем же принципом. Но, принимая во внимание слабость чисто парторганизаций, благодаря существующим условиям русской действительности, конференция предлагает товарищам прежде всего заботиться об укреплении С.-Д.—их организаций, там, где они слабы. Высказываясь о типе профорганизаций, конференция признает единственно жизненными такие профсоюзы, которые об'единяются по профессиям и предлагает товарищам при создании профсоюзов руководствоваться этим же принципом.

Об экспроприации.

Принимая во внимание: 1) что распространившиеся за последнее время грабежи и убийства принимают характер обычного явления, 2) что экспроприаторов выделяет из себя большинство из рабочего класса, вследствие безработицы, вызванной промышленным кризисом, 3) что экспроприации вредно действуют на самих рабочих, развивая в них разрушительные инстинкты и гася стремления к планомерной борьбе в духе Социал-Демократии и 4) что экспроприации дезорганизуют уже существующую работу, как вследствие усиления правительственных репрессий, так и вследствие отвлечения внимания еще мало сознательных элементов рабочей среды от планомерной классовой борьбы, как единственного пути для осуществления своих задач. Принимая все это во внимание, конференция считает необходимым бороться с возникшими за последнее время анархическими течениями в рабочей среде, все время указывая рабочим, что только правильно организованная и планомерная работа по организации широких пролетарских масс в единую С.-Д. Р. П. и профсоюзы под ее идейным руководством поведут рабочих к осуществлению их непосредственных нужд, пробуждению классового самосознания и достижению конечной цели—социализма.

Протокол этот добыт агентурным путем пом. нач. Тер. обл. жанд. упр. в г. Грозном ротм. Беликом и доставлен в б. деп. полиции нач. того же жанд. упр. при рапорте от 12 дек. 1907 г.

О пропаганде в войсках.

Принимая во внимание, что к осуществлению своих ближайших демократических задач С.-Д. может придти при помощи армии или большей сознательной ее части, конференция признает необходимым: во первых всеми силами стараться пробуждать в солдатах их самосознание на почве их собственных интересов; во вторых внушать им отрицательное отношение к строю, ставящему их, сынов народа, в положение его палачей, гасителей свободы и света. При чем конференция особенно подчеркивает: 1) что солдаты, действуя как слепое орудие правительственной власти, доставляют благосостояние только дворянам, землевладельцам и крупным буржуа, 2) что служба солдат дворянско-крепостническому строю лишь временная; они, сняв мундир, снова вернутся туда, откуда были взяты, т. е. тем же крестьянином и рабочим, против которых шли во время своей действительной службы; 3) что лишь благодаря вооруженной силе обездоленному народу России не удается в течение последних лет добиться проведения в жизнь начал широкой политической свободы, необходимой как крестьянам для достижения своей конечной цели (требование земли и воли), так и рабочим для осуществления своих ближайших задач (8-ми часовой рабочий день, профсоюзы, право стачек и пр.) и 4) что та кровь, которая

была пролита правительством в борьбе с народом, падает на русскую армию тяжелым историческим пятном, которое может быть смыто только дальнейшим солидарным с народом поведением армии. Принимая все это во внимание, конференция признает необходимым организацию военно-революционных союзов под знаменем С.-Д., как для пассивного сопротивления начальству в его незаконных требованиях, так и для активных выступлений революционной части армии в момент общего народного восстания.

Об отношении к суду над с.-д-ми фракции Государственной думы.

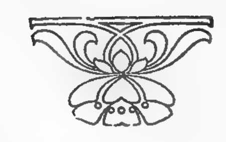
Исходя 1) из состояния сил союзных организаций и 2) необходимости использования дня суда над С.-Д. фракции государственной думы 2 созыва, но для пропаганды С.-Д. идей, конференция считает необходимым предложить организациям отметить этот день всеми возможными средствами и способами в зависимости от местных условий.

От отношении к Центральному комитету.

Члены Ц. К., в целях ознакомления с партийной жизнью, должны присутствовать на всех областных конференциях и периодически об'езжать все организации.

Издание Терско-Дагестанского
Союзного Комитета.

Ноябрь 1907 г.
Печатано 2.000 экз.



К ст. „Затишье“.

Наблюдение за Культпросвет. О-вами Нацмен.

18 ноября 1908 г. пом. нам. на Кавк. по гражд. части писал нач. Тер. обл. ген. А. С. Михееву сов. секр. письмо следующего содержания:

«Милостивый государь Александр Степанович. По имеющимся сведениям, армянские культурно-просветительные общества на территории Кавказского края действуют, по большей части совместно с таковыми же мусульманскими и грузинскими, и в настоящее время весь Кавказ покрыт сетью учреждений этих обществ, ввиде школ, приютов, народных университетов, читален, библиотек, народных аудиторий, артистических групп и даже театров и клубов. Почти вся периодическая пресса и книгоиздательства, как на русском, так и на туземных языках, также находятся в их руках. Цель общества—дать развитие и воспитание всей массе населения Кавказа в духе национально-социалистическом, согласно политических программ партий «Дашнакцутюн», социал-демократов», фракции большевиков и «Сакартвелло», которые стремятся к образованию независимой Закавказской республики на федеративных началах или же за последнее время к присоединению к Турции в качестве автономных провинций. Кроме того общества эти имеющие во главе общества членов одной из вышеозначенных революционных организаций, стремятся через посредство последних доказать на деле если не вред, то бесполезность русской правительственной власти и вместе с тем захватить в свои руки, помимо воспитания и просвещения, также управление и защиту интересов населения. Сообщая об изложенном, имею честь просить ваше превосходительство не отказать сообщить мне о том, имеются ли во вверенной вам области культурно-просветительныя общества, подтверждаются ли выше приведенные сведения какими либо фактическими данными и какими именно, а также прошу ваше превосходительство учредить наблюдение за деятельностью этих обществ, дабы они не выходили из пределов представленных им по закону круга действий. Примите и пр.

Агентурные сведения о партработниках.

Из доставленных Тер. обл. жанд. упр. за июнь мес. 1911 г. в департамент полиции сводок агентурных сведений видно, что провокаторам удалось проникнуть в партийные подпольные круги Пятигорска и разнюхать и донести жандармерии следующее: «В Пятигорске проживает рабочий из Владикавказа, социал-демократ, кличка «Петр Шувалов», который говорил, что в Пятигорске работать можно, есть организация, в которой сообща работают эс-деки и эс-эры, в организации участвуют солдаты 84-го пехотного Ширванского полка и артиллеристы, что Шувалов хочет ехать в Армавир, чтобы сделать связь с тамошними товарищами через какого-то редактора газеты Вороновича. В графе сводки о мерах, принятых на месте, значится: «Сообщить пом. нач. Тер. обл. жанд. упр. в г. Пятигорске для выяснения личности «Петра Шувалова» и об установлении за ним агентурного наблюдения, на случай выезда в Армавир для свидания с Вороновичем». Тут же имеется справка деп. полиции: «Шувалов», он же «Петр», упоминается в сводке агентур-

ных сведений по Терской обл. за янв. 1910 г., по Р. С.-Д. Р. П. (Центр. историко-арх. д. № 5, ч. 78-я за 1911 г.).

В 1912 г. по доставленным в б. деп. полиции сводкам агентурных сведений, проходили по Терской области следующие эс-деки и эс-эры: 1) Акуловы братья, эс-деки, в их доме во Владикавказе происходили собрания Р. С.-Д. Р. П. 2) Баев Андрей, студент, «ярый эс-эр». 3) Баев Измаил (брат Андрея), эс-дек, связи его с Николаем Гатуевым (см. выше), имел большое влияние на Осетинское общество «Ир». 4) «Владимир Иванович», служивший в команде Владикавказского военно-госпиталя, эс-дек, имевший связи с солдатом штаба 21-й пех. дивизии (по дополнительным сведениям по фамилии Мельниковым). 5) Гатуев Николай, эс-дек, игравший видную роль во Владикавказской организации Р. С.-Д. Р. П. в 1905—1907 г.г., имел связи с Гатуевым Константином и Карапетом Мамуловым, возвратился во Владикавказ в июле 1912 г., был избран от Сев. Кавк. на партс'езд, в окт. мес. того же года прислал письмо Карапету Мамулову о том, что поездка его за границу на с'езд «была благополучна». 6) Гатуев Константин (брат Николая. 7) Дзасихов Григорий Иванович («Гиго», «Георгий»), из Майкопской организации Р. С.-Д. Р. П., имел связь с Николаем Гатуевым. 8) Кануков Алмасход, част. повер. г. Владикавказа, главн. деятель об—ва «Ир». 9) Кудинов (кажется Сергей), принадлежал к Р. С.-Д. Р. П. (большев.), служил в конторе Владикавказского нотариуса Ульянова. 10) Мельников, солдат 81-го пех. Апшеронского полка, прикомандированный к штабу 21-й пех. дивизии, связь его, как указано выше с «Владимиром Ивановичем». 11) Мамулов Карапет Богданович, связь его с Николаем Гатуевым. 12) Михайловы братья Олег (Михаил) и Мстислав Александровичи, эс-деки, в Ставрополе, связь их с Никол. Гатуевым. 13) Тхостов Саукидз, акцизн. чиновник, главный деятель об—ва «Ир». 14) Такоев, прис. поверенный, тоже. 15) Уриманов Хоран, учитель, тоже. 16) Цаголов, эс-дек, имел большое влияние на об—во «Ир» и 17) Цаликов Ахмет Тембулатович (кличка «каракулевый»), из Армавирской организации, имел связь с Никол. Гатуевым.

В 1913-м году: 1) Гатуев Николай, прислал в январе месяце письмо к Измаилу Баеву о том, что по постановлению Ц. К., в Р. С.-Д. Р. П. и С.-Р, должно начать работу среди солдат «с целью вызова волнений». 2) Чемишит, он же Чимша, эс-дек, рабочий-каменьщик, проживал в Пятигорске, вошел в сферу наблюдения в июне месяце 1913 г., работал среди солдат Пятигорского гарнизона. 3) Базарова Леля («Лелька», кличка наблюдения «Быстрая»), сожительница Чимши, имела связи с Новочеркасском, Сулиным и Глубоким, где по ее словам шла «усиленная работа среди железно-дорожных и городских рабочих». 4) Диканская Аня (Хая), осужденная Владикавказским окр. судом по «полит.» делу на поселение и бежавшая. 5) Диканский, брат Ани, проживал в Екатеринославе и помогал сестре. 6) Клементьева Маруся, также сосланная, помощь ей Диканского для побега в Париж.

В 1913 году были обысканы жандармерией следующие т.т. рабочие Грозненск. нефт. промыслов: 1) Алеманов Вас. 2) Батищев Семен. 3) Киктенко Мих. Наумов. 4) Ковтунов Мих. Антон. 5) Королев Мих. Фомич. 6) Леонтьев Вас. Никан. 7) Максимов Степ. Макс. 8) Мышевский Григ. Францевич. 9) Сорокин Павел (взяты рев. брошюры, призывы на об'единенное собрание под новый год). 10) Туголуков Евсей Семенович, он же Пигузов Иван Нестерович, вел агитацию среди промысловых и ж.-д. рабочих в Грозном по организации группы Р. С.-Д. Р. П., имел связи с т-м Бурко, заключенном в Петербургской тюрьме и состоявшим за Петроградским охранным отделением. Туголуков-Пигузов арестован был 5 февраля 1913 г. и заключен в Грозненской тюрьме.

Сведения выбраны из центр. истор.-рев. архива в Питере.

С'езд трудовых народов Терской области.

(Пятигорск. 17 февраля—5 марта 1918 г.)

(Начало с'езда, имевшее место в Моздоке и конец—во Владикавказе—в архиве отсутствует. Здесь помещается только сохранившаяся часть отчета по Пятигорску).

О секциях. 17 февраля от имени президиума с'езда т. Андреев предлагает образовать следующие секции: 1) военную; 2) по вопросу национальному; 3) земельному; 4) рабочему; 5) продовольствия; 6) транспорта; 7) развития произв. сил края; 8) народного образования; 9) медико-санитарную; 10) судебно-правовую. От имени социалистического блока докладчиком предлагается добавить еще секции об организации областной власти и по вопросам городского самоуправления.

Т. Альтон вносит предложение добавить еще секцию финансовую. Т. Андреев добавляет, что секция по организации власти должна урегулировать правительства отдельных республик области, об'единить работу военных ревкомов и советов, установить точные взаимоотношения их с областной властью, а последней с центром. Далее докладчик, ссылаясь на «старое городское положение» для «упорядочения городской жизни», приводит мнение соц. блока о необходимости расширить права городского самоуправления в области власти и хозяйства.

Т. Маркарьянц дает раз'яснение о том, что в Федеративной Республике Советов городские самоуправления должны быть ничем иным, как отделами местных совдепов. Существующие же в области городские самоуправления—остатки прелестей коалиционного министерства. Раз'яснение т. Маркарьянца вызывает аплодисменты части собрания.

Просто реагирует на поднятый вопрос т. Бородин. Он заявляет, что он, как и многие другие малограмотные, многое непонял; но для него ясно одно:

— На местах должна быть Советская власть. Эта власть несложная, нам понятная и мы должны за нее стоять.

Прения прекращены. В заключительной речи докладчик принимает поправку тов. Нерсесова—наименовать секцию по самоуправлению—секцией городского и земского хозяйства. После этого оглашается заявление об образовании секций по призрению инвалидов и их семейств и по переселению; но эти предложения отвергаются. Председатель с'езда Такоев оглашает заявление о том, чтобы ораторы употребляли поменьше иностранных слов; раздаются голоса:—да, по-русски говорите. В конце-концов список секций, предложенный президиумом с добавлениями социалистического блока, утверждается.

Отношение к казачьему кругу.

После этого оглашается внеочередное заявление казачьей фракции с'езда о том, что во Владикавказе, наряду с Терским народным с'ездом, заседает Терский войсковой казачий круг. Фракция, считая его неправомочным, а дальнейшую работу круга—незаконной и вредной, вынесла самое отрицательное отношение к «кучке карауловцев». Оглашается проект телеграммы от с'езда, с приглашением делегатам круга, имевшим полномочия, прибыть немедленно для работ в Пятигорск; остальным же «немедленно раз'ехаться по домам». Тов. Анджиевский предлагает послать эту телеграмму от имени фракции самим казакам, что «произведет гораздо более сильное моральное воздействие».

Тов. Мамулов говорит, что ответом на заявление казачьей фракции должен быть акт о низложении Терско-Дагестанского правительства, составной частью которого является войское правительство.

Историк терского казачьего войска Ткачев заявляет, что круг—«частное дело казаков», а потому, настоящему «высокому собранию» не следует вмешиваться в чисто казачьи дела. Вопрос вызывает шумные прения; бурно и два раза происходит баллотировка предложения президиума и большинством принимается.

Чеченский вопрос.

18-го февраля заседание начинается заслушанием внеочередного заявления казака Хитрова, делегата станицы Романовской. Перед нами рисуется картина кровавых столкновений с чеченцами, которые напали на Ермоловскую и Романовскую станицы. Всю речь Хитров подкрепляет ссылкой на телеграммы в Народный Совет с мест—из станиц и от Грозненского военного ревкома и выпиской из протокола заседания чеченского народного совещания от 3 февраля. Видимо, благоразумие среди сознательных представителей масс чеченского народа брало верх: соглашаясь сдать оружие, они требовали разоружения и казаков. С одной стороны Хитров вполне правильно рассуждает, что до этой гражданской войны довели «деспотические правители Николай и Караулов», и по его мнению, как будто необходим мир; а с другой стороны—он—по мнению пославших его казаков, остается только одно: «встать всем с оружием в руках и побить Чечню, выгнать ее в горы». Хитров рекомендует поступить с чеченцами так, как поступал «герой Сунженской линии ген. Слепцов», которого они боялись как огня. Призывая, таким образом, к войне, оратор заканчивает свою речь восклицанием: — Пусть они знают, что об'единенная демократия с'умеет наказать их.

Второй казачий делегат с Сунжи Елисеев говорит, что казаки не хотели войны. Казаки согласились в последний раз на Моздокском с'езде послать мирную делегацию, но Чечня продолжала воевать и что будто бы чеченцы подбросили письмо, в котором «требовали перейти в их веру или убраться». Казак Портаев оглашает протокол заседания казачьей фракции от 17 февраля, в котором говорится об организации из всех национальностей заслона по всей Сунженской линии и о командировании мирной делегации для агитирования среди ингушского и чеченского народа. После этих речей председателем народного совета т. Пашковским были оглашены те телеграммы; из первой видно, что какая-то провокационная рука создает условия, при которых невозможна была поездка ингушской делегации; а из второй, из Грозного, видно, что чеченский народ горячо откликнулся на призыв народного совета о принятии участия в Пятигорском с'езде и по аулам идут выборы. Прекрасную информацию, раз'ясняющую положение тяжелой атмосферы гражданской войны, дал т. Сомов, заведующий военотделом народного совета, в которой он подчеркнул, что только темные силы повинны в грабежах и нападениях, а не весь народ; и указал на то, что и казаки не успокоятся, пока против вооруженных шаек, или, вернее, контр-революционных сил, не будут поставлены заслоны из смешанного отряда.

Раз'яснения эти не удовлетворяют казачью фракцию, которая просит решение вопроса оставить открытым. С'езд решает передать заявление казаков в военную секцию, с предложением срочно разрешить этот вопрос.

Доклад преднарсовета т. Пашковского. С'езд переходит к заслушанию доклада председателя Народного Совета т. Пашковского. Т. Пашковский начинает свою речь тем, что характеризует колоссальную разруху, охватившую весь край, словами: — В какую бы область жизни ни заглядывал Народный Совет, он всюду наталкивался на развал, на неорганизованность сил, на отсутствие плана. За кратковременную, 15-ти дневную, деятельность свою до созыва 2-й сессии с'езда, Народный Совет обратил внимание на те стороны жизни, которые требовали немедленного разрешения, как-то: 1) в деле ликвидации военных столкновений он, получая телеграммы о боях, нападениях и грабежах, посылал ежедневно своих членов на места: на Сунжу, Муртазово, в Нальчик и др. места для выяснения причин и обстоятельств недоразумений и ликвидации их путем ополчения сил революционной демократии. 2) В деле восстановления транспорта—идут работы по возобновлению ж.-д. движения между Бесланом и Гроз-

ным, так как на промыслах накопились колоссальные запасы нефти и керосина, а за отсутствием этого топлива на местах—стали фабрики и заводы и движение поездов сократилось до одной пары. 3) В деле охраны дороги не только от грабежа банд абреков, но и от самовольных реквизиций. (Здесь большой пропуск).

С'езд единогласно выражает свое доверие Народному Совету и поручает ему продолжать свою работу до выборов нового состава совета.

Программа работ с'езда. На 4-й день работ с'езда председатель Такоев предлагает утвердить программу работ с'езда, предложенную организационным бюро, со включением еще одного вопроса—о медико-санитарном деле. Тут выступает Мелик-Осипов с запросом—включен ли в программу вопрос о местном учредительном собрании и краевом сейме. Председатель раз'ясняет Мелик-Осипову, что вопрос этот он может поднять в секции по организации власти. Такой же ответ дает он одному из депутатов (фмаилия которого в отчете не указана) на вопрос, имеется-ли в программе вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров, который должен стоять первым на повестке дня, так как он чрезвычайно быстро и легко разрешает вопрос и о земле. После этого утверждается повестка дня в следующем виде: 1) Политический момент, переживаемый Терской областью. 2) Аграрный (земельный) вопрос. 3) Национальный вопрос. 4) Рабочий вопрос. 5) Продовольственный вопрос. 6) Организация областной власти. 7) Вопрос о транспорте (железнодорожном и гужевом). 8) Развитие производительных сил края. 9) Финансовый вопрос. 10) Правовой вопрос. 11) Вопросы народного просвещения. 12) Вопрос медико-санитарный и 13) Вопросы, могущие назреть ко дню с'езда.

Во внеочередном порядке товарищ председателя с'езда Гр. Гр. Анджиевский оглашает телеграмму из Нальчика от начальника окрисполкома. Текст этой телеграммы, характеризующий контр-революционное настроение состава этого исполкома, вопреки революционного настроенеия присутствовавших на с'езде представителей трудовых масс кабардинского народа, следующий: «Нальчикский окрисполком заявляет, что народ разделяет убеждение Терско-Дагестанского правительства, что только краевое учредительное собрание может создать истинную народную власть, явленную путем четырехчленной системы и пропорциональных выборов, а не митинговое моздокское собрание. Одновременно исполком заявляет, что на Пятигорский с'езд от кабардинцев и горских обществ делегаты не обладают полномочиями правильно выборных по четырех-членной системе и пропорциональности населения; что отсутствие на с'езде целых народностей и их протесты усугубляют неправомочность с'езда разрешать вопросы, касающиеся всей области».

В зале подымается шум. От имени президиума т. Анджиевский предлагает передать телеграмму для обсуждения и представления на следующий день заключения в фракцию кабардинцев и балкарцев. Предложение это поддерживается т. Абуковым, который говорит, что кабардинцы, как знающие местные условия, быстро сумеют разобраться в этом недоразумении. На предложение дать кабардинцам об'яснение кем и как они избраны, председатель Такоев говорит, что этим занимается мандатная комиссия. Предложение президиума с'езда ставится на баллотировку и единогласно принимается.

Доклад военной секции. В этом-же заседании очень бурно прошел доклад военной секции и прения по нему. Обсуждался вопрос об отражении нападений на казачьи станицы ингушей и чеченцев, представители которых отсутствовали на с'езде. Характерен крик одного из казаков: «если социалистический блок не верит нашему военному совету, не верит казачеству, то и мы, казаки, не верим социалистическому блоку». После чего принято было предложение соц. блока о передаче вопроса для решения народному совету и о посылке в станицы на места происшествий—комиссий.

Текущий момент в Терской области. В заседании 20-го февраля с большим интересом был заслушан доклад т. С. М. Кирова «Текущий политический момент в Терской области». Он говорил о том, что уже 1-я сессия народного с'езда в Моздоке проходила под знаком борьбы трудового народа и что протекавшая 2-я сессия народного с'езда в Пятигорске должна была возбудить в участниках ее силу и волю к борьбе за существование надежд трудовых масс. События на фронтах—наступления

германских полчищ, убеждения германского империализма в том, что в России нет элементов, которые могли-бы ввергнуть Россию в лоно буржуазии, заставляют признать, что все стремления наши могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится республика трудовых масс, и что германский империализм, потеряв надежды получить внутри России необходимые ему контр-революционные силы, решил выпустить кровь из российского пролетариата и идущего с ним об-руку революционного крестьянства.

Очень метко т. Киров в своей речи отметил, что «революционный год прошел мимо Терской области, и что если Терская область улавливала до последнего времени что-либо из великой российской революции—то больше грязной пены революционных волн, чем ее здорового содержания. Как на характерный пример этого, он указал и на то, что на Терек после каждого переворота попадали элементы, которые выбрасывались из центра. Т. Киров указал на одного генерала, который слишком увлекся душением революции и после июньских дней очутился «желанным гостем» здесь и ему было поручено формирование национальных полков. Голоса с'езда расшифровали эту личность. Речь шла о пресловутом генерале Половцеве.

Припомним, что этот генерал был командующим Петроградским военным округом и по его приказу расстреливались демонстрации большевиков 3—5 июля 1917 г. в Питере.

В дальнейшей своей речи т. Киров умело провел параллели между утвердившейся с красного октября в центре Сов. власти и царством буржуазии, указав на то, что еще было живо Терско-Дагестанское правительство и что только с 25 января демократия Терека собралась для того, чтобы творить дело революции. Далее оратор коснулся злободневного в те дни вопроса о вспышках гражданской войны—столкновениях ингушей и чеченцев с казаками. Он призывал ликвидировать все недоразумения и столкновения между нациями мирным путем, оперевшись на ингушскую и чеченскую демократию. Он в красочных формах старался убедить с'езд в том, что черная рука контр-революции в своих целях натравляет один народ на другой. Если так будет продолжаться, то от организованной демократии Терской области не останется и следа. Указав на то, что в связи с наступившей реакцией на Дону началось немецкое наступление и что реакционные Донские силы имели связь с иностранными капиталистами, т. Киров пророчески предсказал, что реакционные банды рано или поздно перекинутся на Кубань, а оттуда и на Терек.

В заключение своей речи он доказал, что сторонниками созыва местного учредительного собрания являлись враги трудовых масс Терека. Т. Киров покинул трибуну под гром аплодисментов.

Характерна в прениях по докладу тов. Кирова речь казака Хитрова. В исторической справке о революционном духе Терского казачества он справедливо указал на то, что еще в XVII веке предки Терских казаков—Гребенские вольные казаки и атаманы пристали к революционеру атаману Стеньке Разину, казненному при царе Алексее Романове за то, что он поднял трудовой народ против князей и богачей. Казаки,—говорил Хитров, — не против социализма. В речи т. Кирова, по мнению Хитрова, не были понятны многие зигзаги. Хитров здраво рассуждал, что в учредиловку не попадут трудовые казаки. Он очень разумно рекомендовал признать власть Совнаркома и начать работать по декретам. Указав на рознь на Тереке между казаками и иногородними, Хитров совершенно правильно указал на то, что и казаки вышли из тех же крестьян. Он привел историческую справку о том, что предки его бежали 400 лет тому из под гнета помещиков с Рязани. Ему известно было, что родичи его Хитровы остались и до сих пор живут в Рязанской губ. Для историка местного края эти указания чрезвычайно ценны.

В заключение своей деловой речи тов. Хитров призывал всех сплотиться не на словах, а на деле для борьбы против контр-революции, и звал казаков на действительное об'единение с товарищами солдатами. После речи т. Хитрова оглашена, в внеочередном порядке, телеграмма от ингушского нацсовета о том, что делегаты ингуши задержались выездом ввиду провокационных убийств во Владикавказе и насилий над их единоплеменниками и что эти делегаты выехали на с'езд 20-го февраля.

С блестящей речью выступил т. Харкешвили, представитель Закавказского центра Советов рабочих, солдатских и кр. депутатов.

Он говорил о том, что народ сверг ненавистных ему царя, жандармерию, полицию и помещиков. Сторонники царизма, называвшие себя архи-революционерами и архи-социалистами, в сущности контрреволюционеры, мутят трудовой народ, натравливают нацию на нацию, нашептывают казакам, что горцы и иногородние хотят будто-бы отнять землю у казаков. В свободной-же России не будут угнетенных и угнетающих. Т. Харкешвили призывал не только признать власть Совнаркома, но и разрешить роковой и спорный земельный вопрос по программе центра.

После этого на трибуну вступил тов. Анджиевский. В своей блестящей речи он охарактеризовал задачи пролетариата Терской обл. в борьбе с буржуазией. Он сравнил контр-революционную политику правителей на Дону с политикой проводившейся Терско-Дагестанским войсковым правительствами. Верхи на Дону и на Тереке одинаково стараются спрятать правду от трудового казачества, говоря, что будто-бы центральная власть хочет отнять землю и вольность от казаков. В заключение т. Анджиевский предлагал всем твердо и определенно сказать трудовым народам Ингушетии и Чечни: мы с вами не воюем! и советовать им свергнуть свои верхи и об'единиться с пролетариатом Терской обл. Слова т. Анджиевского покрылись шумными и продолжительными аплодисментами.

В заключительном слове т. Киров подчеркнул, что социалисты не могут возлагать ответственность за события на один какой-либо народ или нацию. Обвинения такие достойны провокаторов, сидевших во Владикавказе. С'езду помимо признания власти Совнаркома, необходимо еще разрешить наболевшие—национальный, земельный и рабочий вопросы. Если делегаты не найдут общего языка и не сумеют договориться на с'езде—вопросы эти решит только гражданская война. В заключение он еще раз призывал казаков, горцев и вообще всех трудовиков области об'единиться для борьбы против буржуазии, закончив свою речь пожеланием, чтобы «цепь гордых Кавказских скал явилась могучей преградой, о которую должны разбиться все темные силы контр-революции».

Резолюция по текущему моменту: «2-я сессия Терского народного с'езда, заслушав доклад о текущем моменте в Терской области, находит: чрезвычайная угроза революции, исходящая от империалистического запада, не замедлит отразиться и на жизни Терской области. Революция в России вообще, и в Терской области в частности, находится в опасности и отсюда встают чрезвычайные задачи перед Терской демократией, об'единенной на с'езде. Задачи эти усугубляются особенно тем, что Терская область не перестает пребывать в состоянии анархии, общей разрухи и гражданской войны. Единственным выходом из создавшегося у нас в Терской области положения является путь, указанный на Моздокском с'езде, т. е. об'единение всей революционной демократии без различия национальностей вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев. Это положение должно быть руководящим при дальнейших шагах революционной демократии, как-то: при организации местной власти и пр. и создании ответственных органов в области».

Революция принимается без поправок.

События во Владикавказе. Оглашается во внеочередном порядке телеграмма об обезоружении самообороной Молоканской слободки во Владикавказе 40 чел. офицерской сотни. Отнято 60 винтовок, пулемет и автомобиль. Убит комиссар т. Шмидт. Самооборона требовала разоружения офицерской и студенческой сотен. Полковники Беликов и Кибиров требовали с своей стороны разоружения самообороны. Сперва возник вопрос о посылке Ингушскому и Осетинскому нац. Советам, городскому самоуправлению, комиссару самообороны и Беликову и К-о, телеграмм с требованием о немедленном расформировании офицерской и студенческой сотен, ввиду существования во Владикавказе самообороны. Затем решено было диктатору пол. Беликову телеграммы не посылать, так как «недостойно с'езду сноситься с такими господами». Очень оживленно прошел 8 й день заседания с'езда 23 февраля.

Прибытие делегатов от Чечни и Ингушетии. 23 февраля на с'езд прибыли делегаты от ингушского народа и чеченского национального Совета. В приветствен-

ной речи т. Такоев указал на то, что вступившие в общее лоно демократии горцы теперь становятся равноправными членами Республики и не будут угнетаемы как ранее, не будут голодать от безземелья, не будут опекаться администрацией (военно-народным управлением), а сами будут устраивать свою жизнь, не будут развращаться судами, чуждыми их обычаям и правам, а будут иметь свои суды, согласно их воли, а потому и призывал трудовых ингушей и чеченцев взять их судьбу в свои руки, в трудовых казаках видеть своих друзей, в казачьих и горских верхах—общих врагов. Далее прибывшие приветствовались от Народного Совета Сомовым, от кабардинцев Трамовым, от казачьей фракции Поморцевым, от грузинского народа Гиашвили, иногородних Ситниковым и от социалистического блока т. Кировым. В задушевной речи т. Киров сказал: Соц. блок верит, что ни бек, ни князь и не уздень не дадут нам избавление; мы его добьемся только сами, своими руками!

В ответной речи т. Ахриев, представитель ингушского народа, описав тяготы быта своих единоплеменников при царском режиме и указав на то, что после Моздокского с'езда ингуши узнали о социализации земли, сообщил, что темные силы все время мешали вхождению депутатов от ингушей в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всюду говорили, что ингуши разбойники и абреки, их никуда не пускали, всячески ограживались от них. Только демократия Терской области сказала, что не все ингуши—абреки и разбойники и ингушская трудовая демократия бросилась сюда. Ахриев говорил о том, что цепкие руки темных сил держали и уговаривали делегатов не ехать на с'езд, уверяя, что он распущен и т. д. В таком же духе говорил и представитель Чеченского нац. Совета т. Шерипов. Во время самодержавия чеченцы были пасынками. Темные элементы увидав, что после Моздокского с'езда национальное движение переходит в социалистическое и в народе произошел переворот от войны к миру, постарались провокационно натравить малосознательную часть народа на казаков и произошли нападения на отдельные казачьи станицы, обстрел чеченских аулов из Грозного и пр. Шерипов привел справку о том, что в Чечне не было крепостного права, сословий, беков и князей.

Доклад по национальному вопросу. Докладчик т. Коренев указал на то, что национальный вопрос является страшно запутанным в ходе революции. Вопрос этот должен разрешиться в грандиозной борьбе труда с капиталом. Что национальный вопрос плелся в хвосте революционного движения и не давал покоя и удовлетворения нац. группам. Отдельные племена и народы стали подходить к осуществлению своих затаенных надежд путем накопления нац. полков, будто-бы в обстановке российской революции им угрожала опасность. Докладчик охарактеризовал роль в Германской войне того-же национального вопроса. Далее он метко указал на то, что формулой «самоопределения народов» наравне с пролетариатом пользуется и буржуазия. Последняя—для того, чтобы натравить демокартию соседних народов друг на друга и погубить этим дело революции. Т. Коренев разоблачил блестяще в своей речи, темные реакционные силы Кавказа, которые, пользуясь богатым материалом из истории покорения Кавказа, когда горцы переживали угнетения под русским владычеством, сеяли на этой почве шовинистические семена, распаляя религиозный фанатизм мусульман. Кровь на Сунже и Тереке, опустошения в Хасав-Юртовском округе—результат этой черной работы. Докладчик указал на то, что во все периоды человеческой истории в руках господствовавших классов развитие национального чувства было сильнейшим орудием для борьбы с солидарностью трудовых масс. Далее он указал на печальный пример народов Терской области, когда в момент решительной свхатки труда с капиталом представители крупной земельной собственности пользовались формулой самоопределения народов для того, чтобы затушить стихию классовой борьбы и сохранить в рамках национального хозяйства имущественные права, которые были обеспечены за ними старым строем. Национальное движение должно подчиниться высшему критериуму—классовой борьбе. Если Терская область будет самостоятельным государством, не связанным ни с Кавказом, ни с Россией, то национальный вопрос будет разрешен так, что Теробласть будет союзом государств—Ингушетии, Чеч-

ии, Осетии, Кабарды и Тер. казачества. Коренев выразил свое мнение о том, что большинство делегатов с'езда мыслят одинаково с ним, что Теробласть должна входить в общую Российскую федерацию. В заключение докладчик предлагает, в поисках разрешения национального вопроса, принять за исходную точку следующее: 1) международные отношения, как и вообще все важнейшие культурно-экономические вопросы Теробласти, могут найти справедливое и согласованное с заветами российской революции разрешение только лишь при условии установления организованного единства всей России, и в частности Кавказа. Но, исходя из фактических обстоятельств текущего момента, необходимо признать, что Теробласть является временно составною единицею Рос. федерации, и 2) как основная часть Российской федерации—Теробласть является союзом народов и племен, политическое участие которых по управлению областью выражается пропорциональным представительством в составе единого об'единенного органа обл. власти.

Поэтому докладчик, в разрешении вопроса о территориально-национальном самоуправлении, предлагал создать территориальный или земельный союз народов, а не государства отдельных горских народов и казачества. Тут возникал серьезный и сложный вопрос об определении территорий и земель каждого народа, вопрос тесно связанный с земельным вопросом. В связи с разрешением земельного вопроса в России, по которому каждый крестьянин, без различия нации, желающий обрабатывать землю, должен ее иметь, произойдет переселение, передвижение народов, известный сдвиг при распределении. Еще сложнее вопрос с городами с смешанным составом населения. Но решается он просто—эти города будут экстерриториальными, т. е. внеземельными. Здесь докладчик дал подробное об'яснение относительно организации национальных меньшинств. В заключение он к двум предложенным пунктам проекта предложил еще 13 пунктов: форма союза, права меньшинств, границы территорий, язык, школа, суд, армия и органы национального самоуправления.

В заседании 24 февраля доклад т. Коренева вызвал оживленные прения. Т. Малыгин, считает, что проект докладчика не отвечает задачам социализма, разбивать национальные перегородки; что Великая российская революция вручила власть трудовому народу и проводя это в жизнь, надо руководиться строго принципом интернационализма, чтобы не мешать основной задаче—борьбе труда с капиталом.

Докладчик, во избежание дальнейших недоразумений, раз'яснил, что доклад—плод коллективного творчества секции. Основная линия социалистического поведения в решении нац. вопроса,—об'единение трудящихся всех наций. Учреждение Совдепов с нац. отделами, не разрешит нац. вопроса. Но практика показала, что рядом с Совдепами существуют нац. Советы. В заключение т. Киров сообщил, что не возражает о передаче вопроса о нац. вооруженных силах в военную секцию.

Большинством принимается предложение Анджиевского—считать решения с'езда резолюциями, а декретирование их поручить исп. органу—Тер. Нар. Совету.

Заседание 24 февраля закончилось выборами от групп членов делегации для поездки в Беслан—для встречи и оказания содействия чеченским делегатам.

На следующий день с'езд открылся чтением ответа на телеграмму Нальчикского исполкома от Каб-Балкарской фракции с'езда: «Принимая во внимание, что окрисполком и окркомиссар давно потеряли всякое доверие в глазах Каб. народа, считать членов исполкома врагами народа и злостными клеветниками. Действия их провокационными.

Доклад секции об организации власти. 26 февраля заседание началось заслушанием доклада секции по вопросу об организации власти областной и на местах. Докладчиком выступал т. Андреев. Содержание доклада в общих чертах следующее: бушующая по всей территории России волна революции только теперь докатилась до Кавказа. Под влиянием револ. стихии, российская деревня принялась за переустройство старых отживших форм. На Кавказе в этом деле встречаются тернии. Об'яснение причин этого: здесь не было земства, низкая степень культуры, классовая дифференциация (остатки феодализма, царство еще первобытного, патриархального быта). Потому власть здесь, углубляя революцию и сплачивая под

боевыми лозунгами трудовую массу, в первую очередь должна поставить перед собою задачи культпросветительные. Далее—улучшить дело медицинской, агрономической помощи, в особенности горскому населению, насадить кооперативы. Не следует скрывать, что Терский край беден, чем ставятся препятствия к культурному строительству. Беден край и культурными силами. Теробласть разорвана на бесчисленное количество мелких, суверенных,—почти независимых. республик. Необходимо их собрать и связать крепкими, прочными и неразрывными узами с остальной Россией, как части РСФСР. По Теробласти существуют на местах разнообразные власти, совершающие порой действия и отдающие распоряжения, присвоенные только верховной власти, что не только не способствует углублению дела революции в Терском крае, но поселяет анархию, порождает смуту и усугубляет и без того тревожное и тяжелое положение края. Постройка власти в области должна начаться с низов станиц, аулов, сел. Органы власти должны удовлетворять следующим требованиям: 1) должны быть оплотами революции, способными стойко держаться на страже ее; 2) должны быть способными вести широкую культпросв. работу, дабы поднять сознательность населения; 3) должны быть близки и понятны народу, и 4) наконец, не должны быть такими, которые ломают создавшееся стихийным процессом жизни формы организаций. Далее докладчик изложил предложенную секцией схему власти. По проекту предположено было в станицах, селах и аулах организовать органы распорядительные, управления общественного хозяйства—народные Советы, выделяющие для «мелочных работ сельских будней» подвижной орган—сельскую Народную Управу; последующие органы—окружные Национальные Советы. Высший орган власти в округе—с'езд, собирающийся на менее двух раз в год. С'езд выделяет окр. и отдельский Нар. Совет, для текущей работы последний выделяет окр. Нац. или отдельскую Нар. Управу. Высшая власть в крае—Терский Нар. с'езд, орган законодательный. По принципу пропорциональности представительства племен, обитающих в Теробласти, избирается на с'езде Тернарсовет (1 член Совета на 25 тыс. населения). Нарсовету подчинен исполнительный орган края—Терсовнарком, составленный из спецов. В секции при обсуждении проекта были разногласия по поводу существования наравне с Советами и Управами в станицах, селах и аулах сходов, а также по поводу существования отдельских и окр. организаций, которые будут только тормазом в общей работе, будут рождать канцелярскую волокиту и бюрократичность и, наконец, тяжким бременем будут ложиться на плечи населения. Но особым яблоком раздора между отдельными частями демократии должен был явиться вопрос об основе формулы выборов (пресловутая «четырехвостка»). Секция решила придерживаться этой формулы. На Тереке, где не произошла еще социальная расслойка, где еще так много патриархальности и экономической первобытности, трудно произвести, рассуждала секция, грань между трудящимися и нетрудящимися. Взаимоотношения с центральной властью Рос. Фед. Респ., секция полагала следующими: Россия в своих отдельных частях может управляться, как того захочет, но экономически она должна быть единым, неделимым центром. Все же права управления в области законодательства и суда присваиваются обл. власти.

Многие делегаты решительно требовали упразднить «четырехвостку», как соглашение с помещиками и буржуями—капиталистами. Делегат Грозненской 1-ой боевой роты т. Сафонов написал в своем протесте: «я делегирован отстаивать Власть Советов». Тоже написал делегат Орбельяновки т. С. Загородний.

В заседании 27 февраля, в приветственной речи, председатель с'езда т. Такоев поздравил с'езд с исполнившейся первой годовщиной революции. Почтена была вставанием память борцов, погибших за народную свободу. С прекрасными речами выступали т.т.: доктор Иванченко, представитель соц. блока и представитель Пятигорского Совдепа т. Киров.

После чего начались продолжительные и горячие прения по докладу т. Андреева. Выступали фракционные ораторы. От казачьей фракции выступает все тот же Поморцев. Власть, по мнению этой фракции, должна быть Советской; значит—признание Совпаркома. Но власть должна покоиться не на штыках и грохоте пушек, а

на общем доверии, уважении и подчинении.

Затем берет слово т. Шерипов, представитель чеченского народа и, заявляет, что Чеченский Нац.-Совет не дал ему официальных полномочий делать заявлений по данному вопросу, но власть Совнаркома безусловно будет признана чеченским народом. Шерипов говорит, что в Чечне определенное настроение, чтобы не было помещиков на Тереке. Чеченцев, когда они хотели национализировать 8 тыс. дес. земли, принадлежавшей генералам, стали запугивать и говорили: придут миллионы солдат и отберут землю. Это и было причиной создания и раз'единения чеченцев с солдатами, анархии на железной дороге и событий в Воздвиженской.

Ахриев, представитель ингушского народа, говорит, что лозунги, выдвинутые революцией о земле—давнишние чаяния ингушей. Все бывшие в Ингушетии правительства потеряли доверие в глазах ингушского народа и только признание власти Совнаркома выведет народ из создавшегося положения. Представитель осетинского народа т. Борукаев говорит, что выдвинувшая его группа осетин считает, что необходимо признать власть Совнаркома; в организации власти на месте должен принимать участие только трудовой народ и единственной должна быть национальная власть. От фракции кабардинцев и балкарцев выступает т. Ахохов, который также высказывается за признание власти Совнаркома и выброске из проекта «четырехвостки».

Остапенко, представитель железнодорожников, говорит, что на Владикавказской ж. дор. уже имеются свои комиссары и признана власть Совнаркома. Представителем от социалистического блока выступает т. Буачидзе. Он говорит, что блок на «четырехвостку» смотрел с точки зрения класса трудящихся. Эта форма не принималась как нечто незыблемое. Опыт Запада показал, что эта формула обеспечивала только интересы буржуазии, которая всегда находила способ повернуть ее в свою пользу.

Вечернее заседание 27 февраля возобновилось блестящей речью т. Буачидзе. Он указал на то, что многих товарищей смущает вхождение большевиков в социалистический блок. Они называют это—политикой соглашательства, но для немартовских социалистов—большевиков, важно, чтобы не только в резолюциях, но и на деле была признана власть Совнаркома и осуществлялась программа Советов. Жизнь показывает, что только проведение программы большевиков может обеспечить интересы трудящихся. В таком направлении большевики и вели работу и говорили, что только в советской программе счастье трудящихся. О большевиках говорили, что будто бы они немецкие агенты—шпионы. Для всех видно, что это провокация, ложь и клевета. Далее т. Буачидзе, подчеркнув желание казаков, осетин, кабардинцев и др. народов разрешить наболевшие вопросы по советской программе, отметил, что в этом заключалась вся мощь и сила партии большевиков—«ибо мы и вы—одно и тоже»,—добавил оратор. Тов. Ленин, Троцкий и друг., продолжает Буачидзе, не навязывают никому своей воли—они зовут только рабочих и крестьян быть творцами своей жизни и своих дел. Поэтому для большевиков неважно признана ли будет власть Совнаркома, важно только, чтобы на деле защищались интересы рабочих, крестьян, трудовых казаков и горцев. Тов. Буачидзе указал на то, что в 1905 г. кавказцы были первыми застрельщиками революции, а для текущей революции еще ничего не сделали. Большевиков, когда они еще до февр. 1917 г. предсказывали революцию, называли фантазерами. Называют их и теперь фантазерами, когда они говорят о новой красивой жизни. Закончил свою речь т. Буачидзе возгласом: «Да здравствует международная пролетарская революция!». (Шумные продолжительные аплодисменты).

Представитель фракции меньшевиков отказывается от слова. Докладчик берет слово и высказывает свое удивление по поводу изменившегося настроения в решении вопроса, принятого в секции единогласно. По поводу встреченного возражения против «четырехвостки», Андреев лично считает, что иной системы избирательного права, которая могла бы быть применима в Терском крае для создания действительно революционных органов власти, он, как эс-эр, не мыслит.

Далее возник вопрос о порядке голосования предложений по докладу. Тов. Киров от имени фракции большевиков и соц. блока предлагает сперва решить вопрос о местной власти, после того, как на прак-

тике будет испробована твердость этого решения, признание власти Совнаркома будет гораздо внушительней. Тов. Макаров от иногородних протестует против предложения соц. блока и требует сперва решения вопроса о признании и обидчиво добавляет, что напрасно соц. блок считает участников с'езда малыми детьми, которые ни в чем не разбираются.

С очень выпуклой речью выступил т. Шерипов; вполне соглашаясь с т. Кировым, он считал, что сперва надо решить земельный вопрос, который должен быть пробным камнем твердости и неприклонности, действовать на Советской программе. Разрешить ту историческую несправедливость, на которой голые скалы достались чеченскому и ингушскому народам, а тучные, богатые земли—изменникам народа. По выслушании еще ряда ораторов, с'езд постановляет приступить сперва к решению земельного вопроса, после которого решать уже вопрос о власти.

Доклад земельной секции.

28-го февраля работы с'езда возобновились с заслушания доклада земельной секции. Докладчик т. Павлоцкий начал с заявления, что в основу земельной реформы положен закон б социализации земли, принятый III-м Вс. с'ездом Советов. Работа зем. секции, несмотря на страстность и беспорядочность сперва, в конце концов увенчалась успехом. С принятием предлагаемого закона отменяется навсегда всякая частная собственность на землю и она переходит в руки всего трудового народа без всякого выкупа. Правом пользования землей имеет лишь тот, кто сам ее обрабатывает и лишь в таком количестве, какое он сам может обработать.

Из дальнейших прений и некоторых разногласий по докладу т. Павлоцкого, выяснилось, что в секции против принятия закона о социализации земли были только князьки и один казак. Тов. Анджиевским, по желанию с'езда, был прочитан декрет о социализации. Далее был заслушан очень умело составленный доклад о немедленных мероприятиях переходного характера по проведению закона о социализации земли в Терской области. В докладе совершенно правильно указывалось на то, что на Северном Кавказе, как на всех окраинах, земельные, национальные и хозяйственные отношения складывались насильственно под всесокрушающим давлением самодержавия.

Поэтому в разрешении земельного вопроса в Терской области приходилось, помимо земельно-бытовых и хозяйственных особенностей, считаться еще с политической группировкой. Этими земельно-территориальными группами являлись: 1) земледельцы, обеспеченные территориально наделением земельной площадью, а потому поставленные в условия нормального трудового существования, как напр., казачество; 2) обеспеченные территориально, но необеспеченные владением внутри территории, как напр., Кабардинцы, ибо общая площадь занимаемой ими территории могла создать нормальные условия существования для народа, но значительная часть этой земли находилась в руках владетельных князьков и узденей—помещиков; 3) малоземельные, куда должны быть отнесены обитающие на плоскостях ингуши, осетины и чеченцы, неимеющие почти никаких земельных запасов и, наконец, 4) группа безземельных горцев, живущих на скалах и с неимоверными, нечеловеческими усилиями тяжким трудом спасающие себя от голодной смерти.

Доклад очень подробно останавливается на исторической роли казачества, которое в начале революции замыкается в свой круг и казачьи с'езды, а затем в короткое время, поняв свою ошибку, в значительной. сознательной своей части начинает прислушиваться к голосу социалистов и делается сторонниками большевизма.

Нелепо, что на Моздокском с'езде казачья группа настаивала на признании власти Совнаркома и в то же самое время отказывалась обсуждать земельный вопрос.

Доклад призывал казачество в переживаемый критический момент стать на сторону демократии и позор на голову всех господ, защитников казачества, которые уверяли казаков, в этот страшный час, что они должны жить сами по себе и ни в чьих советах не нуждаются. Все это привело казачество в этот ужасный тупик. Переходя ко 2-й группе, в частности к кабардинцам, доклад призывал их к связи с российской революцией. Кабардинцы решили уже упразднить свой владельческий класс. Мы припомним сложный, запутанный в Кабарде сословный, тесно связанный с земельным, вопрос. Не надо Кабарде замыкаться в самой себе, т. к. рево-

люция внутри ее заглохнет, а надо решительно и неразрывно соединиться с российской демократией. 3-я средняя малоземельная группа в случае столкновения, останется между двух огней и не может, считает докладчик, остаться нейтральной. И в случае захватов безземельной, наиболее активной группой, средняя, обороняющаяся группа вряд ли может рассчитывать на приобретения. Последняя—четвертая группа—безземельных—представляет из себя страшную силу, которой в своих целях могут воспользоваться контр-революционеры, но которая при других условиях может явиться могучим резервом революции. Случайные захваты земли этой группой, которая пока еще молчит, могут быть стихийными, довольно одной искры, чтобы она загоревшись—восстала, в случае столкновения не улучшат ее земельные вопросы. Эта группа мало организована и львиную долю она отдала отдельным личностям.

Охарактеризовав столь наглядно результаты столкновения, если вопрос не будет разрешен на с'езде, доклад переходит к вопросу о практической возможности проведения социализации земли в условиях тогдашней политической обстановки. Доклад указывает на то, что в одних частях области социализация явилась плодом революции, в других—проходит в болезненном процессе кровавых столкновений и напрасно причину этих столкновений искали в явлениях иного порядка, как абречество, недоразумение, отсутствие власти и пр., когда для всех теперь ясна причина —их земельное неравенство. Разрешен вопрос может быть только в порядке мирных переговоров. В заключение докладчиком были предложены тезисы, которые должны были лечь в основу разрешения земельного вопроса. В резолютивной части проекта земельной секции, касающейся переходных мер при принятии основного закона о социализации, говорится: 1) все казенные, удельные, монастырские, церковные и нетрудовые частновладельческие земли с живым и мертвым инвентарем, земли сельско-хоз. значения, имеющиеся во владении городов, слобод, общин, племен, народов, войска, не обрабатываемые ими, переходят в распоряжение зем. Совета; 2) все недра, воды и леса—в распор. обл. зем. сов.; 3) сдача земель в аренду отменяется и 4) зем. советы распределяют земли на справедливых и трудовых началах как в своем, так и совместно с соседним районами. Советы разрешают споры в отношении бывших арендных, бегендных, кирпастных и друг. земель.

В конечном результате большинством принимается декрет о социализации. После принятия этой резолюции выскакивают Егорин и Василенко, делегаты казаков станицы Щедринской с заявлением, что только «хозяин земли русской», сиречь Учредилка, должна решить этот вопрос и от Горячеводской, известный Кривоносов, с заявлением: станица просит не касаться войсковой земли. Заявления эти принимаются к сведению. На вопрос одного из депутатов казаку Егорину, признают-ли подавшие протест, власть Совнаркома, Егоров отвечает:

— Нет, не признаем!

Перед голосованием проекта в целом, т. Маршак выступает от имени фракции С.-Д. меньшевиков с заявлением, что проведение этого проекта болезненно отразится на хозяйственной жизни края и, что фракция примет все меры для смягчения болезненной стороны проекта при проведении в жизнь. В конце концов проект принимается единогласно.

Заседание 2 марта началось заслушанием внеочередных заявлений главноуполн. Туркест. краевой прод. управы Дитериха и Бакинской губ. т. Романова, которые нарисовали картину «отчаянного голода» в Туркестане и Баку, явившегося последствием распрей между казаками и чеченцами. Представитель ингушей т. Шерипов говорит, что сопровождавшие поезда броневики обстреливали прилегающие к ж.-д. линии аулы и вносит поправку к резолюции об упорядочении дела заготовки и провоза продовольственных грузов, о недопуске провоза боевых припасов, проезда вооруженных эшелонов и бронепоездов. Но с'езд постановляет—поправки до рассмотрения его в транспортной секции не обсуждать и резолюция в целом принимается. От казачьей секции с внеочередным заявлением выступает Поморцев. Он начинает свою речь о том, что ему «приходится вновь песню напевать на старый лад». 1 марта в Пятигорск прибыли 22 делегата казаки с Сунженской линии с мольбой к с'езду о помощи. Распри и столкновения между казаками и горцами не прекращались. Казачья фракция сговорилась

с представителями от ингушей, осетин и чеченцев с'езда и решено было послать на места делегации для раз'яснения трудовому народу, что «драться нечего, что все должны жить в единении и мире, и что наступило время сказать: «долой войну, долой окопы». Предложение о посылке мирной делегации принимается.

Доклад о сунженских событиях.

Заседание 3-го марта началось заслушанием доклада чрезвычайной следственной комиссии, командированной в г. Грозный для расследования обстоятельств столкновения у станиц Ермоловской и Романовской. Докладчик—предкомиссии известный Бичерахов. Из доклада мы усматриваем, что в 5 час. утра 16 февраля, по словам станичников Романовской, 5—6 тысяч чеченцев сделали вооруженное нападение на эту станицу. Чеченцы, к счастью, сделали ошибку—подходя к станице подожгли сенники. Увидя зарево, станичники подняли тревогу и заняли окопы. Началась ружейная перестрелка. Чеченцы, освещенные заревом пожара, прекрасно были видны казакам. Казаки же были незаметны в окопах. Если бы не оплошность чеченцев, то от станицы не осталось бы ничего. Потери со стороны казаков — 8 убитых и 16 раненых, чеченцев—53 убитых и 25 раненых. Чеченцы, пораженные метким огнем казаков, были отбиты. Убытки от набега комиссией определены: от пожара—476 т. р. и принесенные мельнице Руденко—250 т. р. Что побудило чеченцев сделать нападение, об этом комиссия материала не имела; не дали ответа на этот вопрос и чеченцы. Наступление ведено было организованно, очевидно под руководством фронтовиков, 3 колоннами, ж.-д. путь был разобран, а телеграфное сообщение с Грозным прервано. Не учли нападавшие одного обстоятельства—существование телефонного сообщения с ст. Ермоловской и отсюда с Грозным. Ермоловцы выслали в подкрепление Романовцам одну сотню, а из Грозного к ст. Романовской чеченцы сделали заслон. Бичерахов высказывает свою уверенность в том, что члены чеч. нац. сов. не были осведомлены об этом наступлении. В распоряжении наступавших была и артиллерия—пробоина от снаряда в крыше станичного правления. По Грозному же в момент нападения на станицу, стрельбы не было. Романовцы просили разрешения у нач. гарнизона итти в наступление на аул Алды, но последний ответил, что до получения приказания от рев. штаба не может дать разрешения. Окопники пошли в наступление без разрешения, которое имело не серьезный характер, всего они потеряли 2 человека убитыми и 6 было ранено. Все же следственной комиссии удалось устроить свидание с представителями чеченцев в исторической местности «Курган». Здесь члены следственной комиссии были встречены членами нац. совета, окруженные толпой в 200—300 чел. Члены нац. совета живо заинтересовались работой с'езда. Среди них были б. член госуд. думы Альдерханов и студент Чуликов. Я сказал, что перед с'ездом стоят два кардинальных вопроса: власть и земля, говорит Бичерахов. Это удовлетворило чеченцев и они заявили, что с'езд стоит на правильной платформе. Во время переговоров под'ехал в сопровождении всадников известный чеченский социалист Али-Мигаев. В прочувствованной приветственной речи Мигаев вспомнил, что отец его понес тяжелую кару при царизме за свои убеждения, о том, что теперь только чеченский трудовой народ начинает отмежевываться от своих верхов, но что необходимо, чтобы эта классовая борьба скорей выявлялась и отмежевание закончилось. Собралась к концу беседы толпа чеченцев в 700—800 чел., причем фанатики схватывались за винтовки, чтобы покончить с делегацией, но Мигаев нагайкой бил нещадно таких фанатиков. Да и на обратном пути в Грозный комиссии, не раз чеченцы выскакивали из кустов и брали винтовки на изготовку, но чеченцы, охранявшие делегацию, предотвращали выстрелы. В чеченских аулах нередко перестрелки между партиями войны и мира. Последняя имеет большой успех и должна была, по словам Бичерахова, победить. Следственной комиссии удалось войти в связь с дагестанцами, которые с почетной делегацией во главе с Шейх-Узун-Хаджи и регулярными войсками прибыли в Чечню для восстановления полного порядка, спокойствия и твердой власти в ней, в Ингушетии и по возможности на всей территории Терской области.

Замечательно, что окопники—казаки не хотели пропустить обратно из Грозного следственную комиссию. Комиссия ознакомилась с положением военно-пленных чеченцев в Грозном. Найдя пленных в сы-

рой и холодной тюрьме, при невозможном питании и среди них стариков и беременных женщин, комиссия просила у с'езда об облегчении их неволи и об освобождении старцев и женщин. К тому-же в тюрьме начался сыпняк. Далее из доклада видно, что чеченцы обстреливали г. Грозный из старых орудий крепости Ведено. Обстреливают чеченцы станицу Гребенскую и Щемиловку. Хотя эти снаряды не разрываются, но станичники нервничают и стреляют из ружей. Эта перестрелка помешала комиссии выехать для перегеворов с представителем Шейх-Узун-Хаджи на Курган.

Докладчик делает выводы о том, что видимо как у чеченцев, так и у казаков нет власти. По мнению докладчика, будто бы нет нужды в посылке новых мирных делегаций на Сунжу, ибо эту делегацию там встретят с бранью, даже изобьют. По заключению комиссии надо послать на Сунжу дисциплинированные заслоны. Не достигли никаких результатов разосланные комиссией воззвания ко всем казакам и военно-революционным советам на Сунже. Вековая вражда чеченцев и казаков является плодом земельного неустройства. Обиженной стороной являются чеченцы. Только на этой почве об'ясняются постоянные грабежи со стороны чеченцев. Если Пятигорскому с'езду удастся благополучно разрешить земельный вопрос, то будет вырвана с корнем почва хищнических набегов чеченцев».

Далее в воззвании говорилось, что при разрешении этого вопроса должно быть полное представительство на с'езде от чеченского народа—до 150 делегатов. Между тем на с'езде всего один делегат. Происходит это от того, что чеченцам со всех сторон закрыта дорога. Поэтому комиссия обращается с горячим призывом ко всем казакам и гражданам Сунжи—не иметь препятствий к проезду чеченских делегатов.»

Свой доклад Бичерахов заканчивает словами: «Полный развал. Власти нет. Командует улица». После ряда вопросов докладчику— выносится резолюция о немедленном телеграфном распоряжении об освобождении всех пленных, выдаче трупов, прекращении стрельбы с обеих сторон. За неисполнение распоряжения виновные будут преданы военно-революционному суду.

Затем с'езд переходит к продолжению обсуждения вопроса о власти. Андреев говорит, что проект после первого обсуждения был передан в специальную комиссию с представителями всех фракций. Проект в общем приемлем за исключением системы выборов в органы власти—«четыреххвостки».

С'езд проект принимает.

Признание власти Совнаркома. Затем с'езд снова возвращается к вопросу о признании власти Совнаркома. Тов. Каршинский от имени фракции иногородних вносит предложение в виду неясности в положении о власти признания с'ездом власти Совнаркома, внести поправку: Терский Народный комиссариат—высшая исполнительная в области власть, подчиняется Совнаркому. Представитель Кабарды т. Ахохов просит от имени всего народа голосовать этот вопрос. Тов. Данилов обвиняет в этом пропуске соц. блок, который (очевидно меньшевики и с.-р.) «все время хочет это замазать». Такое явление—разоблачение «соглашателей» вызывает отповедь т. Маршака, представителя меньшевиков. Он говорит, что фракция соц.-демократов выступает не для того, чтобы разжигать партийные страсти и удовлетворять свое партийное самолюбие, а для того, чтобы еще раз подолгу револ. совести предупредить, опьяненных угаром мнимых побед, что близко горькое тяжелое похмелье. Нависла угроза наступления европейской реакции, готовой уничтожить наши завоевания. Слабнут надежды на скорое выступление западно-европейского пролетариата: безработица и обнищание ослабляют наши позиции. Тот факт, который вы собираетесь принять, внесет раскол, отметет от вас широкие массы народа. Вы лишаете широкие городские круги избирательных прав и тем подрываете доверие к народной власти. Вы будете вводить систему террора, смертную казнь, подавлять свободу слова, собраний и печати и вы останетесь в одиночестве, опираясь не на народ, а на штыки. Вы будете пытаться повторить несвоевременные и неудачные социальные опыты, уже приведшие к краю гибели наше народное хозяйство и промышленность. Действительная власть будет принадлежать безответственным вооруженным организациям, которые давят на Советы и в случае неподчинения—распуска-

ют советы. Демократический строй идет к уничтожению, водворяется власть комиссаров и чиновников. Мы считаем, что необходимо сохранение единого революц. фронта, что необходима усиленная совместная практическая работа. Но все последствия признания т. н. Советской власти, которые мы предвидим, могут уничтожить все плоды нашей работы.

С'езд не дает ему закончить криками: долой, долой!

Но он продолжает, заявляя, что не боится шума, что он только год тому назад выпущен из тюрьмы, не потерял опыта нелегального работника, об'являет, что соц. блок не берет на себя все гибельные последствия акта признания власти Совнаркома и будет потому при голосовании воздерживаться.

После этого член президиума с'езда т. Белячков призывает признать власть комиссаров. Т. Фигатнер указывает на противоречия в словах меньшевика Маршака; последний-то говорит об едином фронте, то грозит отторжением. В момент грозной опасности должен быть единый фронт, единая власть. При появлении на кафедре эс-эра Мамулова в зале подымается сильное возбуждение. Белячков требует проверки полномочий Мамулова, мандат последнего оглашается. Мамулов дипломатично начал свою речь обращением к с'езду сделать «политический блеф» некоторых групп—голосовать за Совнарком, но тут-же говорит о своем глубоком убеждении, по 17-ти летнему наблюдению жизни Терской области, что будто-бы в Терском крае нет благоприятных условий для создания власти комиссаров, что будто-бы в горах, где нет даже азбуки, Советская власть «не может найти ни твердой почвы, ни поддержки». Пример—во Владикавказе и Грозном—безответными бандами были разбиты советы, а в горах, на ряду с советами, создались другие организации—рев. штабы, дискредитировавшие в глазах населения власть. Сделав такой характерный эс-эровский поход, Мамулов заканчивает свою речь заявлением о необходимости избрания всероссийской учредиловки, органа, который, по его мнению, мог-бы «зафиксировать все завоевания и способствовал-бы закреплению их в сознании народа и воспитал не одно потомство и сделал бы их неот'емлемыми».

Т. Мельконян призывает немедленно приступить к голосованию вопроса о признании власти. Откладывать этого решения нет оснований, так как еще 27 февраля было вполне определенно заявлено, что это голосование откладывается только до решения земельного вопроса, а последний уже решен. Наконец, после долгих мук, вопрос о признании власти Совнаркома ставится на голосование и торжественно принимается большинством 220, при 22 против и 44-х воздержавшихся. Собрание бурно аплодирует. Вносится предложение отметить часы и минуты разрешения такого важного вопроса. **11 час. 35 мин. дня 4 марта 1918 г. Этот знаменательный день должен быть внесен в революционный календарь Терека.**

Принимается предложение о посылке телеграммы председ. Совнаркома т. Вл. И. Ленину и т. Антонову, уполномоченному по борьбе с контр-революцией в Ростове на-Дону.

Далее следовало заслушание стоявшего на очереди дня доклада секции по упорядочении транспорта (докладчик т. Соколов). Далее заслушано было горячее приветствие т. Корхмасова, представителя Дагестана.

Правильно указав на то, что трудовому народу «с буржуазией итти не по дороге, в виду того, что интересы трудового народа не сходятся с интересами буржуазии», он сказал, что Октябрьская революция приветствуется трудовым народом Дагестана, и т. к. Терско-Дагестанское правительство ничего не дало трудовому народу, то Дагестанский исполком уже отдал приказ о том, что «отныне он не признает» этого правительства. Под шумные аплодисменты т. Кархмасов заканчивает свою речь словами:

— Дагестанский народ приветствует все лозунги, провозглашенные вами и отныне пойдет в тесном единении с вами, тогда здесь у нас восторжествует великая русская революция.

Работы с'езда близятся к концу. Член Нарсовета т. Буачидзе обращается к с'езду с речью, в которой просит в заседании 5 марта выбрать представителей, согласно положения, принятого на с'езде об организации власти депутатов в новый народный совет. Всех депутатов предположено иметь в народном совете 63 чел., по расчету 1 депут. на 25 тыс. населения.

Места эти распределены были следующим образом: от кабардинцев—7; осетин —8; казаков—10; балкарцев—2; иногородних—14; чеченцев—14; ингушей—3; кумыков—1; железнодорожников—2; почтово-телеграф.—1. К группе иногородних при выборах присоединен соц. блок.

Трамов, представитель Кабарды, говорит, что по последней нар. переписи кабардинцев насчитывается не 180, а до 300 тыс. С'езд постановляет по получении точных сведений пропорционально увеличить представительство, также увеличить группе иногородних число депутатов на 1 чел.

Тот-же т. Буачидзе подымает вопрос о переезде с'езда во Владикавказ, по вполне понятным причинам—как в областной центр. С'езд принципиально высказывается за необходимость и желательность переезда, вопрос-же о назначении дня и часа переезда переносится на 5-е марта.

Без прений с'езд соглашается переехать во Владикавказ. Все группы из'являют согласие. Т. Пашковский предлагает выехать в 7 час. утра, чтобы прибыть днем. Тут выясняется, что почти вся казачья фракция разбежалась—кто отозван, кто уехал самовольно, главное—разбежались казаки Пятигорского отдела. Предложение отсрочить от'езд, известив станицы и села о «бегствах» их делегатов, отклоняется, а это поручается народному совету.

Далее с'ездом было заслушано оглашенное т-м Сапроновым, представителем комиссии по борьбе с контр-революцией, приветствие Северной армии. В приветствии представителей трудового народа Терека «братьев единой крови» говорилось, что разогнанные банды Каледина «рыскают, как голодные волки в лесу, не находя нигде себе покоя». Стараясь пустить зачатки своей пагубной работы среди кавказцев, эта банда прорывается сюда, она жаждет власти, чтобы взять весь трудовой народ в свой бронированный кулак и ввести такую дисциплину, которая царила при кровавом Романове. Часть калединских банд сражается в рядах германских войск против укрепившихся пролетариев Северной армии. Сопронов призывал от имени революц. войск Северного фронта бороться с бандами, гнать их и не давать быть среди трудового народа.

После заслушания приветствий, были оглашены председателем кандидаты в депутаты в Терский Народный Совет, намеченных от следующих групп и народностей. От кабардинцев: 1) Калмыков, 2) Бозиев, 3) Лукожев, 4) Шекехачов, 5) Ахохов, 6) Молов и 7) Канкулов. От балкарцев: 1) Эпеев и 2) Настуев. От иногородних (соц. блока): 1) Пашковский, 2) Буачидзе, 3) Сахаров, 4) Бабков, 5) Элердов, 6) Мамсуров, 7) Карпинский, 8) Ратнер, 9) Ситник, 10) Гвоздецкий, 11) Богданов, 12) Фигатнер, 13) Бутырин, 14) Андреев и 15) Сорокин. От казаков: 1) Шепелев, 2) Рогожин, 3) Шабунин, 4) Чаплыгин, 5) Игнатенко, 6) Данилов, 7) Дьяков, 8) Кудрявцев, 9) Сомов и 10) Петренко. От осетин: 1) Такоев, 2) Наскидаев, 3) Кубалов, 4) Гостиев, 5) Кадагов, 6) Касаев, 7) Бутаев и 8) Токаев.

Сессия закрывается.

Воззвание Моздокского Казаче-Крест. Совета к Сунженцам.

Станичники-Сунженцы!

Когда отряды кубанцев разбивают красноармейцев на голову под Невинномысской и занимают ее; когда отряд ставропольцев и Алексеева с Деникиным гонят красноармейские стада, сгоняя их в общее стойло—Пятигорск; когда красноармейцы мечутся из стороны в сторону, видят свою гибель и для поднятия духа в состоянии лишь расстрелять того или иного несчастного безоружного, случайно оказавшегося в руках этих зверей; когда красноармейцы очертя голову бегут, не зная сами куда, ибо в России уже немного мест, где еще царят банды; когда красноармейцы вкупе с ингушами разбивают татарский хутор, бомбардируют Сунженскую станицу и сгоняют опять-таки в содружестве с ингушами, станицы Тарскую, Сунженскую, Акиюртовскую с насиженных мест; когда красноармейцы осаждены повсюду и боевые припасы у них на исходе; когда у казачества и крестьянства Терской области силы растут и растут; когда на-днях братская рука кубанца, изгнавшего уже от себя бандитов красноармейцев, пожмет руку Терского казака и крестьянина, борющегося с теми-же бандитами, и дело

грабительства бандитов красноармейцев погибло; когда снаряды и патроны, пулеметы, винтовки у Терских казаков и крестьян есть и прибывают от Бичерахова; когда сам Бичерахов не за горами и громит красноармейцев, то спрашивается, станичники-сунженцы, о которых уже говорят, что вы пристали к красноармейцам, спрашивается: лучше-ли иметь дело, с умирающей Красной армией или с усиливающимся казаком и крестьянином, вашим братом. Казаки-сунженцы! Вы хватаетесь за холодеющую от дыхания смерти грязную руку красноармейцев, которые сами хотят вашей помощи, а не помогать вам! Вы тормозите своими соглашениями с красноармейцами дело трудового казачества и крестьянства и тем идете к собственной гибели, ибо умирающая Красная армия вас потянет за собою. Станица Государственная также, как и вы, изменила своим братьям и пошла за бандитами; а ныне ее душат их же союзники ингуши, ранее бившие вас вкупе с теми же красноармейцами и желающие на вашей-же слабой шее выехать.

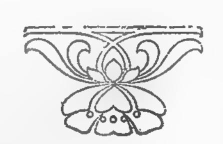
Станичники! Ваше спасение в усилении мощи трудового казачества, а не Красной армии. Ваше спасение в том, чтобы всеми силами поддерживать казаче-крестьянский совет, организующий силы казаков и крестьян; ваше спасение в общем марше с кубанцами и отрядами, борющимися за учредительное собрание!

Казаче-крестьянский совет протягивает вам братскую руку и зовет на с'езд, собирающийся 25 сентября нового стиля сего года в городе Моздоке.

Идите к нам и усильте ряды возрождающейся казаче-крестьянской силы и с отвращением оттолкните обагренную кровью казаков и крестьян, красноармейскую длань. Не у умирающего красноармейца в руках секрет вашего спасения, а у возрождающейся мощи трудового казачества и крестьянства.

Да здравствует единый казаче-крестьянский фронт!

Моздок, 21 сентября 1918 г.



К военному обзору.

Утверждаю.
Беленкович.
19-23/VII—18 р.

Копия.
Секретно.

ПРИКАЗ
по войскам Северо-Западного фронта
№ 11.
23 июля 1918 года.

Завтра 24 июля сего года, в половине шестого утра приказываю выступить для занятия ст. Солдатской.

Мы будем двигаться тремя колоннами.

1-я колонна—начальник т. Ильин.

Конный отряд тов. Ильина при 5 пулеметах, 2 полевых орудиях и 1 Ессентукская рота пехоты.

2-я колонна—начальник т. Сперанский.

Состоит из рот: 3-й и 1-й полуроты 4-й роты, при 2-х пулеметах ессентукских и 2 пулеметах Терского Совета (всего 4) и 1 батареи, конный отряд Лазарева и кабардинцев 30 человек, к нему преданных.

3-я колонна—начальник командир 2 роты т. Цируль.

Состоит из рот: 2 роты и 2 полуроты 4 роты при 4-х минераловодских пулеметах, отряда Кавармии Кавунова и Черевкова и 2-й батареи.

Начальнику броневого поезда запастись достаточным количеством снарядов и проверить вспомогательный поезд. Двигаться, имея впереди платформу с балластом.

Отряду т. Ильина двигаться со стороны станицы Старопавловской по направлению мельницы Зимина, имея связь с левее идущим отрядом т. Сперанского.

Отряду т. Сперанского двигаться с правой стороны ж. д. на две версты от насыпи, имея связь с правым отрядом тов. Ильина.

Отряду т. Цыруля двигаться левее полотна жел. дор., имея насыпь дороги на две версты от себя правее, производя постоянную конную разведку в лесах Невольки.

Всем командирам отрядов следить, чтобы люди ни коим образом не смыкались к полотну жел. дор. Всем командирам отрядов высылать по 3 всадника к начальнику броневого поезда для связи.

Цель наступления—занятие ст. Солдатской. Сведения о противнике: 4 орудия, 4 пулемета и малое количество патрон. Одно орудие в ст. Солдатской, одно орудие левее ст. Солдатской, два орудия у мельницы Зимина, пулеметы в станице и на ст. Солдатская.

После наступления наш аэроплан бросит несколько бомб в ст. Солдатскую.

Наш тыл обеспечивается двумя миноносками при 4 пулеметах и 2 скорострельных орудиях.

Санитарному поезду выехать вслед за броневым.

Все донесения и сведения направлять в броневой поезд. Как те, так и другие должны быть строго проверены. Донесения и сведения безусловно должны быть письменные. Патроны получать из вагона при санитарном поезде.

Приказ сей по прочтении и уяснении надлежит уничтожить.

Комвойск Северо-западного фронта
(подпись неразборчива).

Начальник штаба (подпись неразборчива).

Ад'ютант по строевой части **Жигалкин.**

Копия.

В Терский Народный Совет.

Захват Прохладной явился для меня решительно неожиданным событием. Еще в 5 часов утра существовала связь, а часа через три мне донесли о прекращении телеграфного сообщения. В этот момент в моем распоряжении находилось 9 человек,

ибо все, что имелось, было отправлено накануне на помощь Прохладной. Случайно на Святокрестовской линии находилось нечто похожее на броневик. Из штаба Кальника (неразборчиво) я затребовал и вместе с ним отправился вплоть до Прохладной, при чем на пути захватили еще несколько экстренно бегущих товарищей, следовавших, по их словам, за фуражем в Георгиевск. От них я узнал историю прохладненского сражения. Хотел было ворваться с имевшимися у меня силами в Прохладную, будучи уверен в том, что войска, выступившие из Прохладной, остановились на своих прежних позициях. Все-же с «моими силами» в Прохладную не ворвался и как потом выяснилось, войска, действовавшие с вашей стороны, не остались у Прохладной, а вошли прямо в станицу для непосредственной защиты Народного Совета.

Продемонстрировав у Прохладной и вызвав обстрел со стороны противника, мы покинули раз'езд Морданово и медленно начали отходить к Георгиевску, а на ночь вовсе отправились в Георгиевск. И там действовали в течение нескольких суток, в первое время, за отсутствием сил, с коими можно было-бы резвернуть фронт. При чем каждое утро мы находились все ближе и ближе к Георгиевску. Казаки в своих бюллетенях беспощадно врали о больших боях на линии Прохладная—Солдатская, а пойти далее Солдатской струсили, как видно наученные старым опытом. Я же за это время положил достаточно сил и ныне развернулся фронтом на неприступной позиции по реке Куре, при чем в моем распоряжении в настоящее время не 9 человек, а около 2000, при 8 орудиях. Из них по два расположено на флангах и 4—на броневике, и 500 человек кавалерии. Весь отряд технически оборудован и, единственно, в чем мы нуждаемся —это патроны и обмундирование. С патронами картина такова: у каждого бойца на руках по 100 патронов и неприкосновенного запаса—50.000. Больше нет и добыть решительно неоткуда. В настоящий момент занят расчисткой тыла: станицы, близ лежащие к фронту, разоружаются включительно до ножа. Станицы: Марьинская, Зольская, Старопавловская, лежащие впереди фронта, заняты нашими раз'ездами. Установлена связь с Кабардой и мною отправлено туда с т. Калмыковым оружие. По докладу т. Калмыкова там спешно формируются войска. При чем план таков: Кабарда поставляет исключительно всадников. Разделяется на три колонны. При чем задача первой колонны—удар на Котляревку; второй—на Прохладную и третий—на Солдатскую, связавшись со мной. Поскольку удастся настоящая операция—покажет будущее. Я-бы ударил в лоб противнику, но отсутствие связи и общности плана с вами, временно меня удерживает. Требую немедленно дать самые подробные сведения и указания: где туземцы, где Егоров, вообще—фронт, линия боевых действий. Или таковые с вашей стороны вовсе приостановлены и тогда я начну активные действия.

В моем отделе все спокойно. На севере Кавказская и Тихорецкая захвачены алексеевскими бандами. Ставрополь и ныне в руках генерала Уварова, ныне военного губернатора Ставрополя и пр. и пр.

Весь этот мусор, в случае нажима советских войск, потечет на Терек. Пора перестать сантиментальничать. Необходимо во что-бы то ни стало ликвидировать бандитские гнезда. Положение таково: или мы, или они. По имеющимся сведениям ближайшая задача противника—обход и захват Георгиевска. Противником стянуто в районе Солдатской яко-бы до 5.000 человек. Сам Георгиевск ничего ценного для нас не представляет, ибо все огнестрельные боевые припасы поставлены на колеса. Активные действия с моей стороны во многом зависят от вашего ответа на данный доклад. А также имею сведения следующие: в ст. Архонской идет спешная мобилизация противника. В Червленной был недавно аэроплан—посылали-ли? В Моздоке строится броневой поезд и исправлены пути. Восстановлена платформа «Интернационала». В момент захвата Прохладной казаками перебиты красноармейцы. К черту всякие доклады. Пошел в наступление. Вперед, победа и революция.

Беленкович.

24 июля 1918 г.
Г. Георгиевск.

Копия.

В ТЕРСКИЙ НАРОДНЫЙ СОВЕТ.

Военкому Бутырину, комвойск Егорову, наркому Шляпникову и Орджоникидзе, вокзал штаб Полоцкому.

Доклад № 2 на 29 июля 1918 года.

25 июля мы двинулись в наступление

с реки Куры, причем наступление было очень удачное: была занята Солдатская и далее раз'езд Марданово. В рядах противника наблюдалась паника и поспешная мобилизация сил с Моздока. 27 противнику удалось обойти нас с лева и мы вынуждены были отойти на старые позиции, т. е. на р. Куру, где и ныне расположены фронтом. Казаками отчаянно испорчен путь. Потери с нашей стороны сравнительно не велики: 8 человек убиты и человек 60 раненых. Отступление произведено и в полном порядке. По имеющимся сведениям противник стянул большие силы, численностью до 3½ тысяч человек и готовится нанести мне удар. Мои силы исчисляются в 1½ тысячи, причем в отношении патронов положение по старому: боевые расходы удалось пополнить. Все бы ничего, но вот картина тыла такова: Тихорецкая, Кавказская, Ставрополь и Армавир после больших боев заняты Алексеевым. Ростовский фронт отрезан и никаких сведений о нем не имеется. У наших на этом фронте полное отсутствие патронов и снарядов. Некоторые части отступают. Противник идет по пятам и как видно, его задача соединиться с нашим противником. Положение критическое. И как видно, на этих днях я со своими войсками, а также части, идущие от Армавира, будем зажаты в плотное кольцо. От нас зависит многое. Вы должны дать определенный ответ: двинете ли туземцев и откроете ли путь для соединения? Если да, то положение улучшится. В противном случае я буду стоять до последнего момента, а затем попытаюсь прорваться от Святого Креста на Астрахань походным порядком. Все имущество придется сжечь. Но и здесь уже в Благодарненском отделе оперирует Шкуро.

Итак, я думаю для вас всех товарищей ясно общее положение дела и ваша обязанность оказать нам помощь. А за нами дело не станет: мы погибнем, если это понадобится. На моем фронте положение спокойное, но вокруг надвигается беспросветная тьма. Это говорит вам Беленкович продумав и взвесив все. Да к тому же я никогда не состоял, как и вам известно, комиссаром паники. Сделайте же что-либо или вас раздавят. По сравнению с тем, что двигается вы—маленькая частица, на которую набросятся все, у кого имеются зубы. Если удастся прорвать Прохладную, мы соединимся. Примем к себе отступающих и тогда еще поговорим с врагом. Сегодня пролетал со стороны Прохладной аэроплан и бросил несколько бомб на Георгиевск. И теперь я не уверен в том, что и у вас все кончено. Если это не так, пришлите мне ряд подробных указаний и приказаний, а также денег. Таковые отсутствуют во всем округе. В Москве произошло кошмарное восстание левых эсеров против Советской власти. Ими убит германский консул граф Мирбах с целью возобновления войны с Германией. Муравьев, как член партии поддержавший восстание, застрелился. Восстание подавлено. Как реагирует на все это Германия пока не выяснено. Наши враги в связи со всем изложенным на всех фронтах, готовятся поглотить нас. В отделе выжидательное спокойствие. Все насторожились. Сам я как видно догораю последним огнем—уморился. Но все бы пустяки, если бы не тесное кольцо, надвигающееся вокруг.

Прощайте товарищи.

Просьба—если не придется мне соединиться с вами, не оставляйте моих товарищей по отрядам.

Все же я еще верю и надеюсь.

Через летчика вы дадите мне ответ.

Беленкович.

28 июля 1918 г.

Г. Георгиевск.

Копия.

ПРИКАЗ

Северо-Кавказского краевого военного совещания.

№ 1.

26 июля 1921 г. Г. Ростов на-Дону.

О помиловании всех добровольно сдающихся бело-зеленых отрядов.

Разбив за время гражданской войны армию врагов трудового народа белогвардейских генералов, поддержанных капиталистами и помещиками всего мира, рабоче-крестьянская власть получила возможность приступить к восстановлению разрушенного народного хозяйства и мирным трудом побороть нужду, холод и голод, испытываемый трудящимися России.

Но разбитые в открытом бою, враги трудящихся все еще продолжают свои безумные попытки сорвать великое дело трудовой России.

Крестьяне и казаки:

Вы должны отдать себе полный отчет, куда ведут вас белогвардейские агенты и

заговорщики своей кровавой игрой. Их цель—снова вызвать в измученной стране беспорядок и разруху и таким образом через новые жертвы навязать народу призрак царя и произвол помещиков и капиталистов.

Советская власть, стоя на страже интересов трудового народа, не остановится перед тем, чтобы железной рукой беспощадно уничтожить последние остатки контр-революции—бело-зеленые банды, но она не может забыть и тех обманутых агентами капитала трудовых крестьян и казаков, по своей несознательности поднявших руку против своих-же братьев.

Для скорейшей ликвидации бандитизма и с целью дать возможность всем раскаявшимся из бело-зеленых отрядов получить прощение и вернуться к мирному труду, краевое военное совещание постановляет:

1. С сего числа об'явить амнистию всем трудовым казакам и крестьянам, обманом по своей темноте и несознательности вовлеченными в бандитские отряды, которые в настоящее время искренно раскаиваются в своих поступках и желают возвратиться к мирному труду.

2. Амнистия распространяется также и на тех главарей отрядов, которые сдадутся и приведут с собой весь свой отряд, со всем оружием и имуществом. Такие главари будут взяты на особый учет и, если в течении известного срока своим поведением докажут искреннее раскаяние в своих преступлениях, они получат полное прощение и будут восстановлены в правах гражданства.

3. Последним днем добровольной явки считать 1 сентября сего года. После указанного срока никакой пощады оставшимся в бело-зеленых отрядах не будет.

4. Отряды, желающие сдаться целиком, предварительно должны направить своих представителей в ближайший советский орган или войсковой штаб, где и устанавливаются о порядке сдачи отряда.

5. Все сдавшиеся согласно сего приказа регистрируются в ближайшем военном комиссариате, после чего получают документы на право жительства в пределах Советской Республики и особые охранные листы в целях ограждения от ареста после добровольной явки.

6. Всем председателям волостных и станичных исполкомов широко опубликовать настоящий приказ на сходах, собраниях и т. д. и расклеить его на видных местах.

7. Приказ входит в силу со дня его опубликования.

Председатель крайвоенсовещания
комвойск СКВО **Ворошилов.**
Члены: **А. Бубнов и Грушин.**
Секретарь **Беленький.**

Копия.

К НАСЕЛЕНИЮ ТЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Срок амнистии и добровольной явки скрывающихся в лесах и горах истек 1 сентября с. г.

Рабоче-крестьянская власть предоставила полную возможность обманутым, сбившимся с честного трудового пути и честно раскающихся в своей преступной работе против власти рабочих и крестьян вернуться в ряды разрушенного хозяйства.

За полуторамесячный период многие сознали свои ошибки, сделанные ими пред Совластью, покаялись и возвратились к своим семьям, получили полное прощение и приступили к мирному труду.

Но те, которые душой ненавидят рабоче крестьянскую власть, кто опозорил свое имя за время гражданской войны в глазах общества, кто продан помещикам и капиталистам, а большинство из них генералы и офицеры, которым не по нутру заниматься мирным трудом рядом с крестьянами, казаками и рабочими, остались в бандах и продолжают подлое дело против власти трудящихся, убивая революционных работников, нападая на железные дороги, грабя женщин и детей, отбирая на поле скот у крестьян и казаков.

Р. К. власть неоднократно старалась раз'яснить населению, что дело борьбы с бандитизмом находится в руках самого населения и что за халатное отношение к народному злу — бандитизму—жестоко придется поплатиться самому же населению. Но граждане Терской губернии безразлично относились к заявлениям Советской власти, а кулацкий элемент, на котором зиждется бандитизм, принимали все меры к тому, чтобы посеять рознь между рабочим, крестьянином и казаком, поддерживая бандитов материально и духовно.

Население осталось глухим к словам вождя Красной армии Троцкого, что красный каток, истребляющий контр-революционные гнезда, может остановить только само население своим сознанием» и этот

каток начал катиться 1 сентября по Терской губернии и с корнем вырвет контрреволюционные гнезда и очистит ряды трудящихся.

Советская власть железной рукой уничтожит врагов трудящихся и каждый гражданин, которому дороги завоевания революции, должен указать власти всех пособников бандитизма, дабы раз навсегда положить конец врагам народа, и быть уверенным, что в стране Р. С. Ф. С. Р. нет врагов трудовому народу.

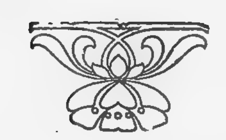
Председатель Тергубвоенсовещания
начдив 16 **Балаханов.**

Зампредгубисполкома **Шевцов.**

Губвоенком **Беленкович.**

Предгубчека **Авотин.**

Секретарь губкома **Муравьев.**



Памятник борцам пролетарской революции на Тереке.

Бюро истпарта при Тергубкоме РКП (б), по карточной системе, вносило на карточки из имевшихся в его распоряжении материалов сведения о товарищах, погибших за дело коммуны и за Советскую власть на Тереке за время пролетарской революции. Значительно сбору этих сведений помогли также работа т.т. зав. истпартовскими ячейками при Пятигорском укоме т. П. Седова и при Прикумском укоме—т. Серебрякяна, по Георг. у.—т. Осташевского, также данные, поступившие от т.т. Гр. Поддубного, Бригянского (из Кисловодска) и Бородыня (из Мино. Вод). Список наш составлен на основании карточек, подобранных в алфавитном порядке. Этот список, конечно, далеко неполный, сведения помещенные в них часто довольно кратки, нет подробностей гибели того или другого т., подробных биографических данных, точных дат, имен и отчеств и т. д. Поэтому бюро истпарта убедительно просит читателей «Сборника» доставить дополнительные данные о павших на Тереке товарищах и внести коррективы и дополнения в предлагаемый их вниманию список для помещения во 2-м вып. нашего истпартовского «Сборника».

1. **Адитакс, Георгий,** чл. РКП, уполн. Тергубчека, стойкий, честный и преданный делу революции товарищ. Убит в числе 29 чел. бандитами на 9 версте от Георгиевска, по Прикумской ветки (сообщ. т. Поддубный) июля 1921 г.

2. **Ананьев,** команд. эскадрона, наход. на продработе в ст. Александрийской. Убит бандитами казаками наповал в ст. Александрийской (Осташевский).

3. **Андреев,** чл. РКП (б), военком 83 пехотной бригады, будучи весной 1922 г. командирован с отрядом в район села Обильного на операцию против бандитов, остался на несколько часов по делам службы в г. Георгиевске и не поехал вместе с отрядом. Закончив свои дела, т. Андреев поехал один в село Обильное. Не зная местность, он сбился с дороги и попал в другое село; его поймали там бандиты и стали издеваться над ним. Били его плетьми, а потом повели голого в ближайший лес и там уже—они изрубили его шашками, труп сожгли на костре. (Осташевский).

4. **Багов Яков,** чл. РКСМ, ст. Старопавловской, убит в районе Старо-Марьинской во время боевых операций против белой банды 10 сентября 1922 г. (Протокол дознания).

5. **Балашев,** кандидат РКП (б), милиционер станицы Свободной, при захвате станицы Свободной бандитами был взят в плен и зверски расстрелян. (Осташевский).

6. **Бахмутов, Василий,** чл. РКП (б), нач. районной милиц., в 1921 г. в бою с бандой под ст. Старо-Марьинской был убит летом. (Осташевский).

7. **Бахмутов Василий,** чл. Марьинской комячейки, убит в борьбе с бандитами в 1921 г. 15 мая, при стычке в Марьинском лесу. (Восп. Гарковенко).

8. **Белый Федор,** канд. РКП (б), милиционер ст. Урухской; находясь на операции против банд был убит в январе месяце 1923 г. (Асташевский).

9. **Белов,** чл. РКСМ, секретарь ком'ячейки ком. молод., весной 1922 г. был убит в бою с бандой в окрест. ст. Старо-Павловской. (Осташевский).

10. **Богомолов,** канд. РКП (б), работник ст. Свободной, при занятии станицы бандой был взят в плен и зверски расстрелян. (Осташевский).

11. **Бондаренко, Иван,** канд. РКП (б), рядовой рабочий, убит бандой Мордачева при ночном налете летом 1922 г. на ст. Александрийскую. (Осташевский).

12. **Бондаренко,** чл. ком'яч. Александрийской ст., убит во время налета на ст. банды 28 мая 1922 г. (Воспом. краскома Погорелова).

13. **Бураков,** чл. тов. суда, красноармеец, убит в Св. Кресте ворончаками. (Серебрякян).

14. **Васильев,** чл. РКП (б), Кисловодск. орган., пред. Кисловод. совпрофа, замучен в одиночке Бичераховской бандой в 1918 г. (Бородыня).

15. **Веролюбов, Георгий,** комендант Пятокрчека чл. РКП (б), убит в Пятигорске на Красной Слободке бандитом Амосовым в апреле м. 1921 г (Поддубный).

16. **Волошин, Федор,** чл. РКП (б), волпродинспектор и секретарь ком'ячейк. в ст. Подгорной, летом 1922 г. был окружен в своей квартире бандой Марченко и там расстрелян и изрублен. (Осташевский).

17. **Галатов, Василий,** чл. ячейки РКСМ, в Георгиевской станице, убит бандитами в 1921 году. (Анкета ком'ячейки).

18. **Галатов,** чл. РКП (б), летом в 1921 г. на огородах в ст. Георгиевской зверски был зарублен. (Осташевский).

19. **Галдобин,** красноармеец, убит 28 ноября 1918 г. ворончаками. (Серебрякян).

20. **Горьковенко,** в ст. Марьинской, расстрелян в 1919 г. (Восп. Поплутина).

21. **Гацуц, Тимофей,** канд. РКП (б), рабочий, был захвачен в плен бандой Мордачева в ст. Обильной в лесу и был зверски расстрелян. (Осташевский).

22. **Ге Ксения,** повешена вместе с мужем в Кисловодске в 1919 г. (Бригинский).

23. **Герасименко,** чл. ком. ячейки ст. Солдатской, расстрелян в 1919 г. (Восп. Лукина).

24. **Голоусенко Петр Дмитриевич,** канд. РКП (б)работник коммуны «Пробуждение», в 1921 г. был захвачен в плен и был зверски казнен. (Осташевский).

25. **Гордеев, Борис Андреевич,** подпольный орган. чл. РКП (б), на Сев. Кавк. послан Бакинским комитетом РКП (б) в г. Грозный и зарезан зверски, после ареста в Грозном. (Волков).

26. **Григорьев В.,** красноармеец, повешен в г. Кисловодске в 1919 г. (Бригинский).

27. **Григорец, Спиридон Васильевич,** 1-й пред. Свято-Крестовского уисполкома, считавший себя эсером. расстрелян 28 июня 1918 г. в г. Св. Кресте ворончаками. (Серебрякян).

28. **Гулай Иван,** организатор красных повстанцев, убит в камышах в 1919 г. (Воспом. т. Максимова «В тылу у белых).

29. **Давыдов,** чл. РКП (б) Московск. орган., в 1903 г. замучен в одиночке в Екатеринотрадской тюрьме, каторжник эмигрант—рабочий металлист. (Бородыня).

30. **Дорошевич,** чл. РКП (б) пред. Моздокского совдепа, расстрелян в Екатеринотрадской тюрьме в 1918 г. (Бородыня).

31. **Демиченко,** расстрелян в г. Кисловодске. (Бригинский).

32. **Дериколенко,** повешен за службу в милиции в 1919 г. в Кисловодске. (Бригинский).

33. **Дороганов, Василий Н.,** комис. ст. Марьинской, убит из за угла бандитами в 1918 г. (Восп. Поплутина).

34. **Дороганов, Д. П.,** расстрелян в ст. Марьинской в 1919 г. (Восп. Поплутина).

35. **Дуплин, Павел Иванович,** основатель ком'ячейки ст. Александрийской в 1918 г., умер от тифа. (Восп. Козачкова).

36. **Дюкарев, Петро,** чл. РКП (б), рядовой рабочий, летом 1922 г. в ст. Подгорной был зверски зарублен. (Осташевский).

37. **Дьякова, Александра,** мать коммуниста ст. Марьинской, была убита бандитами Агоева в 1918 г. (Восп. И. Дьякова).

38. **Евдокимов,** секретарь Минераловодского совдепа в 1918 году, расстрелян в Мин. Водах контр-разведкой, чл. РКП (б) 1917 года. (Бородыня).

39. **Евсейченко, М.,** чл. ком'ячейки ст. Солдатской, расстрелян белыми в 1919 г. (Воспоминание Лукина).

40. **Ефремов,** член РКП (б), демобилизованный красноармеец, по дороге в село Солдатско-Александровское был захвачен бандитами в плен в лесу (Сафоновском), повешен и сожжен на костре. (Осташевский).

41. **Эмиров,** матрос, повешен в 1919 году в Кисловодске. (Восп. Бригинского).

42. **Залевский, Иосиф,** член. РКП (б), рядовой работник, будучи ночным часовым секрета отряда ЧОН, находящегося в облаве в районе ст. Ново-Павловской, осенью 1921 г. был убит своим-же бойцом другого секрета. (Осташевский).

43. **Займов, А. М.,** повешен в Кисловодске за то, что одну неделю был в пулеметной команде красноармейцем. (Восп. Бригинского).

44. **Зенцов, Петр,** пред. Пятигор. окр. ЧК., чл. РКП, убит бандитами между Кисловодском и Белым Углем в августе месяце в 1920 г. (Поддубный).

45. **Зеньковский,** станицы Солдатской, студент политехникума, расстрелян в 1919 г. (Восп. Поплутина).

46. **Зеньковский,** чл. ком'ячейки ст. Солдатской, расстрелян в 1919 г. (Восп. Лукина).

46. **Зива, В.,** стан. Солдатской, повешен в 1919 г. (Восп. Поплутина).

47. **Зива, М.,** чл. презид. ком'яч. ст. Солдатской, повешен белыми в 1919 г. (Восп. Лукина).

48. **Зыков, Константин,** член. РКП (б), инструктор укома, летом 1922 г. бандой Марченко был зверски убит, т. Зыков в станице Подгорной производил из'ятие цер

ковных ценностей на помощь голодающим Поволжья. (Осташевский).

49. **Иванов, А. Л.,** убит по дороге в Ессентуки. (Восп. Бригинского).

50. **Иванов М.,** красноармеец, был повешен в 1919 году. (Восп. Бригинского).

51. **Иванов, Константин,** член. РКП (б), бывший командир уездного ЧОН. Находясь на службе в гор. Кизляре был из за угла убит ночью на улице неизвестным человеком .(Осташевский).

52. **Иваненко,** чл. Куб.-Чер. ревкома, военком Черноморского полка, при отступлении в 1919 г. убит в г. Георгиевске контрреволюционером Бобровским в 1919 г. в январе. (Восп. чл. Георг. РКП (б) Волкова).

53. **Игнатенко, В.,** стан. Солдатской, застрелился при отступлении XI Красной армии в 1919 г. (Восп. Поплутина).

54. **Искуженко, Иван Романович,** чл. РКП ст. Александрийской, расстрелян казачьей батареей при отступлении белых в 1920 г. (Восп. Мануйлова).

55. **Карапенко, В. Е.,** повешен как руководитель во время рытья окопов для защиты г. Кисловодска в 1918 г. (Восп. Бригинского).

56. **Карицкий В. Я.,** расстрелян в ст. Марьинской в 1919 г. (Восп. Поплутина).

57. **Клочков, В.,** красноармеец, повешен в 1919 г. в г. Кисловодске. (Восп. Бригинского).

58. **Козловский,** повешен за службу пом. нач. милиции в 1919 в г. Кисловодске. (Восп. Бригинского).

59. **Козлов,** побит по дороге в Ессентуки в 1919 году. (Восп. Бригинского).

60. **Котыхин, Н.,** белые бандиты отрубили голову в 1919 г. в Кисловодске. (Восп. Бригинского).

61. **Краевский,** побит до смерти по дороге в Ессентуки в 1919 г. (Восп. Бригинского).

62. **Крылов,** чл. РКП (б) предисполкома ст. Урухской, был захвачен в плен в 1921 году бандой Гурипа и зверски расстрелян. (Восп. Осташевского).

63. **Кугучков,** 15 летн. доброволец, был расстрелян в ст. Марьинской в 1919 году. (Восп. Поплутина).

64. **Кудрин Иван,** чл. РКП (б) шоффер, в 1921 году за ст. Горячеводск. был зверски зарублен. (Восп. Поддубного).

65. **Кузихин, Василий,** канд. РКП (б) ст. Старопавловской, убит в районе ст. Марьинской 10 сентября 1922 г. (Протокол дознания).

66. **Курдюмов,** чл. РКСМ, рядовой работник, летом 1922 г. бандой Мордачева при налете на ст. Александрийскую был захвачен и зверски расстрелян (Осташевский).

67. **Курдюмов,** ком'яч. ст. Александрийской, убит во время налета на станицу 28 мая 1922 года на глазах у матери у себя на дворе. (Восп. краскома Парфилова).

68. **Лебедь,** в ст. Солдатской повешен в 1919 году. (Восп. Поплутина).

69. **Лебедь Н.,** чл. ком'яч. ст. Солдатск., расстрелян в 1919 году. (Восп. Лукина).

70. **Левкин, Иван Иванович,** интернационалист, расстрелян бандой в 1918 году. (Бородыня).

71. **Леснов, Сергей Николаевич,** комис. ст. Александрийской, вместе с 17 коммунистами 28 ноября 1920 г., во время налета бело-зел. банд отстреливался 12 час., последним патроном убил себя в ст. Свободной. (Восп. чл. РКП (б) Поплутина и Козачкова).

72. **Леснов,** чл. РКП (б), военком ст. Свободной, в ноябре 1920 г. банда в колич. 100 сабель налетела ночью на ст. Свободную и окружила квартиру т. Леонова, не давшись в руки бандам, он кончил жизнь самоубийством. (Осташевский).

73. **Лейхнер, Андрей Андреевич,** жит. кол. Каррас, сов. работ., повешен 16 февр. 1919 г. по приговору военно-пол. суда. (Дело ГПУ).

74. **Линников,** повешен по приг. военно-полевого суда в Георгиевске, в марте 1919 года. (Восп. Каськовой).

75. **Лисицын,** чл. РКП (б) рядовой работник ст. Георгиевской, зимой в 1920 году банда, занявшая станицу Свободную. захватила в плен т. Лисицина и зверски расстреляла. (Осташевский.

76. **Лисицын Иван,** чл. РКП (б), рядовой работник отдела труда, зимой 1920 г. бандой занята была ст. Свободная, где был взят в плен и зверски расстрелян. (Осташевский).

77. **Литвинов,** чл. РКП (б) военком ст. Александрийской, летом 1922 г. находясь на операции против бандитов, в районе Лысогорского леса, в ст. Александрийской был убит бандой. (Осташевский).

78. **Литвинов Иван Спиридонович,** отв. секретарь ком'яч. Александрийской ст., убит бандитами во время облавы в Марьинском лесу в июне мес. 1921 г. (Восп. Козачкова).

79. **Мануйлов,** чл. РКП (б), раз'ездной инструктор укома в ст. Александрийской, был тяжело ранен в своей квартире бандитом в декабре 1921 г. и в Георгиевской больнице скончался от раны. (Осташевский).

80. **Мануйлов, Федор Максимович,** чл. РКП (б) ст. Александрийской, убит в соб. квартире бандитом Мордачевым 27 января 1921 г. (Предисполкома т. Козачков).

81. **Мартыненко, Андрей Матвеевич,** повешен на пасху в 1919 году в Св. Кресте (ныне Прикумск). (Серебрякян).

82. **Махуков, Иван А.,** канд. РКП (б), ком'яч. ст. Марьинской, убит бандитами в Марьинском лесу 10 сентября 1922 г. (Протокол дознания).

83. **Медведев, Михаил,** чл. РКП (б), командир взвода ЧОН, в ст. Александрийской бандой Мордачева был убит на улице летом 1922 года. (Осташевский).

84. **Медведев,** ком'яч. ст. Александрийской, убит во время налета банды на станицу 28 мая 1922 г. (Восп. краскома Погорелова).

85. **Мельников,** чл. РКП (б) предисполкома ст. Урухской, в 1921 году был захвачен бандой в плен и зверски казнен. (Осташевский).

86. **Михайлов Семен,** чл., РКП (б) ком. взвода ЧОН, в 1922 г. напала банда Мордачева на его отряд, поднялась паника и не давшись в руки противника, он кончил самоубийством. (Осташевский).

87. **Михайлов, Семен,** чл. ком'яч. ст. Марьинской, команд. взвода ЧОН, убит бандитами около ст. Марьинской в лесу в 1922 г. 10 сентября во время налета. (Прот. дозн.).

88. **Мовченко,** красноармеец, повешен в 1919 г. (Восп. Бригинского).

89. **Монаков Николай,** чл. РКП (б) ряд. работник, вблизи ст. Подгорной бандой был захвачен в плен летом 1922 года и зверски казнен. (Осташевский).

90. **Наливай,** чл. ком'яч. ст. Солдатской, умер от тифа в 1919 г. (Восп. Лукина).

91. **Надалкин,** повешен по приг. военно полевого суда в Георгиевске в марте в 1919 г. (Восп. Касьяновой).

92. **Парфенов, Никифор,** член РКП (б) секретарь ком'яч. села Обильного, бандой оперировавшей в районе села Обильного, был захвачен в плен и зверски расстрелян. (Осташевский).

93. **Пестряков,** инженер, повешен в 1919 г. (Восп. Бригинского).

94. **Попов, Ефим Ильич,** уряд. ст. Марьинской, ком. 3 эск. 1 Пятигорск. Сев. Кав. полка, расстрелян в 1919 г. (Восп. Поплутина и Дьякова).

95. **Пахомов, П.,** погиб безвестно в 1919 г., чл. ком'яч. ст. Солдатской. (Восп. Лукина).

96. **Русаков,** председатель Кисловодского совета, изрублен в ст. Александрийской. (Восп. Бригинского).

97. **Руть,** политком, повешен белыми в Георгиевске (на верху Казенного моста) без суда в 1919 г. (Восп. Касьяновой).

98. **Сычов, И.,** ст. Марьинской расстрелян в 1919 г. (Восп. Поплутина).

99. **Семененко, В.,** чл. ком'яч. ст. Солдатской, повешен белыми в 1919 г. (Восп. Лукина).

100. **Серебряков Т. Ф.,** стан. Ставропольской, расстрелян в 1919 г. (Восп. Поплутина).

101. **Скибо, М.,** чл. сов. ком'яч. погиб безвест. (Восп. Лукина).

102. **Скибо, Яков,** чл. Марьинской ст. ком'яч. убит в борьбе с бандитами в 1921 г., 15 июня при стычке у ст. Марьинской. (Анкета).

103. **Скибо,** кандидат РКП (б), рядовой работник, 15 мая 1921 г. в бою у ст. Старо-Марьинской убит. (Осташевский).

104. **Скляров,** убился, бросившись с третьяго этажа с балкона в 1919 г. в Кисловодске. (Восп. Бригинского).

105. **Смирнов, В.,** сотрудник для поручений Пятигор. Окр ЧК, честный и преданный делу революции, чл. РКП (б), был убит на хуторе Попова бандитами, отрублена голова. (Поддубный).

106. **Собенко, Петр,** чл. РКП (б) председ. коммуны «Пробуждение», находящейся в 12 верстах от ст. Ново-Григорьевской, в 1921 году был захвачен в плен бандитами и зверски казнен. (Осташевский).

107. **Степанов,** канд. РКП (б), курсант арт. курсов в Георгиевске, зимой 1920 г. был взят в плен бандой занявшей ст. Свободную и зверски расстрелян. (Осташевский).

108. **Столяров Иван,** рабочий ст. Ново-Павловской, расстрелян в 1918 году.

109. **Стрекоза Михаил,** чл. ком'яч. ст. Георгиевской, убит в борьбе с бандитами в 1921 г. (Анкета ком'яч.).

110. **Сухинин, Д.,** чл. Солдатской ком'яч., повешен белыми в 1919 году. (Восп. Лукина).

111. **Туманов Петр,** чл. РКП (б), расстрелян в 1918 г. (Бородыня).

112. **Тюленев,** чл. подп. орган. РКП (б) в Грозном, убит во время побега из тюрьмы 25 сентября 1919 г., пробираясь через посты в отряд Гикало. (Волков).

113. **Тюнин,** канд. РКП (б) рядовой работник в ст. Аполлонской, в сентябре 1922 г. был убит бандитами на 1-й ж. д. будке. (Осташевский).

114. **Устич, Д.,** чл. ком'яч. ст. Солдатской, расстрелян в 1919 г.

115. **Федоровский, Алексей,** краском 1 Пятигор. рев. полка, в 1919 г., расстрелян 1 апр. 1919 г. по приговору воен. пол. суда. (Дело ГПУ).

116. **Харьковский, Назар,** чл. РКП (б) с 1917 г., расстрелян в ст. Наурской в 1918 г. (Бородыня).

117. **Хирный, М.,** чл. през. ком'яч. ст. Солдатской, повешен белогвардейской бандой в 1919 году.

118. **Ходин Степан,** сторонник сов. власти 1918 г., в ст. Марьинской убит при занятии бандами в 1919 году. (Восп. Совершеннова и Дьякова).

119. **Хоменко, Гр.,** чл. ком'яч. ст. Солдатской, расстрелян бел. банд. в 1919 г. (Восп. Лукина).

120. **Хохлов, И. П.,** повешен в Кисловодске за то, что якобы был комиссаром, а он неграмотный человек. (Восп. Бригинского).

121. **Хоцевич,** был ад'ютантом в Кисловодске начальника гарнизона в 1918 г., повешен в 1919 г. (Восп. Бригинского).

122. **Чеботарев И. И.,** ст. Марьинской, 55 л. старый революционер, расстрелян в 1919 г. (Восп. Поплутина).

123. **Черкасский,** чл. РКП (б) рядовой работник артил. склада в г. Георгиевске, зимой в 1920 г. ст. Свободную атаковали бандиты, захватили в плен и зверски расстреляли. (Восп. Осташевского).

124. **Чернов,** расстрелян в Кисловодске в 1919 г. (Восп. Бригинского).

125. **Черный,** матрос, застрелен под Ессентуками в 1919 году. (Восп. Бригинского).

126. **Черноусов, Василий,** налоговой инспектор, убит в ст. Марьинской во время боевой операции против банд 10 сентября 1922 г. (Протокол дознания).

127. **Чушачков, Яков,** чл. Марьинской ком'яч., убит бандитами 15-го мая 1921 г. при ст. Марьинской. (Анкета).

124. **Чернов,** расстрелян в Кисловодске инского, убит во время боевой операции в районе ст. Марьинской 10 сентября 1922 г. (Протокол дознания).

129. **Шведков, Влас,** канд. РКП (б) рядовой работник, бандой Мордачева при ночном налете в 1922 г. был убит в ст. Александрийской. (Осташевский).

130. **Швыдков,** ком'яч. ст. Александрийской, убит во время налета банды на ст. в 1922 г. 28-го мая. (Восп. краскома Погорелова).

131. **Шепелев,** чл. РКП (б) Железноводской орг., расстрелян Бичераховским правит. в 1918 году. (Бородыня).

132. **Шеховцов, Филипп Тимофеевич,** рабочий Мин. Вод. орган. с 1917 г., погиб в Астраханских песках в 1919 году. (Бородыня).

133. **Яшпель,** чл. ком'яч. ст. Солдатской, повешен белыми в 1919 г.

Составил **Вс. Апухтин.**